

12

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ

**КЛУБ
ЛЮБИТЕЛЕЙ
ФАНТАСТИКИ**

**КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ
ФАНТАСТИКИ**

АНДРЕ НОРТОН

**ДЗАНТА
ИЗ УНИИ ВОРОВ**

**Санкт-Петербург
ЭГОС
1992**

ББК 84.7.США
Н 82

*Книга подготовлена к изданию творческо-производственным
объединением «ИЗМЕРЕНИЕ»*

Оформление художника
Н.Зубкова

Нортон, Андре
Н82 Дзанта из Унии Воров: Фантастические романы./ Пер.
с англ. СПб.: АО «ЭГОС», 1992.—336с.
ISBN 5-85476-001-0

В сборник включены фантастические романы Андре Нортон, ранее на русском языке не публиковавшиеся.

ББК. 84.7 (США)

ISBN 5-85476-001-0

© Н. Зубков. Оформление. 1992.
© АО «ЭГОС». Составление. 1992.
© Д. Павловский, И. Бузова,
Е. Воронько. Перевод. 1992.

**ДЗАНТА
ИЗ
УНИИ ВОРОВ**

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Парапсихология долгое время отрицалась как наука. Ее относили к фантастике все, кроме немногих людей, располагающих подтвержденными фактами. Преодолев барьеры насмешек и суеверного ужаса, парапсихология стала наконец предметом серьезного исследования и удивительных экспериментов.

С глубокой древности известен дар психометрии. Сегодня существует немало документов, удостоверяющих способность некоторых людей узнавать историю незнакомых им ранее предметов, входя с ними в мысленный контакт. Это явление использовал английский археолог Т. С. Летбридж, с помощью психометрии исследуя раскопы поселений и памятники культуры дороманской эпохи. Проявления психометрии и сделанные благодаря им археологические открытия описаны ученым в книге «Привидения и жезл пророка».

Я и сама являюсь свидетельницей четырех «считываний» информации с предметов человеком, наделенным талантом психометрии и развившим его тренировкой. Результаты меня ошеломили. Работа с тремя полученными из моих рук предметами дала абсолютно уверенную и подробную информацию об их истории. На четвертый раз сведения оказались более расплывчатыми, так как объект «считывания» (фрагмент античного украшения) побывал во многих руках.

В одном случае данные психометрии полностью совпали с тем, что я знала о предмете. В другом — подробное описание истории куска очень редкой и старой китайской ткани было через месяц с небольшим подтверждено экспертами. Причем я и сама до этого не знала ничего об этом предмете.

Поставленный Летбриджем эксперимент с привлечением к археологии психометриков может положить начало новой методике исторических исследований.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Массивная дверь олицетворяла собой добротность и неприступность. Набравшись решимости, Даанта коснулась своей руки, затянутой в перчатку. Энергия, заточенная умельцами в переплетенных ткани, ответила теплым покалыванием. Ей приходилось наблюдать работу с такими перчатками, но о всем спектре их возможностей оставалось только догадываться. С Яссы запросили бешеную цену даже за разовое пользование только одной перчаткой.

Даанта еще раз послала мыслемпульс через прочную дверь в коридор, просмотрев его из начала в конец. Ничего настора-

живающего, как и предвидела Энии. Глубоко вдохнув, она протянула разогретую пульсирующими иголочками ладонь и прижала ее к замку. Сейчас станет ясно, стоит ли перчатка такой кучи денег.

Бежали секунды. Дзанта облизнула пересохшие губы — похоже, Яссу все-таки надули. Эта мысль умерла, не успев оформиться: дверь начала послушно убираться в стену, открывая вход. Еще один мощный импульс через порог: вдруг на пути есть стражи, нейтрализовать которых ее не научили.

Все чисто. Высший Лорд Юкунс слишком традиционен в выборе средств защиты — они для Унии Воров не опаснее детских погремушек. Однако, переступив порог, она положила свободную от перчатки руку на пояс, богато украшенный самоцветами. В каждом из камней спрятан крошечный, но мощный детектор. Включать свет не было необходимости. Она просто опустила на лоб излучатель ночного видения. Скрывавший его богато декорированный обруч казался неотъемлемой деталью ее модного головного убора. Особым был и плащ: нажав на кнопку у ворота, она обрела невидимость. Стоимость ее сегодняшнего туалета превышала годовой бюджет населения небольшой планеты. Она выражалась в сумме, недоступной для математических познаний Дзанты.

Она вошла в большую комнату, обстановка которой вполне отвечала представлениям о роскоши, подобающей Корвару — планете удовольствий. Ее взгляд равнодушно скользнул по сокровищам — она проникла сюда лишь ради одной вещи. Дзанта плотно обернула плащ вокруг тела, чтобы не коснуться ничего в этой комнате: даже крошечная утечка энергии могла оставить след, который ее выдаст. Она проскользнула через комнату к противоположной стене. Если все получится по плану Яссы и налет пройдет чисто, Юкунс ничего не заподозрит до тех пор, пока его тайны не будут выгодно проданы.

Прибор ночного видения помогал свободно ориентироваться во мраке. К тому же она получила уже два сигнала от спрятанных в поясе детекторов. Тогда приходилось сосредотачиваться, чтобы подстраховаться мыслеуправляемыми защитными устройствами, хотя на это тратилась лишняя энергия.

Во всю стену был изображен космический пейзаж. Ей нужно было избавиться от перчатки, но не хотелось даже на секунду отрывать обнаженную руку от детекторов. Пришлось расстегивать перчатку зубами и вытерпеть жгучий укол. Освободив руку, Дзанта извлекла из-за пазухи миниатюрный диск и прижала его к одной из звезд на пейзаже. Силовой разряд больно отозвался в мозгу. Участок стены пополз вверх, открывая большой шкаф. Дзанта чуть улыбнулась: приборы, сработанные умельцами Унии, действовали безупречно. Но дальше ей предстоит полагаться только на собственные способности.

Шкаф заполняли ряды кубиков, таких маленьких, что в руке могло поместиться сразу несколько штук. В этом множестве необходимо быстро и точно найти нужные и считать с них информацию. Сосредоточившись, она приложила пальцы к кубику в верхнем ряду, потом — к соседнему, к третьему... До конца ряда так и не встретился ни один нужный, хотя все они были начинены бесценными данными. Здесь Юкунс хранит свои записи. Пусть его имущество на разных планетах теперь конфисковано и он вынужден скрываться. Но эти кубики помогут Лорду вернуть свою власть над людьми, построить еще более пышную и могущественную империю.

Есть! Из среднего ряда она достала кубик и поднесла его к голове выше обруча, точно против середины лба. Наступил наиболее опасный момент налета. Сейчас она не могла рассеивать внимание ни на детекторы, ни на свою мыслезащиту: всю энергию нужно сфокусировать на считывании. Микрозапись не содержала слов или образов, все было закодировано набором непонятных символов, которые Дзанта была обязана скопировать в памяти... Кажется, все. Вернув кубик в гнездо, она снова стала водить пальцами по рядам: Ясса предполагала, что запись может быть не одна.

Так и есть! Опять она была незащищенной, не способной к действию, пока не закончит прием информации. Но ведь мог быть и третий куб; пришлось проверить весь шкаф, чтобы убедиться, что их только два. Дзанта облегченно закрыла шкаф, стена опустилась на место. Теперь нужно исчезнуть так же незаметно и осмотрительно, как она проникла сюда. Снова плащ — вокруг бедер, снова лавирующие шаги, чтобы ни до чего не дотронуться, не оставить ни малейшего намека на след... Что это?

Она всего лишь хотела поплотнее запахнуть плащ, боясь коснуться стоящего на пути столика с дорогими безделушками. Но ткань проскользнула меж пальцев, а рука тянулась все дальше, вперед, хотя она вовсе не хотела этого. Дзанта обмерла от страха, решив, что ее кисть захвачена каким-то хитроумным силовым капканом, не обнаруженным детекторами. Нет, не то. Но ее продолжало помимо воли тянуть к столу, что-то управляло ее вниманием. Это было неведомое и пугающее ощущение. Она всегда считала свою тренированную психометрией волю достаточно сильной. Сейчас Дзанта была на грани паники: нечто на этом столике обладало более сильным зарядом психической энергии, чем даже приборы Унии. Это «нечто», словно магнит, притягивало ее.

Страх усиливался сознанием опасности того, что она задерживается на месте своего преступления. Но... Через несколько секунд оба эти чувства были пересидены третьим: жгучим любопытством к новому, непонятному, что послало ей такой мощный импульс.

Она плотнее прижала к голове обруч. На столе — шесть предметов. Неведомое животное, искусно вырезанное из цельного самоцвета. Розовый кристалл с заточенным внутри крылатым цветком с планеты Виталь Зет. Шкатулка из каменного дерева со Стирра — пустая. Головоломка из концентрических колец — такие делают только на Лизандре. Изукрашенная сапфирами корзиночка для лакомств. И среди этих драгоценных вещей — сухой комок глины, пыльный, невзрачный. Но именно он создавал поле!

Дзанта рассмотрела на этом странном здесь предмете таинственные знаки. Рука сама потянулась к ним, но тут же отдернулась, охваченная жгучим пламенем энергии. Нет, она даже не притронулась к безобразному комку: этого делать нельзя, ни в коем случае нельзя — для нее это гибель.

Торопливо обмотав руку полкой плаща, она опасливо обогнула стол. Это была какая-то ловушка, устроенная таинственными силами, скорее всего даже не Юкусом, но с явной целью обезоружить любого подобного ей носителя психоэнергии. Эта догадка напугала ее не меньше, чем если бы сейчас взвыла сирена тревоги или загрохотали у входа сапоги Патрулей.

Не помня себя, она выбежала за дверь; щелкнул замок. Ей казалось, что даже на улице слышно ее учащенное, рвущее грудь дыхание — дыхание существа, чудом избежавшего смерти. И в то же время ее жгло желание вернуться, схватить этот комок глины, или облепленный сохшей землей камень, или неважно что — но узнать, откуда в нем это!

Дзанта мучительно боролась с искушением, а руки между тем подправляли, прихорашивали, изменяли ее наряд; и вот она уже выглядит под стать другим женщинам, развлекающимся здесь. Это было частью разработанного для нее плана. Он удался блестяще, Ясса получит то, ради чего организовала дорогостоящую операцию. Но в душе Дзанты не было упоения успехом. Ее терзало сомнение: не осталось ли там, за дверью, нечто несравненно более ценное, чем награда Яссы...

Неожиданно ей навстречу выступил из бокового коридора Ринн. Он был одет и вооружен, как профессиональный телохранитель. Эта гильдия, хотя и принадлежала к Унии, пользовалась некоторым покровительством властей, так как оберегала важных персон и богачей от покушений. А те, кто превратил Корвар в вертеп развлечений галактической элиты, имели основания и средства нанимать личную охрану.

Она на ходу едва заметно наклонила голову: все в порядке. Ринн двинулся за ней, на шаг позади, как и положено телохранителю богатой дамы. Многочисленные зеркала, украшавшие коридоры и холлы громадного здания, отражали стройную фигуру в нарядах Девы Суоль. Золотистый плащ являлся великолепным фоном для драгоценностей: пояса, ожерелья и головного убора с эффектно задраным сверху сверкающим

обручем. Маска довольства и высокомерия застыла на лице, обычное выражение которого скрыл вызывающий грим.

Внизу они окунулись в веселую толпу, где смешались одежды, облики и наречия обитателей разных миров Галактики. Корвар был не только центром развлечений, но крупным транзитным портом. Для путешествующих и кутящих здесь лордов провести вечер или неделю в обществе Девы Суоль считалось весьма престижным, хотя и дорогим, приключением. Энни, одолевшая на этот вечер Дзанте свои туалеты, высколила ее на славу. Сама же она, согласно плану операции, развлекала сейчас Высшего Лорда Юкунса в каком-нибудь дворце как можно дальше отсюда...

Центральный холл представлял собой пестрый kaleidoscope гостей, прогуливающихся, сталкивающихся в дверях-банкетных и игорных залов. Они погрузились в этот разнонаправленный поток; Дзанта продолжала идти, ни разу не обернувшись на Ринна. Между тем она бросала цепкие взгляды на лица встречаемых — зондировала. Ее преследовало навязчивое ощущение, что она под наблюдением. Что это: опасность, реакция истощенной психики или контакт с комком глины лишил ее покоя? Она и сейчас чувствовала где-то в глубине сознания зовущее притяжение камня. Но это заглушалось каким-то более близким раздражителем, хотя в нем не было ничего, не подвластного ее воле.

Ну а если действительно слежка? Но ведь ее поле надежно заэкранировано скрытыми в одежде устройствами. Техника, которой располагает Уния Воров, известна только узкому кругу посвященных, нигде ничего подобного не купишь. Эти успокоительные доводы не разогнали, однако, тягостную атмосферу — чего? Поиска? Слежки? Скорее — поиска. Ее ищут, но еще не обнаружили, иначе она тут же поняла бы это.

Повинуясь чуть заметному жесту Дзанты, телохранитель поспешил вперед и вызвал флиттер. Выйдя на воздух, она поплотнее запахнула плащ и подняла воротник. Ночная прохлада подействовала умиротворяюще, она вздохнула свободнее: видимо, тревога была все же напрасной, никакой угрозы нет.

Тилл раскинулся внизу материком кипучего веселья, музыки и ярких огней. Эта беззаботная волна вдруг захватила и Дзанту. В душе поселилась радость: сегодня наконец она совершила то, для чего много лет ее готовили — обучали и охраняли. Сегодня она оплатила этот тяготевавший над ней долг. Может быть, теперь ей дадут свободу?

Свобода... Дзанта зябко поежилась, словно поток воздуха, поднимаемый взмахами крыльев флиттера, проник сквозь купол в кабину. Когда-то она уже была свободна, но можно ли ту жизнь назвать счастьем? Ложась на курс к вилле Яссы, флиттер описывал широкий круг. Разноцветье веселых огней далеко внизу

сменилось угрюмой чернотой трущоб. Дипплъ... Он и днем был грязно-серым, как его унылые бараки, как лица тех, кто прозябал за стенами облезлых жилищ.

Те, кто облюбовал Корвар для своих утех, много бы дали, чтобы покончить с этим позорным пятном нищеты. Но Дипплъ был всегда, и он будет всегда, пока на свете существует бедность и неустроенность.

Дзанта откинулась на сиденье. Пусть ее нынешняя свобода весьма относительна, но она лучше, чем существование серых людей Дипплъ. Жизнь внизу — и ее жизнь. Разве можно сравнить? Разве имеет она право хоть на минуту усомниться в том, что счастлива?

Нахлынувшие воспоминания перенесли Дзанту на много лет назад, в космопорт. Она, жалкая и вечно голодная, выклянчивает у взрослых предметы и рассказывает что-нибудь об этих вещах. Она сама придумала этот трюк, сама научилась угадывать прошлое предметов. Она боялась, что кто-нибудь отобьет у нее этот нищенский заработок, ибо была уверена, что обучиться такому фокусу может любой, кто захочет.

Появившаяся в порту Ясса обратила внимание на небольшую кучу зевак, окруживших тоненькую девочку. Положив на ладошку небольшой брелок, та объявила его озадаченному владельцу, кому раньше принадлежала безделушка, как и когда она появилась у нынешнего хозяина. Лишь мельком взглянув на этот сеанс, Ясса прошла мимо. Она повидала немало примечательного в разных мирах Галактики. Ее чутье и ум, присущие сальярианам, подсказали, что юная бродяжка наделена яркими и необычными природными способностями.

Вскоре для Дзанты началась новая жизнь. Ее по велению Яссы отыскали, привезли на виллу, поразившую нищенку своей роскошью, и заставили учиться.

Это был изнурительный труд. Ясса не давала ей никакой поблажки. Но учеба не тяготила Дзанту, она жадно впитывала знания. Ей было интересно, ведь прежде никто ничему ее не учил. И хозяйка, и воспитательница были одинаково настойчивы, но понадобились годы, чтобы Дзанта стала тем, что есть — совершенным и безотказным воровским инструментом, самым ценным из всех сокровищ Яссы.

Сложную гамму чувств, от почтения и благодарности — до инстинктивного отчуждения перед существом другой породы, испытывала Дзанта к своей хозяйке.

Ясса была из расы сальяриан, произошедшей от кошачьих. Ей была свойственна замкнутость, углубленность в собственный мир, граничащая с эгоцентризмом. При этом чужестранка была умна и практична, свободно общалась и сотрудничала с представителями иных рас, не поступаясь, однако, ни на йоту собственной индивидуальностью. Высочайший интеллект со-

читался со своеобразным взглядом на многие вещи. Ясса была рождена лидером; она сумела подняться по иерархической лестнице до уровня высшего руководства Унией, для женщин обычно недостижимого.

Никто не знал прошлого Яссы, да и возраст казался трудноопределяемым. Но к ее словам, произносимым с легким придыханием, а в минуты гнева — с шипением, внимали как лорды, так и бродяги на многих планетах. Ее командам повиновалось больше обитателей Галактики, чем подчиняются законам правительств.

Дзанта была потомком терранцев. Но из какого мира вихрь вселенской войны забросил ее в трущобы Диппля, не известно. Она помнила себя уже на Корваре, среди безликой массы таких же, лишенных прошлого и будущего переселенцев, покинувших свои испепеленные миры.

О родине Дзанты ничего не говорила ее непримечательная внешность. Ни цветом кожи, ни разрезом глаз, ни телосложением она не выделялась из миллионов. И эта неприметность повышала ее ценность для Яссы. Тем более что в Унии таких, как Дзанта, могли обучить подделываться под облик других рас, даже некоторых нечеловеческих. Пока в таком обучении не возникало надобности. Возраст Дзанты ставил всех в тупик: прожив много лет на вилле, она выглядела не вполне еще оформившейся девушкой. Благодаря учебе и тренировкам ум ее был способен заиминать и удерживать массу сведений, а психотехника отточилась, стала мощнее.

Во всем подчиняясь Яссе, Дзанта приняла клятву верности Унии и стала членом галактической воровской организации. Щупальцы Унии проросли не только в цивилизованные страны, но и в варварские миры. Поговаривали также, что подобные контакты простираются даже в царство темных и нижних сил...

Заклучались и распадались союзы, приходили к власти и подвергались опале правители. Но Уния была и оставалась в любые времена, то сама олицетворяя высшую власть, свергая и назначая правительства, то затаиваясь в глубоком подполье. Здесь были свои законы, нарушителя их ожидала неотвратимая и жестокая смерть...

Они давно миновали увязший во мраке Диппл, флиттер пролетал над сияющими жемчужинами роскошных вилл, утопавших в зелени. Искусно разбитые сады и парки перемежались сохранившимися островками древней прерии. Чем ближе была вилла Яссы, тем явственнее ощущала Дзанта беспокойство. Стиснув под плащом руки, такие горячие, словно были обтянуты энергетическими перчатками, она вернулась мыслями туда, к шкафу с кубиками. К шкафу ли? Это была просто работа, к которой ее столько готовили. Не к шкафу, конечно, а к столику. Там, среди мерцающих безделушек, лежит сейчас

этот глинистый обломок... она почувствовала нечто похожее на острый голод. Боль стиснула виски, запульсировала в груди.

Скорей бы они прилетели. И сразу — к Орну. Нет, не получится: сперва нужно переписать то, что в ней. Но потом — да, потом к Орну. Орн поймет и объяснит, почему она не в себе, почему ее жжет желание дотронуться рукой до этого пугающего предмета. Иначе эта навязчивая тяга лишит ее покоя, разрушит сложный, точно сбалансированный механизм ее способностей. Орн знает, он учил ее много лет парапсихологии, он избавит ее от этой завораживающей тяги.

Последний взмах крыльев. Машина села на крышу, освещенную громадными буквами рекламы. Вилла официально являлась представительством сальерианской торговой фирмы. Для властей Ясса была шефом этой коммерческой компании, ее деятельность в этой области оказалась весьма доходной. Многие боссы Унии имели два лица, но далеко не все поставили свой легальный бизнес с таким блеском и размахом, как уважаемая в Тилле и на всем Корваре Леди Ясса.

Освещение в доме было убавлено, в ночной тишине лишь изредка доносились приглушенные звуки. Но Дзанта знала, что все, кто должен, ждут ее и готовы к работе. Ясса цепко держала дом в своих украшенных когтями руках, никому не прощала расхлябанности, лени или небрежности. Об ослушании не могло быть и речи: никто не хотел испытать на себе полноту могущества властной сальерианки.

Пластиковая панель бесшумно скользнула в сторону, повинаясь легкому царапанью ногтей. Переступив порог комнаты, Дзанта подождала, пока ароматические струи обдадут ее тем запахом, который в данную минуту угоден хозяйке. Девушка научилась не морщиться от чересчур густых ароматов. Она знала, что таким способом Ясса обеспечивала себе возможность близкого контакта с существами других рас, так как от предков унаследовала обостренную реакцию на чужие запахи.

На этот раз Дзанта едва вытерпела привычную процедуру — и без того мучившая ее после испытанного напряжения головная боль еще усилилась. Когда закончится съём информации, нужно будет попросить Орна закодировать ее сон, чтобы он был глубоким и долгим.

В комнате царил полумрак; народ Салля, благодаря строению своих глаз, не нуждается в ярком освещении. Ясса возлежала среди подушек, свернувшись клубочком — в своей излюбленной позе. С ней контрастировала распрямленная во всю длину фигура Орна, чуть покачивающаяся в гамаке возле окна. Как и многие в этом доме, Орн был загадкой. О нем часто чесали языки сплетники, ничего не знавшие наверняка. Говорили, например, что Орн — член подпольной гонимой властями касты пси-техов. Никто не знал, сколько ему лет. Досужие языки утверждали, что Орн уже не однажды подвергался

процедуре продления жизни, многие пытались строить догадки о расовой принадлежности этого небольшого изящного человечка, который казался особенно щедрым рядом с массивными сальерианами, слугами Яссы. Но они-то знали, насколько опасен хрупкий Орн. Помимо такого разящего оружия, как парапсихология, он владел, как бог, древними боевыми искусствами. Сейчас, лежа в гамаке, он отвернулся к открытому окну — возможно, плавающий в комнате аромат был ему неприятен. Но стоило появиться Дзанте, он тут же повернулся к ней.

В этот миг Дзанта поняла, что не хочет делиться своей тайной с этим загадочным человеком. Еще минуту назад она жаждала одного — обрести покой. Но сейчас он показался ей непомерной ценой за глиняный комочек, который путал и звал ее. Она им не скажет. Она не хочет, чтобы Орн оставался полновластным и бесцеремонным хозяином ее чувств и мыслей.

— Здравствуй, — томно мурлыкнула Ясса. Дзанта в который раз залюбовалась стройной, грациозной фигурой хозяйки, слывшей среди своих соплеменников красавицей. Густые темные волосы, больше напоминавшие драгоценный мех, блестели, переливаясь, на голове, шее, плечах, сбегая почти до локтей. Лицо с острым подбородком было тоньше, благороднее, не таким приплюснутым и широким, как у большинства сальериан. Но все это тот, кто впервые видел Яссу, замечал уже потом, сперва вдоволь насмотревшись на ее поразительные глаза. Огромные, с приподнятым вверх раскосым разрезом, они отливали красным золотом, переходящим в таинственную черноту подвижных, при ярком свете — по-кошачьи узких вертикальных зрачков. Подобно изредка встречающемуся еще в копиях Салля драгоценному корссу, эти глаза то и дело вспыхивали глубоким внутренним светом, оттеняя серую кожу лица, почти лишенную ворса. Таким же, но гораздо более тусклым светом отливали два крупных корсса, украшавшие ворот ее одежды.

Рука с надетыми на когти кованными на заказ колпачками поманила Дзанту. При этом движении золотистое платье хозяйки, увешанное по поясу ароматическими мешочками, зашуршало, переливаясь в приглушенном свете тусклых ламп-ионов. Дзанта уловила донесшийся с ложа тихий рокот. Ясса мурлыкала. Ясса блаженствовала. Ясса была довольна.

— Ты здесь, милая, стало быть, все в порядке, — произнесла хозяйка сквозь мурлыканье. — Орн!

Парапсихолог молча слез с гамака и махнул рукой, веля Дзанте приблизиться. Она присела возле стола, сдвинув обруч со лба на гладкие волосы. Сейчас доставленная информация перейдет на ленту стоящего на столе прибора. При этом ее память будет исследована и очищена от эпизодов, расшифровка которых может навести врагов на след.

Включив аппарат, девушка открыла мыслеканал. Пройдет несколько минут, и каждый символ, украденный из кубиков, перейдет из ее памяти на ленту. Но ведь тогда и тайна обломка может стать достоянием прибора, исчезнув из ее мозга! Зато обо всем узнают хозяева этой машины, передающей на видеоскрин расшифрованную информацию. Нет! Ее рука легла на кнопку отключения. Все. Голова закрыжилась, как обычно после сеанса. Теперь ее мозг свободен от всего, что было с момента, когда открылась стена, и до... До чего? До выхода за дверь? Нет, она помнит, помнит тот комок, а прибор не успел добраться до него!

— Великолепно. — Довольное мурлыканье заполнило всю комнату, этот звук помог Дзанте полностью очнуться от сканиграфии. — Просто отлично, высший класс. Что ж, милая, ты наверняка утомлена и заслуживаешь отдых. Отправляйся в свое гнездышко.

Несмотря на долгие тренировки, этот первый настоящий, такой трудный и опасный налет вконец истощил ее силы. Она приняла из рук Орна чашку с какой-то белесой жидкостью и выпила ее в несколько глотков.

— Пусть будет красивый сон, — улыбнулась Ясса в той мере, в какой ее мимика вообще это позволяла. — Во сне тебе откроется твое самое большое желание. Ты скажешь мне о нем, и я его исполню, как ты исполнила для меня это задание.

Ответом был равнодушный кивок. Девушка не сомневалась, что хозяйка выполнит обещание. Вознаграждение за успешную акцию было законом в Унии. Но сейчас ей смертельно хотелось спать, не понадобились даже пассы Орна.

Пройдя в свою комнату, она выскользнула из наряда Девы Суоль и, переступив через ворох ярких тканей, направилась к постели. Но нет, она физически ощутила слой кричащего грима на своем лице. И лишь смыв краску, а вместе с ней — горечь и триумф этого долгого вечера, она вышла из-под струй ласкового пара.

Она вновь стала собой. Какой же? Дзанта оказалась у зеркала правды. Так про себя она называла этот неумолимый овал, специально предназначенный для работы со сложным маскировочным гримом. Зеркало беспощадно отражало все дефекты лица, волос, кожи, увеличивая поры и морщины. То, что увидела она, было Дзантой. Но если в ней и жили какие-то зачатки женского тщеславия, она простилась с ними в этот момент крайней усталости.

Стройное, если не сказать астеничное, тело было худосочным и бледным. Волосы после душа свились в мелкие серебристые завитки, хотя обычно, при дневном свете, они казались темнее. И продолговатые, чуть отрешенные глаза отливали тем же темно-серебристым цветом. Бледность лица подчеркивали очень яркие, довольно красивой формы губы, хотя рот был

скорее большим, не женским. Что же до остального — она безрадостно оглядела себя сверху донизу, нахмурившись, запахнула пеньюар и отошла от враждебного овала, который, казалось, улыбнулся ей вслед.

Ей уже не хотелось быть собой. Все, что она попросит у Яссы, — самый шикарный, самый большой набор косметики, чтобы не только для налетов, а постоянно быть другой. Но тут же Дзанта критически оценила свой порыв — грим не добавил бы ей уверенности...

Она знала, чего по-настоящему хочет, желает, жаждет: взять в руки этот комочек, приобщиться к его тайне! Дзанта вздрогнула: чем так силен этот предмет, что она не может противостоять ему, несмотря на жестко дисциплинированную психику? Почему ей стало так жутко там, у столика, при одной мысли коснуться камня?

Дрожь сотрясала все ее тело. Нырнув в постель, она с головой закуталась в плотное покрывало.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Если сны и были, память их не удержала. Она пробуждалась, словно выкарабкиваясь из черной бездны, как после сильного снотворного. Первая мысль была четкой, будто приказ хозяйки. Снова, как ночью, ее охватила дрожь страха, но острое желание было сильнее всех остальных эмоций.

Орн воспитывал в ней рассудочность и рационализм. Он утверждал, что для ума и памяти одинаково опасны страх, религия и неудовлетворенные желания. Они способны разрушить психику, исказить хранимую мозгом информацию. Но лишь теперь Дзанта поняла, какой взрывной силой становится даже для тренированного сознания навязчивая идея.

В окно били яркие лучи — над Корваром вставало солнце. Ни малейший шум не проникал через звуконепроницаемые стены, но на вилле царил жесткий распорядок, известный и хозяевам, и слугам. Дзанте не хотелось выходить, но отступить от обычного режима — значит привлечь к себе излишнее внимание бдительной Яссы, профессионала Орна. И все же ей надо еще чуточку посидеть здесь одной вот так, согревая под одеялом босые ноги и глядя в освещенный зарей сад.

Хорошо, что день будет солнечным. Пасмурная погода подавляет пси-энергию. Она подвержена и другим воздействиям, реагируя на силовые поля машин, магнитные и солнечные бури, эмоции окружающих... Чтобы задуманное удалось, нужно выбрать момент и место, подключиться к поддержке. Эмоциональная подпитка... Психокинетический тоннель... Об этом рассказывал Орн. Среди его аппаратуры много удивительных машин, но стоит ей самовольно приблизиться хотя бы к одной,

тем более нажать кнопку, сразу же ее замысел окажется под угрозой разоблачения. Нет, нужен иной источник.

Она наложила пальцы на закрытые веки и напряглась, вызывая мысленный образ. Хорошо, если Харр где-нибудь поблизости и ничем не занят, — тогда он среагирует. Вызов... Еще... Кажется, принял. Значит, он вне заэкранированных стен лаборатории — уже хорошо. Она заспешила. Несколько минут на освежающий душ, затем — к зеркалу правды. Сегодня ей не до украшения своей внешности — наоборот, она должна выглядеть так, чтобы ни один встречный не испытал побуждения еще раз на нее посмотреть.

Стоит ли манипулировать ростом? Пожалуй, нет — чтобы вызвать массовую зрительную галлюцинацию, потребуется значительный расход энергии. Значит, рост оставляем свой. Что ж, она появится в Тилле существом параллельной расы из мира Йон. Несколько движений — и на голове заколыхался сноп медно-рыжих волос; кожа приобрела слегка зеленоватый оттенок; темные линзы изменили цвет глаз. Готово.

Зеленое платье с глубокими разрезами легко на плечи и грудь, бедра и ноги туго обтянули серебристые рейтузы. Теперь дело за драгоценностями, которые будут не просто украшениями, а помощниками. Она, вздохнув, отложила в сторону несколько безделушек, очень красивых, но дававших иногда поразительную индукцию, которую могут уловить детекторы Патрулей. Итак, неброская брошь у ворота; браслет на запястье; на пальцы — кольца, скрепленные ажурной золотой цепочкой. Взаимодействие браслета и колец давало эффект, близкий к энергетической перчатке, хотя и не такой мощный.

Внимательный осмотр у зеркала: все в порядке, образ безупречен. Теперь к пульту. Пальцы пробежали по клавишам, и вот перед ней легкий завтрак и бокал тоника с соком. Выбранное меню не возбудило ее, но добавило сил.

Звукоизоляция на вилле везде, хозяйка не терпела шума. Тишина в коридоре не обманула Дзанту, она знала, что все уже на ногах. Теперь надо собраться: безмятежность на лице, спокойствие во взгляде. Она подошла к видеосторожу, нажала клавишу. Отлично, ее новый облик запечатлелся на пленке. Оставалось объяснить цель, ради которой она покинула виллу.

— Иду к Каферу на Роу-Лейн. — И эти слова легли на пленку. Таков был порядок для любого, уходящего из дома. Это не должно вызвать подозрений. Она отправилась к ювелиру выбрать награду, обещанную Яссой. А неподалеку от магазина Кафера — место, куда ее тянуло как магнитом.

Дзанта стояла у видео, со страхом ожидая, что вот-вот загорится сигнал запрета. Такое могло быть, если, например, Орт наметил для нее в ближайшие часы какие-нибудь занятия или эксперименты. Но экран был нем — путь свободен.

Терзаемая опасением столкнуться носом к носу с хозяйкой или Орном, она заставила себя идти неспешным шагом. Чтобы не быть записанной на аппаратуру Орна, она не стала посылать повторный вызов Харру. Едва сдерживая волнение, Дзанта поднялась на крышу к своему флиттеру. Здесь грелся на солнышке, закрыв глаза, один из личных охранников хозяйки — Снауэр, ветеран многих битв с Патрулями и воровских стычек. Его уши и лицо были изуродованы боевыми шрамами, но в мощном теле не появилось и намека на стариковскую дряблость. Он услышал Дзанту и открыл полинявшие от времени глаза с сузившимися от яркого солнца черточками зрачков.

— В Тилл? Небось гулять? — промурлыкал сальерианец на самой низкой добродушной ноте, какую только могло исторгнуть его... Дзанта так и не могла понять до конца механизм мурлыканья, при котором вибрация охватывала все тело сальериана. Какой орган генерирует эту вибрацию? Быть может, горло?

— Да, если тебе этого хочется, Снауэр.

— С тобой — хочется, крошка. — Телохранитель вскочил в кабину. Дзанта замешкалась, чтобы поднять на руки маленькое существо, семенящее к ней с приветственным клекотом.

Девушка не понимала этих звуков, но в мозгу зазвучали слова: «Я с тобой. Ты звала. Харр здесь».

Она устроилась в кабине за спиной Снауэра, держа Харра на коленях. Ее маленький попутчик часто дышал от возбуждения, широко открыв клюв и тараща круглые глаза.

Кем нужно считать Харра — гуманоидом или животным с мощным телепатическим полем — Дзанта не знала. Голубоватый пушок, покрывавший тело, мог быть и легкими перышками, и очень тонким мехом. Крыльев он не имел, зато в кармашках необычного одеяния лежали, свернувшись, четыре небольших щупальца. Трехпалые ноги покрывал тот же пух, но он был более редким и доходил только до щиколоток, вернее — до шпор. При своей потешной внешности он был экспансивен, даже истеричен, и мог в минуту раздражения пустить в ход тяжелый крючковатый клюв и острые когти на ногах. Серо-голубые глаза время от времени прикрывались подвижными пленками.

К Орну он попал еще в яйце, привезенном неведомо откуда одним из членов Унии. Помимо телепатии, у Харра были отличные пси-кинетические способности. Но работать с предметами такого веса и на таких расстояниях, которых добивался Орн, он еще не мог. Возможно, виной тому был совсем еще небольшой возраст Харра. Но и Дзанта, и Орн знали, как сильно может воздействовать это забавное существо на пси-поле других.

На Корваре, а тем более в Тилле, где предавались развле-

чениям выходцы из самых дальних и экзотичных миров, на облик Харра никто не обращал внимания. Он любил сопровождать в город кого-нибудь из домочадцев и даже мирился с тем, что для этих случаев его взнуздывали чем-то вроде шлейки с поводком. Орн поощрял такие вылазки, надеясь, что это поможет тренировке способностей Харра. А любопытное существо приходило в восторг от перспективы поглазеть на разномастную публику Тилла. Сейчас Харр с нетерпеливым клекотом теребил свою сбрую, которую Дзанта держала в руке.

— Куда? — обернулся к ним Снаур.

— К Каферу, — бросила Дзанта.

Внизу уже мелькали сырые бараки Диппля, но Дзанта от волнения не видела ничего. Она боялась, что ее возбуждение почувствует Харр. Где-то в позвоночнике запудлировал комочек энергии, который разбудил в ней веру в удачу. Сегодня она сможет, сможет! Однако этот сгусток энергии ползет все выше... Рано запускать его в голову, еще не время...

Снаур посадил машину на утопающей в зелени эспланаде. Видные даже при солнце мигающие огни цветных реклам зазывали прохожих в торговые ряды Роу-Лейн. Сгорая от нетерпения, она степенно направилась к Каферу. Побывать там необходимо, а уж потом можно приступать к своему делу.

Со всех концов Вселенной широкой рекой текли на Роу-Лейн деньги. И глубокий полноводный ручей отходил от этого потока в кассу торговца Кафера.

Витрины его магазина были исключительным по красоте зрелищем, особенно для любителей и знатоков драгоценностей. Рядом с прекрасно огаженными камнями были расставлены крошечные фигурки из самоцветов, тончайшей работы безделушки, многие — с клеймами очень старых мастеров. И хотя сейчас помыслы Дзанты были далеки от этого великолепия, она испытала волнующее восхищение, увидев совершенно потрясающую диадему. Вся она была собрана из ажурных цилиндриков, сплетенных из тоненькой проволоки. На каждом цилиндрике качалась крошечная подвеска — цветочек, листик, фигурки насекомых или животных, выполненные с бесподобным мастерством. Если надеть такую диадему, все эти прелестные вещицы будут мелодично перезваниваться в такт шагам.

Поражал воображение и миниатюрный город, сделанный из флюоресцирующего сплава, секрет которого знали древние мастера планеты Лиис. Ювелиры воспроизводили в точности мельчайшие детали архитектуры; на улицах даже были люди размером в один сустав человеческого пальца.

Словом, витрина Кафера могла заморозить любого. Рядом с Дзантой то и дело останавливались прохожие, попадались и подлинники ценители ювелирного искусства. Несмотря на ранний час, поток людей, фланирующих по Роу-Лейн из лавки в

лавку, был уже довольно оживленным. Дзанта двинулась вниз по улице, держа на плече Харра. Он вертел головой, стараясь ничего не пропустить вокруг, порой щебетал что-то. Дзанта не устанавливала с ним мыслеконтакта, берегла силы. Как ни стремилась она к цели, но заставляла себя не торопиться, останавливаясь у витрин, заходя в лавки.

Добравшись до конца улицы, она не могла больше сдерживаться и, ускорив шаг, пересекла нарядный сквер. За ним возвышалось здание, в котором она побывала вчера вечером. Сюда, на эту сторону, выходили окна апартаментов Юкунса. Ей нужно оказаться к ним как можно ближе.

К ее огорчению, сквер мало подходил для дела, требовавшего уединения. Все скамейки были заняты, в аллеях гуляли люди, зашедшие в этот цветущий оазис в поисках тени и прохлады. Чем дольше бродила она по дорожкам, тем сильнее овладевало ею отчаяние. Но девушке не хотелось мириться с поражением — она должна отыскать и отыщет подходящее место!

Харр, уловив ее волнение, тоже забеспокоился. Щебетание перешло в клекот. Он заерзал на плече Дзанты, больно царапаясь когтями через платье. Его следует успокоить. В таком состоянии он никудышный помощник.

На самой окраине сквера она увидела, что ее упорство вознаграждено: в тенистой пальмовой аллее стояла одинокая — и свободная! — скамейка. Подойдя, Дзанта поняла, почему эта скамейка пустовала: она вся была мокрая от росы, которую из-за густой тени не успело высушить утреннее солнце. Решившись, Дзанта подняла подол платья и села, ощутив через тонкие брюки ледяное прикосновение. Но она тут же забыла об этом маленьком неудобстве, сосредоточившись на своем замысле.

Сняв с плеча, она посадила Харра против себя на колени и поймала его взгляд. Как только их глаза встретились, между ней и маленьким спутником установилась немая связь. Харр понял, что девушке требуется его помощь, и был готов помогать.

Сейчас пора. Дзанта дала волю так долго сдерживаемой субстанции внизу позвоночника. Вот тепло поднялось к ее лопаткам, теперь — к плечам. Охватило жаром шею и пришло, забило в висках. Теперь осталось отрегулировать частоту пульсаций до нужного ритма — с этим она справилась без труда. Посыл — и вся она превратилась в острый клинок энергии. Даже Орн мог только в общих чертах объяснить, что происходило с ней в момент фокусировки.

Дзанте и Харру уже не требовалось глядеть друг на друга — они были в более высоком контакте. В сознании оформился образ предмета, преследовавший ее с самого вечера. Она сейчас была как бы не здесь, не на садовой скамейке, а парила там,

над заветным столиком. Сначала очень контурно, потом все яснее и четче формировала она в мозгу вид комка, его уродливую фактуру. Еще усилие — и мысль слилась с реальностью. Пора! Все ее существо воплотилось в остро направленное желание — иметь этот камень. И тут же Дзанта почувствовала еще один залп энергии — Харр понял ее.

Сюда!

Она послала этот приказ, как живому существу. Напряжение было предельным. Она видит, как берет комок. Ну же! Сюда! Иди!

Она держала пробитый ею мыслеканал еще какое-то время. Но вот даже поддержка Харра уже не могла скомпенсировать расход энергии. Силы оставили ее, внутри была пустота. Она бесконечно трудно возвращала себя, свое сознание в сидевшее на мокрой скамье тело. Оно сопротивлялось этому вторжению бешеными ударами сердца, головокружением. Еще никогда выход из пси-транса не был столь мучителен. Время и пространство смешались, она не воспринимала окружающего, не могла сделать ни одного движения. Бессильные слезы застилали глаза, изо рта струйкой тянулась слюна, стекая по подбородку.

Шли минуты, а ей никак не удавалось остановить мелькавшую в глазах карусель кустов, деревьев, прутьев садовой ограды. В опустошенный мозг пробивались волны страха, исходившие от Харра. Он был смертельно напуган ее состоянием, равносильным обмороку. Дзанта с трудом двинула непослушными, чужими руками, чтобы приласкать своего маленького дрожащего помощника.

Возвращение к реальности было отравлено горьким разочарованием. Она не смогла... Это не ее удел, это выше ее способностей. Заветный камешек так и остался недостижимым.

Но отчего так возбужден Харр? Он толкает ее своим легким тельцем и все глядит и глядит на землю. Что там? Жаркая волна обдала ее. Не может быть! С трудом согнув одеревеневшую спину, протянула руку — комок! Она сумела своей волей пробить канал! Она вызвала сюда этот предмет, она смогла это! Серьезные занятия телекинезом не входили в программу ее обучения, и девушка никогда не имела особых успехов в этой труднейшей области психотехники. Но ей помог Харр — их двояный импульс переместил комок...

Вот он, уродливый и желанный, у нее на коленях. Зачем он ей? Дзанта не могла об этом думать, она сейчас хотела отдыха, как спортсмен после бешеной гонки не видит ни публики, ни побежденных соперников, мечтая только об одном — глотке воздуха в сдавленные судорогой легкие.

Сколько прошло времени — минуты? часы? Она не знала. Там, откуда она вернулась, совсем иное время, это и миг, и

вечность, слитые вместе... Ее зазнобило от холода мокрой скамейки, но все еще не было сил подняться на ноги.

Дзанта безразлично скользнула взглядом по коричневатому пыльному комку. Но что-то заставило снова посмотреть на него и уже не отводить глаз. Он опять притягивал ее, как вчера — там, у столика! Девушка не испугалась — улыбнулась запекшимися губами. Этот грязный обломок стоил всех затраченных ею усилий — она знала это твердо. И так же твердо знала, что должна понять его тайну. Хотя это может стоить ей жизни.

Но платить такую цену не хотелось. В теперешнем состоянии она не сможет работать с ним, это ясно. А пока силы не восстановятся, не стоит входить в прямой контакт. Она достала из-за пояса и открыла кошелек. Обернув руку подолом юбки, взяла камень и положила на дно. Хранилище не из самых надежных, но лучшего у нее не было.

С трудом поднявшись со скамьи, девушка поняла, что ей не дойти до флиттера, если не подкрепить силы. По пути сюда она заметила на главной аллее какую-то лавку с горячей едой. Взяв Харра на плечо, Дзанта медленно направилась туда. Тенистая аллея кончилась, солнце жадно припало к ее влажной одежде, согрело озябшее, изнеможенное тело. Харр как ни в чем не бывало вертел головой по сторонам. Энергетический шок, лишивший ее сил, у него, похоже, не проявился. Дзанта поразились, как это легкое тельце с крошечной головкой способно исторгнуть такой огромный заряд энергии практически без последствий. Ей возвращение к норме давалось гораздо мучительнее.

Войдя в лавку и устроившись за столиком, она выбрала на меню-панели питательный бисквит и витаминный тоник. За едой Дзанта не забывала маленького друга, время от времени поднося к его клюву кусочки, смоченные в напитке. Дополнив лент чашкой теплого сладкого сока, она почувствовала, как уходит из тела боль усталости, возвращаются силы.

Рука скользнула к поясу — здесь! Ей удалось то, что прежде она пыталась прodelывать с крошечными предметами в лаборатории Орна. Он считал, что в этой области ей не добиться успехов, и прекратил эксперименты. А она захотела — и смогла. Оرن недооценил свою подопечную...

Харр, показывая хороший тон, клювом и раздвоенным, как у змеи, языком счищал крошки бисквита с пушистой грудки. Внезапно он замер и, повернув голову назад, через легкую ткань впился когтями в ее тело.

Едва не вскрикнув от боли, она опустила глаза в чашку и всю свою начавшую восстанавливаться энергию превратила в подвижный луч, обшаривающий все вокруг. Она знала, что у Харра более чувствительная защита. Шестым, седьмым — бог знает сколько их у него — чувством Харр улавливал опасность раньше Дзанты, даже раньше Орна.

Что его насторожило? Ее истощенный нагрузкой мозг скакировал сейчас вяло, не мог отыскать источник тревоги. Быть может, Орн выследил ее? Он способен не только на это, а на то, чтобы внушить ей незаметно всю ее сегодняшнюю программу. Ее догадка перерастала в уверенность. Пси-тех еще вчера заподозрил, что она что-то скрывает, и организовал все это. Не потому ли они с Харром смогли беспрепятственно покинуть виллу?

Стоит ей повернуть голову туда, куда глядит Харр, и она увидит Орна. Ей не убежать — у наставника достаточно скрытой в одежде аппаратуры, чтобы заставить ее замереть хоть на половине шага.

На мгновение на ее плече сжались коготки Харра. Но зверек тут же засуетился и принялся слезать, цепляясь когтями за ее платье и балансируя двумя верхними щупальцами. Харр вскочил на стол, погрузил щупальце в чашку, вынул обратно и стал слизывать сладкий сок.

Он не был голоден. Он играл — так же, как вчера вечером она играла роль Девы Суоль. Харр же избрал роль беззаботной забавной зверушки, которая думает только о вкусной еде. Дзанта еще больше насторожилась: Харр по каким-то причинам не счел возможным пользоваться телепатической связью. Лизнул — закинул голову — проглотил. Лизнул — проглотил. На нее — никакого внимания.

Вверх — вниз. Вверх — вниз. Медленно — быстро — быстро. Дзанта закусил губу: Харр — Харр! — передавал зашифрованную информацию. Она подняла чашку и сделала глоток, одновременно выстукивая по пластику тот же ритм: так... так-так... Харр предупреждал, что где-то близко появился сенситив — человек, натренированный для выявления психоизлучений. Это не Орн. Зачем бы Харру предупреждать о нем? Ведь для него Дзанта и Орн — одинаково любимые домочадцы, союзники.

Что же тогда? Обычный обход Патрулей, один из которых оценивает состояние пси-поля, а другой, в случае надобности, подключает специальную аппаратуру, чтобы засечь источник повышенной энергии? Такой контроль проводился время от времени в местах, где возможна активная деятельность Унии.

Успех, которым она недавно гордилась, казался ей сейчас ужасным недомыслием, способным обойтись ей очень дорого. Если в момент телепортации камня сенситив находился поблизости, то он уловил мощный импульс пси-энергии — и вот уже ведется поиск. Неслучайно Харр прибежал к коду. Они будут в сравнительной безопасности, пока не вступят в мысленный контакт. Ведь простого подозрения мало, чтобы поставить кого-то перед аппаратурой Патруля.

Она вновь потянулась к чашке. Харр провел задним щупальцем по голове. Это был договор о бегстве. Но для успеха

важно определить, как близко от них сканирует сенситив. В любом случае ей ни в коем случае нельзя привлечь к себе внимание. Идти к флиттеру медленно, чтобы сбить ищек со следа. Она сейчас уже не была так изнурена, как сразу после сеанса. Но все ее тело молило о пощаде, силы восстановились далеко не полностью. Справится ли она?

Любой сенситив, тем более специалист-патрульный, способен выявить человека, растратившего энергетический заряд. А если ноги подведут и она пошатнется? Ее тут же задержат для психо-пробы. А затем...

Нет, об этом нельзя даже думать! Нужно собраться с силами и двинуться к стоянке — спокойно, не спеша.

Здесь ни в коем случае нельзя больше задерживаться — это место сенситив наверняка засек. Дзанта вынула кусочек пластика — кредитную карточку фирмы Яссы — и сунула в прорезь автомата. Харр тут же вцепился в платье и вскарабкался ей на плечо.

То, что ей удалось подкрепиться, решило многое. Она могла теперь двигаться, не опасаясь, что рухнет от слабости. Главное — не спешить, но и не плестись. Идти ровно, спокойно. Вот так. Хорошо.

Харр прикрыл пленкой глаза. Уснул? Наоборот — острые коготки судорожно вцепились в плечо Дзанты. Просто он изолировал свой мозг. Девушка тоже поставила барьер, но не такой монолитный, как у маленького союзника: ей нельзя закрыть глаза, иначе она не увидит, куда идет.

Харр щелкнул клювом, просигналив «охотник». Сенситив не обязательно мог быть мужчиной. Так. Шесть, семь... Человек десять в поле зрения. Кто из них?

Вот эти — обычные зеваки торгового квартала, фланируют от одного магазина к другому. А там, подальше — трое мужчин, одетых, как торговцы. Дзанте хватило бы пары минут, чтобы просканировать окружающих и выявить противника. Но этим она выдаст и себя. Остается хотя бы запомнить лица на тот случай, если за ней установят слежку до самойвиллы.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Подойдя к лифту, она стала подниматься на стоянку флиттеров. Ее так и подмывало оглянуться — проверить, нет ли слежки. Но годы муштры помогли ей совладать с этим побуждением, ни жестом, ни взглядом не выдать беспокойства. Девушка вдавила клавишу вызова флиттер-автомата так сильно, что суставы пальцев побелели. Томительно тянулись секунды ожидания. Эти мгновения были, наверное, самыми трудными: когда избавление уже совсем близко, опасность быть схваченной особенно пугала ее.

Перед ней открылась дверца опустившегося флиттера. Немного торопливее, чем требовала осторожность, Дзанта вошла в кабину. Ее пальцы лихорадочно забегали по пультам, набирая код полета. И лишь когда машина взмахнула крыльями, девушка рискнула бросить взгляд назад, на взлетную площадку. Ничто не говорило о преследовании. Но это еще не значит, что за ней не ведут наблюдение.

Спустя минуту флиттер сел в центре главного рынка — огромной, заполненной людьми площади неподалеку от космопорта. Здесь в ходу были товары, купленные у космонавтов, которые, согласно закону, имели право совершать мелкие торговые сделки. Впрочем, эта побрякушка не уменьшала число космических бродяг, промышлявших контрабандой.

Рынок — одно из узловых мест, где Уния располагала массой явок, защищенных мощным силовым экраном от любого сенситива. Здесь Дзанта могла наконец расслабиться — лишь немного, ибо притяжение содержимого кошелька не отпускало ее ни на миг. Она углублялась в торговые ряды, лавируя между палаток и лавок. С помощью явки Унии ей могли предоставить транспорт, помочь уйти от Патрулей — если, конечно, за ней и вправду следят.

Легкое покалывание, исходящее от браслета, вело туда, где можно рассчитывать на помощь. Вечерело. Харр вовсе не жаждал встретить вне дома холод и тьму надвигающейся ночи, о чем он заявлял сейчас недовольным бормотанием и щелканьем клюва.

Впереди, над входом в одну из неприметных лавчонок, вспыхнули буквы, составившие имя торговца: «Хакагр». Покалывание браслета усилилось. Вышедший ей навстречу мужчина был серокожим, как все сальярианцы, но без признаков кошачьей расы. Видимо, его предки ассимилировали в гуманоидном мире.

Дзанта небрежно поправила прическу, обнажив руку с браслетом. Пароль был узнан.

— Девушка! — прозвучало тонко и пронзительно. — Отдайте ароматы звездных миров. Вам наверняка понравится «Дыхание Андроссы», а от «Алмазной пыли» вы будете без ума...

— А есть у вас «Серповидная лилия десятидневного цветения?»

Лицо торговца не выразило ничего, кроме вежливой любезности к покупателю.

— Это редчайшее из благовоний готово смочить ваши волосы, милая девушка. Но не здесь — столь тонкий экстракт может потерять свою прелесть на открытом воздухе.

Она последовала за хозяином внутрь лавки.

Тот хлопнул в ладоши, и, словно из-под земли, перед Дзантой появился мальчуган в униформе.

Хакагр приказал:

— Отведи девушку к Ларрсу.

Благодарно кивнув, Дзанта поспешила за маленьким провозжатым, который ловко пробирался сквозь бурлящий людской поток. Девушка даже запыхалась, покуда не очутилась наконец возле не слишком респектабельной стоянки, где были припаркованы несколько флиттеров.

— Вон тот, четвертый. — Грязный палец мальчишки указал на одну из машин. Бросив вокруг себя быстрый взгляд, юнец кивнул: — Пора!

Дзанта почти бегом устремилась к флиттеру и забралась в кабину. На месте пилота сидел сальярианец. Он метнул на пассажирку недоверчивый взгляд, но, заметив браслет, успокоился. В кабине плавал тонкий аромат. Сушеные лепестки серповидной лилии десятого дня цветения могли хранить свой запах несколько лет. Его любила Ясса, и так пахло везде, где хозяйка Дзанты имела влияние. А таких мест в Галактике были тысячи...

Впервые с того момента, как Харр предупредил об опасности, девушка рискнула обратиться к своему пушистому товарищу мысленно:

— Мы свободны?

— Наконец.

Если бы мыслеобраз имел тон, как высказанное слово, то этот лаконичный ответ мог означать, что Харр раздражен, даже сердит. Но Дзанта не делала попыток ублажить своего спутника. Сейчас, когда забота о безопасности стала ненужной, ее мысли вернулись к полученной таким трудным способом добыче. Сознание, что у нее оказалась вещь, покушаться на которую она не имела права, лежало в душе тяжким грузом.

Оправдать подобный поступок могло только одно: если похищенная вещь действительно представляет ценность. Однако это сомнительно: вряд ли Юкунс стал бы хранить ее не в сейфе, а на виду, среди безделушек. Скорее всего, он даже не обратит внимания на столь незначительную пропажу.

Она словно невзначай положила руку на бедро, ощутив притягательную выпуклость кошелька. И снова в ней боролись две силы: страстное желание исследовать загадочный камень и страх при мысли коснуться этой вещи. Но девушка чувствовала, что притяжение камня победит боязнь. Скорее всего — успокаивала она себя — манипуляции с камнем окажутся не более рискованными, чем способ его похищения.

Она хотела сохранить свой поступок в тайне. Но Харр... От него обо всем станет известно Орну. Пси-техник сумеет воздействовать на Харра тщательно подобранным сочетанием импульсов. Да и в этом вряд ли будет надобность — Харр сам бросится рассказывать Орну о такой интересной прогулке. Если

бы она смогла подобрать мысли-импульсы, чтобы заблокировать память маленького помощника...

Но ей не удалось ничего предпринять. Харр сердито защелкал ключом, показывая, что не расположен к мыслеконтакту. А через несколько минут флиттер уже сидел в парке виллы. Как только Дзанта спустила Харра на землю, тот стрелой умчался в дом, чему отнюдь не помешала внешняя неуклюжесть этого существа. Девушке стало ясно, что времени у нее в обрез. Скорее к себе в комнату — там она попытается что-то получить от своей добычи.

Забравшись в постель и укутавшись покрывалом, она извлекла из кошелька вожделенный обломок. Положила на ладонь — ничего, только легкое тепло. Тогда она поднесла комок ко лбу — и отшатнулась: голову пронзила мгновенная острая боль. Импульс был неожиданным и беспощадным, как удар. На нее нахлынула целая гамма эмоций, и самой сильной был парализующий страх, равного которому она до этой минуты не знала. Вскрикнула ли она, или крик был только внутри ее потрясенного сознания? Этого она не поняла.

Обессиленная, мокрая от липкого пота, она упала на подушки, не сразу поняв, что пугающее оцепенение уже не сковывает ее. Камень... Где он? Увидев его между подушек, Дзанта отпрянула, словно перед ней был готовый к прыжку хищный зверь.

Девушка ощутила горечь: ей, видимо, не по силам обладание, а тем более исследование загадочного предмета. Но страх и разочарование постепенно ослабевали, уступая место новому приступу неодолимой тяги к пыльному серому кому.

Вместе с тем ее сознание не освободилось от того нового, пугающего, восставшего из глубины веков, что вторглось в нее в короткое мгновение контакта. Как изгнать из себя это чужое?

Девушка, шатаясь, встала с постели и, с трудом передвигая ноги, поплелась в освежитель. Ею двигала потребность в очищении, она хотела снова быть только Дзантой, а не...

— Не кем?

Она в отчаянии выкрикнула это вслух. На ходу сбрасывая одежду, очутилась наконец под струями горячего влажного пара. Постепенно в тело возвращались жизнь и тепло, но она не убавляла температуру, пока не почувствовала, что эта, чужая, частица ее оттаивает, исторгая прочь нечто враждебное ее духу и разуму.

Укутавшись в длинный халат, девушка в раздумье расхаживала по комнате. Она не только сумела подавить желание вновь взять в руки комок, но стала искать способ избавиться от него. Пришла даже мысль закопать камень где-нибудь в глубине сада.

Он все так же лежал на простыне между подушек. Она

опустилась на колени у постели и стала, не прикасаясь, рассматривать артефакт¹.

С этого и надо было начать, а не делать опрометчивой попытки познать его сущность таким рискованным способом.

Грубая фактура поверхности комка не рассеяла уверенности в его искусственном происхождении. Присмотревшись, Дзанта увидела контуры какой-то фигуры. Они были едва намечены и могли обозначать как примитивное изображение человека, так и неумелую скульптуру животного или чудовища. Тем более что если четыре конечности (лапы? руки и ноги?) все же угадывались, то на том месте, где подразумевалась голова, не было ничего. Но девушке это не показалось дефектом — что-то подсказывало, что это изделие таким и было задумано. И еще — она знала это неведомо откуда — этот предмет создан в глубокой древности, не поддающейся исчислению в веках или эпохах. И в момент «считывания» вся эта бездна времен обрушилась на нее. Ведь чем дольше артефакт подвергается эмоциональному воздействию, тем больше он «обрастает» информацией. Для того, чтобы из хаотического калейдоскопа хранимых этим комком впечатлений выделить нечто цельное, связанное, потребуется не один сеанс «считывания», целая методика исследований. И только тогда эта нелепая фигурка раскроет какую-то часть того, чему она была свидетелем.

О психометрии она знала из рассказов Орна. В разные времена люди, наделенные даром сенситива, сталкивались вдруг то с природными минералами, то с изделиями человеческих рук, излучавшими накопленную информацию. Очень долго такие занятия слыли черной магией — как и вся область парапсихологии, недоступная большинству людей. Да и те, кого судьба наделила психоэмоциональным даром, не понимали его природы, не умели ни контролировать, ни правильно использовать свои необычные способности. Не потому ли только малая часть экспериментов давала четкие и неоспоримые результаты? Гораздо чаще сеансы «магии» или проваливались из-за неумелости сенситива, или подменялись обыкновенным шарлатанством. Да и результаты удавшихся экспериментов хотя и не вызывали сомнений, но не находили научного объяснения. Лишь спустя века парапсихология перестала быть объектом опасных страхов или едких насмешек, а наделенных этим даром людей стали не бояться, а изучать. Тогда наконец дело сдвинулось с мертвой точки. Первое, во что поверили люди, — возможность передачи мыслей. Телепатия была признана как научный факт.

Раса, к которой принадлежала Дзанта, позже многих выш-

¹ Артефакт (от лат. «искусственно созданное») — нечто, получившее новые свойства в результате последующего воздействия. Так, икона, к которой прикоснулись тысячи верующих, излучает энергетику, которой не было, когда ее только написали. (Примеч. переводчика.)

ла в космос. Но зато она не успела ассимилировать или подвергнуться мутациям в результате расселения по иным мирам, с отличными от земных условиями жизни. И лишь вступив в контакты с другими разумными обитателями Галактики, люди узнали, что для многих звездодержателей телепатическая связь была нормальным, а зачастую — единственным способом общения. Таковы были расы Вавриенов, и Тассу с планеты Виктор, и многие другие гуманоиды. Знание известных, а также вновь открываемых населенных миров входило в программу обучения Дзанты — ведь каждый народ имел свои особенности, постижение которых могло пригодиться девушке для ее службы в Унии. Так считал Орн, требовательный и терпеливый наставник, превративший талант Дзанты в безотказный и точный инструмент. Благодаря Орну она умела очень многое. Но это...

Древний... Очень древний...

— Сколько веков? — Углубившаяся в свои мысли Дзанта не сразу поняла, что вопрос прозвучал не в ее сознании. Она подняла голову.

На пороге стояла Ясса, источая благоухание лилий. У ног хозяйки возбужденно вертелся Харр, пощелкивая от нетерпения клювом.

— Ну?.. — Голос Яссы был вкрадчив и тих, но уже слышалась в нем примесь шипения: хозяйка с трудом сдерживала гнев. — Так сколько этой вещи веков и вообще, что это такое? Где она?

— Там. — Дзанта кивком указала на лежащую возле подушек фигуру.

Сальерианка скользнула к постели мягкой поступью хищника и склонилась над предметом. Дзанта вздрогнула, услышав яростное шипение.

— Кто позволил тебе это? Кто, я тебя спрашиваю?

Янтарно-красные глаза впились в лицо девушки. В этом немигающем взгляде трудно было найти что-то человеческое — так глядели далекие четвероногие предки Леди Яссы.

Дзанта не предполагала, что после всех сегодняшних потрясений еще способна чего-то бояться. Но увидев, в каком бешенстве хозяйка, девушка оцепенела от страха. Сейчас ее могла спасти только правда или нечто, близкое к правде. Она сглотнула и хрипло произнесла онемевшими губами:

— Я...

— Что «я»? Кто послал тебя сделать это?

— Послал?.. Нет... Когда я находилась в квартире Юкунса, это... оно тянуло меня. И потом... я не могла ни о чем думать... и вот... получила это..

— Может, все к лучшему?

Орн возник так же неслышно, как Ясса.

— Такое мощное поле притяжения, — продолжал он, —

возникает порой, если сенситив чересчур напряжен, работает на пределе. Скажи, — он подошел к Дзанте вплотную, — когда ты впервые ощутила воздействие: до «считывания» или после?

— После, когда уже уходила. Это был необычайно сильный зов, я ничего подобного прежде не чувствовала.

— Что ж, это возможно. Видимо, после сеанса ты излучила психо-волны, и они попали в резонанс с полем этого предмета. Это и спровоцировало такую мощную ауру артефакта. Где, кстати, хранил его Юкунс — в сейфе?

— Нет. — Она подробно описала столик с безделушками, среди которых стояла фигурка.

— Что за всем этим... — начала Ясса, но Орн жестом прервал ее. Он положил руку на лоб Дзанты. Ей не хотелось сейчас этого прикосновения — легкого, безопасного, хотя оно могло быть и другим — настойчивым, требовательным, иссушающим все силы. Но девушка не отстранилась: только Орн со своим умением проверить правдивость ее рассказа — а она сказала всю, или почти всю, правду — мог оградить ее от ярости хозяйки.

— Итак, — голос наставника звучал ласково и проникновенно, — ты была настолько заворожена этим предметом, что решилась на телекинез...

— Я не нашла иного способа...

— Выходит, в тебе таятся возможности, которых мы прежде не использовали?

— Мне помог Харр.

— Так. — Ясса, казалось, сейчас вопьется холеными когтями в лицо девушки. Но слова Леди, хлеставшие Дзанту, причиняли не меньшую боль. — Она все продумала, даже взяла с собой Харра, чтобы обрушить на нас неприятности.

Харр встопорщил пухок на голове и защелкал клювом, как бы выражая солидарность с разгневанной хозяйкой.

— Уж теперь все сенситивы Тилла настороже. А что будет потом, когда Юкунс заметит пропажу?..

Орн неожиданно засмеялся. Он был охвачен возбуждением — Дзанта чувствовала это через лежащую на ее лбу руку.

— Леди, — продолжая улыбаться, заговорил пси-тех, — подумайте, сколько комнат в штаб-квартире Юкунса. Двести? Триста? Четыреста? Он что, все их ежедневно обходит? А если он оставил эту вещь на каком-то там столике, вряд ли хватит ее в ближайшее время. Допустим даже, что сенситив Патруля засек излучение Дзанты. Но если у них не было наготове сканера, определить или выследить ее не могли. Она с Харром, вернее — Харр вовремя прервал мысленный контакт. И пусть сенситивам известно, что кто-то из находившихся в парке генерировал колоссальный поток энергии. Ну и что с того?

Орн убрал руку с головы девушки и нахмурился.

— Уж не вообразила ли ты, что скрылась от Патруля

благодаря своему уму и находчивости? Запомни: это просто везение, на которое нельзя рассчитывать в серьезном деле.

Ей не хотелось спорить. Она кивнула:

— Я знаю. Если бы не Харр...

— Вот именно... А сейчас Харр расскажет нам все об этой вещи.

— Но... — Дзанта сделала протестующий жест.

— Что «но»?

— Я...

— Ты для этой работы не годишься, во всяком случае сейчас. Разве ты не утомлена до предела?

Наставник был терпелив, словно обращался к ребенку. Этот размеренный голос она помнила еще с той поры, когда была совсем девочкой и проявляла непослушание.

— Харр, — холодно и твердо повторил Орн.

Ей хотелось закрыть артефакт руками, грудью, всем телом. Ей хотелось спрятать от этих людей вещь, обладать которой она так страстно стремилась. Да, ее неудачная попытка доказала, что она не в состоянии «прочесть» это послание из тьмы веков. Но она по-прежнему была в его власти, ей необходимо было узнать, откуда он взялся и почему так неодолимо притягивает ее.

Харр гордо прошелся по комнате, польщенный вниманием людей к своей персоне. Но, услышав приказ Орна взять артефакт, он уцепился за юбку Яссы, выбивая клювом протестующее стаккато.

Ясса присела на пол рядом с воспитанником и стала легонько поглаживать его по пушистой головке. Не прибегая к мыслемпульсам, она каким-то своим способом воздействовала на маленького телепата, глядя его и ласково мурлыча.

Вот Харр отпустил подол Яссы, в последний раз щелкнул клювом и пошел по подушкам медленно и опасно, точно в любую секунду мог грянуть взрыв. Шерсть его встала дыбом. Одно из щупалец покинуло кармашек, протянулось к комку и легонько, самым кончиком, тронуло его.

Дзанта, сгорая от любопытства, открыла свой канал связи, надеясь принять то, что будет «считано» Харром.

— Самых ранних не касайся, — услышала она, как сквозь завесу, последние слова Орна.

— Начни с последних слоев информации.

На Дзанту нахлынули эмоции — страдание и беспомощность овладели сейчас Харром.

— Все сразу... Слишком много всего... много...

— Харру хотелось закончить на этом сеанс, но гипнотический голос Орна буквально сотряс не только маленькое тельце зверька, но пронзил мозг Дзанты.

— Я сказал: последние записи. Выполняй!

— Там... глубоко... Там спрятана черная смерть...

Отрывистые мысли были подобны крикам тонущего. Слово от ожога, щупальце отдернулось от фигурки.

— Где взял это Юкунс? — присоединилась к допросу Ясса. — Ну же, мой храбрый малыш, ты должен увидеть! Скажи, что это за предмет?

— Старое... Очень старое место... Там лежит смерть... непонятное... тайное... Холодно... Темно... Много веков нет солнца... Смерть и холод... Там великий... Лорд... Я больше не вижу!

Щупальце решительно отдернуто и водворено в кармашик. Но глаза Харра остались прикованными к артефакту. Дзанта уловила новый импульс:

— Это... Вы зовете их предвестниками... Очень древний... Один... Тогда их было два... Один из пары...

Дзанта очнулась, услышав рядом шипение, и посмотрела. Ясса вся дрожала от возбуждения, в полуприкрытых глазах горел алчный огонь.

— Очень хорошо, мой малыш! — Ее рука протянулась, чтобы погладить Харра, но тот уклонился от ласки и заковылял по постели к Дзанте.

— Я не могу объяснить, — просигналил он, обращаясь ко всем, — но знаю, что она включена в это. Только она, — щупальце указало на девушку, — сумеет отыскать место, где тьма, холод и смерть.

Глядя в неподвижные круглые глаза Харра, Дзанта ощутила слабость и озноб, как после сеанса телекинеза. Она со страхом поняла, что сказанное правда. По воле случая, или же в силу особого настроя психики, она обречена остаться в плену этого предмета. И ей не освободиться от притяжения — оно сильнее ее.

Ясса поднесла к своему лицу один из мешочков и глубоко вдохнула аромат лилии.

— Эта вещь из усыпальницы Предвестника! — Кровавый огонь в глазах сальерианки разгорелся ярче. — Орн, мы должны знать, где Юкунс добыл эту вещь.

— Он мог купить ее, а может, привез откуда-нибудь... — Отрывистый голос Орна выдал охватившее его волнение.

— Какая разница? — Ясса надменно нахмурилась. — Разве существует что-либо, чего мы не можем узнать? Зачем тогда нам служат тысячи глаз и ушей?

— Если вещь куплена, то она, вероятно, из уже обнаруженного и разграбленного захоронения, — предположила Дзанта.

— Ты так считаешь? — повернулась к ней Ясса. — По-твоему, на эту неказистую вещицу кто-то позарился и купил, не подозревая о ее происхождении? А Юкунс, между тем, увлечен историческими изысканиями. Он может не знать о связи этого предмета с Предвестниками, но держит его у себя не случайно, а с целью исследования. Так что для начала я хорошенько спрячу его...

Ясса протянула к фигурке руки, но пальцы ее беспомощно повисли в воздухе. Она не могла прикоснуться к загадочной находке!

— Орн, что это? Почему?

Склонившись над подушками, ученый еще раз осмотрел предмет. Затем положил между своих ладоней руку Яссы и на несколько мгновений замер.

— Он несет колоссальный заряд пси-энергии. Прежде я только слышал о концентрациях такой силы. — Отпустив руку сальерианки, сухопарый человечек прошелся по комнате. — Глаза его блеснули, озаренные догадкой. — Здесь небывалые возможности: эта штука может служить фокусировочным приспособлением при парапсихологических экспериментах. Она вобрала в себя всю энергию, действовавшую на нее не только на протяжении веков, но и сегодняшним утром, во время телепортации. Нужно ослабить заряд, иначе до этой вещи опасно дотрагиваться. — Орн посмотрел на Дзанту долгим тяжелым взглядом.

— Возьми его. Слышишь?

Девушка сделала шаг к постели еще раньше, чем до нее дошел смысл приказа. Рука спокойно взяла с простыни фигурку, ощутив легкое тепло, но не встретив барьера, который воспрепятствовал прикосновению Яссы.

— Налицо избирательная психо-связь, — заключил Орн. — Покуда предмет не потеряет своего заряда, если такое вообще возможно, только Дзанта может касаться его.

— А разве ты не в состоянии нейтрализовать это поле? — Приговор Орна был явно не по душе Яссе. — Чего тогда стоит вся твоя аппаратура?

— Лабораторные эксперименты слишком рискованны, — не уступал ученый. — Тем более что опыт обращения с подобными раритетами отсутствует. Ведь впервые за многие века на одной из тысяч планет найдена вещь, которой поклонялась чужая раса. История содержит факты, когда икона, идол или другой объект во время культовых обрядов аккумулировал массу энергии, буквально становясь, по выражению древних, богоподобным. В старые времена и некоторые правители, окруженные всеобщим обожанием, концентрировали энергию, которую вливали в них вассалы. Она позволяла этим живым богам творить настоящие чудеса и укрепляла их славу всемогущих повелителей смертных.

— И ты решил, что перед нами — такая богоподобная вещь? — с недоверием спросила Ясса.

— Я только знаю, что у нее небывалая концентрация психической энергии. Воздействовать на артефакт приборами — значит поставить под угрозу уничтожения его информационное поле. Нет, это значило бы упустить редчайший шанс.

Ясса довольно замурлыкала.

— Ты намекаешь, что лучше использовать этот шанс с помощью нашей крошки... — В ее взгляде, брошенном на Дзанту, были и прощение, и требовательная алчность.

— Здесь трудно что-либо обещать, Леди. — Ученый предостерегающе поднял руку. — Но я надеюсь, что этот ключ поможет нам отворить дверь в глубину веков. Ну а для начала необходимо проследить путь этого предмета к Юкунсу. Я сильно сомневаюсь, чтобы он представлял себе, насколько эта вещь уникальна. Ведь он недолгобливает сенситивов, как всякий человек, ведущий тайную жизнь. Таким вовсе не по душе открывать кому-то свой мозг. Так что вряд ли в окружении Юкунса существует человек, способный распознать суть этой вещи. Сейчас энергия артефакта освобождена — ее разбудил сеанс телекинеза. А до этого только Дзанта смогла воспринять его поле, и то благодаря непредсказуемой игре случая. Все совпало: и ее возбужденное состояние, и путь вблизи того самого столика, и абсолютно сумасбродный замысел заполучить предмет посредством телепортации. Так или иначе — он здесь, и нам надо постараться использовать небывалую удачу.

— Я использую ее, — произнесла Ясса, и в голосе ее зазвучал металл. — Ты, девушка, — палец хозяйки с изящным колпачком на коготке уперся в грудь Дзанты, — сейчас будешь «читать» с этой вещи.

— Нет! — вскрикнула она. — Я... пыталась, но не сумела. Это... кошмар. Меня всю обожгло!

Ясса холодно рассмеялась:

— Я отобью у тебя, крошка, охоту самовольничать. Ты сделаешь все, что скажет Орни, иначе на твой мозг будет наложен замок. — Хозяйка произнесла это спокойно и легко, но Дзанта с ужасом поняла, что над ней нависла смертельная угроза. В то же время ее тяга к артефакту не ослабевала, а неудачу первой попытки она расценивала теперь как указание передохнуть и собраться с силами. Повторять сеанс сейчас она просто физически не могла.

— Береги его, милочка. — Ясса направилась к выходу. — Впрочем, он и сам пока неплохо охраняет себя. Я же тем временем организую поиск, чтобы узнать, когда, где и каким путем этот предмет перешел к Юкунсу. — Эти слова хозяйки донеслись уже из-за закрываемой двери.

Дзанта осталась наедине с загадочной фигуркой, которая пока принесла ей только страх и боль.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Последние слова Яссы означали одно: похищенный Дзантой артефакт обрек ее на положение узницы, откуда полчища шпионов не разузнают историю приобретения загадочного

предмета. К удивлению девушки, Ори, казалось, не особенно заинтересовался ни камнем, ни ее проявившимся вдруг психокинетическим талантом. Она уже приготовилась к мучительным экспериментам и тестам; когда же вызов в лабораторию не поступил, сперва облегченно вздохнула, но затем почувствовала себя уязвленной. Одно из двух: либо парапсихолог не рискует работать с артефактом, несущим заряд, либо все еще готовит для Дзанты изнурительные тесты.

Часы ее заточения перетекали в дни. Девушка ощущала нарастающее беспокойство. Рассеять его не могли ни развлекательные видео, ни трехмерные стереопередачи из Тилла. Двое суток пустого времяпрепровождения начисто выбили ее из колеи.

Утро третьего дня застало ее сидящей после беспокойной ночи у окна, за которым раскинулся парк. По желанию Яссы он, больше походивший на джунгли, поддерживался именно в таком состоянии.

Предвестники... Никто точно не мог сказать, сколько цивилизаций, сколько рас населяли Космос во все времена. Перед таким вопросом стали бы в тупик даже Закатане — потомки рептилий, чей век гораздо дольше человеческого. Эта древняя раса выдвинула немало блестящих умов в области истории и археологии. Народ Дзанты сравнительно недавно освоил межзвездные сообщения, и тут же потоки переселенцев хлынули в иные миры. Свою родную планету на окраине Галактики они называли Землей, или Террой, а светило — Солнцем. Одни бежали от войн и политических интриг, другие — в поисках лучшей доли, богатства и славы. Самые смелые пускались в неизведанные космические глубины и либо гибли, либо открывали новые миры, становясь основателями очередной колонии землян. Под воздействием непривычных природных факторов — звездных излучений, микроорганизмов, химических соединений — поколения переселенцев подвергались мутациям, их потомки уже мало походили на своих прародителей. Одни были великанами — другие карликами, у одних росла пышная шевелюра — другие стали абсолютно безволосы. Менялся цвет кожи, даже количество пальцев, острота зрения или обоняния у колонистов разных миров были неодинаковы. Наглядным свидетельством тому был Дипплъ — пристанище неудачников с сотен планет. А уж улицы Тилла демонстрировали великое многообразие разумных порождений природы.

Тем же изменениям, что земляне, подверглись в свое время и более древние расы, которых называли Предвестниками. Их путь в космос отличали загадочные следы: испепеленные дотла миры — памятники титанических конфликтов, а также руины циклопических сооружений, монументальные гробницы и непонятного назначения аппаратура, которая на некоторых планетах продолжала действовать и сейчас, спустя миллионы лет.

Каждая новая находка рождала новые проблемы, над которыми безуспешно бились лучшие умы Галактики. В ученном мире шли постоянные споры о принадлежности этих памятников к одной эпохе, к одной цивилизации. Закатане собрали тысячи легенд разных народов, в результате всплыли схожие имена, и только. Было ли это названием рас, или их правителей — никто не знал. Долгое время внимание историков было приковано к «феномену Затаа»: этим именем оказались с древних времен названы город на Архане IV и порты в Молчанне и Воте. Античная архитектура Затаа отличалась обилием колоннад и одинаковыми для всех городов затейливыми резными орнаментами.

Ученые лелеяли надежду, что удастся отыскать какой-то архив, видеоленты или что-то подобное, способное пролить свет на тайны Предвестников. Увы, эти надежды становились все более призрачными. Правда, совсем недавно, пару лет назад, была открыта планета, представляющая собой один гигантский город. Этот мегаполис считали памятником некой сверхцивилизации и сейчас дотошно изучали, рассчитывая установить его связь с Предвестниками.

Дзанта сжала руками виски. Ее тоже интересовали Предвестники. Может быть, их тайна скрыта здесь, в этой шкатулке? Она взглянула на небольшой ящичек, куда Ясса уложила укутанный шарфом артефакт. Все эти дни девушка не извлекала его на свет, но думала о нем непрерывно.

Ключом к мегаполису послужил найденный на одной из планет перстень с драгоценным камнем причудливой формы. Быть может, ее находка — тоже ключ? Но где дверь, которую она откроет?

Здесь, на Корваре, была своя древняя тайна — Руворр. Довольно заурядные руины на поверхности маскировали входы в подземные шахты и галереи, тянувшиеся на непостижимую глубину. Сооружение этих катакомб приписывалось совершенно неизвестным, а по некоторым признакам — даже негуманоидным существам. Спуск в подземелья Руворра для многих исследователей окончился трагически, и теперь рейнджеры Диких Земель, на территории которых находится этот загадочный реликт прошлых эпох, никого даже близко к нему не подпускали. Однако неугомонные историки продолжали спор, был ли Руворр жилищем существ, близких по образу жизни к муравьям, или убежищем одной из воюющих сторон, или, может быть — пересадочной станцией для тех, кто владел тайной проникновения в мир темных сил...

Дзанта поднялась и, неосознанно влекомая притяжением артефакта, вынула сверток из шкатулки и поднесла его к окну, через которое били лучи света. Ей казалось, что этот естественный свет может обезвредить предмет, лишивший ее покоя.

Она принялась разворачивать шарф складку за складкой,

пока ткань не упала на пол. В лучах солнца фигурка казалась еще более нелепой, словно ребенок пытался неумелыми пальцами сделать что-то из куска глины. Нет, эта примитивная вещь вряд ли могла принадлежать расе, достигшей звезд.

Дрожа от страха, Дзанта слегка дотронулась до предмета. И не ощутила ни тепла, ни какого-нибудь импульса! Выходит, Орн прав: артефакт зарядился в результате телекинеза, а теперь приобретенный потенциал иссяк. Она уже смелее стала водить пальцем по фигурке, особенно внимательно ощупывая то место, где должна быть голова.

Поверхность, визуально казавшаяся шероховатой, рельефной, на ощупь была совершенно гладкой. Но что это? В верхней части фигурки рука почувствовала несильное, но явственное покалывание.

Словно в трансе, девушка крепко сжала в пальцах предмет, а затем другой рукой повернула верхнюю часть — это вышло помимо воли, просто она знала, что именно так должна сделать.

Неожиданно верх фигурки сдвинулся, отделился от нижней части и откинулся, словно крышка маленького ларца.

Она заглянула внутрь. Стенки и дно хранилища были обложены тонкими серебристыми нитями, чтобы уберечь то, что лежало там. Такие же нити прикрывали содержимое сверху. Дзанта поставила ларец на подоконник. Ей хватило благоразумия не касаться нитей незащищенной рукой. Девушка взяла со стола ложку с длинным черенком — ею во время завтрака она вычерпывала сочную мякоть из какого-то экзотического фрукта.

Черенком ложки Дзанта легонько разворошила комок нитей, пока в проделанное отверстие не принял солнечный луч. От его прикосновения тысячами ярких бликов вспыхнули блестящие нити, а глубоко под ними зажегся изумрудно-голубой огонек.

В гнездышке из нитей покоился камень овальной формы. Прежде Дзанта не встречала камней такого цвета и не смогла определить его название. Она, не дотрагиваясь, разглядывала самоцвет. Он был гладким, сферическая поверхность не имела следов огранки. Вдруг девушка закрыла глаза и принялась на ощупь укладывать пушистые нити обратно, прикрывая ими камень. Она почувствовала, что начинает впадать в транс.

Так вот что заключала в себе эта необычная шкатулка — кристалл для всматривания! Она читала о кристалломании, одном из древних способов стимулировать ясновидение. Когда сенситив фиксировал внимание на шарике из прозрачного, чистой воды, камня, его энергия высвобождалась. Снова Орн оказался прав: этот камень, долго используемый подобным образом, получил огромный заряд психической энергии.

А что, если она попробует поработать с кристаллом? Что

будет в ее прозрении — смерть или мрак? Этого видеть она не хотела, как не хотела сообщать о своем открытии Яссе или Орну. Они тут же заставят ее смотреть в камень, а ей это не...

Защититься! Экран на мозг! Дзанта владела этим искусством, но... Если Орн что-то заподозрит, он-то сумеет порвать ее защиту. Хорошо хоть, что сейчас поиски сосредоточены за пределами виллы — это ей на руку, — радовалась девушка, наматывая шарф на принявшую прежний вид фигульку.

Но спустя час поступил вызов от Яссы. Пройдя неизбежную ароматическую обработку, Дзанта нашла хозяйку в обществе одного из Координаторов Унии. Он рассматривал вошедшую девушку, словно перед ним был некий инструмент, и он прикидывал, насколько этот предмет эффективен. Ясса была спокойна, хотя общение с руководителями Унии было зачастую небезопасно для тех, кто стоял на ступень ниже, но мог занять их место. Путь вверх лежал, как правило, через убийство. Смерть подстерегала тех, кого руководители считали ненадежным, а также того, кто мешал карьере кого-либо из честолюбивых низестоящих унийцев.

Инспекция Координатора редко обходилась без неприятностей. Но Ясса ничем не выдала своего беспокойства, а сквозь ее кошачью невозмутимость не пробился бы и детектор правды. Она смотрела на Дзанту немигающим, нарочито сонным взглядом. На коленях хозяйки сидел Харр. Глаза его были подернуты пленкой, словно он спал. Дзанта поняла: это двойное предупреждение. Она много лет прожила здесь и знала: любая необычная деталь означает сигнал тревоги и призыв к обороне.

На самом же деле Ясса далеко не так беспечна, как хотела показать, да и Харр здесь отнюдь не в роли комнатной зверюшки. Сейчас он старается пробиться через экран к мозгу гостя, чтобы уловить утечку информации. Все это означает, что Ясса не расположена посвящать во что-либо Координатора и требовала от Дзанты особой бдительности. А поскольку главным событием на вилле девушка не без оснований считала похищение артефакта, именно это следовало держать в тайне.

— Ты, Марри, пожелал увидеть сенситива, который считывал информацию Юкунса. Вот, она перед тобой. — Ясса махнула рукой, приказывая Дзанте приблизиться.

Перед ней сидел крупный мужчина, некогда мускулистый и привлекательный, но теперь чрезмерно располневший. Он был в форме космолетчика с капитанскими эмблемами. Костюм был гостю явно тесен — то ли шитый не на него, то ли хранившийся им с давних времен. Лицо гладко выбрито, кроме маленькой курчавой бородки. На бритой голове топорщилась искусственными кудряшками серебристая сеточка — такие надевались под шлем космонавтами. Кожа посетителя имела темно-красный цвет.

Глаза его тонули в одутловатых щеках, но не были добродушными, как у многих толстяков. Они глядели на девушку жестко и властно, их серебристый блеск напомнил ей игру нитей, из которых было сплетено гнездо для кристалла. Это становилось сейчас опасной ассоциацией, и Дзанта поспешно упрятала мысли о камне на самое дно сознания.

Едоволь насмотревшись на девушку, координатор недоверчиво хмыкнул. А затем на Дзанту посыпались короткие резкие вопросы — гостя интересовали все подробности налета на апартаменты Юкунса. О содержимом лент разговор, естественно, не велся — оно было начисто стерто из ее памяти приборами Орна.

Шаг за шагом она пересказала свои действия с момента проникновения в квартиру и до возвращения на виллу. Полученное от Яссы предупреждение совпало с собственным желанием девушки сохранить тайну артефакта — тучный посетитель ничего не услышал от нее ни о столике с безделушками, ни о последующем сеансе телепортации.

Дзанта умолкла. Лицо хозяйки оставалось непроницаемым, и по его выражению девушка не могла определить, удалось ли ей выполнить негласные инструкции, или же она допустила какую-то оплошность. Марри снова хмыкнул. Ясса повернулась к нему.

— Ты убедился? Все было в точности так, как мы тебе доложили. Аппаратура Орна это подтвердила. Так что нет никаких оснований опасаться, что налет обнаружен.

— Хочется верить в это. Но в Тилле горячо, очень горячо! И это как-то связано с Юкуном. В то же время не похоже, чтобы он узнал о считывании его микрозаписей. Но город наводнен сенситивами, они всюду рыщут и что-то вынюхивают. Вот эту, — он снова взглянул на Дзанту, как на неодушевленную вещь, — ее вы держите «под колпаком»?

— Можешь проверить. — Ясса безразлично зевнула. — Она все это время была здесь. Наши детекторы не обнаружили, чтобы ее мозг кем-то зондировался. Или ты сомневаешься в надежности приборов Орна?

— Орн? — Это имя он произнес, показывая, что ученый для него значит не больше, чем Дзанта, — все это только воровские инструменты. — Решаем так. Оставлять ее здесь все же опасно. Наша работа вокруг Юкунса идет успешно, и нельзя допустить никаких сбоев. Вышли ее куда-нибудь подальше, хотя бы на время.

Ясса снова зевнула.

— Мне как раз нужно уезжать, так что и предлога искать не придется. Отправлюсь с инспекцией филиала своей фирмы на Ротаксе, а ее прихвачу с собой.

— Действуй. Мы дадим знать, когда вам можно возвратиться.

Координатор грузно поднялся и без единого слова напра-

вился к выходу. Дзанта поняла: это была умышленная грубость. А какотреагирует Ясса?

По-кошачьи треугольное лицо сальерианки осталось непроницаемо, насколько мог судить человеческий глаз. Только бескровные губы приоткрылись и слегка раздвинулись, обнажив белые кончики того, что обеспечивало жизнь и безопасность ее предков: острые, несущие смерть клыки.

— Марри... — медленно проговорила Ясса. Голос был бесцветен и не окрашен эмоциями, как и лицо сальерианки. — Он вел себя со мной так, будто видел в эти минуты путь звезд в вышине. Что ж, тот, кто думает о чем-то далеком, рискует угодить в яму у себя под ногами. Он даже не предполагает, как помог нам: теперь есть повод покинуть Корвар, не вызвав подозрений Координатора и тех, кто его послал. Марри возмнил себя большим боссом, а по сути сделал то, чего я добивалась.

— Ты что-то узнала? — спросила Дзанта.

— Разумеется, милочка. Когда Ясса приказывает глазам, чтобы они смотрели, ушам — чтобы слушали, носам — чтобы вынюхивали, ее приказ выполняется. Мне теперь известно общее направление, откуда пришла к Юкунсу эта вещь. Остается найти тех, кто ее изготовил, проникнуть в их время и узнать многие похороненные в веках тайны. Это должны сделать мы, и никто иной! А для начала отправимся на Вайстар...

Вайстар! Об этой планете Дзанта слышала на протяжении всей своей небольшой жизни. Большинство космических скитальцев считали Вайстар легендой, но Уния знала, что это не вымысел. Хотя лишь избранные могли указать путь к этому миру. Вайстар использовался Унией, хотя не был собственностью какого-либо верховного сановника подпольной организации, как многие тайные космические базы.

Вайстар был тем, чем он являлся задолго до создания Унии, до того, как народ Дзанты устремился к звездам. Это была планета преступников, место встреч почти исчезнувших ныне космических пиратов. Теперь сюда стекались грабители после налетов на разных планетах, где их поджидали агенты Унии, скупавшие награбленное. Впрочем, порой Уния не брезговала и похищением кораблей грабителей для собственных нужд.

Высказывалась версия, что некогда Вайстар являлся космической станцией для исчезнувшей давным-давно цивилизации, чьи мертвые планеты уже много тысячелетий совершали свой путь вокруг почти угасшего красного карлика. Словом, история Вайстара не менее загадочна, чем тайны Руворра. И визит на планету преступников был немногим безопаснее спуска в бездонные катакомбы.

— Если мы отправимся к Вайстару... — с сомнением проговорила Дзанта и осеклась.

Этот Марри... Агенты Унии могли узнать Яссу, и тогда... ее заподозрят в предательстве. А если такое случается с высшим членом Унии, смерть ожидает не только его самого, но и все окружение низвергнутого сановника. Кроме, конечно, тех, кто по сговору с той же Унией участвовал в разоблачении своего хозяина.

Ясса провела рукой по пушистой головке Харра и неожиданно довольно похоже воспроизвела щелканье, которое Харр издавал своим крючковатым клювом.

— Марри — просто старикан на побегушках у высших членов организации. Я права, малыш?

— Он искал что-нибудь, чем смог бы навредить тебе, — передал беззвучно Харр. — Но он ничего не смог найти. Он думал, что в его мысли никто не может проникнуть из-за экрана, — презрительно закончил Харр свой доклад.

— Он точно ничего не нашел? — вырвалось у Дзанты.

Чтобы посмотреть на нее, Харр повернул голову почти на сто восемьдесят градусов. Огромные немигающие глаза усталились на девушку.

— Харр может читать мысли.

Ей оставалось гадать, что означал этот ответ, сопровождавшийся щелканьем клюва. Она с детства верила в могущество приборов и была поражена тем, что Харр сумел прорваться через поставленные специалистами Унии психобарьеры. Еще раз она убедилась, насколько способности пушистого телепата отличаются от возможностей обычного сенситива.

Но это означало, что раз с Яссой был Харр, он не только защищал от зондирования мозг хозяйки, но и сообщал ей каждую мысль, которая рождалась в мозгу Марри и... И мысли о камне! Нет! Она не смеет думать об этом здесь! Экран! Нет, тоже плохо. Когда из мозга вообще не поступает информация — это настораживает. Нужно о чем-то думать. Думать... Вайстар. Она думает только о Вайстаре...

— Харр проник в мысли чужака. Молодец, малыш! — промурлыкала Ясса, поощряя своего помощника. — Что же до Марри, — продолжала размышлять вслух хозяйка, — то и на Вайстаре найдутся люди, перед которыми этот кусок жира будет раболепствовать, словно он ростом меньше нашего Харра, превосшедшего его и отвагой, и способностями.

— Если там нас ожидает такая поддержка, успех на Вайстаре обеспечен. — Дзанта посчитала необходимым польстить амбициям Яссы.

— Я тебя прошу, милочка, отвыкать от изречения очевидных истин. Да, мне там есть на кого опереться, но это не значит, что все будет сделано за нас. Я продумала свои действия еще до появления здесь Марри, подарившего нам благопристойный предлог для путешествия. Но не обещаю, что это будет развлекательная поездка. Работа нас ждет трудная, к

тому же лететь придется во сне, погруженными в герметичные капсулы.

Такая перспектива не порадовала Дзанту, но она была в полном подчинении у Яссы и не могла протестовать. Перелет в анабиозе был самым примитивным способом, его применяли пионеры Космоса на заре звездоплавания. Команды кораблей годами лежали в своих капсулах замороженными, и далеко не ко всем возвращалась жизнь в пункте прибытия. Девушка догадалась, что в данном случае такой опасный способ путешествия избран Яссой из соображений секретности.

Сборы были недолгими. Вскоре флиттер уже опустился в порту и они взошли на борт каботажного космолета, совершавшего рейсы только в пределах местной звездной системы. Но ведь... Впрочем, удивляться Дзанте пришлось недолго. Как только они очутились в своей каюте, Ясса извлекла из дорожного ящика два длинных плаща с капюшонами. Девушка знала о свойствах этих балахонов: для постороннего глаза одетые в них фигуры искажались до неузнаваемости. Накинув плащи, они, не мешкая, прошли по безлюдным коридорам и спустились на нижнюю палубу. Там Ясса провела Дзанту к грузовому лифту, который доставил их обратно за борт.

Спеша за хозяйкой по территории порта, девушка с замиранием сердца ждала, что их окликнут. Но плащи служили безупречно: обе беспрепятственно достигли дальнего причала. Здесь стояли несколько звездолетов, зафрахтованных Свободными Торговцами. Ясса схватила Дзанту за рукав и ускорила шаг, устремившись к какому-то транспортнику с неясной эмблемой и полустертым названием на потемневшем от времени борту.

Возле спущенного трапа не было ни души. Ясса, не отпуская руку Дзанты, почти бегом поднялась по металлическим ступеням и нырнула в люк. Внутри их тоже никто не встречал, корабль словно вымер. Девушке пришло в голову, что экипажу специально приказано не видеть прибывших пассажиров.

Открытая дверь каюты ждала их на третьем палубном горизонте. Они вошли, и Ясса поспешно захлопнула дверь.

— Приятного путешествия, милые дамы! — раздался вдруг голос Орна. Вид у психолога был странным: облаченный в грубую рабочую одежду, он стоял у стены возле двух длинных и узких ящиков. Дзанта внутренне содрогнулась — это и были пресловутые анабиозные капсулы. Даже сейчас, спустя столетия, такой варварский способ путешествия был чреват трагическими случайностями. Из памяти Дзанты изгладились впечатления выпавшего когда-то на ее долю космического перелета, когда ее, подобно другим обитателям Диппла, выбросил с родной планеты атомный пламень войны.

— Пока все идет по плану. — Ясса свернула плащи и уложила их в ящики вместо подушек. — Дай сюда артефакт.

Дзанта нехотя протянула шкатулку, которую крепко прижимала к груди, пока они бежали по территории порта. Ясса взяла ящичек в руки. Девушке показалось, что сальерианка хочет убедиться, на месте ли артефакт. Но хозяйка не стала открывать шкатулку, а бережно положила ее на одну из самодельных подушек.

— Очень благоразумно, Леди, — подал реплику Орн. — Если между трансом и анабиозом есть какая-связь, такое соседство может дать результат. Он будет с тобой, Дзанта, и кто знает — быть может, по пробуждении ты ответишь нам на многие вопросы об истории этой фигурки.

Дзанта замерла. Ей уготован сон рядом со смертью и мраком, спрятанным в этом предмете! Орн не подумал, предложив ей такое. Впрочем, нет: он все понимает, но ему глубоко безразличны и переживания девушки, и ее судьба. Ее берегли, пока ее дар представлял часть имущества Унии. Но теперь — она сознавала это — они работают не на Унию. Ясса вовлекла Орна в сугубо личное предприятие. И теперь ценность Дзанты измеряется степенью ее полезности для этого предприятия. Ее вырвали из среды, где ей была гарантирована хоть какая-то безопасность. Но пути назад нет, как нет и самой мизерной надежды на бегство.

— Иди. Ложись сюда. — Орн протянул руки, и они повисли над ее головой. — Ну же, не упрямься, словно ребенок. Ты уже испытывала гипноз и осталась цела и невредима. Лучше подумай, что ты нам расскажешь, когда проснешься.

Дзанта чувствовала, что теряет волю. Отрепенно глядела она на инъектор в руке Орна. Легкая боль повыше локтя — и вот уже психолог укладывает ее безвольное тело в узкий ящик. Мягко... Уютно... И лишь мысль о лежащей подле головы шкатулке нарушала это блаженное ощущение.

— Ну видишь, как все легко и просто. Смотри сюда, ведь ты это уже делала раньше... Делала... Раньше... Раньше...

Монотонные слова тяжело падали в мозг, и было не оторвать взгляда от блестящего шарика, зажатого в пальцах Орна. Ей не хотелось сопротивляться. Зачем?.. Кому?

— Раньше... — Голос поглотила черная пустота. Она уже не чувствовала, как опустилась крышка и капсула заполнилась холодным газом...

ГЛАВА ПЯТАЯ

Первым побуждением Дзанты было желание присесть, сжаться в комок и прикрыть голову руками. Над нею (если в пространстве существует понятие «над») нависло что-то огромное, пугающе тяжелое.

Она взяла себя в руки. Остался позади долгий сон в капсуле грузовика, полет в другом корабле, который пересек окружающее Вайстар кольцо защиты — первую линию обороны планеты, состоящую из обломков старых звездолетов. Их было много, очень много, словно весь звездный флот Конфедерации специально взорвали, чтобы образовался этот железный кокон.

Проникнуть за барьер можно было только по тщательно охраняемому коридору, расчищенному среди металлического хлама. И тогда взору открывалась грандиозная картина висящей в пустоте космической станции. Ее творцами были представители неведомой, но явно высокоразвитой цивилизации. За много веков дрейфа среди звезд поверхность сооружения покрылась вмятинами и ожогами, кое-где виднелись заплаты — их наложили нынешние хозяева станции. Они же оборудовали с обеих сторон гигантского корпуса причалы для космолетов. Сейчас, стоя на одном из них, девушка со страхом глядела на вращающиеся над головой глыбы искореженного металла. Ей чудилось, что они падают прямо на нее. Напрасно Дзанта убеждала себя, что равновесие масс этих обломков и станции незбылемо уже сотни лет, что многие поколения обитателей космической базы изо дня в день бестрепетно взирали на нависший над ними железный молот.

Лишь войдя вслед за Яссой внутрь, Дзанта избавилась от своих страхов. Обстановка здесь была более уютной, поддерживалась даже небольшая сила тяжести. Центром станции являлось огромное круглое помещение, опоясанное множеством разноэтажных балконов и галерей. Стены излучали странный зеленоватый свет, придававший неприятный мертвенный оттенок лицам обитателей. Впрочем, лица как таковые были только у представителей гуманоидных рас. Девушка увидела здесь много существ, совершенно отличных не только от людей, но и от всех известных ей форм разума, хотя на Корваре ей довелось познакомиться с жителями тысяч звездных миров.

Видимо, Ясса хорошо ориентировалась здесь. Она повела девушку на один из верхних горизонтов. Сила тяжести была гораздо меньше, чем на Корваре, и они поднимались, почти не касаясь ступеней: достаточно было слегка опереться руками о перила и специальные скобы.

Тут и там на стенах проступали неясные контуры — остатки древней росписи, украшавшей это помещение за много веков до того, как народ Дзанты познал космоплавание. Можно было различить очертания каких-то остроугольных фигур и кругов, но их было слишком мало, чтобы представить себе целиком былое творение древних художников.

Возле двери, к которой они подошли, стоял охранник в форме космонавта. При виде незнакомок он взялся за рукоять запрещенного во всей Конфедерации смертоносного оружия —

лазера. Но, видимо узнав Яссу, отступил в сторону, дав им войти. Взгляд девушки растерянно блуждал по грудам вещей и мебели, которыми была буквально забита комната. На всем этом добре лежал отпечаток разных культур, стилей, эпох. Скорее всего, здесь собрали трофеи с многих десятков ограбленных кораблей. Некоторые предметы явно принадлежали негуманоидным расам. Нагроможденная как попало мебель была когда-то богато украшена резьбой, инкрустирована ценными металлами. Но теперь она представляла собой лишь потрепанный хлам.

Среди этой причудливой свалки в продавленном кресле с облупившейся позолотой развалился тот, к кому Ясса решила обратиться за консультацией. Увидев вошедших женщин, он не удосужился встать, а лениво щелкнул пальцами. Тотчас же зеленокожий гуманоид бросился в глубь склада и приволок еще два довольно крепких стула.

Дзанта впервые видела члена Унии, который столь фамильярно вел себя с Яссой. Но та, учитывая ситуацию, решила не обращать внимания на формальности и спокойно уселась, разглядывая хозяина заполнявших комнату сомнительных сокровищ. Подобно им, он представлял собой удручающую смесь помпезности и неряшливости.

Землянин лицом и фигурой, он был облачен в варварски-пышные одежды. Коротко стриженную голову украшал обруч зеленого золота со свисавшим на лоб камнем цвета изумительно чистой воды. От глаз к подбородку тянулись искусно сделанные косметические шрамы, превратившие лицо в свирепую маску.

Широкие штаны из светлого меха мало гармонировали с наброшенной на плечи туникой Патрульного Адмирала, расшитой звездами и позументами. Рукава туники обрезаны, а голые руки перехвачены блестящими браслетами с земными рубинами и зелено-голубыми камнями, названия которых Дзанта не знала.

Человек держал на коленях поднос, но на нем были не варварские яства, а нечто изумительно совершенное и потому абсолютно неуместное среди этой безвкусицы. То был миниатюрный пейзаж: сад с деревцами и кустиками, посреди него — крошечное озерцо с каменистым островком, к которому плыла микроскопическая лодочка. Зеленокожий слуга принял поднос с колен хозяина и перенес на стол. Взгляд Дзанты был прикован к этому дивному творению неизвестных ей умельцев.

Человек наконец заговорил на всегалактическом языке. Вопреки пиратскому облику, голос был приятного тембра, а речь вполне интеллигентной.

— На Вайстаре, милые дамы, нет никакой растительности. И для меня сделали вот этот сад. Он пахнет свежей листвой и озером. Я закрываю глаза — и переношусь в настоящий парк...

Ясса молча поднесла к лицу ароматический мешочек. Увидев это, человек улыбнулся. При этом шрамы задвигались и лицо сделалось похожим на сатанинскую гримасу.

— Прошу извинить, милые дамы. Вайстар богат всем на свете, в том числе и запахами. Жаль, что это оказались не те ароматы, которые вам по нраву. Однако пора перейти к главному, не то ваши запасы сушеных лепестков лилии выдохнутся прежде, чем мы доберемся до сути дела. В общих чертах мне изложили вашу проблему. Хотелось бы помочь вам, но удастся ли мне это? Здесь возможны самые непредвиденные сложности. Одним словом, между нами должна быть достигнута полная договоренность.

В улыбке на лице Яссы не было и тени тепла — только беспощадная прямота.

— Разумеется, Срэнг. Мы все обсудим досконально.

Дзанта молча наблюдала за начавшейся дуэлью. Глаза могущественной сальварианки и главаря пиратов впились друг в друга. В их мире любой сделке предшествовала отчаянная борьба. Но сейчас противники зависели друг от друга, и общий интерес должен был в конечном итоге победить недоверие и алчность. По пути на Вайстар хозяйка не сочла нужным посвятить Дзанту в свои планы. Но девушка и без того понимала, что именно этот неопрятный человек способен, по мнению Яссы, помочь им проследить путь глиняной фигурки к Юкунсу.

Срэнг важно закинул ногу за ногу. Его честолюбию льстило то, что гордая Леди Ясса оказалась здесь в роли просительницы. Но, прочитав что-то в сузившихся глазах сидящей перед ним женщины, он принял озабоченный вид.

— Для анализа переданных вами ориентиров мы использовали наш лучший компьютер. Полученные координаты нанесены на звездную карту. Район поиска, естественно, сузился, но и теперь его границы охватывают сотни парсеков. Дальнейшие уточнения можно получить только, используя сенситива. Остальное решать вам, милые дамы.

Ясса взглянула на Дзанту:

— Мы... Она попробует...

Ладонь девушки крепко стиснула заветную шкатулку. Дзанту охватил страх: сумеет ли она сделать это без тренировок? Быть может, у Срэнга есть свой сенситив, специально обученный работе с картой? Но тогда... То, что спрятано в шкатулке, попадет в чужие руки. Ясса не пойдет на это без самой крайней необходимости.

В принципе, техника подобного поиска была знакома любому сенситиву. Но далеко не все добивались успеха. Тем более что сенсорный поиск шел всегда по картам городов, в крайнем случае — планет. Дзанта никогда не слышала, чтобы он применялся на космической карте. Девушка надеялась, что Ясса

не возлагает на предстоящий эксперимент особых надежд и возможная неудача не слишком ослабит позицию сальерианки в этой сделке.

Ясса словно угадала внутреннее смятение своей воспитанницы.

— Нам необходим отдых, — надменно произнесла она, напомнив таким образом о своем высоком положении и связанных с ним привилегиях.

— Ваше желание — мое желание, — послушался обусловленный этикетом ответ. Но в нем, однако, сквозила немалая доля иронии. Фанс проводит вас. Не обессудьте за бедность комнаты, но здесь, увы, не Корвар и это лучшее, чем мы располагаем. Когда отдохнете — дайте знать, и мы приступим к работе.

В сопровождении зеленокожего они миновали коридор и вошли в комнату, также загроможденную разномастными трофеями. Когда слуга ушел, Ясса встала напротив Дзанты и проговорила с подчеркнутой теплотой:

— Отдохни, милочка, восстанови силы. От этого зависит наш общий успех.

Слова слетали с губ хозяйки, а руки тем временем быстро двигались, рисуя в воздухе сложный узор. Дзанта без труда прочитала условный код.

Проникающее излучение! Девушка не удивилась: на планете преступников подозревается каждый, в этом залог безопасности воровского мира. Не исключено и сканирование мозга — наверняка кругом полно аппаратуры.

— Я постараюсь, Леди.

Она опустилаcь в гамак, оказавшийся на удивление удобным, несмотря на ветхий вид. Ясса подошла к автомату питания. Прочитав список блюд, она раздраженно фыркнула, но тем не менее пробежала пальцами по облупленной клавиатуре.

— Сплошная синтетика. Похоже на тюремный рацион. Но подкрепиться все-таки придется, нам нужны силы. — Ясса говорила громко и язвительно, словно специально для тех, кто сидит сейчас у подслушивающего устройства. Она достала из камеры автомата контейнер с концентратом и протянула Дзанте.

— Постарайся съесть это, милочка.

Девушка принялась за еду. Саморазогревающаяся пища почти без вкуса и запаха не могла доставить удовольствия, но содержала необходимую норму витаминов и калорий. Механически пережевывая теплую массу, Дзанта думала о предстоящем тесте. Она и страшилась его, и хотела в то же время заняться поиском поскорей, чтобы узнать что-то новое об артефакте. Чтобы подавить нарастающее возбуждение, отдохнуть, как требовала Ясса, ей приходилось хотя бы внешне оставаться безмятежной.

Дзанта заставила себя расслабиться. Лежа с закрытыми глазами, принялась освобождать мозг, накапливая психическую энергию. И вдруг ощутила посторонний импульс... Какой-то несильный раздражитель... Нечто промелькнуло, слегка дотронувшись по касательной до ее сознания.

Слегка обеспокоенная, Дзанта сконцентрировала внимание на этой точке незримого чужого прикосновения. Вот... Снова... Оно появлялось и исчезало, словно редкая размеренная пульсация. Девушка поняла: ей не показалось — ее сканировали! Те, кто этим занимался, не предполагали, что она способна распознать столь легчайшее прикосновение.

Кто же это? Сенситивы Срэнга? Они хотят убедиться в ее возможностях, или...

Ее охватила паника. Собрав волю, Дзанта поставила психобарьер. Через несколько минут, немного успокоившись, она попыталась проанализировать свое открытие. Уловленный ею импульс был слишком слабым для направленного зондирования мозга. Возможно, это дала о себе знать контролирующая сеть, брошенная на весь Вайстар или его отдельные участки с целью выявить присутствие на станции посторонних сенситивов.

Но ведь о ее роли в этой миссии Срэнгу прекрасно известно. Ясса не скрывала от него способностей своей подопечной. Кто же тогда проявил к ней столь специфическое внимание? Представитель Унии, подосланный недругами Яссы, чтобы шпионить за ними? Или конкурент, имеющий свой интерес к артефакту? Так или иначе — где-то рядом враг.

Для доклада хозяйке у нее нет фактов — ничего, кроме смутного ощущения. Благоразумнее молчать, покуда она не убедится в том, что ее действительно пытаются зондировать. А пока — ни на минуту не ослаблять защиту.

Дзанта не опустила мысленный экран и в момент, когда они вновь очутились в комнате Срэнга. За время их отсутствия здесь кое-что изменилось: часть мебели удалили, чтобы поставить огромный стол. На нем была развернута протертая на сгибах пластика звездная карта. Изображенные на ней кружки, линии и знаки ничего не говорили девушке — она никогда не интересовалась астронавигацией. Но это не имело значения: путешественник по карте должен стать артефакт. Если эксперимент удастся, он подскажет сенситиву нужную точку.

Девушка достала фигурку из шкатулки и сжала ее в руке. Все мысли отключены — только фигурка, которую она медленно вела над картой. В левой части — ничего. Правее... Еще... Никаких сигналов. Неудача? Так она и знала!

Вот уже три четверти карты миновала ее рука, сжимавшая артефакт. Фигурка оставалась мертвым кусочком глины. И вдруг... В мозгу вспыхнула картина — до рези яркая, абсолютно живая и реальная. Она могла дотронуться до этих серых

камней, до ветвей деревьев, которые раскачивались под напором ветра!

— Камни... — Она не слышала своего голоса, не знала, что слова слетают с ее пересохших губ. Фигурка налилась теплом, и все ярче наполнялась жизнью заполнившая сознание картина.

— Деревья... И дорога... Она проложена среди камней к... нет!

Она хотела отбросить фигурку прочь. Но рука по-прежнему ощущала горячее прикосновение. И в мозгу продолжал жить увиденный ею кошмар. Она почувствовала себя навсегда низвергнутой в этот жуткий мир — и закричала дико и беспомощно...

Понадобилось немало времени, покуда не начал рассеиваться сковавший ее страх. Она возвращалась в свой мир в слезах, потрясенная и обессиленная, готовая рухнуть на пол, если Ясса перестанет поддерживать ее сотрясаемое рыданиями тело.

— Там... Смерть! Мрак и смерть... Гробница Турана... Смерть!

— Кто такой Туран? — услышала она сквозь пелену транса.

Она не помнит. Она не хочет и не будет вспоминать! Дзанта повела вокруг затуманенными глазами. Срэнг навис над столом, лихорадочно чиркая что-то на карте. Только сейчас она заметила, что фигурка осталась в ее ладони. Значит, ей не удалось освободиться от ненавистного предмета — проводника в мир смерти! Но сейчас артефакт уже не излучал тепла. Дзанта брезгливо отшвырнула его от себя. Глиняный комок покатился по карте и свалился бы на пол, но Срэнг подхватил его. С ухмылкой разглядывая реликт, он заговорил с Яссой:

— Выходит, ты попала в точку, там гробница. И, скорее всего, не разграбленная. Во всяком случае, в наших записях ничего похожего не упоминается. Что ж, поздравляю... — Он перевел глаза на Дзанту, и его лицо превратилось в широкую улыбающуюся маску. — Но ведь ты сказала не все, девушка? Вещь находилась у тебя довольно долго, ты наверняка узнала что-то еще?

Охваченная слабостью, девушка лишь помотала головой.

— Там смерть... Она ждет... — проронили ее бескровные губы.

— На то она и гробница, — пожала плечами Ясса. — Там всегда ждет смерть. Но все страшное давным-давно стало лишь горсткой праха. Ну, приди же в себя, милочка!

Хозяйка повернулась к Срэнгу:

— Сомнений нет, это Предвестник.

— Ты действительно уверена, что благодаря прошедшим векам там теперь все безопасно? — покачал тот головой. — Могли остаться хитроумные ловушки. Отправившись туда, можно или завладеть несметным богатством, или сгинуть в какой-нибудь западне.

Ясса холодно рассмеялась.

— Разве тебе в новинку ставить на кон жизнь? Я здесь не для того, чтобы выслушивать трусливые предостережения. Да и ты не сидел бы здесь со своими трофеями, если бы всегда был таким нерешительным и пугливым. Неужто время так изменило тебя? Я ставлю на эту карту, Срэнг. Игра того стоит. Вспомни усыпальницу Шелона, похороненного вместе со всей императорской сокровищницей. А другие находки? Чего стоят Варр, Ферра, Сады Арэра, или целая планета — пантеон Имбла? Вспомнил? Учти, здесь шансов больше — в этой части системы никто толком не копался.

Срэнг дочмокал губами.

— Так уж и не копался... А как же Юкусн?

Ясса досадливо отмахнулась.

— Он там не был, мы проверяли. Но он мог перебежать нам дорогу, для этого ему достаточно было психометрического теста. Но теперь, — сальерианка победоносно улыбнулась, — если он этого не сделал, то уже не сможет.

— А этот самый Туран, — Срэнг повернулся к Дзанте. — Ну, кто он?

— Я больше ничего не могу вспомнить. Я все вам сказала. Туран — это только имя.

Его глаза с сомнением сощурились. Дзанта поняла, что этот человек не поверил ей. Что он предпримет? Посадит ее перед сканером? По телу девушки пробежала дрожь, оно покрылось липким потом. Дзанта со страхом смотрела на Срэнга. Тот молчал, задумчиво водя пальцем по лежащему на столе артефакту.

Девушка затаила дыхание. Вдруг он заметит стык и сумеет открыть фигурку? Но Срэнг щелчком подтолкнул глиняный комок в ее сторону.

— Держи. Он должен всегда быть при тебе. Я слышал, что сила таких штуковин возрастает, если с ними постоянно контактирует сенситив. — Срэнг хлопнул ладонями по коленям и весело взглянул на Яссу.

— Что ж, решено. Нам понадобится корабль. Сейчас на орбите Юран. Его налет на Фернис потерпел неудачу, но он ускользнул от Патрулей и сейчас болтается в пространстве, ожидая моих распоряжений. Это, правда, не лайнер, и комфортабельного путешествия обещать не могу...

— Мы не претендуем на пассажирские кабины, — перебила Ясса. — У нас с собой спальные мешки, останавливающие время.

— Сон — хорошее средство в трудных перелетах, — кивнул Срэнг. — Я тоже летаю таким образом. Кстати, о Юране: это мой человек.

Дзанта уловила в его голосе намек на предупреждение, но хозяйка, казалось, приняла эти слова за славную шутку. Она, безусловно, не доверяла Срэнгу, но в силу обстоятельств была вынуждена положиться на его помощь.

Интересно, а где сейчас Орни? После пересадки на корабль, идущий к Вайстару, девушка его не видела. И все же она была уверена, что парапсихолог как-то участвует в задуманном хозяйкой деле.

Недолгое оставшееся до отлета время они провели в ответственной им комнате. Дважды Дзанта уловила уже знакомый осторожный импульс. Это и беспокоило ее, и разжигало любопытство. На нее воздействовал не прибор — в этом девушка была убеждена. Живой человек... Кто он? Орни? Но у него иные характеристики мыслесигнала. Значит, кто-то посторонний пытается проникнуть в ее мозг. За какой информацией охотится неизвестный сенситив?

Наконец они оказались на корабле. Опять гробоподобные ящики для сна, опять в изголовье Дзанты улеглась заветная фигурка. Но теперь девушка уже не испытала страха. Если в прошлый перелет ей и снилось что-нибудь, в памяти ничего не сохранилось и никаких неприятных ощущений не осталось.

...Она пробудилась, когда корабль уже вышел на круговую орбиту над планетой. Над головой настойчиво трещал зуммер: их приглашали в пилотскую рубку. Там их встретил Юран.

— Рассаживайтесь, женщины. Посмотрите на обзорные экраны: вот планета, на которую вы хотите высадиться, — хрипло произнес хозяин корабля.

Юран показался Дзанте чересчур молодым для капитанской должности. Его можно было бы назвать интересным, если бы не холодный блеск в глазах, наталкивающий на мысль о характере жестком и недобром. Этот человек мог бы служить наглядным пособием для лекции о последствиях мутации: на руках капитана было по шесть пальцев, а на месте ушных раковин зияли узкие слуховые отверстия. Широкий длинный плащ не мог скрыть характерных изъянов в телосложении.

Этот опасный человек наверняка умел держать в повиновении свою разношерстную команду. В нем необъяснимым образом сочеталась свирепость пирата с интеллигентностью, причем достаточно высокого уровня.

Ясса схватила Дзанту за руку и подвела к экрану.

— Где? Ты узнаешь эти места?

Видя растерянность девушки, Юран развел руками.

— У нас нет ни времени, ни горючего, ни людей, чтобы кружить на орбите и обыскивать планету. И потом... — он слегка тронул верньер, и изображение стало отчетливее, — здесь искать нечего, почти все выгорело дотла.

Дзанта вспомнила ленты, снятые с орбит испепеленных планет. Эти некогда цветущие миры оказались жертвами атомных войн или природных катаклизмов. Большинство являлись собой мертвые спекшиеся шары. Лишь на некоторых небольшие островки, не тронутые пламенем, спустя века ожила причудливая радиоактивная флора.

Простирившийся под ними мир в свое время также постигла катастрофа. Теперь уже нельзя было определить, явилась ли ее причиной свирепая людская вражда или слепые силы природы. Изломанные взрывами скалы смотрели в небеса, словно грозящие черные персты. Кое-где на голых равнинах пробивалась чахлая растительность. Обожженные острова омывал океан, наверняка поглотивший в момент катастрофы немалую часть суши. Вполне вероятно, что место, которое она увидела, работая со звездной картой, теперь скрыто толщей океанской воды...

Но что это? словно рябью подернулся экран, и перед ней предстал город с раскинувшимися вокруг цветущими угодьями. Откуда-то пришло название: «Сингакокх». Вот силуэт башни Вута, щели кривых улочек...

— Здесь!

Но город уже исчез. Под ними снова чернели только обугленные камни. Дзанта уронила голову на руки. Сингакокх... Вут... Откуда пришли эти слова? Почему ей знаком этот город, словно она жила здесь, бродила по его извилистым улицам... Но этого же просто не может быть!

Ее восклицание не прошло незамеченным. Юран повернулся к астронавигатору:

— Здесь?

Тот кивнул.

— Точно?

— Более или менее.

Но это же бред! Мираж! Она должна объяснить, что поддалась наваждению. Или... Вдруг это видение вызвано артефактом? Как знать, может здесь и вправду шумел когда-то богатый город? Почему, в конце концов, кораблю не сесть именно в этом месте? Оно ничем не хуже любого другого.

Она старалась не думать о том, что будет, когда все узнают о ее ошибке. Корабль начал снижение. Юран напряженно следил за экранами, выбирая сравнительно ровное место для посадки. На центральном экране появились столбцы цифр — автоматы докладывали о составе атмосферы, уровне радиации и прочих свойствах планеты. Обобщив информацию, корабельный компьютер выдал благоприятное заключение: на поверхности люди могут находиться без защитной одежды и приборов для дыхания.

Но планету уже окутали вечерние сумерки, и Ясса с Юран решили подождать с высадкой до утра. Юран предложил женщинам переночевать в его каюте, а сам устроился на ночлег в рубке. Когда они остались наедине, Дзанта решила поделиться с хозяйкой своими сомнениями.

— Но ведь что-то заставило тебя выбрать именно это место? — допытывалась Ясса.

Девушка сбивчиво рассказала о необъяснимых видениях незнакомого города, возникших на обзорном экране.

— Сингакокх... Вут... — в раздумье повторила сальерианка. — Звучит необычно.

— Это не галактический сленг, а какой-то другой язык, — пояснила Дзанта.

— Вспомни все до деталей. Представь себе этот город как можно четче, — приказала хозяйка.

Девушка сосредоточилась — и снова в ее мозгу ожили улицы Сингакокха. И чем старательнее напрягала она память, тем больше возникало подробностей. Выслушав рассказ воспитанницы обо всем, что запечатлелось в ее сознании, Ясса довольно промурлыкала:

— Это похоже на настоящее видение. Дождемся Орна. Если до его прибытия мы ничего не найдем, он попробует провести с тобой сеанс ясновидения.

— Орн будет здесь? Когда?

— Ты, кажется, удивлена? Неужто ты решила, что я в подобной ситуации позволю себе лишиться такого союзника? Обратиться к Срэнгу я была вынуждена в силу необходимости: его компьютеры хранят сведения о тысячах миров, где никто, кроме обитателей Вайстара, никогда не бывал. Но брать Срэнга в компаньоны было бы чистым безумием. Орн идет по нашим следам вместе с теми, кто мне предан. С ними мне не страшны ни Срэнг, ни Юран, что бы они ни замыслили. Теперь вот что: если уже завтра мы отыщем следы этого твоего Сингакокха — прекрасно. Пусть Юран со своими людьми роют там землю, пока не прибудет Орн. Твоя же задача — тянуть время. Не открывая пути к гробнице Турана, пока мы не дождемся подкрепления.

Гробница Турана... Эти слова тяжело упали в ее мозг, пробудив не память (откуда это в ее памяти?), а леденящий душу страх. Дзанта вдруг явственно ощутила, что ей угрожает смертельная опасность.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

«Дзанта!»

Этот зов разбудил ее. Он не был голосом, пришедшим извне, он просто проник прямо в мозг и прогнал сон; она лежала, открыв глаза и настороженно вслушиваясь.

«Дзанта!»

Ей не приснилось. Орн? Она тут же начала мысленный поиск, забыв о том, что на корабле Юрана могли быть детекторы, способные засечь психо-контакт.

Снова в мозг ударила волна. Ее не спутаешь ни с чем. Харри! Но ведь он оставался на вилле, когда они улетали. Расстояние между Корваром и этой затерянной среди чужих звезд планетой поглотит даже самый сильный мысленный сигнал.

«Я слышу...»

Она была не в состоянии задать свои вопросы, подавленная мощной энергией Харра.

«Думаю обо мне... Нам нужен ориентир».

Так вот какие союзники идут сюда! Дзанта послушно сосредоточилась, сформировав в сознании образ Харра и изо всех сил удерживая его. Она забыла о своих переживаниях — сейчас важно зажечь маяк для тех, кто спешит на помощь Яссе.

И вдруг неожиданно, как хлопок: «Все. Достаточно».

Связь прервалась, отрубленная экраном Харра. Они получили то, что им нужно, и прекратили общение. Восстановить наведенный мыслемост, пробиться сквозь защиту Харра ей не по силам.

Дзанта лежала раздавленная, обиженная. Из соседнего гамака доносилось размеренное дыхание Яссы. Сальерианка крепко спала, свернувшись, по своему обыкновению, уютным клубочком. Наверное, нужно разбудить хозяйку, сообщить, что подкрепление приближается.

И все же — откуда здесь Харр? Он ничего не пожелал объяснить Дзанте — что ж, она тоже промолчит. Во всяком случае, до утра. Или до нового сеанса связи.

Они встали рано, на планете едва брезжил рассвет. Опасаясь детекторов или подслушивающей аппаратуры, Дзанта решила все рассказать Яссе, когда они покинут корабль. Юран ждал их уже одетый и снаряженный для похода — значит, он отправляется вместе с ними. Дзанта поняла: ей придется удвоить осторожность.

Капитан пиратов цепко следил за каждым ее движением, за руками, прикреплявшими к поясу мешочек с пищей и сосуд с тонизирующим питьем. Девушка чувствовала, что этот человек с радостью надел бы на нее упряжь, чтобы полностью подчинить себе. Заметила она и сканер у пояса капитана. Ни ей, ни Яссе Юран не предложил никакого оружия.

Выйдя из корабля, они остановились на ступенях трапа, молча озирая выжженную пламенем пустыню. Не может быть, что именно здесь лежал ее город — кипучий, полный шума и красок.

На этой земле, израненной шрамами взрывов, жизнь умерла много веков назад. Дзанта произвольно поднесла руку к груди. Там висел на шнурке мешочек, внутри которого покоился артефакт. Только он мог указать ей дорогу в этой голой пустыне.

Ясса подошла к девушке почти вплотную.

— Так это и есть твой город? — вкрадчиво, со скрытой издевкой спросила хозяйка. — Это он, богатый Сингакокх?

Дзанта признала: Ясса имела основания так говорить с ней. Обезобразившие эту землю нагромождения камней не давали даже намека на следы какой-то разумной деятельности.

Девушка растерянно смотрела вокруг.

— Я... Я не знаю...

Где же башня? Где длинные улицы? Значит, она опасалась не зря: ее видение было всего лишь галлюцинацией, следствием переутомления и впечатлительности.

— Говори, куда идти? — Юран и еще два вооруженных пирата ждали ее указаний. — Ты что, решила подшутить над нами? Где он, твой город?

Ясса повернулась к говорившему, глаза ее гневно сверкнули.

— Что ты знаешь о возможностях сенситива, пилот? Таланту нельзя приказать. Прозрение приходит само, оно не поддается насилью. Оставь девушку в покое. Настанет час — и она будет знать, куда нам направиться.

Лицо Юрана не дрогнуло, лишь в глазах пробежала мимолетная тень. Дзанта уловила за этой маской подозрение, смешанное с лихорадочным нетерпением. Она боялась этого человека, способного заметить малейшую фальшь и наказать за обман без жалости и снисхождения. Нет, она недостаточно умна и хитра для роли, которую назначила ей Ясса. Она боится этих беспощадных глаз. Случись ей что-нибудь обнаружить — скрыть находку она просто не сумеет.

Все четверо молча ждали, предоставив девушке возглавлять экспедицию. Ей ничего не оставалось, как подчиниться их воле. Спустившись по гремющим ступеням трапа, Дзанта встала на черные камни. Запустив руку в мешочек, достала фигурку и сжала в ладонях.

Кажется, есть легкое тепло. Девушка закрыла глаза. И мгновенно пришел ответ — сильный удар, едва не сбивший ее с ног. Она стояла посреди шумной улицы, заполненной людьми. Мимо с грохотом проносились какие-то диковинные машины. В ее мозг проникали обрывки чьих-то мыслей, но она ничего не могла понять, оглушенная исполинской мощью ворвавшейся в нее энергии.

— Дзанта! — Кто-то тряс ее за плечо. Девушка открыла глаза и встретила пристальный, вопрошающий взгляд Яссы.

— Это здесь... На этом месте... Город... — прошептала Дзанта.

— Отлично. — Юран быстро подошел к ним. — Но как нам обскивать его? Прикажешь повернуть время вспять? Нужны хоть какие-то следы. Где они? Скажешь ты, наконец, куда нам идти? — Его слова били наотмашь, они несли презрение и угрозу.

Она попытались восстановить увиденную только что картину, всмотреться в нее, но так и не сумела выделить из хаоса впечатлений какой-то ориентир. Ее руки крепче стиснули артефакт. А что, если открыть его и достать камень? Быть может, он подскажет нужный путь? Нет, этого делать нельзя. Она будет стараться узнать все возможное, не посвящая никого в тайну фигурки.

— Я попробую, — тихо сказала она, освобождаясь от рук Яссы. Подойдя к плоскому камню, села и склонилась над артефактом. Ниже... Ниже... Вот фигурка коснулась лба...

Она мгновенно утонула в потоке лиц, множестве голосов. Они кричали и шептали, звучали то громче, то тише, говорили на давно умерших, никому не известных языках. Она сделала усилие, чтобы остановить этот вихрь, сосредоточившись на главном.

— Сингакокх... — внятно прошептали губы девушки. — Туран... — Это имя она бросила, словно якорь, в круговорот жизни давно исчезнувшего города.

— Туран, — настойчиво повторила она.

Лица стали бледнеть и через минуту подернулись дымкой; голоса затихли и пропали вдаль. А вокруг себя она услышала топот и шарканье множества ног. По улицам двигалась процессия — впереди Туран, а сразу за ним... Это ее место! Она обязана идти за Тураном!.. Бежать?.. Ничего не выйдет...

— Что с ней? — донеслось откуда-то издали. Она уже слышала где-то этот хриплый голос.

— Тс-с-с, — послышалось в ответ. — Она ищет...

Она ничего не поняла из этого разговора и тут же забыла о нем. Туран! Ей нужно следовать за ним. Фигуры и лица людей вдруг утратили реальность, превращаясь в бесплотные тени. Живым оставался только Туран, его связь с ней.

Видение процессии расплылось, задрожало, стало таять. Она увидела, что ноги ее ступают не по улице Сингакокха, а по голой каменной пустыне. Ей захотелось остановиться, позвать Турана, вернуть видение. Но оно таяло, таяло... Лишь звучало еще невнятное пение, нежное и чистое, как голоса птиц, выпущенных на волю. И совсем смутно — удары барабанов. Они глухо бухали под землей. Земля... О, как неохотно выпускает она Турана! Туран...

Тени окончательно исчезли. Дзанта не сумела их удержать, не смогла вызвать вновь. Она стояла, тяжело дыша, сжимая в руке теплую фигурку. Перед ней отвесной красной стеной высился каменный утес. Под ним — она не сомневалась — находится то, что они ищут. Артефакт вернулся на место, откуда его когда-то извлекли.

Девушка оглянулась. За ее спиной стояли Ясса, Юран со своими людьми и выжидающе смотрели на нее.

— То, что вам нужно. — Она говорила с трудом, быстро теряя силы, как бывало и раньше после больших потерь психической энергии. — Оно лежит здесь. — Она кивнула в сторону красного утеса и поспешно опустила на камень — ноги подкашивались от слабости.

Ясса шагнула к ней.

— Ты уверена, милочка?

— Да, абсолютно, — почти прошептала девушка. Ей нужно

сейчас только одно: покой и отдых. Тело и мозг были истощены до предела.

Сальерианка достала из поясного мешочка и протянула ей две розовых капсулы. Дзанта послушно отправила их в рот и стала ждать, пока стимулятор подействует. Юран тем временем обследовал утес. Затем подозвал своих людей, что-то приказал им, и те отправились вокруг скалы в разные стороны, осматривая и выстукивая каменный монолит.

— Камень как камень, — пожал плечами Юран, но в эту минуту его окликнул один из помощников. Капитан поспешил на зов.

Ясса раздраженно фыркнула.

— Разве я не говорила, чтобы ты ничего не открывала, пока не появится Ори? — В голосе хозяйки нарастало шипение разъяренной кошки.

— Он уже близко. — Дзанта чувствовала, как к ней стремительно возвращаются силы. — Я получила сигнал сегодня под утро.

— Вот как. — Шипение сменилось довольным мурлыканьем. — Прекрасно. А ты не морочишь Юрана? Это действительно то?

Дзанта посмотрела на каменную стену.

— Туран лежит здесь.

— Кто такой Туран?

Девушка пожала плечами. Она не знала, кто или что скрыто под этим именем. Как не могла объяснить, почему оказалась перед этим утесом. Это артефакт привел ее туда, где лежит... Она не хочет! Ей страшно! Бежать... Бесполезно — от Турана не убежать...

Страх и отчаянье захлестнули ее. Она не знает и не хочет знать, кто такой Туран. Она не понимает, что ее связывает с этим именем, кроме безобразного комка глины, который так истязает и притягивает ее...

По приказу капитана один из его людей отправился к кораблю. Юран подошел к женщинам.

— Там что-то похожее на замурованный вход. Я послал за лазерами.

— Только будьте осторожны, — предупредила Ясса. — Не забудьте о глубинных детекторах.

— Разумеется, Леди, — хмыкнул Юран. — Детекторы также принесут, не беспокойтесь. — Он перевел взгляд на Дзанту. — Что она узнала? Это гробница?

— Туран лежит там, — ответила девушка.

— А кто он такой? — допытывался Юран. — Царь? Император? Повелитель звездных миров? Он Предвестник Галактической империи или просто древний властитель здешнего народа? Что ты молчишь, отвечай!

Ясса с кошачьей яростью прервала допрос:

— Она устала. Подобные нагрузки истощают даже мужчин-сенситивов. Вот если ты откроешь усыпальницу и дашь ей какой-нибудь предмет оттуда, она проведет сеанс психометрии и сможет ответить на твои вопросы. А сейчас оставь ее в покое. Девушке необходим отдых.

— Ладно, — буркнул капитан. — Она, как-никак, привела нас сюда. — Он отвернулся и зашагал обратно к утесу.

Ясса уселась возле Дзанты и обняла ее за плечи.

— У тебя есть контакт с Орном? Он бы должен уже появиться.

Собрав остатки сил, девушка вызвала в мозгу образ парapsихолога и послала поисковый импульс. После того, как Харр ночью бесцеремонно оборвал контакт, ей не хотелось связываться с ним. К тому же Харр мог и заупрямиться. Она предпочитает вызывать Орна, если, конечно...

Ответ? Слабое касание, которое тут же исчезло. Орн? Это не Харр — даже такой слабый его сигнал она отличила бы от человеческого. Значит, Орн. Почему тогда он не принял ее сообщения?

Выслушав девушку, Ясса пожала плечами.

— Ничего страшного. Скорее всего, он опасается детекторов. Раз он нашел тебя, значит, знает, где мы и чем занимаемся. Тебе, милочка, все удалось сделать отлично. Я перед тобой в долгу, и ты получишь...

Сальерианка умолкла, так как к ним приблизились двое из команды корабля. Они тащили какой-то ящик и компактный лазер — такие применяются для шахтных работ на астероидах. Но сначала Юран приказал обследовать место предполагаемой кладки детекторами.

Экран прибора осветился. Обе женщины подошли поближе, всматриваясь в изображение. Юран показал на расплывчатые контуры.

— Там и впрямь пустота. Похоже, это усыпальница. Попробуем световым излучением проделать ход внутрь. Не беспокойтесь, я дам узко направленное воздействие.

Он стал регулировать лазер, пробуя силу импульса на лежащих вокруг каменных обломках. Наконец удовлетворенно кивнул, видимо добившись строго определенной глубины излучения. Направив лазер на скалу, осторожно повел по едва намеченным очертаниям когда-то замурованного входа. И вот яркий луч прибора пронзил мрак древней гробницы.

— Вход свободен, — усмехнулся Юран. — Извольте пожаловать к Турану.

Стиснув в ладони фигурку, Дзанта вскинула другую руку к горлу. Она была потрясена — у нее перехватило дыхание. Ее смятение нарастало. Всем своим существом девушка ощущала смертельную угрозу, таившуюся в чернеющем проеме. Краткий миг, не дольше взмаха ресниц, отделяет ее от гибели...

Юран первым шагнул в темноту. Ясса подтолкнула Дзанту, и та, обмирая от ужаса, последовала за предводителем пиратов.

Фонарь в руках Юрана осветил внутренность помещения, в котором они оказались. Но их глазам предстало лишь хаотическое нагромождение обломков. Здесь, без сомнения, когда-то действительно была усыпальница, причем очень богатая. Но ее давным-давно вскрыли грабители. Опустевшие сундуки успели обратиться в пыль. Никаких ценностей, ничего, что можно было бы считать памятником минувших эпох, реликвией Предвестников.

— Пусто! — в бешенстве процедил Юран. — Проклятье, здесь ничего не осталось!

Он еще раз повел по сторонам фонарем и двинулся вперед, но Ясса схватила его за рукав.

— Подожди! Нам нужно все осмотреть, причем очень тщательно. Иначе мы ничего не узнаем. Вспомни: грабители охотятся за драгоценностями и предметами роскоши, а то, что представляется им малоценным, нередко оставляют. А это может оказаться дороже любых безделушек. Так что будем действовать с максимальной осторожностью. Попробуем немного расширить проход, а затем приступим к методичному осмотру.

— Ты надеешься отыскать что-то в этой рухляди? — Юран недоверчиво покачал головой, но все же поплелся назад. — Что ж, дело твое. Хотя, по-моему, это пустая затея.

Дзанта оперлась спиной о стену. Страх волнами накатывал на нее, и с каждым разом у нее оставалось все меньше самообладания. Неужели ни Ясса, ни Юран не ощущают ничего подобного? Ведь эта гробница буквально пропитана ужасом мучительной смерти. И исходит этот ужас не из груди обломков — он таится там, дальше, за...

Она резко повернулась и кинулась к выходу. Страх просачивался через пол, через стены, он вот-вот вцепится ей в спину... Стук собственного сердца настолько оглушил девушку, что она не слышала ни крика Юрана, ни увещаний Яссы. А когда руки мучителей схватили ее, она еще долго отчаянно боролась, стремясь во что бы то ни стало уйти из этого прибежища черного кошмара.

— От меня не удерешь! — голос Юрана над головой, его железные руки на ее плечах.

— В чем дело, милочка? — В ледяном тоне сальерианки было что-то, заставившее Дзанту прекратить борьбу.

— Там... за стеной... там смерти! — дико закричала она. Ей чудилось, что не руки капитана, а нечто жуткое и бесформенное сковало ее тело, удерживая в этом страшном склепе. И она снова закричала, но из груди вырвался лишь слабый беспомощный стон и еще что-то, похожее на тоненький визг загнанного охотниками зверька.

Сильная пощечина, от которой голова Дзанты мотнулась в сторону, вывела ее из истерики. Она бессильно повисла на руках Юрана, всхлипывая от боли, от того, что они не желают слушать ее, заставляют приблизиться к... Закрыться! Она должна закрыть свой мозг!

Разжав пальцы, она отшвырнула от себя фигурку, словно это могло дать ей избавление от нависшей угрозы.

— Дзанта! — Окрик хозяйки был требовательным, беспощадным.

Девушка снова всхлипнула. Больше всего на свете хотелось ей сейчас спрятаться от... чего? Она не знала, но ужас леденил ее грудь.

— Дзанта, о какой стене ты говорила?

— Не-е-т! — Она кричала прямо в лицо Яссе.

Та, видимо, поняла состояние девушки и устало бросила Юрану:

— Оставь ее. Иначе она потеряет либо свой дар, либо разум. Отпусти, пусть успокоится.

— Что это она вообразила? — Юран недоуменно глядел на рыдающую девушку.

— Не знаю. — Ясса втянула ноздрами аромат из неразлучного поясного мешочка. — Но здесь определенно что-то есть. Мы не двинемся дальше, пока не обследуем это помещение досконально.

— Погляди, капитан!

Юран обернулся. Один из его людей, стоя на коленях, рассматривал глиняный черепок, из которого торчали кончики сверкающих серебристых нитей. Артефакт, ударившись о камень, открылся, и его содержимое больше не составляло тайны. Капитан поднял черепок и раздвинул путаницу нитей. Камень сейчас же засиял голубовато-зеленым светом. Юран восхищенно присвистнул. Его рука потянулась к черепку, чтобы вынуть самоцвет из хранилища. Ясса предостерегла:

— Осторожно. Если это то, что я думаю, мы сможем теперь узнать очень многое.

— То, что ты думаешь? — переспросил капитан. — И что же это такое? Одна из любимых безделушек древнего монарха?

— Это фокусирующий камень, — услышала Дзанта уверенный ответ хозяйки. Девушка была поражена: Ясса мгновенно разгадала истинное назначение артефакта. — Такой камень, — продолжала сальерианка, — помогал сенситивам концентрировать и направлять психическую энергию. Эту энергию он способен хранить сотни лет. Если все это так, то Дзанта сможет использовать камень и мы проникнем в любые тайны применявшего его народа. Кто знает? Вдруг мы получим ключи от сокровищ, которые во много раз ценнее того, что унесли отсюда грабители...

— Или выслушаем еще одну сказочку твоей девчонки, — перебил Юран. — Я хочу иметь доказательства.

— Ты получишь их. Позднее. А сейчас ей необходим отдых, она израсходовала слишком много сил. Пусть приходит в себя, а мы тем временем продолжим обследование гробницы. Если здесь пусто, камень подскажет направление дальнейших поисков.

Дзанта похолодела. Этого нельзя допустить! Ясса поймет, она не может не понять. Нужно только улучшить момент, когда они останутся наедине. Она объяснит, на какой роковой путь толкает Ясса и себя, и ее. И Туран, и этот затерянный в толще столетий мир, и частица его — фокусирующий камень — все это представляет опасность для тех, кто вторгается в прошлое. Орн... Он бы понял, наверняка почуял бы дыхание смерти, идущее от этих стен, от этих осколков минувшего. Ясса хочет найти ключ к тайнам Предвестников... Только авторитет Орна сможет убедить хозяйку в том, что бывают двери, открывать которые губительно, ибо за ними таится... Нет! Нельзя даже думать о том, что похоронено в этом жутком месте!

Дзанта сосредоточилась. Нужно создать вокруг себя непроницаемый барьер, отгородиться от всего этого. Из последних сил она доплелась до корабля и улеглась в постель. Даже под покрывалом ее продолжало лихорадить. Ясса села у изголовья, положила ладонь на лоб девушки, стараясь успокоить ее.

— Орн, — шептала Дзанта. — Он должен почувствовать, как это опасно...

Ясса кивнула.

— Я верю. И все же... Хотя фокусирующий камень находился внутри фигурки, его мощности хватило, чтобы ты могла войти с ним в контакт. Подумай, насколько четче будут эта связь с освобожденным от оболочки камнем! Ну ладно, милочка, пока отдыхай. На, положи это под язык и ни о чем не думай. Пока не появится Орн, я попытаюсь удержать этих бандитов от каких-либо действий. А потом, получив подкрепление, мы выполним то, что задумано.

Дзанта отрешенно кивнула. Ее веки стали тяжелеть — сильное успокаивающее снадобье, которое дала Ясса, подействовало. Погружаясь в забытие, она слышала вкрадчивые слова хозяйки:

— И Орн, и Харр будут помогать тебе работать с фокусирующим камнем. Ты не будешь делать все в одиночку, — слышался сквозь сон голос.

Вот и хорошо, подумалось Дзанте. Главное, она больше не будет одна... Она не может одна... Одна...

Холодно... Откуда эта стужа?.. И мрак, поглотивший ее... Это во сне...

— ...еще стрелять, капитан?

— Попробуй. Угости ее еще разок, иначе нам от нее не будет проку.

Снова холод. И боль. Дзанта разлепила тяжелые веки. Глаза резанул свет прожектора, дившийся на камни и стену с вырезанным провалом входа. Грубые руки трясли ее, подводя к ненавистной стене.

Юран, увидев, что девушка проснулась, подскочил и рванул ее за волосы, повернув к себе лицом.

— Очнись, ведьма! — Он снова дернул за волосы. — Очнись же!

Сон... Это должно быть сном... Они не имеют права быть здесь, это место принадлежит Турану. Сейчас войдет императорская стража, и эти грубые люди будут громко кричать, прося смерти, но она не придет к ним, не избавит от мук. Тот, кто нарушил покой Турана, заслуживает самой страшной кары.

— Она проснулась. — Юран, все еще держа Дзанту за волосы, склонился к ней и посмотрел прямо в глаза. — Ты сделаешь это, слышишь, ведьма? — Он говорил, медленно растягивая слова, точно опасаясь, что она не расслышит. — Сейчас ты возьмешь свою игрушку и будешь глядеть в нее, пока не узнаешь, что здесь спрятано. Поняла?

Дзанта молчала, не находя слов. Это сон. Это не может быть явью. Нет, нет! Здесь, где лежит Туран, нельзя использовать камни! Иначе откроется дверь в...

«Орн! — кричал ее мозг. — Орн! Харр!»

Она встретила... Харр, это он! Мощный импульс союзника соединился с ее полем, помог ей вступить в контакт... с каким-то новым, другим разумом. Этот другой ответил на их объединенный зов ярким всплеском своей энергии.

— Она должна взять эту штуку в руки, — проговорил голос позади нее.

— Давай его сюда! — Юран крепче стиснул ее запястье и стал выворачивать кисть. Она почувствовала на ладони враждебное прикосновение камня. Пытаться вырваться? Но что она может против этой силы?

«Харр... Я не могу... Они заставляют меня смотреть в камень... Харр...»

Она ухитрилась оттолкнуть камень и сжала пальцы в кулак. Юран снова принялся выламывать ее руку, держа наготове сияющий кристалл. Она знала, что это — злое сияние, она старалась не глядеть в него.

«Харр!» — иступленно звала она.

«Держись! — Ответ Харра слился с какой-то другой ободряющей волной. — Мы уже почти...»

Юран рванул ее руку. Она вскрикнула от боли, и в эту же минуту капитан вложил камень в ее вывернутую ладонь и своей рукой сжал пальцы девушки в кулак. Крепко держа Дзанту за волосы, он стал пригибать ее голову к руке с камнем.

— Смотри!

Боль была нестерпимой. Голова клонилась все ниже, пылающий огнем камень, казалось, жег ладонь. Девушка видела, как его цвет изменился, стал глубже, окрасился красноватыми бликами... В нем кипела жизнь, он излучал бешеную энергию и притягивал ее, затягивал в...

Уже погружаясь в транс, она услышала далекие выстрелы. Но в ту же минуту девушка рухнула наземь, упав лбом на сверкающий самоцвет. И камень стал кипящим озером энергии, которое вот-вот поглотит ее, утащит в свои жуткие глубины...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Дышать... Почему так трудно дышать? От горьковатого запаха сушеных лилий? Нет. Она замурована! Погребена заживо! Ее замуровали вместе с Тураном. Он уже мертв. Она тоже умрет, когда здесь кончится воздух...

Винтра... Это ее имя? Это ее захватили в плен воины Турана? Что же это? Почему именно ей он нанес свой последний, такой беспощадный, удар?

Она попыталась двинуться и услышала во мраке лязг и скрежет металла. Прикована! Ей ни за что не освободиться от цепей, она только изранит руки и истратит на тщетную борьбу остатки драгоценного воздуха...

Винтра? Нет, ее зовут Дзанта! Припав спиной к стене, она пыталась остановить бешеный поток мыслей, образов, имен, отделить реальность от галлюцинаций. Наверное, она в трансе, ей не удастся отличить сон от яви. Орн когда-то предупреждал о подобной опасности. Нельзя впадать в транс, когда рядом нет опытного психолога, способного помочь сенситиву, если его состояние становится опасным для жизни или может разрушить его рассудок.

Она прибегла к спасительному приему. Орн... Харр... Сформированные в мозгу знакомые образы послужили якорем, опорой для возвращения в мир реальности.

Вспомнила! Юран силком притащил ее в усыпальницу и заставил смотреть в камень. Значит, все это — просто видение? Нет. Жестокая явь. Она ощущает тяжесть цепей, слышит их звон, она задыхается от недостатка воздуха. Она...

Винтра! В ее мозгу будто появился странный переключатель. В одном положении — она сама собой, в другом — иной человек. Та, что обречена на смерть возле саркофага Командора. Ей предначертана участь погребальной жертвы, как единственной пленнице, захваченной в последнем походе на горные племена. Ее переполняет ненависть к Турану. Из-за него она вынуждена умирать здесь, как рыба, выброшенная на сушу.

Но там, в горах, остались родные. Они отомстят за свою Винтру. Они...

Снова мелькание образов, разноголосица имен. Кто она? Кто?

Дзанта! Переключатель сработал... Она должна вернуться в свой мир, а для этого нужно выйти из транса. Орн!.. Харр!.. Она в отчаянье цеплялась за эти имена, она молила о помощи, об избавлении от этого сна — самого страшного из тех, что приходили к ней в минуты погружения в транс. Прежде, соскользнув в иные плоскости, воплотившись в иную личность, она тоже воспринимала видения как реальность. Но столкнувшись с чем-то слишком опасным, она могла управлять собой, вернуться в настоящий мир. Теперь же она титетно напрягала мозг, ставила один за другим барьеры мысленной защиты — все оставалось по-прежнему. И не было никого, кто мог бы ей помочь... Нет! Она обязана очнуться, обрести опору, чтобы вынырнуть из кошмара в свое время, в своей личности. Собраться... Сконцентрировать все силы... Харр!.. Орн!..

Едва уловимое прикосновение. Нет, ей не показалось! Это ответ на ее зов! Теперь всю энергию в пучок: Спасите меня... Верните меня... Я погибаю!..

Есть! Прикосновение. Ответ. Какой-то необычный: он не пришел прямо, а пробивался к ней, растекаясь, словно вода, которая ищет путь между камней, — отступает, отклоняется туда и сюда, но неуклонно продвигается вперед.

Харр! Я здесь! Найди меня! Спаси меня! Я задыхаюсь, я не могу справиться одна с этим кошмаром! Ты слышишь меня?

Это не он!

Дзанта явственно чувствовала чье-то присутствие. Но это не Харр, не Орн. Их бы она узнала сразу. Но если она сейчас в ином измерении, то, быть может, принимает их импульсы искаженными до неузнаваемости? Она осторожно коснулась...

Ужас... Настолько сильный, словно тот, другой, получил сокрушительный, смертельный удар.

«Помоги мне», — умолял, требовал он. Дзанта растерялась. Ведь он отозвался на ее сигнал. Он шел ей на помощь. Почему же тогда...

«Мертвая! Мертвец!»

Неслышимый вопль из глубины гробницы был как поток ужаса.

«Я живая», — ответила Дзанта. В этот сигнал она вложила всю силу, всю надежду на избавление.

«Мертв! Мертв!» — донеслось как бы издалека. Сигнал слабее! Тот, другой, покидает ее! Она останется здесь одна... Нет!

Скорее всего, она выкрикнула это громко. Вопль отразился от сводов темницы, его отголоски еще долго звенели в ушах.

— Не хочу! — крикнула она уже сознательно, так ей было легче ощущать себя.

Тишина, нарушаемая только ее собственным хриплым дыханием. Воздух... Его все меньше... И вдруг — голос:

— Где мы?

Голос! Не мысленный сигнал — живые слова!

— В гробнице Турана, — произнесла она правду. Правду, которая стала ей известна от Винтры.

— Но я... Я Туран... — пробормотал голос. — Но я ведь не Туран!

Какие-то шорохи, стуки — движение? А затем — мысленный приказ, четкий, требовательный:

«Свет!»

Появилось слабое, все усиливающееся свечение. Почему она сама не додумалась до этого? Дзанта немедленно присоединила свою мысленную команду, помогая добиться большей яркости света.

— Здесь мало воздуха, мы на грани гибели, — сообщила она.

— В другое измерение! Иди, быстрее!

Этот приказ заставил ее мозг построить необходимую систему трансформации. И вот она уже не чувствует себя прикованной. Один шаг, другой — она покинула собственное тело. Этот трюк она проделывала и раньше, правда весьма неохотно. Но освобождение от телесной оболочки входило в курс тренировки, предложенный Орном. Теперь же полученный навык давал ей на какое-то время безопасность.

Свет был достаточным, чтобы видеть внутренность склепа. Первое, что бросилось ей в глаза, — собственное тело. Оно лежало на полу, закованное в цепи, продетые сквозь торчащие из стены кольца. Слева, на возвышении, возлежал Туран. Он был укрыт богатым командорским плащом, с которого свисали поникшими соцветиями увядшие лилии. В изголовье лежа горела свеча — ее зажег своей командой тот, другой. Вот пламя резко взметнулось вверх.

«Прокhod для духа, — раздалось в ее мозгу. — Видишь?»

Она поняла, хотя о существовании прохода было известно не ей, а Винтре. Осмотрела стены гробницы: так и есть — в камне прорублена щель, задвинутая монолитом в форме бруса.

— Нужно отодвинуть эту глыбу... Тянем ее на себя...

У нее появилась надежда! Но нужно спешить. Если это судорожно подергивающееся на полу тело умрет, она тоже погибнет. И в ее нынешнем бесплотном существовании запаса энергии хватит ненадолго. Необходимо всю ее сконцентрировать на глыбе. Объединить импульсы... Они трудились с яростным ожесточением. Проклятая глыба никак не хотела поддаваться. Ее обуял страх... Они не справятся... Свет померк: у них не было сил поддерживать его, сейчас главное — каменный брус.

— Рука... Моя правая рука... — простонал голос.

Она послала ему на помощь остатки энергии и, обессиленная, провалилась во мрак... Вот ты какая — смерть...

— Винтра! Очнись!

Она еще жива? И снова в теле несчастной девушки, закованной в кандалы? Жить! Дышать! Ее руки изо всех сил стискивали ребра, заставляя их гнать в легкие свежий воздух, ворвавшийся в склеп из открытой ими щели. Они-таки справились с неподатливой глыбой! И свеча снова горит...

Но что это? К ней двигается... Туран! Вот он опустился на колени, разглядывает опутавшую ее цепь.

— Ну и обычай, — покачал он головой. — Принести человеческую жертву, чтобы воздать погребальные почести царственному герою-воину...

— Ты... — Она попыталась отодвинуться от него. Рядом с нею шевелился, говорил... мертвец. Она видела на его теле страшные раны, слишком серьезные, чтобы их смогли исцелить жрецы Вута. Эти боевые раны унесли Командора в Нижние Миры. А сейчас он подле нее...

— Не Туран, — услышала она. — Хотя придется быть им, как тебе — Винтрой, пока мы не найдем способа вернуться назад, в собственный мир.

— Это ты... ты был с Харром? Или... Ты явился, когда меня заставили сфокусироваться на камень?

— Да, — коротко ответил он, не желая, видимо, ничего больше говорить о себе. — Кстати, что вы делаете с этим самым камнем? Это какое-то явление, пограничное с психометрией?

Дзанта кивнула.

— Ясно. Твоя энергия и перебросила нас сюда. Чем больше я буду об этом знать, тем лучше. Расскажи мне все подробно.

Он не просил — приказывал. И она признала за ним это право. В эту минуту цепь упала с ее тела: он отыскал секретный замок на одном из звеньев. С облегчением вздохнув, Дзанта начала свой рассказ об артефакте.

И она как бы вновь кралась по апартаментам Юкунса, стояла возле столика с безделушками... Она опять вспомнила свою радость, когда удалось телепортировать камень, и свою муку, вызванную непреодолимым притяжением безобразного комочка глины...

— А сейчас у тебя на лбу такой же камень?

Ничего не понимая, Дзанта подняла руки, ощупала голову. Волосы, более длинные и пышные, чем были у нее, стягивал какой-то обруч, вернее — головной убор из нескольких узких обручей. А с них свисал на лоб камень. Как она не заметила его раньше? Ведь он висел у нее прямо перед глазами! Она сдернула обруч.

Точно! Он! Или очень похожий. Ответ могло дать прикосновение, но Дзанта не рискнула дотронуться до камня. Почему знать, что еще случится с ней после этого?

— Это он?

Девушка со страхом взглянула на корону. Она вроде бы сумела полностью вытеснить сознание Винтры из этого красивого тела. Но когда она смотрела на камень, то чувствовала, что Винтра вновь пробуждается в ней. Было бы интересно изучить свойства этого камня, узнать его историю. Но она рискует окончательно и безвозвратно перевоплотиться в пленницу, которую бросили мучительно умирать возле тела Командора.

— Винтра... Винтра должна знать силу этого камня, — нехотя сказала она, не считая возможным скрыть истину.

— Если сила камня такова, что он может воплощать меня в Турана, а тебя — в Винтру, то не исключена возможность обратного процесса. Это необходимо выяснить. Не бойся, ты не одна. Моя воля поддержит тебя. Я буду на чеку и не дам тебе навсегда стать Винтрой.

«Туран — враг, завоеватель. Ему нельзя доверять!» — кричала та частица, которая была Винтрой. «Туран — друг, он помог ей сбросить оковы, дал свет и воздух. И только он может вернуть ее в реальность, в мир, где живет Дзанта».

— Я попытаюсь, — тихо сказала она, хотя все ее существо содрогнулось в предчувствии нового наваждения, затаившегося в этом кусочке цветного минерала. Оказывается, камень можно легко отделить от остальных украшений диадемы. Отцепив подвеску, она поднесла ее ко лбу...

На ее плечи легли руки Турана. Он направлял ее — не словами, а потоком энергии.

— Я ничего не вижу, — произнесла она в отчаянье, и вдруг заговорила медленно, нараспев:

— Норнох над Волнами. Норнох Трех Зеленых Стен. Повинуйся, Лурла!

— Ты Эрия Глаз, — слышала она голос.

— Туран, что происходит? Я выговариваю слова, которых не понимаю. Она прижала руки к вискам, и волосы, более не поддерживаемые обручами, тяжело упали на ее плечи и грудь.

— Ты вошла в Винтру. — Его руки на ее плечах не были руками мертвеца, от них исходило тепло. Сейчас он был якорем, удерживающим ее в границах реальности.

— Нет, — поправился он. — До Винтры была другая... Эрия. Она имела дар и могла использовать камень.

— Значит, это опять видение, родившееся в трансе?

— Конечно. Ты не помнишь всего, что узнала, глядя в камень, а я принял это через тебя. И еще: у этого камня существует двойник, незримо связанный с ним. Это тот, что неизмеримо раньше Винтры применяла Эрия. Камни постоянно стремятся к соединению. Тот, что находится в прошлом, действует, словно магнит, на своего напарника. В этот канал мы с тобой и угодили.

— Но Винтра...

— Она не обладала даром, — пожал плечами Туран. — Для нее это была всего лишь одна из драгоценностей, принадлежавших Турану. Ведь артефакт раскрывает свою уникальность не каждому. Для большинства это — мертвая вещица, и только. Но сенситив, фокусируясь на камень, способен оживить его мощь. Ты разбудила камень, и он стремится сейчас воссоединиться со своей парой, находящейся в еще более далеком прошлом. Помогай артефакту — это наш шанс на спасение.

— Сколько же веков отделяет нас от двойника моего камня? — спросила Дзанта, боясь услышать ответ.

Туран покачал головой.

— Трудно сказать. Может быть, не одна эпоха.

Руки девушки дрогнули, диадема с глухим стуком упала на земляной пол склепа.

— И если мы не отыщем... — Она оборвала вопрос на полуслове. Если Туран так же растерян, как и она, лучше не знать об этом. Только его уверенность поддерживает в ней надежду на возвращение.

Он подошел к возвышению.

— Ты... Ты способен управлять им?

О подобном она никогда не слышала даже от Орна. Правда, по Галактике ходили тысячи легенд про некроманов, про оживление мертвецов, которых использовали для ответов на вопросы и в других, самых неожиданных, целях. Но переход... Это нечто совершенно неизвестное. Насколько устойчиво такое явление? Долго ли он сможет заставлять двигаться это мертвое израненное тело? Другое дело — она, вошедшая в тело Винтры, когда та была еще жива. Ей просто пришлось немного напрячься, чтобы ее индивидуальность вытеснила сознание Винтры.

Но Туран...

Колеблющееся пламя свечей делало его лицо подобным фантастической маске. Он посмотрел на Дзанту.

— Я не знаю. Пока мне это удастся. Не слышал, чтобы нечто подобное кто-нибудь проделывал раньше. Однако нам ни к чему задерживаться здесь. Попробуем выбраться. Ну-ка...

Он встал под отверстием, взмахнул руками и подпрыгнул. Дзанта отшатнулась. Она с ужасом подумала о том, чем закончится смелая попытка, если тело мертвеца перестанет повиноваться новому хозяину. Но руки Турана уже ухватились за край отверстия для выходов духов. Он еще мгновение повисел... и сорвался вниз.

— Так не забраться. Нужно что-то придумать... Вроде лестницы. Он огляделся, но не увидел вокруг ничего подходящего. И вдруг он шагнул к возвышению и приподнял гроб за один конец, установив его почти вертикально под отверстием. Затем вытащил цепь Винтры из стенных колец. Цепь оказалась довольно длинной.

— Подержи гроб, пока я не выберусь, — велел он девушке.

Дзанта надвинула диадему поглубже на голову, подошла и стала удерживать гроб. Он вскарабкался по нему, обмотав цепь вокруг пояса. Вот его голова и плечи скрылись в отверстии. Еще усилие... Он выбрался наружу. Девушка услышала лязг металлических звеньев, и к ней спустился конец цепи. Она ухватилась за него...

Через несколько минут она уже стояла, съезжившись, под дождем и холодным порывистым ветром. В мозгу пробудилась память Винтры: «Стражники...»

— Здесь должна быть охрана, — прошептала она Турану. Он спокойно обматывал цепь вокруг талии, предполагая, что она еще может им пригодиться.

— Вряд ли они будут особенно бдительны в такую ненастную ночь, — успокоил он. — Не бойся, идем.

Вскоре она совершенно заоченела. Для церемонии ее обрядили в прозрачный хитон, который никак не защищал от пронизывающей стужи. Тонкая ткань намочла, облепила ее дрожащее тело. Пышные волосы растрепались по ветру, с них стекала влага. В ночной мгле она с трудом различала рядом неясный силуэт своего спутника. И лишь его рука, обнимавшая ее за плечи, была теплой, успокаивающей.

— По-моему, нам нужно в Сингакокх. — Она с трудом расслышала это сквозь вой ветра и шум дождя.

— Но ведь они... — Страх Винтры подкатил к горлу.

— Они поклоняются Вуту. Вут сотворил чудо — и перед ними вновь живой Туран. Если я появлюсь в городе таким образом, это должно облегчить наше положение. Мы хоть сможем узнать, что известно здесь о твоём камне. Береги его, Дзанта. Только он сможет вернуть нас обратно, если такое возвращение вообще возможно.

Он говорил резонные вещи, но ею в этот миг владели только эмоции, главным образом — страх. Винтра смертельно боялась оказаться вновь среди тех, кто вынес ей приговор и заживо похоронил в гробнице. Но ведь она Дзанта, она не должна подчиняться Винтре! И когда Туран зашагал к городу, она послушно последовала за ним.

По бокам дороги шумели деревья, они хоть немного ослабляли бешеные порывы ветра. Поднявшись на холм, они увидели множество огней: внизу, в долине, лежал Сингакокх. Дорога сбегала с холма и вилась вокруг него, поворачивая затем по направлению к зареву огней.

Они присели передохнуть под кроной раскидистого дерева.

— У тебя не сохранилось памяти Турана? — Дзанта спросила это, не рассчитывая на хороший ответ. Ведь тело было уже мертво, когда им завладел этот человек. Откуда же взяться памяти в мертвом теле?

— Порой мне кажется, что к моей собственной памяти

примешивается еще чья-то. Но это очень смутно... Лучше ты постарайся узнать все, что помнит Винтра.

— Я не пускаю ее в себя. Иначе боюсь, что не смогу управлять ею.

— Но нельзя же действовать вслепую. Куда нам идти? Постарайся пробудить хотя бы воспоминания о городе, о расположении улиц. Дзанта скрепя сердце приоткрыла защиту. Но это не дало ей ничего, кроме эмоций узницы, находившейся под строгой охраной вплоть до того дня, когда ее возвели на жертвенный алтарь.

— Винтра была пленницей, она не видела Сингакокха.

— Ну конечно же! А жаль... Ладно, если что-нибудь припомнишь, сообщи. Что ж, посидели — и хватит. Давай потоплимся. Чем скорее мы достигнем города, тем лучше для нашего плана.

Скользкий спуск с холма был еще труднее, чем подъем. Они то и дело спотыкались и падали, царапая руки и тело о колючий кустарник. Хорошо ли повинуется этому человеку тело Турана? Дзанта боялась вновь поднимать эту тему, а ее спутник не жаловался. Снова и снова помогал он упавшей девушке подняться и вел ее вниз, к подножию холма.

Они спустились в тот момент, когда дорогу осветила фарами ехавшая из города машина. Застыв на месте, оба ждали ее приближения. Когда машина поравнялась с путниками, Туран повернулся к ней лицом так, чтобы на него упал свет фар. Их должны увидеть, должны узнать!

Из машины раздался крик, гортанный мужской голос проговорил что-то на местном языке. Двигатель замер, на дорогу вышел мужчина в офицерской накидке, за ним еще двое вооруженных людей. Все трое держали оружие наготове.

Офицер направил на странную пару лазер, его спутники — дула ручных дезинтеграторов. Названия этих предметов девушки подсказала память Винтры.

— Кто вы?

Туран выступил вперед.

— Посмотрите на мое лицо, тогда сами назовете имя.

Двое солдат попятились, но офицер остался на прежнем месте.

— Да, ты похож, даже очень. Но это, скорее всего, какой-то трюк...

Туран, не торопясь, поднял руки к груди, расстегнул пряжку плаща и распахнул полы. Хотя жрецы Вута немало потрудились над ранами Командора, самые глубокие были отлично видны.

— Нет, это не трюк. Видишь?

— Как же ты вышел... оттуда? — Только слегка дрожащий голос выдал смятение офицера. Дзанта позавидовала его мужеству и самообладанию.

— Через дверь, открытую для духа Вута, — надменно ответил Туран. — Я иду в Сингакокх, там находится то, что вызвало меня из гробницы.

— Ты идешь в башню Вута?

— В дом Турана. Куда мне еще направиться в такой час? А теперь дай мне свой плащ.

Офицер медленно растегнул накидку и протянул, стараясь не касаться воскресшего мертвеца.

Туран накинул плащ на плечи Дзанты.

— Так тебе будет теплее. Потом подыщем что-нибудь получше.

«Ты делаешь ошибку, — мысленно обратилась к нему девушка. — В этом мире Туран и Винтра — враги до самой смерти. Эти люди не поймут твоей заботы обо мне».

«До смерти, — подчеркнул Туран. — Но не после. Мы забыли о нашей вражде, оказавшись на том свете».

«В Нижних Мирах, — мысленно поправила Дзанта. — Здесь так говорят. — Надеешься, что жрецы удовольствуются таким объяснением?»

Туран кивнул, затем заговорил уже вслух, обращаясь к офицеру и его людям:

— Мы покинули усыпальницу, дабы воззвать к милости Вута. Мы вернемся в Нижние Миры, когда Вут рассудит нас по справедливости. И не стоит до поры говорить о том, что здесь случилось.

Один из солдат положил у ног свое оружие и скинул плащ.

— Лорд Командор, я был с тобою при Спатике, где ты сокрушил бунтовщиков. Окажи мне честь, позволь услужить тебе. — Он протянул свой плащ Турану.

— Да, то была нелегкая ночь, — кивнул Командор. — Мы выиграли решающую битву, товарищ. Но и нынешняя ночь важна для меня не менее. Прими мою благодарность за твое добро. А теперь — я хочу вернуться в дом Турана. Рассчитываю на вашу помощь, воины.

Дзанте оставалось только гадать, что за игру затеял ее компаньон, и следовать за ним. На ее взгляд, они забираются в топкое болото, полное гибельных трясин. Один неверный шаг — и конец. Но она послушно уселась в машину и скорчилась в уголке, кутаясь в плащ и прижимая к груди диадему с заветным камнем. Туран уселся рядом. Автомобиль развернулся и двинулся в Сингакокх, увлекая их навстречу неизвестности.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

«Как я выяснил, эти люди не подозревают о возможности мысленного обмена информацией».

Дзанта, приняв это сообщение, нахмурилась. То, что Туран

прозондировал мозг их провожатых, было очень рискованно, а сейчас, как никогда, им необходима осторожность. Но дело сделано: теперь они могут безбоязненно прибегать к телепатическому общению.

«А их мысли ты можешь читать?» — задала Дзанта беззвучный вопрос.

«Удастся распознать только эмоциональный ряд. Частотные характеристики их мозга другие, мне их мысли не воспринять. Что же касается эмоций — у всех преобладает сейчас возбуждение, это вполне естественно. Солдаты объаты ужасом и благоговейным трепетом — они поверили в чудо. Но офицер...» — Он оборвал передачу.

«Что офицер?»

«Он думает о ком-то. Я вижу нечетко, какая-то тень. Этому человеку он намеревается срочно сообщить о происшедшем».

Дзанта решила сама предпринять мысленный поиск. Отключившись от своего компаньона, начала осторожно зондировать мозг сопровождающих воинов. Она тут же поняла, что имел в виду Туран. Образы расплывались, попытки фокусировать их более четко оказались тщетными. Все же она различила, что офицер собирается с докладом к особе женского пола. И тут же включилась память Винтры: Захур М-Туран!

«Та, кому он должен сообщить про нас, — Леди Туран, — проинформировала Дзанта своего спутника. — По-моему, Командор, мы угодили в самый центр опасных интриг, направленных против тебя, вернее, против того, чье тело служит тебе сейчас. Я не в состоянии разобраться в деталях, но уверена, что Турана ждет смертельная опасность...»

«О которой нам с тобой известно, а это уже неплохо, — отпарировал Командор. — Ты советуешь мне быть осторожным? — Пожалуй, это правильно. Людей слишком часто губят интриги тех, кому они доверяют, в чьей любви и преданности не сомневаются. А для начала... Надо попробовать воздействовать на сознание офицера, как-то заставить его не торопиться с докладом. Ты сумеешь войти в его мозг? Мне не удастся наладить с ним четкого контакта, я могу воспринимать только какие-то обрывки его мыслей».

«Я попытаюсь, хотя... Не знаю, удастся ли — все как-то колеблется, расплывается...»

Дзанта припомнила уроки, полученные в лаборатории Орна. Психолог настаивал, чтобы она приобрела навык предельной концентрации психической энергии на определенном объекте. Эффективность ее усилий регистрировали десятки чутких приборов. Впрочем, ей не представился случай применить подобную методику вне виолы. Тем более что такой поток энергии был бы немедленно обнаружен детекторами и в этом случае ее ожидало полное стирание разума, как незаконно практикующего сенситива.

Осторожно, исподволь извлекла она из сознания офицера образ Захур М-Туран и сформировала его в своем мозгу. Тут же пришло подтверждение Командора — от нее и он принял эту картину.

Теперь Дзанта приступила к осуществлению задуманного. Разум офицера словно случайно все настойчивее концентрировался на мысли, что ничего нового для Леди Туран он не откроет, что она в курсе событий, поскольку они являются частью некоего хитроумного плана. Он, простой офицер, по чистой случайности стал участником событий и может жестоко поплатиться за это. В то же время, если он проявит благоразумие и неловким вмешательством не нанесет ущерба замыслам высокопоставленных лиц, его ждет их благосклонность и награда.

«Чудесно! — приняла девушка похвалу компаньона. — Продолжай в том же духе».

Ободренная, она усилила мыслепередачу. Офицер беспокойно заерзал на сиденье: червь сомнения все глубже точил его мозг. Дзанте с большим трудом, но все же удавалось снова и снова входить в четкий контакт с его постоянно ускользающим разумом. Эта беззвучная борьба, да и усталость от всех предшествующих событий вконец измотали девушку. Слабость волнами охватывала ее, унося остатки как физической, так и психической энергии. Она откинулась на сиденье — безвольная, опустошенная, ощущая пульсирующую боль в висках. Достаточно ли успешным был сеанс — она не могла сказать наверное.

Машина уже неслась по улицам Сингапокха. Дзанта ощутила, что ненавидит этот город, боится этих огней, этих людей, чьи фигуры проплывали мимо в мутной пелене дождя. Страхи и ненависть рождались в сознании Винтры, которое стало ее второй натурой. И порой ей стоило немалых усилий ощутить себя Дзантой, заставить молчать память пленницы.

Они свернули в тихую зеленую улицу. Просторные дома здесь стояли на почтительном расстоянии друг от друга, вокруг каждого благоухал экзотическими цветами и кустарниками ухоженный сад. «Дорога Лордов, — извлекла Дзанта из сознания офицера. — Дворец Турана совсем близок».

Автомобиль затормозил у массивных ворот. Подождевшие охранники направили фонари в глубь кабины. Когда луч осветил лицо Командора, раздался крик страха и удивления.

— Долго я буду здесь ждать? Вы разучились встречать хозяина? — В голосе Турана слышались нетерпение и гнев.

— Лорд Командор?! — почти в шоке пролепетал один из людей.

— Мне надоело торчать у собственного дома. Отворяйте же ворота!

Охранник бросился отпирать засов, створки распахнулись,

машина двинулась вдоль темной аллеи. Сквозь мокрую листву деревьев невозможно было ничего разглядеть по сторонам. Вот автомобиль въехал в туннель, а вынырнув из него, оказался перед широкой лестницей, ведущей в дом.

Выбираясь из машины, Дзанта покачнулась и едва не упала. Ее усталость была так велика, что, казалось, ей ни за что не одолеть эту длинную лестницу. Туран подхватил ее под руку и, поддерживая так, повел по ступеням. Один из солдат бегом поднялся по лестнице и принялся барабанить в дверь. Наконец она распахнулась, во всем огромном доме осветились окна.

— Кто-то здесь? Кто осмелился на третий день траура беспокоить Высшего Консорта Дома Туранов? Кто...

Человек, произносивший эту негодующую тираду, внезапно осекся, увидев на пороге Командора.

— Ты долго собираешься держать нас под дождем, Дакостер? Или учинишь мне допрос перед входом в мой собственный дом?

Судя по всему, компаньон Дзанты решил действовать напропалую. Насколько верным окажется взятый им самоуверенный тон, покажет будущее...

Привратник, услышав знакомый голос, смертельно побледнел и отшатнулся. Его руки взметнулись, заслоняясь от стоящего перед ним призрака.

— Лорд... Лорд Командор Туран...

— Да, Дакостер, это я. Траур больше не нужен — извести об этом всех домашних.

— Командор... Но ведь ты... ты...

— Мертв? Как видишь, я не умер. Могут ли мертвецы двигаться, разговаривать, приходить в свой дом? А где Высший Консорт? Я хочу, чтобы и она узнала, что в трауре больше нет надобности.

— Слушаюсь, Лорд Командор.

— Позаботься, чтобы этому офицеру с его солдатами в моем доме было оказано гостеприимство. Они помогли нам добраться сюда в эту жуткую ночь. — Он скинул с плеч плащ и протянул его солдату.

— Боевой соратник, считай себя моим другом. Мне пришлось испытать нечто более страшное, чем война, выстоять в самой жестокой битве, какую ты только можешь себе представить.

Солдат вскинул руку в салют.

— Я готов служить тебе, мой Командор. Позови в любую минуту — я тут же отзовусь.

Дзанта наблюдала все это отрешенно, словно видеофильм, который смотришь сквозь дрему. Ноги подкашивались от слабости. Ей необходимо срочно восстановить силы, чтобы не заболеть, чтобы выдержать предстоящую встречу с Леди Туран...

— Проводи эту девушку и меня в спальные покои, — распорядился ее спутник. — Принеси нам туда вино и еду, мы проголодались, Дакостер.

Дзанта с трудом понимала, что идет по каким-то коридорам, поднимается по лестницам. Она чувствовала руку Турана, который поддерживал ее. Больше она ничего не помнила...

С удивлением она обнаружила, что лежит в постели. Над ней стоял Туран, протягивая высокий кубок с чем-то теплым и пахучим. Она стала глотать эту жидкость, почти не ощущая вкуса. Вскоре озноб прошел, но усталость навалилась еще сильнее. Веки отяжелели, все тело казалось одной большой ноющей болью...

Она открыла глаза — перед ней плавали какие-то размытые цветные пятна. Усилив воли она сфокусировала зрение — причудливый орнамент покрывал потолок незнакомого помещения. Где она? Это не похоже ни на одну из комнат виллы. Она никогда не видела изображенных здесь растений, животных...

С трудом повернув голову, девушка осмотрелась. Широкое ложе, на котором она раскинулась, поддерживали четыре столба, увитые гибкими стеблями живых растений с цветами розового оттенка. Сквозь листву проглядывали стены комнаты, украшенные росписью и блестящими пластинами какого-то металла.

Дзанта села, обхватив колени руками. Это странная комната... Куда она попала? Мысли путались, она никак не могла припомнить, что с нею было. И вдруг — словно вспышка в мозгу. С удивительной четкостью замелькали события минувшей ночи: Туран — Винтра — гробница — бегство — автомобиль... Она в Сингапоре, во дворце Турана. Но где же... Где он сам?

Неужели... она с ужасом оглядела комнату. Вдруг он исчез, бросив ее одну в этом неизмеримо далеком прошлом, в давно умершем древнем мире? Вокруг — никого. Ни пороха, ни звука. Она спустила ноги с постели, попыталась встать. Тут же все поплыло перед глазами, она покачнулась и была вынуждена ухватиться обеими руками за один из увитых цветами столбов.

Выждав несколько мгновений, вновь открыла глаза. Прямо на нее смотрело со стены громадное зеркало, в котором отражалась... Винтра! Она отпрянула, боясь глядеть на эту незнакомую женщину. Но ей необходимо знать свое новое обличье! Собрав всю волю, Дзанта подошла к зеркалу и начала пристально изучать лицо, фигуру, движения той, что звалась Винтрой.

Тело, покрытое прозрачным нежно-розовым хитоном, было не столько стройным, сколько исхудавшим от лишений. Лицо, руки и ноги до бедер темно-коричневые, в то время как

остальные участки тела лишь чуть-чуть отливали желтизной. Вероятно, эта девушка много времени проводила под открытым небом в коротком платье без рукавов. Особенно поражали волосы — густые, рассыпавшиеся по плечам, они имели необычный светло-голубой цвет. Причем (Дзанта знала это) то не было работой экстравагантного парикмахера, такими Винтра получила свои волосы от природы.

Подтверждением тому являлись ресницы и брови, гораздо более насыщенной голубизны. Присмотревшись, Дзанта разглядела голубоватый пушок на руках и ногах, неприятно контрастировавший с темно-коричневой кожей. Но в общем, среди известных Дзанте сотен гуманоидных рас эта девушка была, бесспорно, привлекательным экземпляром. В результате долгих мутаций многие и многие отдаленные потомки землян приобрели гораздо более отталкивающую внешность.

Вот ты какая, Винтра — дочь горских повстанцев, предводительница Боевых Женщин Еакра! Эти сведения, подсказанные чужой памятью, почему-то наполнили грудь Дзанты горделивым чувством. Доставшееся ей по воле случая тело принадлежало далеко не худшей представительнице женского племени!

Однако не следует давать так много воли сознанию Винтры. Иначе она рискует навсегда остаться в этом теле, в этом времени. Ее и так слишком мало связывает сейчас со своим реальным миром...

Диадема! Фокусирующий камень... Ведь он — ключ для пути назад, причем ключ единственный!

Девушка лихорадочно принялась за поиски. Растущая тревога придавала ей сил. Шаг за шагом обследовала она комнату. Рядом с зеркалом — стол, дальше — нечто вроде туалета: множество баночек, коробочек, склянок, щеток и гребней. Она протянула руку и взяла ближайшую коробочку. Как она открывается? Быть может, следует нажать вот здесь? Но что это за звук там, за спиной...

Она обернулась и широко раскрыла глаза. Участок разукрашенной стены исчез, а в образовавшемся проеме, надменно вскинув голову, стояла...

Память Винтры включилась мгновенно: Захур М-Туран.

Манеры вошедшей дышали властью и уверенностью, характерными для людей, привыкших повелевать с раннего детства. Но сейчас даже толстый слой косметики, покрывавший лицо, не мог полностью скрыть царившее в душе Леди Туран смтение.

Ее верхние покровы были еще тоньше и прозрачнее, чем одеяние Дзанты. Они казались неким едва уловимым облаком над нижней, более плотной, туникой. Сложную прическу из темно-голубых волос поддерживали шпильки в виде искусно скопированных насекомых. При малейшем движении головы

они начинали колыхаться и двигаться, как живые. Талию, и без того стройную, туго перетянул широкий пояс, украшенный множеством миниатюрных звонких колокольчиков. Изящные серебристые туфли довершали туалет безутешной вдовы Командора.

Дверь бесшумно затворилась за нею. Дзанту охватила тревога. Даже не прибегая к зондированию мозга, девушка была уверена: с Леди Туран в эту комнату вошла опасность. А вдруг...

Она представила на минуту, что случится, если Турану перестанет повиноваться тело мертвеца. Его тотчас же возвратят в гробницу, а ей предстоит быть снова заживо погребенной у одра победителя...

Нет, только не это! Спокойно. Она все-таки не Винтра, им будет не так-то легко совладать с нею! Мозг и воля — вот ее оружие, и она не сдастся без борьбы.

Сейчас важно выяснить, где Туран, что с ним. С предельной осторожностью, словно воин, имеющий дело с неизвестным взрывчатым устройством, Дзанта попыталась проникнуть в мозг этой властной дамы.

Как и в случае с офицером, ей не удалось прочесть мысли женщины. Но Дзанта совершенно точно уловила адресованную ей волну ненависти, смешанной со страхом.

Впрочем, что-то подобное она ожидала. Теперь — Туран. Нужно ввести мысли о нем в сознание Захур. Кажется, есть прием... Еще какой! Мозг буквально опалил поток эмоций, извергнутый в ответ на ее передачу. И этот поток был подобен зловонной ядовитой струе, ибо в нем не содержалось ничего, кроме яростной ненависти к Лорду Командору и панического страха, связанного с его необъяснимым освобождением из усыпальницы.

Дзанта все это время стояла потупившись, как и подобает рабыне. Лишь на мгновение подняла она глаза и поразились: ни малейшая тень не легла на холодное лицо Высшего Консорта, словно и не бушует сейчас в ее душе всепожирающее пламя ненависти.

Дзанта продолжала мысленное зондирование. Итак, эта женщина возлагала на смерть Командора большие, очень большие надежды. То, что Туран снова жив, снова в этом доме, потрясло ее и напугало. Но не настолько, чтобы смириться. В мозгу Леди Туран уже роятся новые планы, преследующие одну цель: навсегда избавиться от некстати воскресшего супруга.

— Ведьма! — Это слово она выстрелила в лицо Дзанте, словно прожгла ее лучом лазера. — Ты ничего не достигнешь своим проклятым колдовством, запомни!

— Ты называешь колдовством волю Вута? — Дзанта пожала плечами. — Разве не учат жрецы, что человек может по

милости Вута открыть дверь обратно в жизнь? И может ли кто-нибудь допрашивать такого человека о тайнах, известных лишь высшему божеству?

Произнести эту тираду помогла девушке память Винтры. В то же время дар Дзанты извлек из мозга Захур недоверие: образованная знать лишь внешне соблюдала требования религии, на деле же никто давно не признавал древних суеверий.

Согласно им, человек может покинуть замурованную гробницу, открыв (обязательно изнутри) дверь для духа. Такое якобы случалось в прежние времена с теми, кто душой и помыслами был предан Вуту. На этом и строил свой план Туран. Жрецы обладают немалой властью, но из-за неверия образованной верхушки рискуют потерять ее. Признав возвращение Турана в мир живых, они могут укрепить свое влияние, заставить скептиков вновь уверовать в могущество Вута.

— Не морочь мне голову, драны! — Захур буквально трясло от бешенства. — Мертвец — всегда мертвец. Это ты своими чарами управляешь его телом, заставляешь труп говорить и двигаться. Ты откроешь мне тайны своего колдовства, и он снова...

Она вдруг замолкла на полуслове — осторожность победила гнев. Тем не менее Дзанте стало ясно, что супруга Командора менее всего склонна верить в чудеса. Она, бесспорно, умна и очень подозрительна. А вдруг она сможет проникнуть в мозг Дзанты или Турана? Нет, не похоже, чтобы эта женщина была наделена даром сенситива. Или же ее мозг излучает в совершенно ином диапазоне? Но и тогда она безопасна для них обоих...

— Как можно назвать мертвецом живого человека? Или ты отказываешься верить собственным глазам?

Дзанта, как могла, играла роль простодушной Винтры. Она чувствовала, как растет ярость в груди Захур, и видела, что та, ослепленная этой яростью, может кинуться на нее.

— Верить собственным глазам, говоришь? Как бы не так! Достаточно того, что эти идиоты жрецы на радостях пускают слюни и на все лады славят милость Вута. Даже если они в душе и сомневаются, никому об этом не скажут: возвращение Турана им на руку. Я знаю одно: то, что ходит по моему дому, — это не Туран. — Она выкрикнула эти слова как вызов и сжала кулаки. Война была объявлена.

Дзанта сделала еще одну попытку притушить воинственный пыл Захур:

— Но, если это, как ты говоришь, не Туран, то кто?

— Вернее, что это такое? Я правильно говорю, а, ведьма? Разве не ты вызвала из Ледяной Бездны нечто, благодаря чему освободилась от цепей и покинула замурованную гробницу? Трепещи, колдунья: я обещаю узнать все твои чары, и тогда...

Смерть рядом с Тураном покажется тебе блаженством по сравнению с моими способами. Я сумею навсегда отучить тебя забавляться черной магией.

— Значит, дорогая, моим возвращением к тебе я обязан колдовству?

Обе женщины были настолько поглощены перепалкой, что не заметили появления в комнате свидетеля их беседы. Это был Туран. На его лице багровела рана, полученная в последнем сражении. В ярком свете кожа Командора была мертвенно-серой, местами уже проявились отвратительные трупные пятна. И лишь глаза оставались живыми, источая силу и ум, вдыхая жизнь в тело мертвеца.

Дзанта, разглядев как следует это искаленное тело, удивилась огромной воле человека, сумевшего подчинить его себе.

— Почему же ты видишь причину в колдовстве? — Туран подошел к жене вплотную и поднял ее подбородок, заставив смотреть ему в глаза. — Почему, я спрашиваю, ты не возносишь благодарность милостивому Вуту, ушей которого достигли твои жаркие молитвы о моем выздоровлении? Или не было никаких молитв, моя подруга, мой Высший Консорт? Разве не уверяла ты, что моя смерть будет для тебя страшнее твоей собственной? Много раз обещала ты остаться верной обычаям предков: если Вут первым выберет меня для перехода в Нижние Миры, ты радостно пойдешь за мной по Темному пути. Но когда случилось страшное — кто оказался возле меня в гробнице? Не ты, мой Высший Консорт. Вместо преданного человека, способного облегчить мне путь своей любовью, ты отправила со мной ту, что ненавидит меня, готовую призвать для борьбы со мной самые темные и злые силы. Так где же все твои обещания, Захур? Твои заверения и клятвы — самая мерзкая ложь, не так ли?

Он выкрикивал эти обвинения, все больше придвигаясь к ней, заставляя ее пятиться под его натиском. И только сейчас Дзанта разглядела на лице этой женщины проявление эмоций, которое не мог скрыть даже толстый слой грима. В немом вопле ужаса и омерзения искривились губы, руки изо всей силы уперлись в грудь Турана.

— Нет! Не подходи! Мертвец! Возвращайся назад в Ледяную Бездну, откуда тебя вызвали с помощью черной магии!

— В Ледяную Бездну? Наконец-то ты призналась, чего хочешь на самом деле. А ты подумала о том, что именно твоя ложь и лицемерие натолкнули Вута на решение вернуть меня в мир живых?

Она продолжала отступать, покуда не уперлась спиной в стену. Рука лихорадочно заскользила по узорам украшений — и вдруг часть стены повернулась, Захур почти упала в образовавшийся проход. Еще мгновение — и на месте потайной двери снова пестрел замысловатый орнамент...

— Она виновна. Вина рождает страх, — задумчиво проговорил Туран. — Но как же она ненавидит меня! Хотел бы я знать, где кроются корни этой ненависти...

— Туран, — подала голос Дзанта. — Здесь, во дворце, тебе удалось что-нибудь узнать?

— Почти ничего, меня ни на минуту не оставляли в покое. Я вынужден был проявить массу изобретательности, чтобы ускользнуть от жрецов. Они хотят как можно эффективнее использовать случившееся, а для этого пытались получить от меня согласие обследоваться. Пришлось выпроваживать их чуть ли не силой. Разобраться в тонкостях дворцовых интриг мне, конечно, не удалось. Но я выяснил хотя бы, что здесь есть не только враги Турана, но и его сторонники. Один из них дал мне сведения насчет камня...

С этими словами он жестом фокусника извлек из складок туники фокусирующий камень.

— История довольно необычная, но все же выслушай ее — вдруг она наведет нас на след.

Итак, незадолго до восстания горцев, при подавлении которого Туран был смертельно ранен, он отправился на рыбацком судне в путешествие по южному морю. Вдруг, ни с того ни с сего, разразился ужасный шторм, совершенно не похожий на обычную для этих широт непогоду. Я расспросил очевидца о признаках этого шторма и сделал вывод, что речь идет, скорее всего, об извержении подводного вулкана. Угловое суденышко много дней швыряло, словно щепку. Когда же море успокоилось, корабль остался на плаву — правда, с вышедшим из строя двигателем. В результате катаклизма с морского дна поднялось на поверхность множество всякой всячины — обломки затонувших судов, останки невиданных глубоководных животных. Но самой необычной находкой был целый остров, поднывавшийся из морской пучины. Туран велел снарядить на этот каменистый клочок суши лодку и отправился в ней с несколькими моряками. Обследовав остров, они сделали замечательное открытие: вдоль побережья тянулись остатки каменной, вернее — кирпичной стены явно искусственного происхождения.

Туран приказал продолжить поиски в надежде узнать что-либо о народе, воздвигнувшем эту стену. Но тут море вновь заволновалось, один за другим последовали два ощутимых толчка. Островок затрясся, и капитан решил отплыть как можно дальше, опасаясь повторного извержения. Людям, находившимся на берегу, был послан сигнал срочного возвращения. Все заторопилось к лодке. Но Туран вдруг отделился от остальных и замешкался возле скал. Товарищам пришлось дважды крикнуть ему, даже пригрозить, что лодка отчалил без него. Наконец Туран присоединился к остальным. Он весь был вымазан морской слизью, которой обрастают обычно прибреж-

ные камни. На вопрос, что его задержало, ответил, что он заметил в воде нечто вроде полузатопленной фигуры, высеченной из камня. Затем он принялся настаивать на продолжении исследований, но капитан корабля остался тверд. Он не стал рисковать жизнями своих людей и отошел на значительное расстояние от острова.

Сделано это было весьма своевременно. Наутро обрушился новый шторм, изрядно потрепавший корабль и полностью лишивший его хода. С трудом, пользуясь веслами и самодельным парусом, добрались они до какого-то порта. Там Туран вновь начал убеждать всех в необходимости повторной экспедиции к безымянному острову. Но осуществить это ему так и не пришлось: вскоре вспыхнуло восстание горских племен и военные заботы вытеснили все остальное...

— Все это очень интересно, — проговорила Дзанта, — но при чем здесь фокусирующий камень?

— Связь самая прямая. Насколько я понял, у этого народа нет достаточно одаренных сенситивов. В то же время жрецы содержат в башне Вута нескольких девушек, способных ненадолго впадать в транс и в этом состоянии демонстрировать ясновидение и психометрию. Их возможности весьма ограничены, они истощают свой дар уже через несколько сеансов. Поэтому жрецы всячески оберегают своих воспитанниц и используют их способности лишь в трудный час всенародных потрясений.

Турану, нашедшему на острове голубой кристалл, стоило немалого труда заручиться поддержкой жреца Третьей Ступени, имеющего доступ в башню. Жрец пообещал узнать историю камня, полученного от Командора. Неизвестно, что рассказал он Турану, но, видимо, нечто важное: Лорд Командор тут же приказал украсить этим камнем диадему, предназначенную для Высшего Консорта. Этот убор она должна была надеть для погребения вместе со своим блистательным супругом. Но когда с Тураном случилась беда и настал час захоронения, Высший Консорт приказала надеть погребальную корону на твою голову, посчитав тебя вполне способной сыграть трагическую роль, которую в многочисленных клятвах при жизни Турана она отводила себе.

— И все это тебе рассказал один из сторонников Командора? Разве твои расспросы о том, что и так должно быть тебе отлично известно, не вызвали у него недоумения?

Губы Турана искривились. То, что должно было означать улыбку, на лице мертвеца выглядело настолько жутко, что Дзанта поспешно отвела взгляд.

— Я просто увидел, что он опознал камень и был озадачен тем, что эта вещь оказалась у меня. Остальное я осторожно извлек из его памяти, он об этом и не подозревает. В этом и заключаются огромные преимущества дара сенситива.

Из всего, что я узнал, главное — остров. Если у камня

имеется двойник, искать его нужно прежде всего именно там. Вопрос только в том, существует ли этот самый остров и поныне.

— Если раздобыть хорошую карту этой планеты, можно попробовать поиск по карте, — предложила Дзанта, вспомнив свой успешный опыт поиска по карте звезд.

— Это идея. Отыскать карты нужно как можно быстрее. Ведь избежать встречи со жрецами мне не удастся. Как бы ни слабы были их сенситивы, они могут установить, что перед ними — не настоящий Туран. А уж вдова, то бишь супруга Командора, сумеет обвинить нас в колдовстве и добиться уничтожения, как обманщиков и святотатцев. Так что мы должны торопиться.

Дзанта кивнула. Она-то не вызвала бы подозрений: тело Винтры прекрасно повиновалось ей, оно дышало красотой, было полно жизни. Но мертвенно-серое лицо Турана, его зияющие раны... Их обман не мог продолжаться долго, разоблачение неминуемо...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Они мчались так, словно кто-то наступал им на пятки, толкал в спину. Дзанта нашла короткую нижнюю тунику — вроде той, что была надета на Захур, а сверху накинула длинный полупрозрачный хитон. Придерживая его полы обеими руками, она бежала за Командором по коридору, соединяющему женскую половину дома с апартаментами Турана.

Мимо мелькали двери, за которыми слышался говор и смех, но в коридор никто не выходил — путь был свободен. Мысленное зондирование указывало, что впереди их не подстерегает засада. Дзанта не могла поверить, что фортуна наконец благосклонна к ней.

Карта... Где искать ее? Если Туран вел какие-то записи о своем путешествии, они должны находиться в его личных покоях. Но как найти эти бумаги? Поиск вслепую — потеря драгоценного времени. Значит, один должен быть на страже, а другой вести сенсорный поиск, как вела его Дзанта в апартаментах Юкунса.

Она с трудом осознавала, что заброшена не просто в чужой мир, но в иное время, начисто забытое ее современниками. О людях этого города не сохранилось памяти даже в преданиях и легендах. Ледяное дыхание сотен веков, разделивших ее мир и этот, пугало девушку. Ей ничего не хотелось так сильно, как вернуться в свое время: пусть даже там ее ожидают новые опасности и испытания.

Отсюда они казались даже не опасностями — обычной

жизнью. Там все было, по крайней мере, понятно и прогнозируемо. Здесь же за каждым поворотом коридора таилась неизвестность, и это страшнее всего.

— Сюда! — Туран вошел в дверь и поманил рукой девушку.

— Хранилище информации? — Дзанта уловила что-то знакомое в обстановке этого помещения. Ей вспомнился музей, где хранились древние свитки. Но как отыскать здесь то, что им необходимо?

Туран скрылся в смежной комнате (скорее всего, там находился кабинет) и вынес оттуда странную на вид связку коротких веревок, на свободных концах которых сверкали бусинки различного цвета и формы. Дзанта никогда не видела ничего подобного. Если перед ними было запоминающее устройство, содержащее информацию, то сочетание веревок и бусинок для нее лишено всякого смысла.

Ее компаньон разглядывал тем временем странный предмет.

— Такие устройства на некоторых варварских планетах, не имеющих письменности, применяются и в наше время. Но здесь оно используется для сохранения тайны, поскольку налицо индивидуальный шифр, известный только одному человеку. Он может даже в темноте, на ощупь, прочесть переданное таким образом послание.

— Если это шифр, известный Турану, то разве не в твоих силах...

Он сокрушенно покачал головой.

— Мне почти не удастся оживить память Турана. Тем более что большинство энергии у меня уходит на управление этим мертвым изувеченным телом.

Итак, ее страхи подтверждаются: оболочка, в которой приходится пребывать ее компаньону, весьма ненадежна...

Дзанта протянула руку и дотронулась до клубка веревок. Нужно сконцентрировать мощный импульс энергии и попробовать разгадать шифр. Что и говорить, по сравнению с этой задачей считывание лент в апартаментах Юкунса не труднее детской игры. Ведь там информацию ввел такой же человек, как она сама. А здесь кодирование произвел представитель совершенно иного мира, иного времени, с незнакомой психологией... И тем не менее, поскольку других возможностей нет, она обязана попытаться.

— Тебе придется посторожить у входа, я могу не услышать шагов.

Он кивнул и направился к двери. Девушка внимательно рассматривала тонкие шелковистые веревки. Бусинки, насаженные на них с различными промежутками, были белые, голубые и красноватые. Она пропустила пучок веревок через пальцы, еще и еще раз.

Ненависть... Жгучая, смертельная ненависть... Это не веревки — это змеи, готовые вонзить жало в любого, кто посмеет

проникнуть в смысл тайнописи. С криком ужаса она отшвырнула от себя зловеющий клубок.

— Что с тобой? Ты укололась?

Дзанта не ответила. Она протянула руку ладонью вниз и поднесла ее к клубку, не касаясь его. Она решила узнать, от кого исходил оставленный в этом предмете заряд ненависти.

— Их... Их недавно брали в руки. Это был человек, переполненный ненавистью и злобой настолько, что эти эмоции экранируют все остальное. Пока я не пробьюсь через этот барьер, мне ничего не удастся узнать.

Туран огорченно развел руками. Он тяжело опустился возле дверей на скамью и закрыл глаза. Когда его веки сомкнулись, с лица исчезли последние признаки жизни. Дзанта содрогнулась от отвращения. Как долго еще ее товарищ сможет поддерживать этот труп в псевдоживом состоянии?

— Кто же зарядил эту штуковину ненавистью? Хоть это ты сможешь узнать?

Девушка вновь взяла веревки в руки и, сложив их в тугую сверток, поднесла ко лбу. Она старалась отсеять эмоциональный фон, сосредоточиться на изображении того, кто недавно держал в руках этот предмет.

— Захур...

Она знала, что не ошибается: тайнопись побывала в руках Высшего Консорта. Но мозг девушки улавливал еще чье-то присутствие, почти стертые волной ненависти Захур. Она продолжала поиск, пытаясь получить имя или вызвать образ, чтобы дать возможность Турану узнать этого второго человека.

— Захур... — Она приводила еще кого-то, чтобы получить информацию. Но у них ничего не вышло. Отсюда ее злорада. Тогда она... да, да — она взяла с собой несколько шнурков, которые, по ее мнению, содержали наиболее важные данные.

«У нас нет времени. Нам нужна карта», — отдалась в ее мозгу непроизнесенная мысль Турана.

Да, время... Она вступила в схватку со временем, но не в силах победить его. Дзанта задумчиво перебирала шнурки. Будь у нее дни, даже часы — она, скорее всего, сумела бы разобраться в этом. Но времени в обрез. Нужен другой путь — достаточно только посмотреть на Турана, чтобы понять это.

Что им известно? Из моря поднялся остров, на котором есть двойник этого камня. Она привязана к своему камню, а он, в свою очередь, незримо связан с тем, вторым кристаллом. Если они не преодолеют эти узы, Турана ждет повторная смерть. Ей тоже углована мучительная гибель от руки Высшего Консорта.

Говорят, что после смерти телесной оболочки от человека остается некоторая часть его интеллекта. Сенситивы уверены в этом, но Дзанте эта идея никоим образом не утешала. Ей претит участь расстаться с жизнью в этом чужом, далеком от ее времени мире.

Остров... Остров, поднявшийся из пучины, ее кристалл, найденный в прибрежных камнях... Девушка металась взад и вперед, снова и снова ища выход из тупика. Туран в полубессознательном состоянии откинулся на скамье. Есты! Есть один способ, но прибегнуть к нему здесь, среди врагов, под ежеминутной угрозой нападения, ей не удастся. Тогда где же?

Дзанта, призвав все свое самообладание, перестала метаться, осмотрелась вокруг. Здесь спрятаться негде. Но... в этом мире уже известно воздухоплавание, существуют летательные аппараты... Эта информация, подсказанная памятью Винтры, давала неясную надежду. Продолжим... Неподалеку от города есть аэропорт. Если добраться до него, если захватить самолет, если Туран сможет справиться с управлением... Не слишком ли много этих «если»? Но для нее, а если им повезет — для них обоих — это единственный шанс.

Она опустилась на колени возле Турана, взяла его безжизненные холодные руки, пытаясь собственным теплом вдохнуть жизнь в коченеющее тело.

Он повернулся к ней, с трудом открыв глаза. На лице мертвеца снова появилась жуткая улыбка.

— Я справлюсь... — Казалось, что он не ее, а себя пытается убедить в этом. — Я знаю, ты что-то задумала. Скажи что. Я могу мыслить, просто забота о теле отнимает все больше сил...

— Я понимаю. Ты прав, я кое-что придумала, хотя мой замысел может оказаться невыполнимым. Увы, ничего другого я не могу предложить. Мне необходимо впасть в глубокий транс, а для этого я должна быть в полной безопасности, ни о чем постороннем не беспокоиться.

Он посмотрел на нее восхищенно и недоверчиво.

— Ты знаешь, какие могут быть последствия, и все же готова на это?

— Я не вижу другого пути.

Она хотела, чтобы он начал отговаривать ее, убеждать, насколько опасно испытывать на себе влияние камня, который уже успел принести ей столько несчастий. Но он молча глядел на нее, и его мысли были закрыты экраном. Вероятно, компаньон обдумывал ее план, взвешивая степень риска и шансы на успех.

— Пожалуй, это возможно, — произнес он наконец. Но ты права, для этого нужно безопасное место, где ты без всяких помех смогла бы заняться этим. Вряд ли мы найдем такое укрытие в доме, да и в городе тоже. Память Турана почти закрыта для меня — я не в состоянии проникнуть в клубок интриг, которые сплела его супруга и ее сторонники. Но абсолютно ясно, что нам следует опасаться всех, вплоть до домочадцев. История знает немало могущественных кланов, которые распались, взорванные изнутри коварством, завистью

и алчностью. Итак, где оно — безопасное место? Ты знаешь его?

— У меня есть план, правда весьма рискованный. — Ей снова захотелось, чтобы его осторожность спасовала перед риском, чтобы он убедил ее отказаться от сомнительного замысла. — Из памяти Винтры я узнала, что у этого народа есть самолеты. Не думаю, что управление ими сильно отличается от наших флиттеров. Если мы захватим один такой аппарат, то сможем достигнуть моря и найти уединенное место на побережье.

— А ты подумала... — начал было Туран, но Дзанта предостерегающе подняла руку, уловив легкий шум за одной из стен. Слабое царапание, приглушенные шаги указывали, что там был потайной ход. Девушка оглянулась вокруг в поисках какого-нибудь оружия. Она остановилась на высокой вазе, стоявшей на хрупком столике, и потянулась за ней. Туран, однако, не разделял ее беспокойства. Он с трудом поднялся со скамьи и, приблизившись к стене, открыл незаметную дверь. В комнату поспешно проскользнул человек в глухом плаще с надвинутым до самых глаз капюшоном. Когда он откинул его, Дзанта увидела, что его голова перевязана, а лицо иссечено боевыми шрамами.

— Благодарю Вута, что я нашел тебя, Лорд Командор! — Взгляд вошедшего упал на Дзанту. — А эта... Она тоже с тобой?

— Что-то случилось, Вамадж?

— Еще бы, Лорд Командор. Хуже некуда. Она... — это слово он вымолвил, вложив в него весь свой гнев и отвращение. — Она послала за жрецами, чтобы они забрали тебя и... — он ткнул пальцем в сторону Дзанты, — эту в башню Вута. Пусть, мол, все жители города узнают о чуде. Но ни у кого нет уверенности, что вы в целости и сохранности доберетесь до Башни. За всем этим стоит Нувольт, которого ты, Лорд Командор, с позором изгнал полгода назад. Пока ты воевал на севере с мятежниками, он, видимо, тайно вернулся в Сингакокх. А когда... Когда тебя похоронили в гробнице, он объявился открыто и безбоязненно вошел даже в твой дом.

— Выходит, его призвала сюда Высший Консорт?

— Это так, Лорд Командор. Подтверждаются давние слухи, что он поддерживает не старшую, а младшую ветвь твоей семьи.

Дзанта заметила, что воин избегает смотреть в глаза Турану. Вряд ли привыкший к смерти ветеран отводит взгляд при виде этого мертвого лица. Скорее всего, у него есть еще новости, но он боится их выложить.

— Продолжай. Впрочем, и так ясно: пока я был в гробнице, Нувольт взял власть, так?

Туран сказал это с такой уверенностью, словно хорошо знал и Нувольта, и связанные с этим именем интриги.

— Так точно, Лорд Командор. Они были уверены, что никто не стоит теперь на их пути, и вдруг ты возвращаешься...

— С помощью чуда, — внушительно произнес Туран. — Оно наделило меня могуществом и способностью видеть все интриги, направленные против меня.

Вамадж нервно поежился и снова отвел взгляд.

— Лорд Командор... — он запнулся, как бы набираясь смелости продолжать. — Она уверяет всех, что ты по-прежнему лежишь в гробнице, а эта... ведьма, Винтра... сотворила подобие человека. Но ведь я прикасался к тебе, я чувствую, что ты настоящий, не бесплотный! Но Высший Консорт говорит, что стоит тебе попасть в Башню Вута, как власть злых сил кончится и колдовство станет видно всем.

Жрецы же призывают верить в чудо. Они говорят, что в прошлом Великий Вут не раз возвращал в мир тех, чье земное предназначение не было исполнено до конца... Они хотят, чтобы весь народ убедился в могуществе Вута, а для этого согласны забрать тебя в Башню. Она же сделает все, чтобы ты не достиг ее...

Туран рассмеялся.

— Выходит, она сама не верит в свою версию о колдовстве. Иначе... почему бы не представить дело на суд Вута?

— Ты прав, Лорд Командор, она боится. А если ты умрешь по дороге к Башне, она объявит это волей Вута и ей все сойдет с рук.

— Ну уж нет, я не намерен умирать вторично! — Голос Турана был весел и тверд. Колоссальным усилием своей могучей воли он поддерживал и этот оптимизм, и это неживое тело. — По крайней мере, пока я намерен жить и действовать. Стало быть, мне придется подумать и о собственной безопасности.

— Преданные тебе воины решили охранять тебя на пути в Башню. Да и жрецы Вута встанут стеной, защищая тебя в случае налета, — гордо произнес Вамадж.

Туран покачал головой.

— Много ли осталось вас, моих верных солдат? — По его лицу пробежала какая-то тень. — Моих... верных... солдат... — медленно повторил он, словно смысл этих слов был ему непонятен, хотя их звучание знакомо.

Дзанта поняла, что фраза, всплывшая вдруг из памяти покойного Турана, не воспринимается сознанием компаньона. Если его отрешенность будет замечена Вамаджем — конец. Но ветеран был весь во власти своих мыслей. Вот он вновь горячо заговорил:

— Всех твоих соратников она послала на север, Лорд Командор. Всех, кто знал, как ненавистен тебе Нувольт. Под этой крышей ты можешь довериться только мне, Тараху, да

еще молодым офицерам Кор Питу и Джантану Ихто. Но ты знаешь, что у каждого из нас есть преданные люди. Этого вполне хватит, чтобы обеспечить твою безопасность на пути в Башню Вута.

Туран благодарно кивнул.

— Спасибо, верный Вамадж. Есть еще один преданный мне солдат. Он вне подозрений, за ним не следят, как следят за вами. Это воин, что одолжил мне плащ в ту ночь, когда я вернулся...

— Я отыскал этого человека, Лорд Командор. Его отец — жрец Вута по имени Ганель Су Равальт. Их семья живет на южном побережье, молодого человека призвали на службу в прошлом году.

— Он уроженец южного побережья? — Глаза Турана на сером лице возбужденно сверкнули. — Ты можешь тайно связаться с ним?

— Постараюсь, Лорд Командор, хотя, как ты знаешь, этот дом буквально начинен шпионами — у Высшего Консорта повсюду свои глаза и уши.

Туран тяжело вздохнул и опустил обратно на скамью. Лицо, обтянутое серой кожей, вновь стало мертвой маской.

— Вамадж, послушай меня. Мне необходимо убраться из дворца вместе с леди Винтрой. Но прежде чем идти в Башню Вута, я должен сделать кое-что, о чем узнал слишком поздно, уже будучи при смерти. Именно для этого Вут призвал меня обратно. Но мне отпущено немного времени, чтобы сделать намеченное. Я должен спешить, пока мое тело подчиняется мне. Для выполнения своей миссии я должен быть совершенно свободен, сейчас мне не до расследований и доказательств. Я прошу тебя помочь мне получить свободу, поскольку остальные мои боевые друзья сосланы отсюда.

— Да, мой Командор. Положись на нас в этом деле! — с воодушевлением воскликнул Вамадж.

Дзанта всматривалась в лицо воина, пытаясь определить, насколько искренен его порыв.

— Отлично. Тогда слушай, что мне нужно. Я рассказывал тебе о моем путешествии на остров, поднявшийся из моря...

— Да, я помню, мой Командор. Ты еще хотел снарядить корабль и отправиться туда на поиски сокровищ, но грянул мятеж в горах. Но что ты хочешь сейчас?

— Там, на острове, я нашел одну... вещь, которая может дать мне защиту...

— Лорд Командор, ты хорошо себя чувствуешь? Или это... — Вамадж повернулся к Дзанте и уставился на нее с подозрением. — Нет ли доли правды в речах Высшего Консорта? Похоже, эта распутная девка действительно околдовала тебя? Разве можно найти в далеком море что-то, способное помочь тебе сейчас?

— Не беспокойся, Вамадж, я не сошел с ума. Именно море хранило нечто древнее и могущественное, и колдовство здесь абсолютно ни при чем. Я нашел это до того, как Винтра вошла в мою жизнь.

— Камень! Тот, что ты привез тогда и приказал вделать в погребальный убор! Ты не хотел, чтобы им владел кто-нибудь, кроме тебя... Но это... это всего лишь красивый камень...

— Только с виду. Подумай, что помогло леди Винтре оживить меня и доставить сюда? Этот камень из глубочайшей древности, когда люди обладали неслыханными способностями. Вспомни старинные легенды и преданья!

— Но это не более чем сказки для детей и простаков! Чудеса, о которых повествуют легенды, человек делает теперь с помощью техники, не уповая на сверхъестественные силы.

— Это правда, но лишь отчасти. На том острове должны быть вещи, таящие такое могущество, какое даже невозможно представить. Я тоже думал, что найденный там камень — сокровище для глаза, а он оказался сокровищем для разума. Если к нему присоединить то, что я надеюсь отыскать на острове, я получу оружие и защиту от любых козней. Ведь даже одно из сокровищ острова помогло мне победить смерть и вернуться в мир живых.

— Но как ты попадешь на остров?

— Я рассчитываю, что мне поможет ты и тот молодой солдат. Вы подготовите для меня и этой леди, поскольку она тоже причастна к этой тайне...

Вамадж действовал со стремительностью, которую в нем трудно было предугадать. Только обостренная интуиция спасла Дзанту от луча спрятанного в рукаве миниатюрного лазера. Девушка бросилась на пол плашмя, а в стене, возле которой она стояла, задымилось обугленное отверстие.

— Что ты делаешь? — Туран вскочил на ноги.

— Это колдунья, Лорд Командор. Раз ты хоть в чем-то зависишь от нее, она должна погибнуть.

— И я вместе с ней. Вот чего ты достигнешь, Вамадж, если убьешь ее. Я же сказал, что лишь благодаря ей ко мне вернулась жизнь. Без ее помощи я снова умру.

— Это колдовство, Лорд Командор. Отдайся в руки жрецов, они избавят тебя от чар...

Не поднимаясь с пола, Дзанта послала сильный импульс энергии. Голос Вамаджа внезапно затих, руки безвольно повисли, лазер выпал из разжавшихся пальцев. Девушка быстро схватила оружие. Управлять им оказалось несложно: целясь и нажимая гашетку.

«Тебе не следовало быть с ним настолько откровенным», — мысленно укорила она компаньона.

«Он нам необходим. Иначе мы будем делать один промах за другим и в итоге провалим наш план».

По мнению Дзанты, один промах они уже сделали. Но ей ничего не оставалось, как подчиниться Турану. Достаточно ли трезво оценивает он обстановку? Быть может, забота о теле отнимает все силы и рассудок компаньона затуманен? Не исключено, что в какой-то момент ей придется взять на себя роль лидера...

Неохотно она сняла энергетический замок, обездвигивший Вамаджа. Он растерянно потряс головой, словно оглушенный ударом в темя. Когда он полностью пришел в себя, Дзанта положила лазер возле Турана.

— Смотри, человек Сингакокха. — Ее голос был резок и груб, это говорила Винтра, предводительница повстанцев. — Я безоружна, а твое оружие лежит на скамье. Подумай: будь я твоим врагом, выпустила бы я его из рук? Да, я ненавижу Сингакокх. Но когда мы с Тураном были в гробнице, появилось нечто, что связало нас сильнее кровных уз и что гораздо выше былой вражды. Бери свое оружие, и если по-прежнему не веришь мне — стреляй.

«Если я слишком самонадеянна, — подумала Дзанта, — остается уповать, что Туран успеет остановить его».

Но Вамадж, взвесив на ладони лазер, молча спрятал его в рукав.

— Она не лжет, — сказал Туран. — Безоружная, в стане врагов, эта женщина говорит правду.

Вамадж недовольно нахмурился.

— Ты слишком доверчив, Лорд Командор. Подобными штучками мятежники пытаются избежать справедливой ка-
ры, только и всего.

— Чушь! Сейчас Винтра не имеет никакого отношения к своим соплеменникам.

— Ты хотел бы клятвы на алтаре Вута? — спросила Дзан-та. — Но меня с Тураном связали более прочные узы. Не зря я провела в гробнице долгие часы, пока не открылась дверь для духа. Ты думаешь, что кто-нибудь может пройти через все это и не измениться? Теперь я принадлежу Лорду Командору и должна помогать ему, покуда его миссия не завершится.

Вамадж переводил взгляд с военачальника на девушку.

— С самой битвы при Лируме я был рядом с тобой, Лорд Командор. Я добровольно присягал на верность тебе. И сейчас готов делать то, что ты прикажешь...

Не слишком ли быстро сдался этот воин? Дзанта запустила мысленный зонд. Как бы ни расплывчаты были для нее картины, рождаемые в чужом мозгу, отличить врага от друга она могла безошибочно. Нет, этот человек не вел двойной игры.

— Теперь к делу. — Туран был немногословен. — Мне нужен летательный аппарат и тот молодой воин в качестве проводника. Времени в обрез, я должен лететь уже нынче вечером.

— Это сложное дело, Командор...

— А разве я сказал, что это просто? Речь о том, что мне необходимо лететь! — В голосе Турана зазвенел металл. — Если мы не отправимся сейчас же, будет поздно!

— Я понял, — засуетился Вамадж. Он приоткрыл потайную дверь и, втащив в комнату ящик, извлек оттуда длинные плащи с капюшонами, без каких-либо знаков различия.

Часть пути по дворцу они собирались проделать по личному коридору Турана, в который никто не мог войти, не предупредив заранее.

— Неплохой обычай, — шепнул Туран Дзанте. Затем он обратился к Вамаджу: — Иди вперед, проверь, свободен ли остальной путь к выходу.

— Ты ему доверяешь? — спросила девушка, когда воин удалился. — Он может сделать что-нибудь, сочтя это полезным для тебя, даже вопреки твоему приказу. Ведь он считает Винтру коварным врагом и вряд ли способен проникнуться ко мне дружелюбием.

— Согласен, полностью полагаться на него нельзя. Но придется рискнуть, другого выхода из этой ловушки для нас попросту нет. Если преданность возьмет в нем верх над подозрительностью — мы выиграем. Ну а ежели он что-то задумает, об этом нас предупредит зондирование его мозга. Хотя, конечно, полностью читать их мысли нам не дано.

Вамадж не был предателем. В этом они убедились, когда воин благополучно вывел их из дворца через боковой выход, у которого уже стоял наготове автомобиль.

— Тот солдат ждет нас в аэропорту, Лорд Командор. Но перед этим нам предстоит проехать полгорода. Всякое может случиться по дороге...

— Поехали, — оборвал его Туран. — Случится — значит, случится.

Вамадж сам сел за руль. Машина была меньше той, что доставила их ночью во дворец. Дзанта оказалась тесно прижатой на сиденье к Турану. Она то и дело посылала мысленные импульсы сидящему перед ней водителю, боясь пропустить момент, когда воин задумает уклониться от выполнения приказа Командора. Поездка предстоит длительная, и этот контроль отнимет у нее немало сил. Туран не помогал ей, снова отгородившись барьером от всего окружающего. Девушка знала: все силы, всю волю он сосредоточил сейчас на поддержании сил в своем мертвом теле.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Самым естественным было бы, если бы Дзанта во все глаза разглядывала проплывающий за окнами машины Сингакохх.

Ведь перед ней было то, о чем не знали даже Закатане, — цивилизация Предвестников. Но все ее мысли были сосредоточены на бегстве, все силы — на контроле за Вамаджем.

Пока он оправдывал доверие Турана. Автомобиль послушно мчался сначала по тихим улочкам, затем по оживленным магистралям центральной части города. Даже если их побег уже обнаружен, признаков преследования пока не видно.

Вот автомобиль свернул в боковую улицу, затем сделал новый поворот, еще один... Дзанта не обладала развитым чувством направления, а память Винтры не содержала данных об этом городе. Оставалось только гадать, верен ли избранный их водителем маршрут.

Покружив по улицам, Вамадж направился к площадке, где стояло множество автомобилей. Проехав мимо стоянки, их машина затормозила у большого, сияющего огнями здания. За ним раскинулось огромное поле, залитое светом мощных прожекторов. Вот на одну из освещенных полос вырулил самолет, набрал скорость и взмыл в воздух. Он ничем не напоминал знакомые ей с детства флиттеры: крылья у самолета были неподвижны, он, судя по всему, не мог оторваться от грунта без разбега.

При виде летящего самолета сердце девушки сжалось — это заговорила память Винтры. В сознании Дзанты замелькали жуткие картины: с таких вот самолетов летят на жилища людей какие-то предметы. Они взрываются при падении, сея вокруг огонь, страдания и смерть...

Владел ли Туран навыками пилотирования? На мысленный запрос он ответил, что дело это непростое, требующее длительного обучения и постоянной тренировки. Да, самолет — не флиттер, где все автоматизировано, а нажимать кнопки на пульте управления по силам и подростку. Что же им делать? Роль пилота возьмет на себя Вамадж? Или Туран намерен подчинить себе волю кого-то из здешних авиаторов и заставить его вести машину? Но ведь удерживать такого человека в подчинении долгое время невозможно...

Автомобиль тем временем выехал на взлетное поле и двинулся вдоль одной из освещенных дорожек. Скорость постепенно гасла, сплошные светящиеся линии по бокам полосы превратились в цепочку бегущих навстречу огней. Наконец они подкатили к небольшому самолету и остановились. Вамадж погасил фары, высунулся в окно и тихо окликнул:

— Дормус Су Ганель?

— К вашим услугам, Командор, — последовал столь же негромкий ответ.

— Хорошо. — Туран впервые открыл рот с момента выезда из дворца. — Спасибо тебе, боевой товарищ.

— Я выполнил твою просьбу, хотя и сейчас не уверен, правильно ли я поступил. — В голосе Вамаджа звучали усталость и тревога. — Зачем ты все это затеял? Я не возьму в

толк. — Он обернулся к Дзанте. — Подумай, Лорд Командор. Эта женщина — твой смертельный враг. Она поклялась перед Верховным вождем Бенгра, что принесет твою голову, насаженную на кол. А теперь...

— А теперь, — перебил Туран, — она по воле Вута служит мне так, как не может служить никто иной. Вспомни, Вамадж, откуда она помогла мне вернуться. Сделала бы она это, если бы желала моей смерти?

— Высший Консорт уверена, что это колдовство...

— У нее свой интерес, ты должен понимать это. Ведь ты сам предупредил меня, что она полна решимости покончить со мной. Поверь, когда я вернусь, все, что тебе сейчас непонятно, будет объяснено и у тебя не станет поводов для тревоги. Но если я останусь сейчас между жрецами и Высшим Консортом, то меня ждет неминуемое возвращение туда, откуда я вырвался благодаря милости Вута.

— Я не должен сомневаться в твоих словах, мой Командор, — произнес Вамадж с тяжким вздохом. Но неужели нет какого-то другого варианта?

— Такого, чтобы спасти меня, нет. И мой план построен на быстроте. Чем больше я теряю времени, тем меньше шансов на успех...

Он открыл дверцу и сделал Дзанте знак выходить из машины. К ним приблизился запомнившийся по ночной поездке молодой солдат.

— К твоим услугам, Лорд Командор. Приказывай.

— Летим на южное побережье. Там нужно найти безлюдное местечко, подальше от посторонних глаз. Ты сможешь вести самолет?

— Я часто водил личный аэроплан отца. Но на такой маленькой машине мне летать не приходилось.

Туран ободряюще похлопал солдата по спине.

— Тогда ты быстро освоишься. Не будем терять времени, боевой товарищ.

Он повернулся к Вамаджу:

— Я никогда не забуду того, что ты сделал для нас в этот вечер. Ты спас или, во всяком случае, продлил мне жизнь. Я навечно твой должник.

— Позволь мне лететь с тобой, Лорд Командор.

— Ты останешься здесь и будешь прикрывать тылы. А это очень нелегкая боевая задача.

— Будь спокоен, мой Командор. Я буду верен тебе, чтобы ни случилось. И береги себя. — Произнося это напутствие, воин кинул красноречивый взгляд на Дзанту.

Они вскарабкались в кабину по шаткой лесенке. Солдат включил двигатель, тот зашумел и начал свою беспокойную вибрирующую жизнь. Самолет развернулся и побежал по взлетной дорожке. Дзанта решила, что в машине какая-то

неисправность — ей показалось, что они мучительно долго не могли подняться в воздух.

Но вот их последний раз тряхнуло, и девушка почувствовала, что они наконец взлетели. Машина дрожала, то и дело проваливаясь в воздушные ямы. Неприятные ощущения усилились, когда у обоих вдруг заложило уши. Да, воздушный транспорт древних рас по комфортабельности явно уступал флиттерам ее времени.

— Хорошо хоть, что маленьким самолетам не требуется специального разрешения на вылет. А то бы...

— А то бы, — подхватил Туран слова солдата, — нам пришлось бы сочинять какую-нибудь правдоподобную историю. Сейчас главное не это, а наш дальнейший маршрут. От него зависит очень многое. Мы должны сесть как можно ближе к морю. Место, как я уже говорил, должно быть укромным. Цель путешествия — найти источник могущества на затерянном среди моря острове. Найти его поможет один... одна... — Туран в замешательстве умолк, затем скороговоркой закончил: — В общем, от успеха поисков зависит будущее.

Он не сказал, чье будущее имеет в виду. Дзанта усмехнулась в темноте тесной кабины. Авторитет Турана — настоящего Турана — был огромен, если он сумел заставить этих двоих слепо повиноваться себе. Правда, Вамадж так до конца и не расстался со своими сомнениями. А этот молодой солдат? Дзанта знала, что сможет держать его мысли под контролем какое-то время. Эта новая нагрузка истощит ее, но зато даст уверенность...

— Недалеко от побережья, Лорд Командор, есть Плато Ксунта, — заговорил солдат. — У этого места дурная слава, и там мало кто бывает. Так повелось еще со времен гибели Командора Рольфа, хотя, конечно, все это только выдумки темных крестьян...

Выдумки крестьян? Как бы не так. Дзанта уловила в мозгу солдата тревогу: он и сам тайне верил, что на Плато существует некая таинственная опасность. Если Туран и почувствовал настроение их проводника, то никак не отреагировал на это и коротко приказал:

— Ксунт так Ксунт. Ты сможешь сейчас, ночью, найти это плато?

— Полагаю, что смогу, Лорд Командор.

— Решено. — Туран наклонился вперед, внимательно приглядываясь к манипуляциям пилота. Судя по всему, он пытался понять принцип управления древней машиной. Если бы все нужные знания можно было бы извлечь из мозга этого человека, задача несравненно упростилась бы. Но... образы, рождающиеся в чужом мозгу, воспринимались очень расплывчато, не поддаваясь фокусировке. Тогда Дзанта настроилась на волну своего компаньона и начала сообщать ему дополнительную энергию.

Они сидели молча. Вероятно, солдат решил, что его пассажиры задремали. Несколько раз в иллюминаторах появлялись огни встречных самолетов, но никаких признаков преследования не наблюдалось. Тем не менее Дзанту не оставляли сомнения: не верилось, чтобы Высший Консорт так запросто упустил их!

Тем временем ночное небо посерело, близился рассвет. Вот над горизонтом показался краешек восходящего солнца. Молчавший несколько долгих часов пилот тихо проговорил:

— Мы над морем, Лорд Командор. Теперь ложимся курсом на Ксунт.

Туран не отозвался. Дзанта с беспокойством повернулась к нему. При солнечном свете он выглядел смертельно истощенным. Сможет ли он выдержать? Похоже, силы компаньона на исходе. Она почувствовала, как страх леденит ее тело.

— Ксунт, Лорд Командор. Я попытаюсь сесть на этом сравнительно ровном участке.

Когда нос самолета наклонился и начался спуск, Дзанта зажмурилась. По сравнению с посадкой на флиттере это казалось почти падением. Машина стремительно неслась навстречу нагромождениям острых скал, и девушке оставалось лишь надеяться на искусство пилота и милость providения.

Вот машина запрыгала по каменистой почве, их отчаянно швыряло и подбрасывало. Один особенно сильный толчок выбросил ее из кресла. Лежа на полу, Дзанта услышала стон и взглянула на Турана. Лицо его стало землисто-серым, он с трудом глотал воздух широко открытым ртом. Пилот вцепился в штурвал, маневрируя среди каменных глыб.

Наконец они остановились, надсадный рев двигателя стих. Солдат облегченно выдохнул:

— Фортуна милостива к нам, Лорд Командор.

Дзанта огляделась. Утреннее солнце играло на вершине утеса, возле которого они остановились. Среди скал гулял легкий ветерок, до них доносился шум прибоя. Однако море оказалось не так близко, как ей подумалось сначала. Их самолет приземлился на узкой полосе, стиснутой с обеих сторон высокими скалами. На серовато-красном с прожилками фоне громоздились тут и там неестественно черные камни. Гористая возвышенность была лишена всякой растительности и являла собой весьма мрачный пейзаж. Вдруг мозг Дзанты поразила болезненная вспышка, заставившая девушку вскрикнуть. Она словно погрузилась туда, в эту почву, из которой торчали черные глыбы камней.

— Ветер... в камнях... — не произнес, а скорее прошепестел Туран.

Дзанта внимательно осмотрелась, пытаясь определить, что именно вызвало у нее такую острую реакцию. Невольно всплыл в памяти страх, который солдат связывал с этой местностью.

Она ощущала присутствие прошлого — чуждого, враждебного, не совместимого с жизненной энергией. Это не просто камни — это чужие камни, оказавшиеся здесь по чьей-то воле. Развалины давным-давно исчезнувшего города? Замка? Дзанта не хотела ничего знать об этом....

Она видела птиц с ярко-желтым оперением, которые резвились над волнами. Но ни одна не подлетала сюда, словно все живое сторонилось Ксунта. Девушка обратилась к памяти Винтры и получила тревожный ответ. Да, северяне знают о Ксунте, но только по древним легендам. Это темное место, где в далеком прошлом произошло нечто, изменившее весь порядок в мире, породившее социальные язвы, которые поражают народы и по сию пору, став причиной многих мятежей, в том числе и недавнего восстания.

Она включила мысленный поиск. Даже сейчас, через толщу веков, остатки древнего города излучали зло и беду. Сможет ли она выполнить намеченное, если каждый камень здесь является ее врагом, врагом всего живого...

Дзанта направилась к кромке берега, стараясь не касаться черных глыб. Она ступила на источенную волнами полку, оказавшуюся остатками древней дамбы, воздвигнутой в полосе прибоя. Водяные валы один за другим накатывались и с грохотом разбивались об это сооружение. Нигде ни клочка песчаного берега, лишь торчащие из воды сглаженные временем камни...

Но эти камни, материал уступа, на котором она стояла, не несли зловещего излучения, как те черные глыбы на суше. Значит, здесь единственное место, откуда она может без помех заняться мысленным поиском в раскинувшемся до самого горизонта море. Отсюда придется ей сделать попытку, ради которой они прилетели в этот угрюмый край.

«Здесь, — передала она Турану. — От камней суши исходит чересчур много древнего зла, я должна быть свободной от их излучения».

«Я иду...»

Она повернулась. Он двигался медленно, настороженно, будто контролируя каждое движение своего тела, не надеясь на природные инстинкты. Он сделал пилоту знак, приказывая остаться возле самолета, и подошел к девушке. Его голова была высоко поднята, взгляд ясен и тверд.

— Ты готова?

— Да.

Она решила это сделать, но в настоящую минуту ей до боли захотелось отступить, отказаться от их плана. Она один раз уже попробовала использовать фокусирующий камень и из-за этой попытки попала в чужой мир. Что ждет ее на этот раз? Не застрянет ли она снова в каком-нибудь неизмеримо далеком времени? Она с опаской взяла

камень в руки, но, прежде чем начать смотреть в него, обратилась к Турану:

— Держи меня. Не дай мне потеряться там. Ведь тогда ни ты, ни я...

— Да, это риск для обоих. Не беспокойся и приступай, я сделаю все, что нужно.

— Что ж, тогда... — Она стиснула самоцвет в ладонях, поднесла его ко лбу...

Море... Это шумит море — дикое, яростное, разгневанное. Удары волн отдаются в стенах, сотрясают ее комнату, наполненную острым запахом морской воды. Ярость моря направлена против Норноха. Выстоят ли стены против такого шторма? Или против следующего, против того, что придет за следующим...

Дзанта... Кто это — Дзанта? Только звук, неясный проблеск в памяти, который никак не ухватить, он исчезает, тает и забывается, как сон при пробуждении. Эрия!

— Эрия! — Она произнесла свое собственное имя, чтобы придать себе уверенности перед тем, что ей предстоит.

Она растерянно подняла руки, поднесла к глазам... Где? Где то, что она должна держать? Ищи! На полу — смотри!.. Страх потерять что-то сжал сердце. Она упала на колени, шаря, словно слепая, руками по толстому ковру.

Каждое движение тела отзывалось звоном полированных раковин, из которых была сделана ее юбка. Тонкая, почти прозрачная рубашка едва прикрывала маленькую грудь. А кожа... зеленая — нет, голубоватая — или золотая... Цвета менялись, потому что все ее тело покрыто чешуей, переливающейся, словно множество драгоценных камней.

Она — Эрия Глаз. Глаза!

Она прекратила свои бесполезные поиски на полу. Это было глупо — забыть, где могут быть глаза. Разумеется, только там, где находились постоянно с тех пор, как на нее пал выбор и она сделалась тем, что есть сейчас. Она подняла руку и нащупала на голове обруч с прикрепленными к нему двумя камнями. Она не видела, а только чувствовала их — над каждым виском, где они и были всегда. Почему ей взбрело в голову, что они исчезли? С Эрией такое впервые...

С Эрией... А Дзанта? Она не могла не знать, что она и Эрия, и Дзанта! Память будто взорвалась, нахлынула, очистила мозг. Она с удивлением огляделась.

Стены овальной комнаты были гладки и флюоресцировали, словно внутренняя поверхность огромной раковины. Пол устлан ярко-красным пружинистым, как живое существо, ковром. Вместо окон — две узкие длинные щели. Дзанта заглянула в одну из них. Дзанта? Нет — она Эрия, так хотели Глаза. Она вцепилась руками в обруч, пытаясь стянуть его с головы.

Но он плотно обхватывал жесткие, как водоросли, волосы, она не смогла сдвинуть его. Все равно, ей необходимо остаться Дзантой, узнать, где находится Норнох.

Она продолжала стоять возле узкого окна, через которое ей в лицо то и дело попадали соленые брызги. Там, снаружи, были другие такие же башни, и другие девушки в них так же, как она, охраняли Норнох.

Море наступало, как оно наступало на эту страну уже много веков. Ее народ сдерживал натиск моря, отгородившись от него, возведя Три Стены. Стоит им рухнуть, и море опять проглотит эту страну, а ее жители станут тем, чем были когда-то: копошащимися в вонючей тине существами, лишенными разума. Этого нельзя допускать! Норнох охраняют Глаза — шесть Глаз и те, кто их носит, по одному на каждую из Трех Стен...

Она подставила лицо соленым брызгам, пытаясь успокоиться. Нужно сосредоточиться, собрать все силы — и данные ей от рождения, и приобретенные настойчивой тренировкой. Она должна направить их на выполнение своей обязанности — не дать стенам пасть под натиском волн, защитить ее народ от всепожирающего моря.

Стены... Их построили Лурла из собственных выделений. Многие века палец за пальцем, ладонь за ладонью росли стены вокруг Норноха, и все это время его жители кормили Лурла, ухаживали за этими существами, дающими людям защиту от моря.

Заставь Лурла работать — заставь — заставь — заставь! Она уже не Эрия — она воля, она сила, постоянно толкающая Лурла, покада те не начнут сонно ворочаться. Ну же, шевелись! Медленно, ах как медленно они действуют! И все же... большего темпа от них не добиться...

Выделяй, строй, укрепляй... Двигайся, торопись, иначе волны снова превратят мой народ в ничто. Глаза, помогите! Направьте энергию на Лурла, заставьте их работать, работать...

Проклятые твари! Почему так медленно? Быть может, прав Фани? Он сказал, что это кара за то, что народ забыл древние обычаи и больше не делает жертвоприношений? Не думай сейчас об этом, не отвлекайся. Все мысли, всю волю — на главное, на Лурла, чтобы эти неповоротливые слизняки безостановочно ползали взад и вперед вдоль стен, оставляя за собой слой пены. Она затвердевает на воздухе, укрепляя основание Трех Стен и Башен Глаз.

Я приказываю вам, Лурла: не спи! Двигайтесь! Старайтесь — ради спасения Норноха!

Что делать? Мне не справиться с ними, они еще более медлительны и неуклюжи, чем обычно... Я вижу это через Глаза, вижу, как их толстые тела едва ворочаются. А двое вовсе упали и скатились к подножию стены...

Проснитесь, сейчас не время спать! Шторм крепнет. Я чувствую, как шатается Башня под его натиском. Проснись — выделяй — строй — укрепляй! Ну же, Лурла! Она уже не шепчет — она кричит во весь голос:

— Лурла-а-а!..

Рев моря постепенно ослабевает, ярость шторма стихает. Наверное, Фани преувеличивал: это не самый страшный шторм из всех. Она справилась, все страхи позади...

— Дзанта!

Где окно, через которое она только что смотрела? Где Башня? Вокруг раскинулось море, над которым с криками носятся желтые птицы. А перед ней, положила руки на плечи, будто вытащив этими руками ее оттуда, где она сейчас была, — перед ней стоит Туран.

Она отвела его руки, повернулась спиной к морю и стала смотреть на камни, бывшие когда-то Норнохом, его башнями и тремя защитными стенами.

«Стены, — всколыхнулось в мозгу. — Лурла не должны спать, иначе... Нет, все это давно кончено. Давно... когда же? Сколько веков минуло с тех пор?»

Она не знала, могла только предположить, что Эрию и Винтру разделяет не меньше веков, чем стоит между Винтрой и Дзантой. Цивилизация, развившаяся в море, люди с чешуей вместо кожи... Какая пропасть лет! Разум не в состоянии измерить ее...

Теперь Дзанта понимала, где находится, вернее — когда-то находился Норнох. Она протянула руку:

— Или на суше, или под водой. Но искать нужно здесь!

На нее обрушилась слабость, как всегда после глубокого транса. Она обвисла на руках Турана, который повел ее к самолету.

Завидев их, навстречу выскочил из кабины солдат. Его лицо выражало тревогу.

— Лорд Командор, только что по Эс-коду пришло радио-сообщение...

Ни память Винтры, ни сознание Турана не могли подсказать им, что такое Эс-код и для чего он служит. Дзанта прибегла к памяти солдата и, получив ответ, тихо объяснила Турану:

— Военный код для сверхсекретной информации.

— Повстанцы? — спросил Туран.

Но солдат замотал головой.

— Они охотятся за тобой, Лорд Командор. У них приказ немедленно умертвить тебя!

— Захур решила идти до конца, — прокомментировала Дзанта.

— Наплевать, только время — истинный нам враг, — отмахнулся Туран. — Боевой друг, — обратился он к солда-

ту, — теперь нам нужно расстаться. Спасибо тебе за все. Ты даже не представляешь, какую службу сослужил своему Командору. Но дальше мы должны лететь одни...

— Куда бы вы ни направились, я с тобой, Лорд Командор, — твердо сказал юноша.

— Но не в Норнох же... — невольно вырвалось у Дзанты.

— Норнох? — встрепенулся солдат и сжался, словно ожидая удара. — Что вы знаете о Норнохе?

— Там находится то, что мы ищем, — пожала плечами Дзанта.

— Лорд Командор, не верь ей! Норнох — это просто сказки, рыбаки пугают ими своих детей. Неужели можно всерьез верить в этот город, в людей-рыб? Такое может явиться только во сне!

— Что ж, значит, будем искать во сне, — усмехнулась девушка.

— Лорд Командор, — в отчаянии заговорил пилот, заслонив спиной дверцу кабины, — эта ведьма воистину околдовала тебя! Не давай ей толкать себя навстречу гибели!

Переборов усталость, Дзанта была вынуждена прибегнуть к единственному своему оружию. Она сконцентрировала энергию в пучок и ударила, как ударила бы примитивной дубинкой. Солдат пошатнулся, пронзительно вскрикнул и рухнул наземь, обхватив голову руками. Его тело беспомощно распласталось под крылом самолета.

— Я понимаю, — развела руками Дзанта, — это плохо, но мне не оставалось ничего другого.

— Да, ничего другого. — Голос Турана был монотонным, тусклым. Он потерял не меньше сил, чем она. — Мы должны улететь прежде, чем он очнется. Ему не место там, куда лежит наш путь. Ты точно определила направление?

— Ошибка исключается, — просто ответила девушка, забираясь следом за ним в кабину.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Двигатель взревел, нос вибрирующего самолета развернулся к морю. Дзанта зажмурилась. Сможет ли Туран поднять машину в воздух? Достаточно ли он узнал, сидя рядом с пилотом, чтобы вести полет, или их ждет гибель в ненасытной морской пучине? Тогда первый вылет новоявленного авиатора станет и последним.

Они шли низко, над самой водой — вот-вот машина врежется в волны. Но Турану удалось выровнять самолет, поднять его выше. При этом его лицо выражало страшное напряжение — казалось, тяжелый аэроплан только усилием его воли держится в воздухе.

Она сжимала в руке фокусирующий камень, ощущая его силу, его притяжение. Отыщут ли они второй Глаз? Вдруг он находится глубоко под водой, откуда им никогда не извлечь его? Там будет видно, пока же главное — не утратить верного направления.

Дзанта сконцентрировалась на камне, стараясь в то же время не утрачивать контроля над собой, чтобы не погрузиться в транс. Балансировать на тонкой грани между фокусированием и трансом было нелегко, эта игра изнуряла ее. Истощались и физические силы: мучил голод и жажда, клонило ко сну. Но она старалась отвлекаться от всего этого, используя приемы, которым обучил ее Ори. Он внушал, что тело — лишь инструмент, и нельзя допускать, чтобы потребности плоти одержали верх над разумом и волей.

Сколько им лететь? Это было жизненно важно: небольшой самолет может оказаться не приспособленным для дальних перелетов. Кончится горючее — и тогда...

Дзанта наглухо заблокировала мозг, отключила от Турана, полностью сосредоточилась на маршруте, став частью путевого кристалла, ведущего их к цели. Время остановилось для нее. Не осталось ничего, кроме незримых нитей, связывавших ее с камнем. Что это? Она ощутила, как нити становятся крепче, явственней: это самолет отвернул от берега в открытое море. Камень в руке начал излучать тепло. Она посмотрела: яркость самоцвета увеличилась, появились вспышки, как будто в ее руке было неведомое устройство для связи.

— Камени! — Она произнесла это вслух, чтобы не переключать энергию на мыслепередачу. — Он оживает, смотри!

— Должно быть, мы где-то рядом, — тихо, почти шепотом, ответил Туран.

Но если двойник ее камня в глубинах океана... Она боялась подумать о таком исходе. Приникнув к иллюминатору, девушка пыталась разглядеть, что впереди. Солнце мешало смотреть, било в глаза, — и все же... Какой-то силуэт возвышается там, над водой...

— Туран, остров!

Он заложил вираж, самолет сделал круг. Все, что она видела внизу — острые пики скал, лишённые всякой растительности. Как же им садиться? Для флиттера оказалось бы достаточно маленькой площадки. Но детальным механизмам этого мира необходимо значительное пространство для взлета и посадки.

Туран продолжал кружить над клочком суши, глядя вниз.

— Остров больше, чем я думал. Или рассказы о нем неточны, или с момента своего появления он еще больше выступил из воды.

— Смотри! — закричала Дзанта. — Вон туда, на юг!

От утесов прямо в бушующее море тянулся мол, сложенный из огромных каменных плит. Волны бились о них, оставляя шапки пены. Каменная гряда напоминала огромный пирс, к которому могло причалить много больших кораблей.

— Ты сумеешь сесть на эту полосу?

— Единственный способ узнать это — попробовать, — последовал еле слышный ответ.

Туран изнемогал от напряжения, он был уже готов садиться куда угодно.

Опять Дзанта зажмурилась, когда колеса коснулись камней и запрыгали по мокрой полосе. Судя по тряске и толчкам, плиты были не так гладко пригнаны друг к другу, как казалось сверху.

Но вот мотор замолк, они остановились. Девушка осторожно выглянула в иллюминатор, но ничего не увидела: он весь был затуманен водяными брызгами. Тогда она открыла дверцу. Самолет затормозил у самой воды, но, так или иначе, они были в безопасности — не разбились о камни и не сверзлись в морскую пучину.

— Туран!

Молчание. Дзанта посмотрела: он неподвижно сидел, откинувшись на сиденье. Она потрясла его за плечо.

— Туран!

Медленно, словно преодолевая сильную боль, он повернул голову. В потухших глазах была смерть.

— Я больше не в состоянии держать тело. Помоги, открой мозг!

Страх охватил Дзанту. Бросив фокусирующий камень на колени, чтобы его излучение не было помехой, она обхватила руками голову Турана, словно книгу, которую ей необходимо прочесть во имя спасения собственной жизни.

Информация перетекала в ее мозг — все, что ее товарищ узнал от солдата. Он передавал ей инструкции — как действовать здесь, как улететь отсюда, завершив все намеченное. Когда он закончил передачу, она закричала:

— Держись! Ты обязан держаться, иначе...

Иначе они останутся здесь навсегда. О, это хуже смерти! Смерть... Может быть, она отпустит его, получив назад тело, которое ему так и не удалось до конца оживить? Этого девушка не знала... Но зато знала то, что не должна позволить ему умереть. Значит, ей предстоит найти ключ и к их возвращению, и к его оживлению.

Дзанта склонилась над угасающим телом. Инстинкт заставил ее попытаться вдохнуть в него жизнь тем способом, который был известен ее народу с древних времен, когда никто даже не подозревал о существовании психической энергии. Ее губы коснулись помертвевших губ Турана. Она

хотела, чтобы ее жизненная сила передалась таким путем к нему.

«Держись!»

Время... Оно снова было ее врагом. Скорее за дело! Она выпрыгнула из кабины, прижала к груди камень и двинулась вдоль осклизлых плит. С воздуха этот путь представлялся короче. Самолет стоял примерно на середине полосы, и ей предстояло немало пройти до островного массива.

Дорога, безусловно, была делом чьих-то рук, а не слепой природы. Но, пробыв долгое время под водой, плиты обросли раковинами и тиной, в трещинах пустили корни причудливые водоросли, зловонные остатки которых догнивали теперь под ногами. Ее еще раз поразили исполинские размеры каменных глыб, так плотно пригнанных друг к другу, что даже века не смогли их разделить.

Зов фокусирующего кристалла стал настолько сильным, словно к нему была привязана веревка, увлекавшая девушку вперед. Где-то там, впереди, второй конец веревки — двойник этого кристалла. Но как отыскать его в этом хаотическом нагромождении камней?

Ее путь привел к какой-то груде, напоминавшей развалины древнего сооружения. Но камень тянул дальше, пришлось искать дорогу среди острых обломков. Скоро легкое одеяние Дзанты превратилось в лохмотья, колени были исцарапаны и покрыты ссадинами, ногти сломаны, а ладонь порезана о торчащий край раковины. Но она все лезла вперед, пока не взобралась на вершину этих руин. И здесь...

Невидимая веревка продолжала тянуть, но дальше дороги не было. Она уперлась в какое-то древнее сооружение — оно оказалось совершенно целым. Перед ней высились отвесные стены, огибавшие утес. Они были абсолютно гладкими — тщательно искали ее окровавленные пальцы хоть какую-то выбоину или трещину. Но она чувствовала: там, за стеной, находится то, за чем они летели сюда. Руками тут ничего не сделаешь. Может, в самолете есть какой-нибудь инструмент, с помощью которого она пробьется через монолит? Хотя вряд ли: кладка многих веков выдерживает сокрушительный натиск волн, разбить эту стену почти невозможно.

Остается один путь — тем более опасный, что теперь у нее нет поддержки компаньона. Звать его сюда — значит убить окончательно. Но ей придется пойти на этот шаг, иначе они останутся здесь навеки. Дочь своего народа, она не могла примириться со смертью — она решила бороться за жизнь до конца. Успокоив дыхание, Дзанта отчаянно сжала в руке кристалл и поднесла его ко лбу...

Ее опять окружили стены овальной комнаты. Она чувствовала тяжесть головного обруча, прикосновение Глаз к вискам. Вся комната была пропитана страхом — ее страхом перед тем,

что пришлось пережить в этот шторм. Она выдержала его — но какой ценой! Чего ей стоило заставить Лурла работать, укреплять Стену! Они не хотели подчиняться, они... они сопротивлялись ее воле, воле Глаз! Тяжело дыша, Эрия пыталась понять, что это значит. Неужели ее могущество, ее дар стали слабее? Она не могла поверить, что наступил роковой час, когда...

Нет! Не может быть! Ее срок еще не пришел, она не так стара и бессильна! Просто этот шторм был слишком силен, сильнее всех, какие она помнит. И Лурла... они устали. Конечно же, устали. Это не ее слабость виновата, нет! Она прижала к бокам юбку из ракушек, оглядывая свое обтекаемое чешуйчатое тело. Нет, ей еще не пора отречься от Глаз, она еще долго сможет служить им!

Эрия выглянула в щель окна. Волны стали гораздо меньше, но и сейчас море было голодным и злым под низкими зловещими облаками. Если Онга рассчитал верно...

Слабый звук за спиной заставил ее обернуться. В дверях стояла женщина — тонкая и хрупкая. Лицо обрамляли густые жесткие волосы темно-зеленого цвета — цвета юности. Обнаженное тело блестело после недавнего погружения в воду, щели шейных жабер еще не полностью закрылись.

— Приветствую Глаза, — эту ритуальную фразу вошедшая произнесла с нескрываемой насмешкой. — После шторма нам удалось собрать славный урожай, на берег выброшено много интересного. Да, ты слышала: Хунна заявила, что больше не в силах управлять Глазами.

Все это время она не отрывала от Эрии пристального взгляда, в котором горели жестокость и алчность. Стареющая хранительница Глаз отвернулась к окну, углубилась в горькие размышления.

Я понимаю, Атея, думала она, как страстно ты мечтаешь, чтобы и я отказалась от непосильной нагрузки. Эрия с трудом удержалась, чтобы не коснуться рукой головного обруча. С тех пор как Глаза были доверены мне, ты затаила на меня злобу. И все эти годы шпионишь за мной, выжидаешь момент, когда твоя сестра сможет занять мое место. Но Хунна... О море! Ведь она на пять лет моложе меня, а уже истощила свой дар... К тому же в Норнохе у меня нет друзей, а многие откровенно меня недолюбливают. Да, я замкнута, не люблю общества — такова уж моя натура, мне ее не изменить. Но теперь... Если поднимется вопрос о Глазах — кто встанет на мою защиту?

Все эти мысли промелькнули в голове Эрии за несколько кратких мгновений. Когда она вновь повернулась к Атее, лицо ее было спокойно.

— Хунна хорошо служила Глазам. — Эрия внимательно следила за своим голосом, чтобы не выдать смятения, вызванного сообщением Атеи.

— Ты так считаешь? По мнению многих, она могла служить и получше. — Острый язычок дерзкой девчонки быстро облизнул губы, словно смакуя что-то очень вкусное. Как о чем-то незначашем, Атея сказала: — Собирается Совет...

Эрия почувствовала, как пол уходит у нее из-под ног. Усилием воли она вернула самообладание, надеясь, что для собеседницы этот приступ слабости прошел незамеченным.

— Но... это же против обычаев. Никто не имеет права решать судьбу хранительниц Глаз.

— Фани ссылается на Закон о Тройной Опасности. В таких случаях Совет может принимать любое решение — это тоже обычай предков.

Эрия проглотила подкативший к горлу комок. Фани — поборник старых обычаев, давно забытых людьми, Фани — приверженец идеи Кормления... Если у него найдутся сторонники — о море, что же будет тогда!

— Совет уже заседает... — Атея вплотную придвинулась к Эрии, пытаясь уловить на ее лице тень тревоги. Фани говорил с ними. И Голос Скалы...

— Голос Скалы, — перебила Эрия, — молчит уже столько лет, сколько ты помнишь себя, Атея. Даже Рабур не смог заставить его звучать, хотя потратил на это половину прошлого года. У древних были свои тайны, мы давно утратили ключи к ним...

— Утрачено вовсе не так много и не так безвозвратно. Просто мы пытаемся идти другими путями, более безболезненными, но и более слабыми. Тор со своим братом не зря изучили мудрость древних — им удалось заставить Голос вновь говорить. Они предрекают беды для нашего народа, если мы не сумеем умиловить Лурла. Во время минувшего шторма Хунна не смогла заставить работать троих...

Троих? Она не справилась с троими... А ей, Эрии, отказались повиноваться четверо! И Хунна отреклась от Глаз — выходит, и ей следует поступить так же... Так, так... Что еще выболтает эта девчонка?

— Ты сказала, что Хунна могла бы служить лучше? — Она уже не могла скрыть волнения, хотя видела злорадный огонек в глазах Атеи. — Что ты имела в виду?

— Если голос предскажет следующий шторм, авторитет Фани в Совете поднимется. Что с того, что хранительницы Глаз поклялись служить Норноху всю жизнь? Кому нужна такая служба, если их власть над Лурла слабеет? Им даже не удастся заставить Лурла давать побольше потомства. Нужно вернуться к Кормлению, напрасно мы отступили от этого освященного веками обычая предков.

Огонек торжества в глазах Атеи был ответом на отчаянный вздох, вырвавшийся из груди Эрии.

— Подумай сама, что ты говоришь. Народ уже давно отказался от Кормления. Ведь есть указ Гана, предостерегающий людей от слепого следования темным варварским обрядам. Разве для этого наш народ поднялся из прибрежной слизи?

— Фани утверждает, что Ган и ему подобные нанесли вред. Ты наблюдаешь за Лурла. Скажи, Хранительница Глаз: они так же послушны твоим приказам?

— Спроси об этом у Норноха. — Эрия сумела изобразить беспечную улыбку. — Разве Башни пали? Разве Стены рушатся под ударами волн?

— Пока нет. Но если Голос скажет, что подступает новый шторм, зачим еще... — Теперь победоносная улыбка сияла на лице Атеи. — Уверена, что после отречения Хунны к мнению Фани прислушаются многие. Он может даже попросить единоличной власти — как тебе понравилось бы это, Эрий?..

Она тряхнула своей зеленой гривой и исчезла. Эрия подставила лицо залетающим через окно в башню брызгам прибоя. Неужели Фани и его брат Тор сумели восстановить Голос? Более вероятно, что это просто трюк, с помощью которого Фани рассчитывает приобрести вес в Совете и столкнуть народ на старые пути, к варварским обычаям древности, против которых восстал в свое время молодой правитель Ган.

Да, много веков Голос, установленный на высочайшей скале внутри Трех Стен, безошибочно предсказывал приближение шторма. А потом Голос замолчал, и это тоже было следствием обычаев. Истари велось, что только определенное сословие народа Норноха обслуживало Голос, знало его сложный механизм. И когда случился Год Кровавого Потопы, первыми жертвами стихии стали слуги Голоса.

После этого еще много лет Голос продолжал звучать перед штормом, и люди поверили, что он вечен. Но вот он стал ошибаться — сначала нечасто, затем постоянно, а вскоре вовсе заглох. Два поколения энтузиастов пытались запустить Голос, понять его устройство, но безуспешно. В конце концов уверовали, что Голос, как и Лурла, подчиняется только мысленным приказам, а тех, кто умел с ним общаться, уже не стало. И если средством коммуникации для Лурла были Глаза, ничего подобного для контакта с Голосом не обнаружили.

Глаза... Хунна отказалась от них, отчаявшись заставить двигаться неповоротливых слизняков. Неужели их непослушание — следствие того, что с ними не нянчатся так, как в старые времена? Да нет же, популяция Лурла постоянно контролируется, их численность пополняется по мере надобности. Эрия более охотно склонялась к мнению группы ученых, предполагающих, что в потомстве этих существ появилась некая мутантная ветвь, для которой приказы Глаз не обладают прежней магической силой. Это вполне возможно. Ведь люди на протяжении веков неузнаваемо изменились с тех времен, как их

предки шаг за шагом выходили из моря. Из рыб они сделались амфибиями, а потом стали людьми! Но над ними неотступно висит страх, что их единственный сухопутный оплот — Норнох — поглотит море. Тогда они потеряют в таких муках добытый разум и вновь превратятся в мелководных морских существ, ничего общего не имеющих с человеком.

Возврат к давно отвергнутому Кормлению Лурла — не безумие ли это? Ган учил, что этот обычай — дикий, варварский, он низводит людей до уровня кровожадных морских хищников.

Обруч, поддерживающий Глаза, сегодня особенно сильно сдавливает лоб. Она уже не может носить его горделиво, как в молодости. Эрия вернулась к окну, оперлась о стены вырубленной в камне амбразуры. Морской ветерок обдувал, успокаивал покрытую чешуей кожу. Она устала. Пусть бы те, кто никогда не носил Глаз, попробовали походить хоть один день с этим тесным тяжелым обручем на лбу! Нет, их притягивают только привилегии, положенные Хранительницам. Пусть бы испытали ее ответственность, ее постоянный страх — никакие знаки почтительности не стоят этого!

Но если так рассуждать, почему она не последует примеру Хунны, не признается, что у нее четверо Лурла вышли из повиновения? Нет — это значило бы сдать еще одну позицию Фани и тем, кто смотрит в рот этому кликуше. Другие Хранительницы Глаз слишком молоды, они легко поддаются влиянию. А этой хитрой Ваазе Эрия попросту не доверяет...

Нет, пока еще есть силы, опыт — она остается в Башне. Тем более если кто-то агитирует вернуться к Кормлению. Это само по себе ужасно, да к тому же Норнох наводит всякий сброд...

И все же угрозу не стоит преуменьшать. Если Голос действительно восстановлен и он предскажет новый шторм, Фани может сослаться на закон Тройной Опасности и потребовать себе чрезвычайных полномочий...

Эрия почувствовала вдруг себя беззащитной рыбешкой, плывущей среди клыкастых хищников, готовых ее проглотить. О море — как она устала!..

Хунна! Нужно пойти к ней, самой узнать все, убедиться, что в происходящем виноваты не Хранительницы, а мутация Лурла. Темным суевериям необходимо противопоставить знание. Чем больше фактов она соберет, тем надежнее построит свою защиту.

Эрия торопливо семенила по коридорам, уверенно ориентируясь в анфиладе тамбуров, переходов, секций. Лишь избранные бывали в этих галереях, соединяющих между собой Башни: покой Хранительниц был священным. Их тревожили лишь в связи с необходимостью осмотра Лурла или когда возникала веская причина использовать талант Хранительниц. В гулких

переходах было пусто — всеобщее внимание сейчас привлечено к заседанию Совета, к возможности вновь услышать Голос.

Вот и Башня Хунны. Эрия отстучала перепончатыми пальцами свой личный код. Дверь медленно отворилась, и Эрия оказалась в точной копии своей собственной комнаты. Хунна выглядела без Глаз очень непривычно. Такой Эрия никогда ее не видела — ведь они в один день были посвящены в Хранительницы.

— Сестра... — голос Эрии выдавал смущение: Хунна смотрела как бы сквозь нее, словно в комнате никого не было.

— Мне рассказали, что... Нет, я не могу в это поверить!

— Во что ты не можешь поверить? — Голос Хунны, как и ее лицо, был лишен всякого выражения. — Тебе сказали, что я отреклась от Глаз? Что я больше не охраняю? Если ты об этом — все правда.

— Но почему? Все сестры знают, что временами Лурла бывают непослушны, их трудно заставить работать. В последнее время это случается все чаще...

— Во время шторма, — Хунна говорила как бы сама с собой, — я поняла, чем стали Лурла. Трое из них не откликнулись на призыв Глаз, хотя я напрягала все силы. Боюсь, что когда-нибудь стану виновницей гибели Норноха. Пусть та, у которой больше сил, встанет на мое место и охраняет Стены.

— Ты уверена, что та, другая, сделает это лучше?

Этот вопрос вернул жизнь лицу Хунны, ее большие глаза блеснули. Она впиалась в лицо Эрии так, словно все еще носила Глаза и могла прочесть ее мысли.

— Ты что-то знаешь?

— А ты не думаешь, что Лурла стали другими? Последнее время они медлительны, как никогда. Что, если в этом повинны не мы, не истощение наших способностей — просто Лурла научились сопротивляться приказам Глаз?

— Что ж, возможно. Но многие считают, что Кормление может их умилостивить. Отмена Кормления — причина их неуправляемости. Так или иначе, но пускай теперь другие, тренированные по-новому, займутся этой проблемой. С меня хватит.

Кормление. Они и Хунну почти сумели убедить! Но неужели она не понимает, насколько опасно укреплять и распространять это мнение? Пожалуй, ей, Эрии, не следует рассказывать о своих наблюдениях — это только на руку приверженцам возврата к Кормлению.

И тут на лице Хунны мелькнул интерес.

— Ты замечаешь, что они сделались ленивее, инертнее? Скажи, сколько не подчинилось тебе в минувший шторм?

— Почему ты решила...

— Почему? Да потому, что и ты боишься, Эрия. Я без Глаз

чувствую твой страх. Признайся: ты замечаешь, что твои силы слабеют? Но в Башне не место тем, кому не подчиняются Глаза. Не лучше ли самой отречься от них и не ждать, когда народ потребует испытания и с позором сорвет их с тебя? Это сделает лжехранительницу ничтожеством, я не хочу ни для себя, ни для тебя подобного конца.

— Это все не так просто... — Эрия пыталась отвести обвинения, но разве можно обмануть ту, которую выбрали в Хранительницы? — Подумай, Фани слушают на Совете. Он агитирует за возврат к Кормлению. И еще — он обещает, что Голос заговорит...

— А если это правда, и Голос предскажет еще один такой же сильный шторм? Подумай, что будет, если Хранительница Глаз не сможет совладать с Лурла и из-за ее упрямства, тщеславия погибнет Норнох?

— Тщеславие? Страх потерять привилегии? — Эрия почти кричала. — Нет, не из-за этого! Вернуться к Кормлению — значит вернуться к нашему началу, забыть учение Гана, погрязнуть в зле. Кормление — тяжкое зло, я в этом уверена!

— Странно звучит это в устах той, что дала клятву служить Норноху, не щадя ничего, вплоть до собственной жизни, — раздался за их спинами мужской голос. Эрия резко обернулась.

— Фани! — в ужасе прошептали ее губы.

Высокий, выше многих мужчин, хотя и уступающий им в физической силе, он стоял в дверях, насмешливо склонив голову. В глазах светился быстрый острый ум. В этот миг Эрия поняла, что для таких, как она, этот человек по-настоящему опасен. Хотя его престиж не так высок, как у Хранительниц, все же власть его достаточно сильна. Он хотел большего, но не имел дара управлять Глазами. Это бесило Фани, это делало его их врагом.

Не был Фани и воином, ему не удавалось достичь искусства в обращении с оружием. Но он владел другим оружием — это его ум и его красноречие. Они помогали Фани побеждать, они дали ему место в этом мире. Сейчас он хотел подняться еще выше и уверенно шел к цели: Фани была нужна единоличная власть.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Вся суть этого человека стала ясна Эрии, когда их взгляды встретились. Это опасность не только для нее: чтобы захватить власть, Фани пойдет на все. Он способен перевернуть весь уклад жизни народа, он может погубить Норнох.

— Ты поклялась служить Лурла, — повторил он, не дождавшись ответа. — Не так ли, Хранительница Глаз? — От него исходила та же злоба, что от Атеи, но более жесткая и изощренная.

— Да, я клялась в этом, — неохотно подтвердила Эрия. — Но я клялась также следовать по пути Гана!

Что она говорит? Ведь эти слова лишают ее будущего! Но откуда-то изнутри в ней поднималась упрямая сила. Она должна выиграть единоборство!

— Если Лурла не кормить, они погибнут. Как тогда помогут нам идеи давно умершего мечтателя? — Его голос звучал наставительно, даже ласково, будто он объяснял очевидное несмышленому ребенку, тупице... Именно такими были в глазах Фани все женщины.

Нет, ей не удастся его убедить. А если он станет настаивать на испытании — поддержат ли ее остальные Хранительницы? Вряд ли она может надеяться на это, особенно после столь разительной перемены в Хунне. Похоже, откровенность с ней пошла во вред. Но так или иначе, сожалесть поздно, нужно думать о борьбе со стоящим перед ней человеком. У нее мало времени, она должна спешить, иначе...

Время? Что-то смутно шевельнулось в глубине мозга — какое-то слабое воспоминание, быстрое, как искра на ветру. Время очень важно... Для нее? Да, но не только... Есть еще один человек... У нее вдруг возникло чувство, что она — не она, а... В испуге Эрия вскинула руки, чтобы пощупать Глаза...

Что это было? Откуда пришло такое странное раздвоение? Миг отчуждения прошел, но где-то в мозгу настойчиво билась мысль, что она упускает время, необходимо срочно что-то сделать... Собрав тренированную волю, она отогнала это наваждение. Сейчас главное — Фани. На его сухощавом лице вновь заиграла ироническая усмешка.

— Не обременяет ли тебя вес Глаз, Хранительница? Могу посоветовать хорошее средство: откажись от них. Или ты хочешь потерять их с позором, когда весь народ убедится, что Лурла не слушается тебя?

— Ты забываешься! — Эрия гордо вскинула голову, странное ощущение раздвоенности полностью исчезло. — Кто дал тебе право оценивать пригодность Хранительниц?

Она бесстрашно бросила ему вызов, она не хотела и не могла терять времени! Ее реплика хлестнула его так же, как действовали на Лурла приказы Глаз. Хотя Фани не двинулся с места, его чешуя резко изменила окраску.

— Есть только один способ судить о Хранительнице — испытание. А поскольку Хунна отказалась носить Глаза, его придется провести. Неплохо бы и тебе принять в нем участие.

Он пытается испугать ее! Напрасно. Испугаться, отступить — это конец. Ее голос не дрогнул:

— Что ж, я готова. Пусть народ увидит, на что я способна.

Они так и не узнали, зачем Фани пришел сюда. Бросив на Эрию полный ярости взгляд, он выбежал из комнаты. Когда шаги в коридоре стихли, она повернулась к Хунне:

— Отказавшись от Глаз, ты открыла ему дверь к власти.

— А ты откроешь другую, — раздраженно бросила Хунна, — Я поступила по Закону, раз не могу больше управлять Лурла. А ты видишь, что теряешь силы, но упрямисься. Чем дольше ты не расстанешься с Глазами, тем хуже для тебя и всех Хранительниц.

— Тебе все равно, если Фани повернет Совет, весь наш народ к варварству? Вспомни хроники хранителей: кто первым шел на Кормление? Тебе неприятно думать об этом? Понимаю. Но подумай хотя бы о том, как ловко Фани укрепит свою власть, устроив подобный спектакль!

— Принимаемая Глаза, мы клялись в верности Закону...

— Не говори мне о Законе, когда речь идет о Кормлении! Фани вспомнил Закон, чтобы захватить власть в Норнохе! Впрочем, если ему это удастся, тебе нечего беспокоиться: не ты, а я окажусь первой жертвой.

Эрия отошла к окну. Она и так чересчур много сказала Хунне, и вряд ли справедливо обвинять Хунну за то, что ей не хочется сыграть роль добровольной мученицы.

По пути в свою башню она пыталась успокоиться, прогнать страх, вызванный намерениями Фани. Но кинув взгляд в окно, она тут же забыла обо всем. Море изменило свой цвет — это было зловещим признаком, приметой надвигающегося шторма. Она никак не думала, что это случится так быстро, — предыдущий едва успел отгреметь. Лурла... Они устали, им нужен отдых, неподвижность для переваривания специально выращиваемой пищи. А в довершение всего — Стена Хунны останется незащищенной...

С помощью Глаз Эрия посмотрела в норы. Лурла лежали на полу, как куски мяса, не имеющие костей и мышц. Хотя бы один пошевелился! Она послала мысленный импульс: один... нет — два чуть-чуть приподняли свои передние концы. Остальные не двинулись. И потом, они вовсе не выглядят обжевшимяся, скорее наоборот...

Впервые Эрия решилась на то, что было запрещено обычаями: заглянула в норы других Хранительниц. Там были Лурла, выглядевшие вполне нормально; но были и такие, что вели себя необычно: они двигались — непрерывно, агрессивно... Хорошо, что Фани этого не видит, — такое было бы ему на руку. Лурла были голодны, они больше не принимают растительную пищу!

Многолетний опыт подсказывал: шторм разразится на следующий день. Фани успеет нанести удар, а у нее не будет времени что-либо сделать. Или выход все же есть? Может быть, если...

Лурла питались культурой, выращиваемой по рецепту, разработанному Ганом. Но до этого... Ей снова придется использовать Глаза для необычного дела. Хотя задуманное могло

и не получиться... Эрия решила мысленно проделать путь по старым каналам, разделявшим Стены. Удалось! Теперь — между прибрежных камней... Она облегченно вздохнула, обнаружив, что находится в море. Продолжим...

Чувствуя прилив энергии, Эрия начала концентрировать ее, рисуя картину пути через море. Еще усилие... Отлично, перед ней — открытый океан. А теперь — главное.

Океан дышал жизнью. Все вокруг насыщено энергией, хотя ей не удавалось видеть отдельные особи. Она погрузилась в это пронизанное жизнью поле и, вобрав как можно больше жизнетворной силы, направила ее так, как делала, управляя Лурла. Но фазница в том, что сейчас она не толкала, а, сформировав мысленную сеть, тянула ее за собой.

Это было непросто. Приходилось создавать силовые поля самой причудливой конфигурации — и тащить, тащить нарисованную в мозгу сеть к острову. Наконец, не будучи уверена, что ее замысел удался, Эрия потащила свой улов по давно заброшенным каналам и водоемам, где когда-то выращивали корм для Лурла. И это трудное путешествие из океана — в море, из моря — в бассейн ей пришлось проделать трижды. Она не знала, сколько и чего ей удалось поймать, хотя чувствовала живую эманацию: ее «сети» не были пусты!

Теперь Эрия занялась одним из Лурла, который отказывался от корма. Она стала толкать его к бассейну. Лурла двигался очень медленно, это напряжение было для него затруднительно. Но... он двигался! И вот...

Бесформенное тело, едва заметно сокращаясь, достигло края бассейна. И тут движения стали быстрее — у Лурла проснулся интерес! Эрия удовлетворенно улыбнулась: первая часть эксперимента удалась, Лурла начал питаться тем, что она добыла в океане.

Насыщаясь, он излучал волны удовлетворения, и этот импульс достиг его собратьев. Сначала один, потом другой — вскоре все они двинулись к бассейну, неповоротливые, обессиленные комки мяса, стремясь присоединиться к пиршеству. Тяжело дыша, изнуренная Эрия упала на ковер. Прервав контакт с Лурла, она привычными приемами восстановила самоконтроль. Лурла питаются! Сытые, они вновь станут работоспособными. Стены устоят против шторма — и Фани со своей идеей Кормления будет посрамлен!

То, что она делала, можно делать и впредь — нужно только расчистить старые тоннели, по которым когда-то прибывала на остров притянутая Хранителями натуральная океанская пища. Возврат к старому методу породит, безусловно, и старую проблему: после шторма, когда Лурла истощены, обитатели моря прячутся в глубину и добыча их затруднена. И все же первую схватку с Фани она выиграла, ему придется отложить осуществление своих планов. Она выиграла главное — время!

Время... Снова в мозгу всколыхнулось какое-то беспокойное воспоминание. Что-то пыталось пробиться из самой глубины сознания. Эрия опустилась на ковер, прижала колени к груди, обхватила их руками. Зачем это непрошенное беспокойство вторгается в нее? Почему она так боится потерять время? Фани? Нет, здесь какой-то другой — непонятный и чуждый ее сознанию страх.

Звук... Он отозвался вибрацией в ее теле, отразился от стен Башни.

Голос! Ни она, ни ее сверстницы никогда не слышали его, но она знала — это он. Значит, Фани хвалился не зря: Голос заговорил!

Ни слова, ни крик — только ритм, пульсация. Но эти звуки проникали в тело, в разум каждого! Эрия вскрикнула: вибрация сфокусировалась в Глазах, и она ощутила такую боль, что покатила по полу. Забыв обо всем, она старалась сорвать с головы источник своих мучений — обруч с Глазами. И это каким-то чудом ей удалось...

В полубесчувственное тело возвращалась жизнь. Облегчение было таким сильным, что она стонала, мычала от счастья! И только спустя время поняла, что биение Голоса продолжает сотрясать Башню, пронизывать ее тело и мозг. У нее не было сил противиться, она просто принимала его, как раковина наполняется шумом прибоя. Понемногу Эрия начала понимать воздействие Голоса.

Как она недавно тянула из моря сеть с кормом для Лурла, так теперь что-то неодолимое тянуло ее саму. Но она была Эрией, Хранительницей, чья воля оттачивалась в многолетних тренировках. Вскоре она почувствовала, что не только может сопротивляться этому притяжению, но способна рассуждать и сопоставлять.

Ни в одном рассказе о Голосе, ни в одном предании не говорилось о подобном эффекте. Здесь было что-то не то, чья-то злая воля. Чья-то? Как бы не так! Фани — это он сделал с Голосом такое, превратив его из друга, защитника народа, в оружие, подавляющее разум и пронизывающее плоть!

Копаясь в механизме Голоса, Фани и его брат не думали о благе Норноха — им нужно было средство для управления разумом людей! Это она поняла, когда увидела, что поймав собственной воли продвигается на четвереньках к выходу — туда, на зов неумолимого Голоса.

Нет, она не должна подчиняться Голосу — это означало бы покориться Фани. Борясь изо всех сил с притяжением, Эрия растянулась на полу. Обруч с Глазами был надет на руку, словно огромный браслет. Что это? Глаза пылают ярко-голубым огнем — такими она их никогда не видела. Глаза? Не смогут ли они помочь ей сопротивляться Голосу?

Нет! Эрия вспомнила о жестокой боли, от которой избави-

лась, сорвав с головы обруч. Но... это всего лишь боль — неужели она не в силах выдержать ее? Положив обруч на ковер перед собой, поднесла руки к Глазам. Боль — да, но не такая нестерпимая, как в момент, когда обруч был на голове. Эту боль она выдержит, зато сможет освободиться от влияния Голоса, сможет остаться здесь, не идти со всеми к Скале.

Неправильно! Не отсиживаться в Башне нужно ей, а быть там, с народом, сохранив при этом ясный разум. Тогда она узнает, зачем Фани затеял все это.

Покинув Башню, Эрия направилась к сердцу Норноха, куда со всех сторон стекался народ. Люди брели молча, с остекленевшим взглядом, не пытаясь смотреть по сторонам, поздороваться со знакомыми... Их звал Голос, они не принадлежали себе.

Вот уже близко Скала, на вершине которой в незапамятные времена оборудовано убежище для Голоса. У подножия Скалы Эрия увидела Фани в странном головном уборе, напоминавшем огромную серебряную раковину. Его приспешники — Тор, Атея и прочие — были экранированы подобным же образом.

Люди подходили к Скале, сбиваясь в тупую молчаливую массу. Они покачивались в такт биению, которое хлестало их сверху. С мертвыми глазами, пустыми, ничего не выражающими лицами, они тесно сгрудились вокруг Скалы. Эрия остановилась поодаль, крепко стискивая Глаза, — они защищали ее от опустошающего разум Голоса. В толпе она увидела знакомые лица — сестры, Хранительницы. Не только Хунна — все они сняли Глаза, видимо не в силах выдержать жуткую пульсирующую боль.

Она посмотрела на Фани. Его лицо сияло торжеством. Он медленно поворачивал голову, наслаждаясь созерцанием покорной толпы, своей властью над нею.

Эрия спохватилась, подалась было назад, но поздно: он заметил ее, он понял, что она свободна от воздействия Голоса. Подозвав одного из охранников, Фани что-то шепнул ему, кивком указав на Эрию.

Увидев, что охранник вскинул гарпун, она побежала прочь. Куда? Назад, в Башню? Но это ловушка, там ее найдут. Она юркнула в одну из боковых улиц и побежала к морю, зная, что только быстрота спасет ей жизнь.

Мысли стремительно мелькали в ее мозгу. Теперь не Совет, теперь Голос управлял Норнохом. Ее открытие — способ кормить Лурла — теряло всякий смысл. Кому расскажет она об этом? Своим преследователям? Но они не дадут ей и рта раскрыть. Гарпун в руке охранника красноречиво свидетельствовал о намерениях Фани.

Она добежала до Стены, вскарабкалась наверх по скользким ступеням и помчалась вдоль искусственной преграды.

Небо потемнело, лишь сверкавшие в тучах молнии озаряли на мгновение скалы и силуэты Башен. Шторм надвинулся раньше, чем она ожидала... Не Голос ли ускорил его?

Отсюда он звучал глухо, перебиваемый свистом ветра и ревом волн. Лурла... Они тоже слышат его, подчиняются ему? Быть может, и это предусмотрено Фани?

Бежать! Кричать! Открыть людям глаза на то, что происходит. Но... люди сейчас слепы и глухи, а охранники убьют ее прежде, чем она доберется до Скалы. Она стиснула руками Глаза и задумалась.

Глаза... Хранительницы постоянно связаны с ними. Может, ей удастся пробиться к разуму хотя бы одной из сестер, разбудить, предупредить об опасности? Как это сделать? В свое время она просто так, от скуки, изучала старинную методику коммуникации посредством моря. Тогда она не предполагала, что секреты древних могут когда-нибудь пригодиться ей. Что бы еще придумать? А если попробовать сконцентрировать всю силу и...

Эрия скинула обруч с руки, он со звоном ударился о камни. Она вскрикнула от ужаса: один Глаз отскочил и исчез в расщелине меж камней, она не успела подхватить его. О море, ее сила убавилась наполовину: остался один левый Глаз. И все же нужно попытаться.

Сосредоточившись, закрыв глаза, она попробовала представить лица Хранительниц. Но ей не удавалось держать в уме больше трех лиц одновременно. Ну что же: три так три... Она начала говорить, кричать, будто стояла перед ними. Она снова и снова выкрикивала им свои предупреждения, не зная, доходит ли до них ее мысль, ее беззвучный крик. Наконец она обессилела — обессилела настолько, что уже не могла удерживать в сознании их образы. Она открыла глаза: мрак и больше ничего.

Шторм? Нет, шум моря звучал как бы издалека. Почему она в темноте? Она пошарила вокруг руками — везде только скользкая холодная поверхность. Что это? Что стоит между нею и морем?

Она стала биться в эту поверхность — еще и еще. Кажется, поддается? Увы, только иллюзия... Она снова принялась ощупывать пальцами то, что окружало ее со всех сторон. Со всех сторон? Но ведь это... Ужас сковал ее тело, затуманил разум. Она... ее замуровали! И запах... Эта слизь так знакомо пахнет... Лурла! Это — пена, которую вырабатывают Лурла! Выходит, укрытие, в которое она забилась, как-то связано с норами Лурла. Пена, которую под воздействием Голоса они выделяют сегодня неслыханно быстро, поднялась вверх и, затвердев, забила ход, через который Эрия проникла сюда. Замурована... Навсегда...

От нового приступа ужаса ей стало дурно. Прижав к груди

обруч, неистово вопя, она слепо тыкалась во все стороны. Нигде ни одной щели. Погребена — заживо — смерть... Это смерть!

«Нет, не смерть». Кто это сказал? Кто проснулся и заговорил в ее мозгу?.. «Выходи — обратно — там не смерть — выходи — возвращайся...»

Но кто же это внутри нее, Эрии? Нет, она не знает этого имени... Как же ее зовут? И что это за шум?

Море! Оно близко. И она дышит, ее лицо повлажнело от брызг прибоя... А в руках...

Дзанта растерянно глядела на свои руки. В одной зажат фокусирующий камень, а в другой... блестящее металлическое кольцо, на нем два гнезда, и в одном из них — такой же точно камень! «Глаза», — всплыло из глубины странное слово... Вспомнила: это Глаза Хранительницы Эрии!

Она опустила взгляд, боясь увидеть чешуйчатое рыбообразное тело, прикрытое нелепым одеянием из раковин... Нет, она в теле Винтры. И ей удалось не только найти двойник камня в далеком прошлом, но и добыть его оттуда. Время... Сколько она прожила в Норнохе? Туран... Что с ним? Он... он мертв?

Вскочив на ноги, ринулась к самолету. Солнце садилось, отражаясь на волнах сверкающей полосой. Закат — а они прибыли сюда утром! Вот сколько часов она пробыла в Норнохе! Дзанта вздрогнула, припомнив последние мгновения своей жизни там — вернее, жизни Эрии. Какая жуткая участь! По-видимому, она сумела освободиться в тот момент, когда Эрия умерла в своем заточении. И если бы не пробудилась память...

Подбежав к аэроплану, Дзанта рванула дверцу, заглянула в кабину. Он лежал на сиденье, закрыв глаза. Лицо было маской смерти.

— Туран!

Схватив его за плечи, она напряглась, приподнимая это тяжелое тело.

— Ну же, открой глаза, Туран! Взгляни на меня! Ты не должен умереть!..

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Страх настолько овладел Дзантой, что ей даже не пришлось в голову прибегнуть к мысленному зондированию. Ее руки гладили это заострившееся лицо, трясли обвисшее тело, стараясь пробудить хоть искорку жизни. И вот веки Турана дрогнули. Дзанта обрадованно увидела, что помутневший взгляд сделался яснее, сфокусировался на ней, узнал ее...

— Еще жив... — безжизненные губы едва шевелились. — Ты... вернулась...

— Ты знал, что я умираю там, в Норнхехе?

У него не было сил даже на то, чтобы кивнуть, лишь слабый проблеск мысли подсказало ей ответ.

— Ты сумел мне помочь!

Он пробормотал что-то невнятное и затих. Глаза опять закрылись, голова свесилась на грудь.

— Нет, не смей, слышишь? Не уходи — ведь мы победили, все получилось! — Она протягивала к нему оба камня — один без оправы, второй вделан в обруч. Никакой реакции, он умирал. Неужели уже слишком поздно?

Дзанта вспомнила, как Эрия использовала камни. Сумеет ли она повторить это, перелить в Турана запас жизненной активности?

Она попыталась надеть обруч на голову, но его форма не подходила для нее. Тогда она взяла оба камня в руки и поднесла к вискам. Думать — о жизни, о силе, об энергии, найти в Туране еще не погашенные смертью проблески жизни. И она отыскивала эти редкие островки, связалась с ними, коммутируя через свою волю, свою силу, веру и надежду.

Туран открыл глаза и едва заметно улыбнулся. Через минуту он уже сидел, с удивлением ощущая прилив сил.

— Не надо, — окрепшим голосом произнес он. — Хватит, не истощай свою энергию, теперь я продержусь. Ты и так сделала невозможное. Отдыхай — может случиться, что понадобятся все наши силы. Нам необходимо вернуться к самому началу — туда, в гробницу. И тебе придется пилотировать этот самолет.

Дзанта подавила возникший в душе протест — иного выхода у них не было. Оставалось надеяться, что в ее мозг введена достаточная информация по управлению летательной машиной. Но куда лететь? Сможет ли она выбрать нужное направление и не сбиться с курса?

Он, должно быть, уловил ее сомнения и пробормотал:

— Я покажу.

Затем снова погрузился в забытие, возможно стараясь сэкономить силы. Дзанта вздохнула: все теперь ложилось на ее плечи.

Она уселась в кресло пилота, осмотрела пульт управления. Весь порядок действий был у нее в голове. Но сумеет ли она поднять самолет? Ей представилась картина их гибели: самолет с разбега врывается в воду и скрывается под волнами... Она тряхнула головой, отгоняя эти мысли. Иного выхода все равно нет, придется рисковать.

Сдерживая дрожь в руках, она запустила двигатель, самолет стронулся с места. Разбег... Она лихорадочно орудовала рычагами управления. Отрыв... Дзанта с трудом поверила, что это ее руки подняли в воздух тяжелую машину.

Она сделала круг над Скалой — той самой, где был когда-то Голос, единственным напоминанием о затерянном в веках

Норнохе и его людях-амфибиях. Стрелка указателя направления металась, рыскала из стороны в сторону. Но после нескольких манипуляций штурвалом она успокоилась. Если Туран поможет, они доберутся до Сингакокха, до гробницы. Пока машина летела над морем, Дзанта обдумывала все происшедшее. В ее голове не укладывалось, почему камень из прошлого вместе с ней попал в это время. Единственное предположение — энергия ее камня стала решающим фактором, обусловившим переход во времени его древнего двойника. И все же это фантастика! Какие сложные и долгие исследования понадобятся хотя бы на то, чтобы понять механизм накопления в камнях такого количества пси-энергии!

Эти камни, называемые в Норнохе Глазами, эксплуатировались многими поколениями сенситивов, избранных для защиты города, управления пенообразующими существами. Понятно, что именно это постоянное общение с разумом генерировало энергию, накапливавшуюся в камнях. Они стали излучать ее, разбуженные Дзантой. Но... сколько там этой энергии? Хватит ли, чтобы они могли вернуться к современникам?

Стемнело. Самолет все летел в ночном небе, повинаясь отважной девушке. Она внимательно следила за указателем направления — только бы не сбиться с пути! Туран на соседнем сиденье слабо пошевелился, вздохнул — Дзанта не стала сообщаться с ним ни мыслью, ни словом. Он спас ее в минуту опасности, когда умирала Эрия, отдал на это все свои резервы. Сейчас его не следовало беспокоить. Дзанта понимала: она в долгу перед товарищем, ей еще предстоит вернуть этот долг.

Наконец впереди засверкали точками света берег. И тут же в небе перед ней появились движущиеся огни: навстречу летели два самолета. Дзанта не умела маневрировать, не знала, имеет ли их машина какое-нибудь оружие. Ей оставалось лететь, не меняя курса и надеясь, что все обойдется. И все же, готовясь к любым неожиданностям, она схватила обруч и принялась освобождать камень из гнезда. Когда это удалось, она крепко зажала оба кристалла в ладонях.

Тем временем встречные самолеты развернулись, легли на их курс, взяв маленькую машину в «коробочку». Дзанта сжалась, каждую минуту ожидая обстрела. Как ей быть? Из памяти Винтры ей не поступило на этот счет никакой информации — у повстанцев почти не было авиации, Винтра в этих вопросах не ориентировалась. Наверное, более безопасно приземлиться, чтобы укрыться от преследователей. Но эту идею она отвергла, взглянув на Турана: в его состоянии надеяться пересечь страну пешком — чистое безумие. Внезапно перед ней засверкали на приборной панели разноцветные огни. Код — но она не знала его, не могла ни прочесть команду, ни, тем более, ответить на нее. Пока их машина не достигнет цели, они были совершенно беспомощны.

Чужие самолеты куда-то пропали, так и не сделав ни одного выстрела. Девушка с облегчением откинулась в кресле. Быть может, приказ Захур убить их при первой возможности по каким-то причинам уже не действует? А что, если она потеряла счет времени и они пробыли на острове не один день, а много больше? За это время ситуация в Сингакокхе могла в корне измениться.

Небо начало светлеть, приближалось утро. Дзанта так долго ничего не ела, что даже ее способности не могли заглушить острое чувство голода. Она открыла аварийный контейнер, где обнаружила небольшой пакет с пищей. Девушка жадно высосала малоаппетитное содержимое тюбика. А Туран? Достав второй тюбик, она приготовилась откупорить его.

— Не надо... — послышался рядом шепот. Его взгляд был направлен в сторону — там снова возник сопровождающий их самолет...

— Они не стреляют, — проговорила она, хотя это было и так очевидно. — Попытались связаться с нами, но теперь сигналы прекратились.

— Фокусирующие... камни... — Для того, чтобы произнести это, ему потребовалось неимоверное усилие. Дзанта встревожилась не на шутку.

— Здесь, — успокоила она Турана, показав ему оба кристалла.

— Надо... сохранить...

— Я знаю. — Она пока не придумала, куда спрятать камни, если их схватят. Обыск неминуем. Куда же? Она коснулась рукой волос; густые и жесткие, они вполне могли стать надежным укрытием для камней, но как их закрепить? Тогда остается рот. Для пробы она засунула кристаллы за щеки. Они были не больше плодовых косточек и почти не прощупывались. Дзанта решила, что в случае чего — это наилучший выход. Она таким способом и сама сохранит контакт с камнями, и сможет с их помощью контролировать мысли противников. Она ощупала камни языком, с удовольствием водя его кончиком по гладким поверхностям. Пока фортуна их не оставила: они все еще на свободе, им удалось завладеть вторым кристаллом. Но осторожность не давала ей преждевременно торжествовать. Нельзя надеяться на слепое везение — оно подведет рано или поздно, так ей подсказывал опыт.

Какой-то тонкий писк, тревожное мигание заставили Дзанту посмотреть на приборную панель. С момента вылета они шли на максимальной скорости. Она старалась не задумываться, хватит ли им горючего, тем более что если бы его и было недостаточно, она ничего не смогла бы предпринять. Но сейчас девушка встревожилась: а вдруг это предупреждение, что резервуары опустели?

Нет, сигнал шел с указателя направления. Выходит, они где-то близко от гробницы. Надо искать место для посадки. Дзанта поежилась: как она будет сажать машину, которую видела впервые в жизни?

Вдруг нос самолета накренился, они начали терять высоту. Девушка ухватила за рычаги — но что такое? Они не сдвигались с места, они были заблокированы...

— Туран!

Морщась от боли, он через силу повернул голову.

— Они... Они... ведут нас... — услышала Дзанта его шепот.

Их сажают насильно! Кто? Зачем? Бросив бесполезные рычаги, она запустила психо-зонд. Мысли этих людей были неотчетливы, но одно она поняла точно: они с Тураном пленники. Прощай, свобода! И, как назло, они ведь почти добрались до гробницы...

«Нас... хотят... тайно, — передала она Турану, который делал попытки устроиться повыше на сиденье. — Чтобы никто не узнал, что здесь произошло...»

Дзанта сосредоточилась, стараясь удержать одну из зыбких мысленных волн. Возможно, ей помог контакт с Глазами, лежащими во рту. Так или иначе, она извлекла из мозга преследователя образ. Захур! Это она выслала им навстречу самолеты со своими людьми.

Дзанта продолжала считывание неясных, словно произносимых еле слышным шепотом, мыслей. Туран не ошибся: их подкараулили здесь, чтобы посадить далеко за городской чертой на маленьком частном аэродроме. Высший Консорт хотела без помех и лишних свидетелей расправиться с ними. Будь они в своем мире, Дзанта сумела бы отключить память Захур и ее людей на время, достаточное, чтобы ускользнуть от преследования.

«Не сопротивляйся... — застучала вдруг в мозгу мысль Турана. — Она хочет умертвить нас... Пусть...»

Дзанта сообразила, что он имеет в виду. А если бы еще удалось использовать страх и ненависть этой женщины, внушить ей способ их казнить: упрятать обоих туда, откуда они появились, — в гробницу! Но сможет ли она направлять злобную фантазию Захур?

«Я должен умереть, — продолжил Туран мысленное изложение своего плана. — Ты же покажи ей свой панический страх перед повторным заточением в гробницу, этого будет достаточно...»

Дзанта усмехнулась про себя. Ей не придется прикидываться испуганной — она в самом деле страшится перспективы оказаться заживо погребенной. Достаточно вспомнить ужас, испытанный ею, когда, будучи Эрией, она умирала, замурованная в расщелине скалы. Хватит ли у нее мужества для нового испытания?

«Другого пути нет, — передал компаньон, уловив ее колебания. — Наш выход отсюда находится там, в склепе».

Дзанта кивнула. Она все понимала, знала, что повторное погребение — их единственный шанс прорваться сквозь толщу веков обратно в свой мир. Но она боялась, по-человечески, по-женски боялась этого! И все же она должна идти до конца...

«Все, я мертв, — передал Туран. — Дело за тобой. Внуши ей, как тебе страшно вновь оказаться в гробнице. Действуй сама, я уже не смогу помочь тебе...»

«Я поняла. Начинаю...»

Мысленный поиск вывел ее на Захур. Та поджидала плененный самолет внизу, предвкушая мечь. Дзанта сконцентрировалась, чтобы укрепить контакт. Но мысленная волна постоянно «гуляла» — с людьми этого мира полное психообщение было невозможно. Так что только последующее поведение Захур и ее решения покажут, поддастся ли она телепатической игре Дзанты.

Игра? Да, но ставкой в ней были две жизни... Что ж, пора! Дзанта собрала весь свой страх (на это не потребовалось особых усилий). Она телепатировала ужас перед мраком, медленным удушьем в тесном помещении, перед мучительной смертью у гроба Турана. В то же время каким-то участком психики она контролировала ответную реакцию Захур — правда, не слишком успешно. Принята ли ее передача? На всякий случай повторим... «Только не это — только не гробница! Не ужасная смерть возле мертвеца!» Она как можно четче сформировала в мозгу картины агонии от удушья. Сама заразившись собственным страхом, Дзанта, вся в липком поту, дрожала, уцепившись руками за мертвые рычаги.

Самолет спускался по спиральной траектории. Уже были видны стремительно несущиеся навстречу вершины деревьев. А вдруг они просто разобьют самолет с беглецами, и точка? Но нет, такую быструю смерть Захур посчитала бы для них слишком легкой. Она жаждала мести — и Турану, и женщине, которую считала (и не без оснований) пособницей возвращения Командора в Верхний Мир. Не прерывать внушение!

«Только не гробница! Убей меня как угодно, но не бросай в этот смертельный мрак! Я не хочу, я не выдержу!»

Дзанта вела передачу все время, пока самолет не коснулся грунта. В этот момент машину потрянуло, Туран тяжело навалился на нее. Это уже был настоящий труп, мертвая масса. Неужели где-то внутри сохранен крохотный маячок жизни? Рискнуть и проверить? Нет, нельзя. Лучше еще один сеанс паники... Вслед за телом Командора стенающую, обмирающую от ужаса женщину замуровывают в склепе...

Дзанта не двинулась с места, когда самолет остановился, — пусть думают, что она в полубомороке от страха. Тем более что это недалеко от истины. А если Захур не удовлетворится только

ее заточением в гробницу? Вдруг ей уготованы какие-нибудь изощренные пытки? Эта мысль и впрямь повергла девушку в полубоморочное оцепенение.

Дверца распахнулась, в кабину просунулся солдат. Он во все глаза разглядывал сидящую на пилотском месте Дзанту, Турана, склонившегося к ней на плечо. Затем на месте солдата показался офицер.

— Лорд Командор! — Он попытался отодвинуть от Дзанты тело Турана, оно упало на сиденье. Вскрикнув, офицер отскочил и во всю глотку заорал:

— Он умер! Лорд Командор мертв!

— Ну как, убедились, что я права? — Голос Высшего Консорта звенел торжеством. — Все это проделки проклятой ведьмы, захватившей власть над телом моего доблестного супруга! Но колдовство кончилось — и он отказался подчиняться ей...

Она пошла к самолету, кутаясь в длинный плащ, защищавший ее от пронизывающего ветра. Глаза ее, возбужденно блестя, перебегали с неподвижного тела на сжавшуюся в комочек девушку. Захур изогнулась вперед, став похожей на змею перед броском, и прошипела:

— Ему повезло, он мертв. Но ты... ты еще жива, ведьма, и ты — в моих руках!

Солдат с помощью офицера извлек из кабины безжизненное тело, они оттащили его от самолета и положили поодаль на пригорке. Дзанта, все так же съевшись, сидела без движения, бросив все силы на последний сеанс контакта с пылающим злобой мозгом этой женщины.

— Ваше Высочество, — офицер, стоя на коленях перед телом Турана, поднял глаза на Захур, — какие будут приказания?

— Каких приказаний ты ждешь? Разве ваш Командор не должен занять свое место там, куда народ с почестями проводил его? Это нужно сделать немедленно, при свидетелях, которые разнесут весть по всему городу. Тогда стихнут пересуды, не будет места домыслам о возвращении и прочим сказкам для слабоумных. Доставьте сюда также Верховного Жреца из Башни — пусть он собственноручно наложит печать Вута на дверь Духов: никакое колдовство не сорвет ее.

Она говорила уверенно и быстро, ибо все это спланировала заранее и теперь стремилась поскорее осуществить свой замысел. Мертвый Туран должен быть снова водворен в усыпальницу, и как можно скорее. Мертвый? Дзанта похолодела: а вдруг ей не удастся отыскать в этом угасшем теле хоть искорку жизни? Вдруг она не сможет раздуть ее в пламя?

— А что с... этой, Ваше Высочество? — Офицер направился к самолету, чтобы схватить Дзанту.

— Давай сюда эту ведьму!

Он грубо вытащил девушку из кабины и, заломив ей руки за спину, поставил перед Захур. Дзанта стояла, потупившись. Она думала только о том, чтобы эти люди не обнаружили спрятанные во рту кристаллы. Нет, не об этом! Она должна и сейчас внушать, внушать, внушать... Больше страха перед гробницей!

— По закону тебя нужно передать жрецам Вута, — насмешливо заговорила Захур. — Они думают, что умеют проникать в тайные чары таких, как ты. Но... до принятия обета они были мужчинами... — Она скабрёзно хихикнула. — Как бы ты не околдовала этих оболтусов... Я могу казнить тебя сама, как казнят ведьм: сжечь на этом самом месте и развеять твой пепел. Однако... — глаза Высшего Консорта горели злорадством, — для тебя это была бы чересчур легкая смерть... Отвечай: зачем ты вдохнула жизнь в мертвого Турана?

— Спросите его, — пожала плечами Дзанта. — Это была не моя воля, он так мне приказал...

Ее голова дернулась от молниеносного удара. Она тут же забыла про боль, озабоченная другим: если избиение продолжится, камни поранят ей рот и могут быть найдены врагами. Дзанта сделала вид, что оглушена, и отступила, пошатываясь. Видимо, это проявление слабости удовлетворило Захур. Она безразлично скривила губы.

— Впрочем, какое это имеет значение. Ты ли, он ли — без разницы. Так и так вы проиграли! Он успел вовремя умереть, его место в своей гробнице. Ну, а что до тебя...

Дзанта напряглась, мучительно ожидая приговора. Сейчас станет ясно, действовало ли ее внушение...

— Ты утверждаешь, что Туран заставлял тебя служить себе? — На губах Захур змеилась сладострастная улыбка. — Тогда он наверняка будет рад, если ты и дальше будешь угождать ему там, в склепе. — Она испытующе посмотрела на девушку, жадно ловя в ее лице печать страха. — Ты поняла, ведьма? Я отправлю тебя туда вместе с ним! Но не надейся: на этот раз я позабочусь, чтобы оттуда не было выхода ни через дверь Духов, ни как-нибудь еще...

Лишь бы не передумала! Нужно разыграть отчаяние. Всплеснув руками, Дзанта закричала:

— Нет, только не туда! Не надо! Убейте меня!

Захур презрительно рассмеялась и повернулась к офицеру:

— Ты должен отвезти тело моего мужа к гробнице. Я пришла туда тех, кто подготовит его к путешествию в Нижние Миры, и позабочусь, чтобы никто больше не смог потревожить его вечный сон.

Бери с собою и эту девку. Не дай ей сбежать, не своди с нее глаз до тех пор, пока она не попадет туда, откуда выбралась с помощью темных сил. Учти, ты отвечаешь за нее головой!

— Не беспокойтесь, Ваше Высочество. Все будет сделано, как Вы приказали.

Радость Дзанты была так велика, что она не обратила внимания на боль, когда грубые руки схватили ее и швырнули в автомобиль. Ехали они недолго. Когда машина затормозила, ее выволокли наружу, связали за спиной руки и втолкнули в какую-то комнату. Дверь захлопнулась. Лежа на полу, она подняла голову и прямо перед собой увидела тяжелые башмаки. Двое солдат стояли, не сводя с нее глаз. Они, судя по всему, боялись, как бы ведьма не вылетела в крошечное окошко, прорубленное под самым потолком.

Она продолжала лежать, охваченная радостным облегчением. Но вскоре это чувство вытеснила тревога за тот кошмар, что ее ждет. Что с того, что ей удалось покинуть Эрику в момент ее смерти? Следующий бросок сквозь время может не обойтись столь же удачно... А если учесть, сколько энергии израсходовано за последние сутки, — где гарантия, что ее сил хватит на новый переход? К тому же ей предстоит еще «перетащить» вместе с собой и Турана...

Ей необходимо хорошенько отдохнуть. Заставив себя отвлечься от неудобств своего положения, Дзанта вытянулась на жестком полу и расслабилась, призвав на помощь навыки, полученные под наблюдением Орна.

Отвлечься от окружающего, полностью уйти в себя, чтобы собрать и аккумулировать запас психо-энергии.

Она погрузилась в собственную память, стремясь воссоздать в мельчайших подробностях обстановку наружного, разграбленного кем-то помещения гробницы, откуда началось ее путешествие в этот мир. За что зацепиться? Ей нужен ориентир для фокусировки. В памяти отчетливо проявились руки капитана, держащие ее, заставляя смотреть в кристалл. Нет, не то... Теперь она стала мысленно перебирать детали того помещения: покрытые трещинами стены, пролом, много веков назад сделанный грабителями... Постепенно перед ней вырисовывалось помещение в том виде, каким она застала его после вскрытия стены. Для гарантии Дзанта исключила из этой картины все детали, в которых не была уверена. Не подводит ли ее память? Очень важно сохранить в воображении только подлинно реальные предметы. Если же сознание сфокусируется на иллюзорном, не существующем в натуре ориентире — беда: переход или вовсе не удастся, или ее забросит неизвестно куда.

Когда эта скрупулезная работа была закончена, девушка постаралась с максимальной точностью запечатлеть в мозгу изображение гробницы. Теперь снова можно отдохнуть... Но беспокойство не давало расслабиться по-настоящему. Туран... Ей страстно захотелось почувствовать его, связаться с ним. Нет, это неоправданный риск: вдруг мысленное прикосновение пробудит его шевельнуться — если, конечно, он сейчас не полностью мертв... Как ни крути, все предстоящее целиком лежит на ней, зависит только от ее знаний, энергии и воли.

Нужно прогнать неуверенность, она мешает погрузиться в протрацию, чтобы не растратить силы на ожидание. Дышать тихо, еще слабее, ровнее... Веки тяжелые, тяжелые... Караульные наверняка решили, что она уснула, но этот полутранс не был ни сном, ни явью. Она находилась сейчас в мире своей фантазии.

...Ее тело испытывало наслаждение, погрузившись в ароматную воду теплого бассейна. Над ней сиял ласковой голубиной купол безоблачного неба. Она была легкой, словно листик на водной глади, она была счастливой и свободной, как это высокое небо...

Чей это грубый голос ворвался в дивный мир и разрушил его? О чем здесь говорят? Дзанта не успела уловить смысла раздавшихся в комнате команд. Но ее уже схватили, подняли с пола... Открыв глаза, она встретила враждебный и подозрительный взгляд офицера. Значит, уже пора...

Снова темнота автомобиля, толчки подбрасываемой на ухабах машины. Дзанта, сидя между двумя охранниками, не видела, куда ее везут. Не хотела она прибегать и к мысленному зондированию. Она только надеялась, что Турана перевозили к месту погребения более аккуратно, чем ее.

Они ехали и ехали. Казалось, этим мучениям не будет конца. Девушка была уже вся в синяках от тряски; в онемевших запястьях, с которых только в машине сняли веревки, никак не восстанавливалось кровообращение. Наконец автомобиль остановился, ее выволокли наружу. Она узнала это место: подножье холма, с которого они с Тураном проделали головокружительный спуск в ночь побега из склепа. Теперь, утром, безрадостный заснеженный пейзаж предстал перед ней во всех подробностях.

Охранник оттащил ее в сторону, очищая путь процессии, поднимавшейся на холм. Впереди шел Верховный Жрец Вута (это подсказывала память Винтры), произносивший нараспев какие-то заклинания. Его поддерживали под руки два жреца рангом пониже. Один нес тяжелый молот, в руках другого был ларец, из которого Верховный Жрец брал горстями что-то вроде пепла и разбрасывал это по ветру.

Следом четыре офицера несли на плечах катафалк с телом Турана, до самого подбородка укрытым золототканым покрывалом. Оно было прикреплено к ложу золотыми застежками, освещенными жрецами Вута. Чуть позади шли несколько вооруженных солдат, а за ними — Захур в желтых траурных покровах. Вуаль, впрочем, была откинута с лица — вдова Командора хотела видеть во всех подробностях церемонию повторного захоронения мужа, на сей раз, как она надеялась, окончательного.

Дзанта вся дрожала. Но не метель, завывавшая вокруг, была тому причиной: ею овладел настоящий, не наигранный страх перед будущим (если оно у нее все-таки есть).

Глядя вслед процессии, она видела, как жрец склонился над катафалком, бросил на покрывало горсть пепла — видимо, они достигли входа в гробницу. Двое солдат спустились в отверстие и протянули оттуда руки, готовые принять тело своего Командора. Катафалк обвязали веревками, приподняли, и вот он уже исчез под землей. Вновь показались солдаты. Захур издали махнула рукой конвоиру Дзанты. Тут же к нему присоединились еще двое и схватили ее за руки.

Бесцеремонными тычками они гнали ее на вершину холма. Дзанта изо всех сил вырывалась, кричала. Захур не должна заподозрить, что девушка сама мечтает попасть в усыпальницу, где находится ее единственный шанс на спасение. И вот она уже на холме, стоящая в прозрачном одеянии под ледяным ветром и колючим снегом.

— Мы прежде должны узнать, как она сделала это, — повелительно обратился к Захур Верховный Жрец Вута. — Ведь если повстанцы владеют подобными тайнами...

— То мы бы давно узнали об этом, — перебила его Высший Консорт. — Солдат, которого мои люди изловили в Ксуте, под пыткой показал, что эта ведьма управляет телом Командора, что именно от нее получил он на расстоянии необъяснимый удар, когда попытался опротестовать безумные приказы, вложенные этой ведьмой в уста Лорда Командора. Она опасна, смертельно опасна для всех. Это бомба, которую ты хочешь забрать в башню Вута для своих исследований, рискуя навлечь беду на весь Сингакокх!

Жрец внимательно посмотрел на Дзанту. Если он настоит на своем, будет погублено все, что она так старательно готовила, к чему так неистово стремилась!

— С виду она не кажется опасной, — с сомнением проговорил жрец. — И подумай: обладая чарами, которые ты ей приписываешь, разве далась бы она так просто в твои руки?

— Теперь у нее нет в подчинении Лорда Командора, ее колдовство как-то связано с ним. Я не знаю, в чем тут дело, но это так — она сама призналась. Поверь, она чрезвычайно опасна. Эта ведьма ничего не боится, кроме одного. Взгляни, как она дрожит, — она боится снова вернуться в гробницу. Заточи ее туда, запечатай дверь Духов печатью Вута — и она больше никогда не сможет вредить кому бы то ни было.

Жрец все еще колебался. Но увидев, как воины сомкнулись вокруг Захур, демонстрируя верность правительнице, не решился идти против силы. Захур поняла это и, вскинув голову, повернулась к Дзанте и ее конвоирам.

— Разденьте колдунью, — отдала она приказ. — Если найдете на ней какие-нибудь предметы, передайте их жрецам: это могут оказаться амулеты, дающие ей власть. Пусть на этой девке не останется ничего, кроме собственной шкуры!

Солдаты содрали с дрожащей девушки одежду. Один из

офицеров схватил ее за плечи, грубая веревка вновь впилась в ее запястья. Вконец окоченевшая, она словно во сне ощущала, как ее поднимают, пропихивают в отверстие и опускают вниз. Затем наступил полный мрак: дверь Духов была закупорена и запечатана священной печатью...

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Черный мрак сковал душу и тело. Над головой слышалось методичное постукивание: дверь Духов тщательно замуровывали, как видно, страшась нового возвращения Турана. Как он? Она послала мысленный импульс — никакой реакции.

Значит, его нет... Умер... Она одна в этом жутком подземье, ей никто не поможет. Если она хочет попытаться спастись, нужно надеяться только на собственные силы.

Дзанта выплюнула на ладонь камни, прижала их к вискам: Эрии это помогало концентрировать максимум энергии. В ее сознании крепнул бунт против уготованной ей бесславной участи. Ведь она не Винтра, брошенная на погибель в этот мрак. Она Дзанта, Дзанта! Все силы она направила на то, чтобы закрепить это. Она — Дзанта, она не хочет встретить здесь смерти!

Этот протест вытеснил ощущение покинутости, безысходности. Глубоко внутрь ушел и страх навсегда остаться здесь, где царила одна только смерть. Она была... Нет, она вновь стала Дзантой — одаренным тренированным сенситивом с железной волей!

Дзанта! Лежа в пустоте и мраке, цепляясь за свое имя — оно было проводником из царства мрака и смерти в ее жизнь, в ее мир, в ее время.

— Дзанта!

Она открыла глаза. Все поплыло перед нею, но сзади поддерживали крепкие руки. Юран.

— Она вернулась, — сказал он кому-то, кого она не видела. Радость от того, что переход прошел успешно, захлестнула, заполнила все клеточки — и от этой бури чувств она потеряла сознание.

Шум... Какие-то возгласы, крик, оборвавшийся на высокой ноте... Она в своем мире, полном тревог и опасностей. Снова крики... Дзанта увидела, что лежит в пыли: то ли Юран отшвырнул ее, то ли его оторвали от нее... Темно, только высоко над головой выписывает сложный узор пляшущий луч лазера. Выстрелы? Да, и близко. Голова снова закружилась... Психика истощена до предела... Последним усилием она вжалась в стену, чтобы слиться с ней, не зная ничего о разыгравшейся здесь схватке...

«Дзанта!..» Что это? Мысленный зов... Туран? Нет, он мертв, а это... Усталый мозг не сразу опознал: Орн! Опять знакомое мысленное прикосновение...

Выстрелов не слышно. Яркий луч света обшарил разграбленную гробницу, скользнув, больно ударил по глазам. Неподалеку расprostертое тело — один из людей Юрана.

Кто-то наклонился к ней, тронул за плечо... Орн! Она слабо махнула рукой.

— Пошли. — Он помог ей подняться и повел наружу, на свежий воздух. Но и дыхание ветерка не придало Дзанте бодрости. Она устала, ее силы иссякли... Девушка склонила отяжелевшую голову на плечо Орна, темнота вновь заволакивала сознание.

...Сколько же она спала? Из гробницы Орн вывел ее ночью, а сейчас уже день. Она лежит не в корабельной каюте, а под солнечным небом. Все ее существо пронзило сознание: свободна! Снова в своем мире! И тут же — горечь: тот, другой... Он остался там... И эта горечь придала ее успеху жесткий привкус поражения, стерла радостные краски с сиявших над головой небес.

Дзанта села и огляделась. Корабль — он стоял вон там. Но его нет! Как же тогда... Что ей делать на этой чужой планете? Каменные утесы вокруг напоминали руины каких-то циклопических построек. Среди них зажата крошечная долина, где разбит чей-то лагерь. Неподалеку сидел, скрестив под собой ноги, Орн и задумчиво разглядывал ее. А перед ним на разостланном доскуте ткани... Глаза!

Дзанта вздрогнула и отвернулась: она никогда больше не притронется к этим кристаллам, из-за которых ей пришлось столько вынести.

«Нужно. Ты должна», — раздался в голове мысленный приказ.

— Зачем? — выкрикнула она вслух.

— Мы обсудим это потом. — Орн прикрыл камни краем ткани. — А пока — вот... — Она жадно схватила из его рук тюбик с Е-рационом.

В лагере были еще двое, выполнявшие сейчас функции часовых. С оружием наготове они ходили по периметру долины, охраняя подступы к ней.

Судя по всему, Орн ожидал нападения. Но где же Ясса? Сальярианка вызвала Орна на подмогу. Не попала ли она в плен к Юрану?

— Где Ясса? — Покончив с едой, Дзанта ощутила растекающуюся по телу энергию.

Орн снова сел, приняв прежнюю позу. Здесь, среди диких скал, строгий наставник выглядел беспомощным, растерянным. Но Дзанта слишком хорошо знала этого человека, чтобы довериться внешнему впечатлению.

Вместо того чтобы ответить, он демонстративно поднял мысленный экран. Неужели... Ясса погибла? За последнее время в жизнь девушки вторглось столько всего, что она могла допустить и смерть Яссы, и ее захват Юраном. Предводитель пиратов, если вспомнить, тогда похитил Дзанту, заставляя ее дар служить своим собственным целям. Она попыталась припомнить еще что-то. — Какую-то фразу, сказанную Юраном перед тем, как он принудил ее смотреть в фокусирующий камень.

— Ясса, — заговорил Орн, прервав ее размышления, — она на корабле. Думаю, бандиты хотят использовать ее как заложника в переговорах с нами. Но к несчастью, — он хмыкнул, — они просчитались. У меня и так есть все необходимое, я вовсе не нуждаюсь в Яссе. Да и охота сотрудничать с нею у меня пропала...

— Ясса, — горячо заговорила девушка, — она надеялась, она так ждала, когда ты придешь на помощь...

— Как видишь, я здесь — чтобы помочь не ей, а тебе. Это на Корваре Ясса царит и повелевает, тут же ее власть ничего не значит. Осознание этого послужит для нее давно заслуженной оплеухой!

— Но...

Орн всегда являлся самым верным и преданным приближенным хозяйки... Дзанта была ошарашена.

— У тебя не укладывается в голове, что я хочу взяться за это сам? Но ведь дело с артефактом — мое, оно по плечу только человеку моих способностей! Нельзя отдавать его людям, которые даже не в состоянии понять то, что обнаружится, не смогут использовать это должным образом и в конечном итоге все погубят. Один я в полной мере способен оценить сделанное открытие. Они же только догадываются...

Орн знал, в чем суть открытия, — Дзанта не сомневалась в этом. Знал он и о том, что только ей дано использовать открытое. А он — он будет использовать ее, будет выжимать из нее всю информацию, полученную посредством кристаллов. Он сделает ее... Искра протеста вспыхнула где-то глубоко и стала разгораться... Она не желает оставаться безгласным инструментом, перешедшим к новому хозяину!

Как ей вести себя? Прежде всего — обрести четкость мысли. Итак, она знает, что был другой сенситив. Он каким-то образом, возможно через Орна, последовал в прошлые времена и разделил с ней все встреченные там опасности. Еще — она вспомнила короткий контакт в корабле Юрана, когда прилетела на эту планету. Тот сенситив работал вместе с Харром... Быть может, он послан Орном? Но почему тогда парапсихолог не упоминает о нем, не спрашивает о судьбе своего посланца?

Девушка решила во что бы то ни стало проникнуть в эту тайну. И тут... Она почувствовала зонд Орна. Вместо того

чтобы, как всегда раньше, открыть мозг — она опустила барьер.

Он нахмурился, давление зонда усилилось. В ответ Дзанта смело посмотрела в глаза парапсихологу. И этот открытый взгляд, и ее сопротивление — в их многолетних отношениях такое случилось впервые.

— Если хочешь о чем-то знать, спрашивай вслух, и все.

Зонд исчез. На лице Орна заиграла усмешка.

— Ты просто глупая самонадеянная девчонка. Неужели ты вообразила, что эти камни, к использованию которых ты кое-как приспособилась, сделали тебя равной мне? Вспомни, кто я такой, и кто — ты...

— Я не пытаюсь оказаться больше, чем есть в действительности.

Кто подсказал ей эти слова, кто дал силы отчеканить их в лицо Орну? Неужели все пережитое настолько изменило ее саму? Ведь этот человек может сделать с ее телом, с ее разумом такое... Она содрогнулась, вспомнив некоторые эксперименты в лаборатории. Но что-то он не торопится воздействовать на свою строптивую ученицу. Быть может, та уверенность и сила, что появились в ней, ослабляют его возможности? И все же, покуда она не будет уверена, что способна в любой момент оказать Орну сопротивление, ей следует быть осторожной...

— Ну, вот и отлично. — Несмотря на явную двусмысленность ее заявления, он сделал вид, что удовлетворен. Возможно, ему проще считать ее тем, чем она была всегда, нежели приспособливаться к тому, чем она стала теперь.

Опасаясь пускаться в прямые расспросы о том сенситиве, что был с ней и в Сингапоре, и в Норнохе, Дзанта решила пойти косвенным путем:

— Где Харр?

— Харр? — Он удивленно поднял брови. Она поспешно укрепила барьер. Ошибки быть не могло — в ночь перед высадкой на эту планету Харр был здесь, она узнала его импульс. Почему же Орна удивил ее вопрос? Харр — его инструмент, и то, что они вместе, — наиболее естественное предположение.

— Харр на Корваре.

Неужели Орн надеется, что она поверит? Разве он забыл, что у Харра был с нею контакт? А если он об этом и вправду не знает — тогда кто же тот, другой сенситив? Или этой неуклюжей ложью парапсихолог пытается скрыть потерю мхнатого союзника? А тот, другой, завладел Харром и действовал без ведома Орна?

Дзанта почувствовала себя так, словно ее снова зашвырнуло куда-то, где не было реальной опоры. Она не могла разгадать игру Орна. Или он проводил с нею очередной заумный тест?

Ох! Ударивший в мозг зонд был настолько силен, что прежде без труда пробил бы ее защиту. Но сейчас она устояла. Девушка поняла: барьер нужно поддерживать непрерывно...

— Почему ты решила, что Харр здесь? — спокойно спросил Орн, ничем не показывая своего поражения в попытке принудительного считывания ее мозга.

— А где же ему быть, как не с тобой? — Ответ прозвучал вполне естественно. — Ты всегда подключал его, если хотел умножить свою мощь. Разве теперь не такая ситуация?

Дзанта была довольна тем, как логично она говорила с Орном. Но примет ли он ее логику? И почему старается скрыть от нее присутствие здесь, на планете, Харра?

— Харр слишком уникален, чтобы рисковать им, — бросил Орн, поднимаясь на ноги. Он отвернулся и молча постоял, будто к чему-то прислушиваясь. Затем отправился к часовым и тихо заговорил с ними.

Орн опасается чего-то, это ясно. Почва для опасений есть — терпение Юрана может истощиться, да и Ясса отнюдь не дура: узнав о предательстве Орна, она вполне может вступить в сговор с пиратами. Ее план отделаться от Юрана, чтобы единолично завладеть сокровищами, теперь мог измениться.

Глаза... Дзанта схватила их и спрятала под одеждой. Она твердо знала — это ценнее любых сокровищ. Орн подозревал это, и Ясса тоже. Но у нее, в отличие от них, были доказательства волшебной силы Глаз. Очень бы важно знать: использовать кристаллы может определенный сенситив или любой, включая Орна?

Там, в иных мирах, Дзанта одевала их дважды. Винтра, не подозревавшая об их могуществе, насильно получила кристалл от врагов. Эрия, напротив, прекрасно знала силу камней и использовала ее. Даже сейчас девушка не думала об этих женщинах, как о чужих: в ней продолжали жить частицы и Винтры, и Эрии. В силу каких-то особых своих свойств именно она оказалась наследницей этих несчастных обладательниц кристаллов. Выбор судьбы пал на нее — так стоит ли ей теперь вступать в сделку с Орном?

Был еще тот, другой — он постоянно занимал ее мысли. Кто этот сенситив, пожертвовавший собой, чтобы помочь ей вырваться из прошлого? И где все-таки Харр, этот неутомимый генератор энергии? Туран... Эту проблему она обязана разрешить — для своей собственной безопасности, для планирования своих взаимоотношений с Орном. Дзанта постаралась отбросить покров мрака и смерти, который застилал ее мозг при мысли о Туране. В его мертвом теле остался тот, кто сопровождал ее в невероятном путешествии к далеким предкам. Она предполагала только, что этот незнакомец подчинялся Орну. Нужно узнать о нем все! То, что Орн его использовал,

не принижало незнакомого сенситива в ее глазах. Много раз Ори и ее использовал, заставлял выполнять то, чего хотели он и Ясса. Тот сенситив — просто ее товарищ по несчастью, так же зависимый от парапсихолога. Теперь он умер, выполняя задание Орна. Если потребуется, Ори без раздумий пошлет на смерть и ее...

Дзанта нащупала под одеждой камни. Орну еще предстоит удивиться, если он надумает избавиться от нее. Эрия в минуту опасности использовала Глаза. Если Дзанта овладеет таким искусством, она станет гораздо могущественнее, чем может предположить парапсихолог. А обстановка вокруг нее такова, что это могущество может потребоваться очень и очень скоро...

— Нам надо идти, — подошел к ней Ори.

— Куда? На твой корабль? — Дзанта таила надежду на отрицательный ответ. Странно: пока она находилась под открытым небом, у нее сохранялась иллюзия свободы.

— Нет, пока не на корабль. — Он, склонившись, собирал вещи.

Взяв увязанные тюки, они вчетвером двинулись в путь среди скал и каменных обломков, пока не выбрались на равнину. Неширокий ручеек, чахлые кустики и клочки жесткой травы по его берегам — это были единственные признаки жизни на планете.

Что же случилось здесь, что стерло с лица этой планеты и Сингакокх, и другие народы? Разрушительные войны или неслыханной силы катаклизм? Сколько веков уже пустует эта планета?

Дорога была трудной. Как ни старался Ори двигаться быстрее, это удавалось плохо. Приходилось искать расщелины в скалах, пробираться между острых камней. Бесконечные спуски и подъемы утомили всех, особенно устал Ори: он задыхался, порой останавливался, чтобы прийти в себя.

Долина стала шире, растительность здесь оказалась богаче. Хотя даже самые крупные кусты были им по плечо, необходимость продираться сквозь жесткие ветки еще больше замедлила движение отряда. Снова и снова ныряя в заросли, Дзанта удивлялась неистребимой силе природы, сумевшей оживить эту местность после постигшего планету кошмара.

Вдруг один из мужчин разразился бранью, полыхнул лазером в кусты. Дзанта успела увидеть, как на его ноге сомкнулась чья-то зубастая пасть. Нападение неизвестного хищника было отражено, но на ноге пострадавшего остались клочья желтой пены. Он стал поспешно смывать ее в ближайшем ручье.

— Это было похоже на огромную ящерицу. Хорошо хоть, что не прокусила насквозь, — бормотал их спутник, осматривая кровоточащую рану. Второй охранник поливал кусты огнем своего лазера. Ори остановил его:

— Не стоит на это тратить энергию.

— Я не хочу ждать, пока меня укусит какая-нибудь ядовитая тварь, — крикнул тот в ответ, но лазер все же выключил.

Дальше они шли совсем медленно, озираясь по сторонам, чтобы не подвергнуться новому нападению. Дзанта, не привыкшая к подобным путешествиям, уже едва двигалась: ноги нестерпимо ныли, каждый шаг отдавался болью.

Во время коротких остановок Орн все прислушивался к чему-то. Возможно, в эти минуты он вел мысленный поиск — проверял, нет ли погони. Дзанта не стала ему помогать: вдруг это только уловка, чтобы отвлечь ее и прорваться через ее барьер?

Долина уперлась в каменную стену, с которой низвергался сверкающий водопад. Им ничего не осталось, как карабкаться по почти отвесному склону. Поднявшись, отряд оказался на открытом голом плато. Видимо, угроза нападения оставалась, так как они по требованию Орна пересекли этот участок почти бегом. Орн тащил обессиленную девушку за руку, не обращая внимания на ее протесты. Лишь достигнув укрытия за грудой камней, они наконец остановились.

Орн раздал всем еду. Растирая ноющие ноги, Дзанта решила узнать, кого так опасается парасихолог.

— Это Юран? — спросила она, забросив в кусты смитый пустой тубик.

Вместо ответа Орн досадливо мотнул головой. Девушка поняла, что сейчас он полностью поглощен сканированием окружающей местности, стараясь выявить чье-то присутствие. При этом ее наставник выглядел расстроенным: как видно, его усилия не увенчались успехом. Это насторожило и встревожило девушку: для такого сенситива, как Орн, обнаружить обычного человека, того же Юрана — детская забава. Выходит, те, кого он опасается и не может найти, имеют мыслезащиту? А если это так, почему он борется в одиночку, не приказывает ей подключиться? Не хочет посвящать ее в какую-то тайну? Ничего не поняв, Дзанта прислонилась спиной к холодному камню и закрыла глаза. Но тревога не покидала ее.

Ладно, Орн ее не приглашает. Но ведь она может сама попробовать! Но не для помощи парасихологу, а хотя бы из-за Харра. Узнав, где он, она сможет понять, почему Орн скрывает его присутствие на планете. Ведь это Харр направил к ней Турана — вернее, не Турана, а... кого же? Девушка принялась вспоминать людей, приходивших на виллу, посещавших лабораторию. Это мог быть один из них. Жаль, что Орн всячески старался оградить ее от контактов с другими участниками своих опытов. Непонятно, правда, что сенситив такой мощи, как Туран (пусть он будет Тураном, раз для него нет иного имени), что он позволял Орну использовать себя. Такой человек

в роли инструмента? Что-то не вяжется — он сам способен использовать других. Думая о нем, Дзанта невольно представляла себе мертвеца. Но ведь это — только навязанная случаем физическая оболочка. А как выглядит ее товарищ на самом деле? Попытка воссоздать его истинный облик ни к чему не привела — это все равно что из кусочков собрать вещь, которую ты никогда не видела.

А она? Что она, Дзанта, собой представляет? Всю жизнь — сначала в Диппле, затем в доме Яссы — она действовала, выполняя чужую волю. Сальерианка дала ей кров, пищу, образование — но не ради ее блага, а чтобы использовать необычный дар подобранной случайно попрошайки.

Орн... Сначала Дзанта почитала его, как идола. Потом стала бояться и ненавидеть, признавая его мастерство, но вместе с тем... зная, как оно может обратиться против нее. Сейчас, пройдя путь Винтры и Эрии, девушка осознала всю глубину своей ненависти к Орну. Он никогда не считал ее полноценным человеком. Он мыл ее, как глину, придавая своему творению желаемую форму. Но теперь... Она будет отстаивать право на свободу, право быть собой. И если понадобится — она не побоится выступить против Орна, как бы силен он ни был!

Ясса и Орн стали людьми, определявшими всю ее жизнь. Что ж, она заплатила долг и ничем больше не обязана ни сальерианке, ни психологу. А был ли в ее жизни кто-то, к кому она питает добрые чувства? Да, Харр. Он — ее друг, если это понятие применимо к смешному негуманоидному созданию.

И еще: Туран. Он относился к ней не как учитель, не как хозяин — они были товарищами. Так дружат и взаимодействуют члены одной команды, воины одного отряда — у них общие и опасность, и радость. Вот и Туран — он поддерживал ее, но и сам в то же время зависел от нее до самого конца. До конца...

Под ее сомкнутыми ресницами проступила горячая влага. Она прежде плакала только из-за физических страданий — боль, холод. Еще голод — когда ребенком жила в Диппле. А эти слезы вызваны ощущением невосполнимой утраты. Через ее душу легла кровавая рана, причиняющая постоянную боль. И нанес эту рану Орн, пославший к ней незнакомца и бросивший его умирать в чужом мире.

Она должна отомстить — и за него, и за себя. Этот час настанет! Орн заплатит сполна, она найдет способ стать сильнее его...

Дзанта едва сдержалась, чтобы не оттолкнуть руку парapsихолога, прикоснувшегося к ее плечу:

— Вставай, нам нужно сменить убежище. Маут отправился на разведку и обнаружил что-то подходящее...

Девушка осмотрелась. Один из людей Орна отсутствовал, другой держал возле уха рацию, слушая сообщение. Охнув, Дзанта с трудом поднялась на ноги. Если путь предстоит дальний, она может просто не дойти.

— Ну же, шевелись! — прикрикнул Орн.

И снова они карабкались, спускались, продирались. Один раз Дзанта упала и ушиблась так, что не смогла встать без посторонней помощи. Но Орн, бранясь сквозь зубы, все тащил ее вперед.

Она с трудом поверила, когда они оказались, наконец, в какой-то пещере. Орн толкнул ее в дальний угол, и девушка упала, застонав от боли и бессилия. Но Орн даже не попытался помочь ей, оставив лежать на голых камнях. Он вернулся к выходу и начал отдавать приказы своим людям, потом куда-то отослал одного из них.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Дзанта молча лежала в глубине пещеры, наблюдая, как солнце медленно опускается за горизонт. Днем оно казалось в этой безлесой стране по-особому ярким и жгучим. Теперь же, на фоне густых сумерек, его краешек, золотивший полосу неба, навевал грусть и безысходность. Девушка, как могла, боролась с этим настроением. Пусть ее тело измотано в долгом путешествии, но разум должен остаться ясным! Тем более что обстановка в их маленьком отряде тревожная: Орн и его люди уверены, что опасность близка. Кого они боятся? Дзанта не знала, а применить мысленное зондирование к кому-либо остерегалась: эту попытку сразу же засек бы парапсихолог и встречным импульсом мог прорваться в ее мозг.

Человек, посланный Орном в разведку, еще не возвратился, но переданные им дважды кодированные сообщения еще больше встревожили Орна. Похоже, весь его замысел расстраивался. Мягко ступая, он приблизился к ней и, склонившись голова к голове, прошептал:

— Не бойся. Здесь ты в безопасности...

— От Юрана? — с внешним безразличием спросила Дзанта. — Это его люди идут за нами?

— Юран? Если бы... — Он небрежно отмахнулся, будто капитан пиратов был не опаснее назойливой мухи, которую легко прихлопнуть в любой момент. — Увы, дело гораздо хуже. Здесь появился корабль Патруля!

— Патруль? Но как...

Среди всех возможных вариантов этот был наименее вероятным, но и наиболее страшным.

— Откуда я знаю как! — пожал плечами Орн. — Впрочем,

везде найдутся уши, которые слышат, и глаза, которые видят. Бы с Яссой летели через Вайстар... А он не контролируется Унией, достаточно одного шпиона, чтобы... Потом, не исключено, что выследили не только вас, но и меня. Впрочем, какая разница? Они здесь — это факт, об этом и надо думать сейчас.

Он замолчал, пристально глядя ей в глаза.

— Ты помнишь, что грозит сенситиву, работающему на Унию? Советую не забывать об этом, девушка...

Во рту у нее пересохло. Это вдальблывалось в нее с первых дней на вилле. Дзанта должна была знать, что будет с ней, если служители закона схватят ее во время какой-нибудь операции Унии. Смерть? Если бы. Они убивали не тело — разум! Полное стирание... Вместо человека, носившего имя Дзанта, думавшего, как Дзанта, действовавшего, как она, — появится безвольное тупое существо, не имеющее ни воспоминаний, ни мечты, способное только на такую же тупую механическую работу. Дзанты не станет — ее личность уничтожат по приговору суда.

Тень удовлетворения мелькнула на освещенном закатом лице Орна: он заметил ее смятение.

— Не забудь, девушка. Все время помни: стирание!

Он вновь помолчал. Может быть, ему пришло в голову, что в случае захвата Патрулем и его ожидает такая же жуткая участь?

— К несчастью, — опять заговорил парапсихолог, — Патрули сели там, откуда могут контролировать всю эту местность. Мы должны затаиться в укрытии — пусть они убедятся, что на планете нет никого, кроме Юрана с его людьми.

— Но твой корабль — они ведь могут его обнаружить?

— Корабля нет, Дзанта. Я спустился сюда на Эль-Би, защищенном от детекторов. Корабль остался на дальней орбите, он недосыгаем для приборов Патрулей.

— Но ведь у них есть еще индивидуальные детекторы? Что, если Патрули пустят их в ход? — Она изо всех сил старалась не дать страху, который поселил в ней Орн, перерасти в панику.

— Само собой. С помощью этих детекторов они сейчас прочесывают местность. Что ж, они наткнутся на пиратов и заберут их, а мы — в надежном укрытии, нас не найдут.

— Я считала, что для подобных операций Патрулям, кроме детекторов, придется еще и сенситив, — пожалала плечами Дзанта.

— Так должно быть, — кивнул Орн. — Но... я прошупал их и не обнаружил сенситива. Нам повезло! Правда, есть одно обстоятельство: мой Эль-Би запрограммирован на взлет в определенное время. Если мы не успеем к нему — он улетит без нас.

— И что же делать?

— Я попытаюсь в одиночку пробраться к Эль-Би, а дальше по обстоятельствам: либо перелечу на нем за тобой сюда, либо хотя бы отключу таймер-программу.

— А я?

— Ты жди здесь. Оставляю с тобой Маута. Надеюсь, что Патрули и пираты будут заняты друг другом и не отыщут вас. Ну а если это случится... Сама понимаешь... Никто и пальцем не пошевелит, чтобы выручить тебя. Поэтому... фокусирующие камни — они у тебя. Дай их мне, так будет надежнее.

Камни! Дзанта похолодела. План Орна стал ей ясен. Он заберет камни и при малейшей опасности улетит с ними на свой корабль, а оттуда — в любой район Галактики, где Уния не имеет власти. Орн будет владеть кристаллами, ему достанется сокровище Предвестников, а она... Он и не вспомнит о безродной девушке, оставленной на чужой планете, как не вспомнил о сенситиве, погибшем в гробнице. Она не должна этого допустить, ей нужно вести собственную игру!

— Для тебя эти камни бесполезны, — начала Дзанта. Поверит ли ей парапсихолог? — Они связаны со мной, и только со мной. Одна я знаю их тайны, к тому же они реагируют только на того, кто разбудил их.

Она должна убедить Орна! Тем более что лаборатория далеко, а без приборов он не сможет проверить ее слова.

— Ну а зачем эти камни тебе? Как ты сможешь их использовать? — насмешливо спросил Орн.

Дзанта лихорадочно искала ответ. Необходимо придумать что-то значительное, чтобы сохранить Глаза у себя.

— Раз у Патрулей нет сенситива, я могу с помощью камней помутить их рассудок, сбить их со следа. И потом — в древности их применяли для управления Лурла... Ну какими-то животными...

Она осеклась и не продолжала вспыхнувшую мысль: вдруг с помощью Глаз ей удастся управлять людьми? Но Орну знать об этом не следует.

Парапсихолог положил руку на лоб девушки. Она тут же укрепила защиту.

— Молодец. Ты, я вижу, многое извлекла из артефакта. Ты расскажешь мне все. Слышишь, все!

— Все... — произнесла она с безвольной интонацией, словно, как в прежние времена, находилась в полной власти Орна и его приказов. Парапсихолог довольно усмехнулся, прошелся по пещере.

— Пожалуй, ты права. Пусть камни будут пока с тобой. — Девушка едва сумела подавить вздох облегчения. — А до моего возвращения, — продолжал Орн, — ты останешься здесь под охраной Маута. Ждите, я вернусь!

Еще бы! Теперь, заинтригованный тайной камней, он вернется, чтобы выпотрошить из нее всю информацию,

чтобы заставить снова и снова смотреть в кристаллы и добывать для него еще более важные сведения о Предвестниках... Он вернется сюда даже под угрозой ареста — когда дело касается парапсихологии, Орну изменяют терпение и осторожность.

Девушка смотрела ему вслед, с радостью сознавая, что сумела отстоять свое право на Глаза. Она прошла с ними путь Винтры и Эрии, она сроднилась с этими таинственными кристаллами. Ее рука нащупала камни, Дзанта зажала их в кулаке. Если опять посмотреть в них, куда ее забросит — в Сингакохх? В Норнох? Она не хотела видеть ни того, ни другого.

И она не хотела служить Орну, не хотела по его приказу использовать Глаза. Если что, придется внушить ему, что потеряла их здесь, в скалах, и отыскать камни уже невозможно.

Еще одно важное: Харр. Скорее всего, Орн оставил его в шлюпке Эль-Би. Но почему он скрывает от нее, что взял Харра с собой на планету? Теперь, когда Орн ушел, она может послать вызов. Она отыщет маленького друга и узнает всю правду!

Держа в обеих руках по камню, Дзанта — впервые с тех пор, как Орн нашел ее — опустила мысленный барьер. Затем, создав в мозгу четкое изображение Харра, начала посылать сигнал — все дальше и дальше. И наконец...

Ответное прикосновение было неожиданным и кратким. И тут же, прежде чем она успела задать какие-то вопросы, в ее мозгу застучало:

«Предупреждение... Очень важно... Угроза... Обмениваться опасно... Оставь только маленький маяк, только прикосновение...»

Что же получается — Харр не на Эль-Би? Сбежал от Орна, покинул аппарат? Дзанта не могла получить ответ на свои вопросы — по воле Харра нить между ними была слабой, почти неощутимой. Он только предупредил — и оборвал контакт... Дзанта положила подбородок на согнутые колени, обхватила их руками. Она держала в мозгу образ Харра — путеводную ниточку, по которой он идет к ней, отыщет ее... Опасность... Что он имел в виду?.. Патрулей? Юрана?

Прерывистый зуммер кодированной передачи ворвался в ее раздумья. Она подняла голову. В пещере царил почти полный мрак, силуэт стража темнел у выхода смутным пятном. Его рация продолжала тоненько попискивать — шифр, которого она не знала.

— Девушка, — подал Маут голос из темноты. В нем чувствовалось почтение к женщине, обычное в нормальной обстановке и казавшееся странным в этом мрачном убежище. — Сообщение от Орна: нам надо убираться отсюда. Идем на восток.

Уходить сейчас, когда Харр на пути к ней? Ну уж нет!

— Орн велел оставаться здесь!

— Все изменилось, девушка. Сюда кто-то идет — то ли Патрули, то ли Юран. У них сильнейшие детекторы неизвестной модели.

Неужели они засекли ее короткий контакт с Харром? Дзанту охватила тревога.

— Скорее! Идем! — Маут подступил к ней, отбросив деликатность. Скорее всего, ему велено тащить Дзанту силой, если она заартачится.

Мозг девушки бешено работал. Она владеет Глазами, тайной их силы. Перед ней обычный парень, не сенситив — и это ее шанс! Нужно обмануть Маута и дожждаться Харра.

— Я иду, — произнесла она, не двинувшись с места... Оборвав нить связи с Харром, Дзанта сконцентрировала всю энергию на своем конвоире.

— Вниз. Спускайся за мной. — Он вышел из пещеры, даже не оглянувшись. Она ликовала: удалось! Маут останется в полной уверенности, что девушка неотступно следует позади!

Дзанта была удивлена и горда: она сумела это. Такое на ее памяти мог проделывать только Орн, избрав объектом внушения человека с заурядной психической конституцией. А теперь ей удалось не хуже наставника (бывшего наставника, усмехнулась она) сформировать в чужом мозгу такие яркие галлюцинации. Это благодаря Глазам! Ее доверие к камням еще больше возросло.

Но... галлюцинация вскоре ослабнет и Маут вернется за ней. Значит, ей придется покинуть пещеру.

Пошарив в поклаже, она достала тубик Е-рациона и маленький контейнер с водой. Больше ничего не стоит брать — неизвестно, какой путь предстоит. На пороге пещеры ее охватила неуверенность — в черноте ночи камни казались какими-то таинственными существами, от них исходила угроза. Дзанта упрямо тряхнула головой. Она должна найти другое убежище, дать Харру новый ориентир и дожждаться его там.

Маут пошел вниз? Что ж, она отправится наверх. Во всяком случае, там найдется место, откуда можно просматривать окрестность. Бережно спрятав камни, Дзанта начала нелегкий подъем по крутому склону.

Она преодолела уже порядочное расстояние, как вдруг снизу раздался неясный звук. Она замерла, распластавшись на каменистом выступе. Маут — он вернулся! Нельзя выдать себя ни движением, ни шорохом.

Ночь была на редкость тихой, ветер не свистел в изъеденных эрозией камнях. Дзанта слышала малейший звук — Маут бродил внизу. Вот он выругался — видно, обнаружил, что пещера пуста. Затем до нее донеслись сигналы рации. Он докладывает Орну о ее исчезновении или выслушивает приказ?

Если бы знать этот код! Не рискнуть ли на мысленное

зондирование? Но пока она раздумывала, сигналы смолкли. Раздались шаги... Он движется в ее сторону!

Вдруг темноту ночи прорезал яркий луч света. Он был направлен не на Дзанту, а на Мауту.

— Стоять на месте!

Маут замер, беспомощно моргая. Послышались голоса приближающихся людей. Патрули? До нее донеслись обращенные к пленнику вопросы — спрашивали о ней. Дзанта сжалась. Она не менее беспомощна, чем Маут. Любое ее движение будет услышано, и тогда...

В круг света, где находился Маут, ступил какой-то человек. Он не был в форме Патруля, его костюм больше походил на комбинезон космонавтика. Выходит, их выследили люди Юрана. Если Ясса, как предполагал Орн, заключила с ними сделку... Может, окликнуть их, обнаружить себя? А вдруг Ясса — не союзница, а пленница Юрана? Нет, пока возможно, она должна остаться свободной, должна найти Харра и узнать обо всем.

Маута разоружили и повели вниз. Никто из этих людей не догадался подняться выше. Но где гарантия, что они вскоре не начнут искать ее и здесь? Дзанта не питала иллюзий по поводу стойкости Мауты: у пиратов найдутся эффективные методы, чтобы вырвать у пленника нужную информацию. В общем, ей надо уйти отсюда как можно дальше, потом будет поздно.

Шум внизу усилился: они обыскивали пещеру. А потом? Как ей хотелось, чтобы эти люди ушли отсюда! Она не рискнула прибегнуть к психическому внушению, помня предупреждение Орна насчет детекторов. Но иногда просто сильное желание тоже может оказать действие — она слыхала о таких случаях.

О, чудо: они действительно уходили! Девушка облегченно вздохнула — можно наконец расслабиться. Она чутко прислушивалась к шумам внизу, терпеливо дожидалась, пока звук шагов растает вдали.

Теперь — быстрее! Она стала поспешно карабкаться вверх, стараясь действовать бесшумно. Царившая вокруг кромешная тьма также обязывала к осторожности на каменистом склоне. Дзанте приходилось ощупывать путь руками, а сделав шаг, долго пробовать надежность опоры. Тем не менее она дважды сорвалась и с бешено бьющимся сердцем подолгу замирала, слушая, как с грохотом летят вниз задетые ею камни.

Прошло немало времени (ей показалось — целая вечность!), пока она достигла вершины склона. К своему огорчению, девушка обнаружила, что на этом голом участке нет ничего, похожего на укрытие. Ей не остается ничего иного, как спуститься с противоположного склона горы. Вдруг где-то рядом послышалось хлопанье крыльев. Здесь были птицы! Почему-то это небольшое открытие придало ей уверенности. Набравшись духу, Дзанта начала спуск.

Этот склон оказался гораздо более пологим. Но девушка

заставила себя не суетиться и двигалась медленно, осторожно, прислушиваясь к каждому звуку. И все же она поскользнулась и вынуждена была уцепиться руками за колючие ветки какого-то куста. Но и после этого она продолжала с шумом катиться вниз, пока другой, более укорененный в грунте куст не задержал ее падения. Дзанта буквально оцепенела от ужаса: такой шум наверняка слышен во всей округе. Далеко ли ушли люди Юрана? Она рискнула на мысленное зондирование. И...

Харр!

Она еще в пещере разорвала с ним связь, а потом была занята только тем, чтобы скрыться. И вот теперь... По четкости сигнала девушка поняла, что Харр где-то совсем рядом.

Чуть позже до нее донесся слабый звук. Неужели Харр здесь, на этом склоне? Во всяком случае, по косогору что-то двигалось в ее сторону, двигалось гораздо бесшумнее, чем мог это делать в темноте человек. Ну конечно, ведь ее маленький друг ночью видит не хуже, чем днем; ему гораздо сподручнее пробираться среди камней. Она ждала, ухватившись за куст, как за спасительный якорь.

И, наконец, — Харр! Он бежит к ней, раскинув обе пары щупальцев. Дзанта прижала к себе маленькое пушистое тельце, и Харр, обычно разыгрывающий из себя недотрогу, сейчас весь отдался этой горячей ласке.

«Успокойся, — передала она. — Ты что же, отстал от Орна? Потерялся?»

«Нет! Скорее — иди — с Харром!»

Она никогда не видела своего приятеля настолько возбужденным, он рвался из ее рук, теребил платье.

«Надо — скорее — он умрет!»

«Кто умрет? Орн?»

Неужели парапсихолог попал в беду, пробираясь к Эль-Би?

«Он — я говорю — идем!»

Казалось, что Харр уверен, что Дзанта должна знать, о ком идет речь. Словно человек, к которому он звал, был настолько известной персоной, что любое упоминание о нем все должны понять с полуслова.

«Идем! Он ждет!»

Возбуждение Харра еще усилилось. Он не отвечал на ее расспросы, старался освободиться из ее рук с той же решительностью и горячностью, с какой минуту назад кинулся в ее объятия. Он требовал одного — чтобы она повиновалась!

Полная недоумения, Дзанта опустила Харра на землю. Он тут же устремился вперед, оглядываясь, приказывая ей идти за ним. Девушка осторожно двинулась следом, хотя, не имея способности к ночному видению, не в состоянии была послеть за своим проводником.

«Харр! — Она послала это как можно убедительнее. — Подожди — иди тише — я не вижу тебя».

«Я жду, — пришел ответ. — Идем... Спеши!»

Она уловила слабое движение ниже по склону, будто Харр в нетерпении бегал взад-вперед, охваченный желанием пуститься дальше.

Забыв об осторожности, Дзанта бросилась вниз и наполовину спрыгнула, наполовину съехала туда, где ее поджидал Харр. Чтобы они вновь не разъединились во мраке, он цепким щупальцем схватил ее за одежду и потащил за собой.

«Иди. Я вижу — не бойся».

Дзанте осталось только положиться на своего проводника. Она надеялась, что он все же будет выбирать дорогу поровнее. К счастью, на небе выглянуло ночное светило и мрак сделался не таким густым. В тусклом зеленоватом свете здешней луны все вокруг приобрело нереальный, какой-то призрачный вид.

Харр тянул ее на восток. Присмотревшись, девушка узнала эту местность. Конечно же, где-то неподалеку должен находиться корабль пиратов. Ясса? Не похоже — Харр называет этого человека «Он», к тому же вряд ли он станет так горячо печься о сальерианке, к которой всегда относился довольно холодно. Сейчас ее проводник двигался медленнее, осторожно выбирая путь между разбросанных тут и там острых камней.

«Ты ведешь к кораблю пиратов?» — осмелилась предположить Дзанта.

Вместо ответа он резко дернул ее за платье, как бы запрещающая вступать здесь в психо-контакт. Они все кружили между скал и наконец оказались там, где каменные пики сомкнулись в сплошную стену. Харр со всех своих двух ног и четырех щупальцев кинулся к этой стене, мигом взобрался на какой-то уступ и исчез в расщелине.

«Сюда! Скорей!»

Дзанта сомневалась, что сумеет протиснуться в эту узкую щель. Когда ей это все же удалось, она едва не лишилась своей одежды, ключьями повисшей на плечах и бедрах.

Под защитой стены располагалась небольшая впадина. Свет луны не проникал сюда, но девушка все же различила силуэт лежащего человека и Харра рядом с ним.

Кто этот незнакомец? Не тот ли сенситив, что работал с Харром? Ее товарищ по путешествиям в миры Предвестников... Что с ним? Он, должно быть, еще жив — иначе зачем Харр так торопил ее? Сердце в ее груди колотилось, сотрясая все тело. Девушка опустила на колени перед тем, кого не могла разглядеть в этой жуткой темноте.

Она ошупала руками его одежду: костюм космопилота, тяжелые башмаки исследователя планет. Голова не покрыта. Он лежит ничком, тело холодное. Лишь поднеся руку к губам незнакомца, Дзанта уловила слабое дыхание. В трансе? Вполне вероятно. Но тогда она бессильна, у нее нет нужных знаний. Только Орни мог бы вывести сенситива из такого состояния.

«Нет! Нельзя! Он убьет!»

Мысль Харра раздалась в мозгу, как панический вопль. Дзанта откинула голову — настолько болезненным был импульс энергии.

«Тебя — Харр — привел — привел — ты — помочь...»

Скорее всего, упоминание об Орне так потрясло Харра, что он утратил способность связно передавать мысли. Дзанта не понимала, откуда возник этот страх, но в его реальности сомнений не было. Если уж Харр уверен, что Орн опасен, ей надлежит разделить эту уверенность, не требуя объяснений.

«Харр... — в этот призыв она вложила все спокойствие и выдержку, какие могла изобразить. — Подумай, как нам сделать это?»

Кажется, цель достигнута: к ее пушистому союзнику вернулось самообладание.

«Посылай — с Харром — посылай — ему...»

Он предлагает ей метод, обратный тому, каким она пользовалась, работая с ним раньше. Если тогда она брала энергию от Харра, то сейчас должна через него реализовать свою волю.

«Да — так — посылай!» — пришло торопливое подтверждение: она верно уловила идею.

«Тогда приготовься, я начинаю».

Расстегнув платье, Дзанта достала фокусирующие камни. Насколько они окажутся эффективны в данной ситуации, она не знала. Но была уверена: Глаза хотя бы помогут ей сконцентрировать энергию.

Наклонившись над беспомощно распростертым телом, Дзанта коснулась пальцами холодного лба. Щупальце Харра крепко обхватило ее запястье. Обеспечив физический контакт, они должны теперь наладить психо-связь. Справятся ли они с этой, неизмеримо более сложной, задачей?

Ей вдруг начало казаться, что она — нет, не вся она, а какая-то ее часть, ее внутреннее «я» — несется со страшной скоростью куда-то вдаль, в пространство, где царит хаос, где все беспорядочно кружится, смещается, где нет ничего прочного — только ее связь с Харром. Они неслись все дальше и дальше, кристаллы нагрелись в ее ладони, излучая устойчивый поток энергии. Он тек через ее руки — к пальцам, через них — к щупальцам, к той точке, где сосредоточился их тройной контакт.

Несутся — несутся — кружатся — кружатся — дальше — дальше, — пока Дзанте не захотелось крикнуть: «Хватит!» Им нельзя больше лететь в этом круговороте, иначе их связь с реальностью может оборваться, и они навсегда потеряют этот мир, как потерял его тот, кого они пытаются и не могут отыскать в зыбком головокружительном хаосе...

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Все мелькает, плывет перед глазами. Надо на чем-то сосредоточиться, сфокусировать энергию... Создать мысленный образ, но ведь она не знает облика этого, лежащего лицом вниз, человека.

Его видел Харр! Может ли она рассчитывать на его помощь? Совпадет ли его зрительное восприятие с человеческим? Кружение между тем затихло.

«Торопись». — Щупальце маленького помощника больно царапнуло по запястью.

«Мы должны иметь изображение, — отозвалась она. — Создай картинку, Харр!»

То, что появилось в ее мозгу, было так искажено, карикатурно, что Дзанта едва не прервала контакт. Она увидела уродливую помесь человеческих черт с чем-то, отдаленно напоминавшим клювастую голову Харра.

«Нам нужна истинная картина».

Они все еще были соединены физически, но психический контакт распадался: ее союзник не понимал, чего она добивается. Недоумение Харра тут же перешло в негодование. Сознал ли он, что тоже повинен в неудаче? Дзанта мобилизовала все свое терпение.

«Это человек, такой же, как я, — объясняла девушка. — Если это тот, кто был со мной в прошлых эпохах, — я не знаю, как он выглядит в действительности. Не увидев его, я не смогу зафиксировать изображение».

Новый импульс ярости: Харр мало что усвоил из ее объяснений. Он с досадой и разочарованием отдернул щупальце от руки девушки.

В ложбинку проник наконец зеленоватый свет луны. Если бы она сумела повернуть тело так, чтобы увидеть лицо... Другого пути нет. Вдохнув, она спрятала камни и принялась переворачивать лежащего человека. Наконец ей это удалось, и лунный луч упал на лицо незнакомца.

В этом призрачном освещении трудно судить о цветах. Ей, однако, показалось, что она видит темный загар, характерный для космонавтов. О принадлежности к звездопроходцам говорила и короткая стрижка — так удобнее носить шлем.

Правильные черты лица — по стандартам ее расы этот человек мог считаться даже красивым. Дзанта внимательно всматривалась, стараясь зафиксировать в памяти мельчайшие детали. Она должна знать его облик так, словно видела много-много раз — ошибка может обернуться трагедией.

Девушка протянула руку и легким прикосновением пальцев провела по лбу, по переносице, пытаясь запомнить рисунок чуть припухлых губ, твердую линию подбородка. Таким его сделала природа, таким она должна его запомнить.

Харр нетерпеливо бегал вокруг.

«Торопись — он потерялся — он и так слишком долго там...»

Дзанта знала об этом кошмаре, издавна преследующем сенситивов, впадающих в транс: боязнь потеряться в нереальном мире, не найти своего тела, не вернуться. Но теперь она запомнила, кого им следует искать на тех зыбких путях, куда нет хода обычным людям.

Достав Глаза, сжала их повлажневшими вдруг пальцами левой руки, правую положила на лоб незнакомца, вновь почувствовала на запястье щупальце Харра.

«Начнем...» — передала она уверенно: теперь ее не пугало сумасшедшее кружение. Теперь поведет не Харр, она сама будет направлять поиск, держа в памяти только одно — лицо незнакомца. Дзанта крепче зажмурила глаза — ничто не должно отвлекать ее от нужной картины!

В этот раз они не искали, а звали — сложив свои силы, получая добавочную энергию от камней. Дзанта не знала имени этого человека (а оно дало бы их призыву большую точность), но зато вся их объединенная мощь была брошена на передачу изображения.

«Ты, чей образ я несу в себе, где бы ты ни был — отзовись, приходи!»

Ее тело, мозг — все слилось в одно: в пучок энергии, в беззвучный крик. Долго ли ей удастся поддерживать это неимоверное напряжение?

«Приди!»

Будто что-то шевельнулось, царапнулось... Слабо, издалека... Ответ? Да — невнятный, но адресованный ей, и только ей! Она не решалась прекратить сеанс, боясь поверить, что у нее получилось это! Нет, нельзя даже на миг прервать эту тончайшую нить, нащупанную с таким трудом в запредельных глубинах ирреальности.

«Приди!»

О небо, как медленно крепнет нить... А силы все слабеют, ей уже не хватает энергии, получаемой и от Харра, и от Глаз.

«Приди!»

В этот последний импульс Дзанта вложила все. И оборвала связь, не в силах дальше поддерживать контакт.

Она упала ничком, откинув безвольную руку на тело незнакомца. Сознание не покинуло ее, но страшная слабость не давала двинуться, произнести хоть один звук — даже тогда, когда рука почувствовала, что незнакомец пошевелился.

Он медленно, с трудом, сел. Харр суетился рядом, неистово щелкая клювом и размахивая щупальцами. Как бы издали донеслись до Дзанты непонятные слова. На каком языке произнес их этот человек? Впрочем, все это задевало девушку лишь чуть-чуть, скользило мимо сознания, отвергавшего сей-

час все, что требует хоть крохотного напряжения воли или мышц. Изнуренная непосильным трудом, она хотела одного: лежать. И еще — чтобы прошел наконец этот гулкий шум в голове...

И все же первые минуты — момент, когда незнакомец вышел из транса, — казались Дзанте важными. Вдруг этот человек долго не сможет вспомнить себя, понять, где он и что с ним. Тогда ей придется опекать его на первых порах. Эта перспектива почему-то не показалась девушке чересчур обременительной.

К ее тайному разочарованию, незнакомец сориентировался на удивление быстро. Вот он склонился над ней, всматриваясь в ее лицо... Вид у него озадаченный, он снова что-то бормочет на своем языке.

Сильные руки подняли ее: незнакомец из плаща и еще какой-то одежды стал устраивать для нее более удобное ложе. Чувствовалось, что он понимает ее состояние, знает его причину. Не потому ли он не пытается вступить с ней в мысленный контакт? Или длительное погружение в транс истощило его психику не меньше, чем измотал ее предпринятый поиск?

Услышав, что он встает на ноги, Дзанта открыла глаза, с любопытством окинула взглядом его фигуру, полускрытую в тени камней. Этот человек не отличался высоким ростом, он был строен — пожалуй, даже худ. Лицо не молодое — скорее моложавое. Увидев, что незнакомец встал, Харр отбил клювом радостную дробь, цепляясь за его комбинезон, вскарабкался, словно по дереву, и уселся на плече. Так Харр вел себя только с теми, с кем его связывает многолетняя дружба.

Живая ноша не показалась щуплому незнакомцу тяжелой. Он легко подбежал к расщелине и выглянул между камней, внимательно прислушиваясь. Что ж, пусть возьмет на себя охрану — ей, Дзанте, необходим длительный отдых.

И вдруг девушка обмерла. В момент, когда этот человек повернулся, она увидела на нем очки ночного видения, а на его одежде... Даже в этом тусклом зеленом освещении ошибиться невозможно: эмблемы Патруля!

Что ты наделал, Харр! За что? О небо! Лучше уж Орн, даже Юран — это все же меньшее зло, чем... Самое ужасное, что этот сенситив знает о ней все: кто она, чем занимается на этой планете. Еще бы, он ведь сам сопровождал ее... Нет — выслеживал, собирал улики, прикидываясь союзником!

Ужас — черный, вязкий, всепоглощающий — охватил Дзанту. А она еще считала Харра другом... Он привел ее сюда, прямо в руки врагу! Бежать! Немедленно!

Она напрягла мышцы: удастся ли заставить двигаться свое измученное тело? Приподнялась — и тут же упала от бешеного головокружения. Кто может помочь ей, вольт свою энергию? Харр? Ну нет, больше она не доверится предателю!

Орн. Она всей душой восставала против его власти, но все же парансихолог не угрожал ей таким жутким наказанием, как этот незнакомец. Но если она сейчас попробует установить контакт с Орном — либо сенситив Патруля, либо Харр, либо оба вместе тут же засекут ее попытку.

Не спуская с незнакомца расширившихся от ужаса глаз, она отползала все дальше и дальше по дну ложбины. Добраться бы до края, перевалить через гребень, скрыться в камнях... Глупо. Харр знает волну ее излучения и без труда выследит ее, как охотничья собака находит для хозяина дичь по запаху.

А впрочем — пусть Харр попробует преследовать ее. Он физически беспомощен, она найдет способ избавиться от него. Гораздо важнее как-то справиться с незнакомцем. Словно краб по каменистому дну, Дзанта пядь за пядью отползала от места, где находилось ее ложе. Слабость захлестывала, но воля и отчаянный страх двигали ею.

Девушка не спускала глаз со своего врага. Он же, не оборачиваясь, все смотрел вдаль, явно не ожидая каких-либо неприятностей с тыла. Харр тоже повернул головку в направлении, куда глядел незнакомец. Не исключено, что он вел мысленный поиск, сообщая результаты новому компаньону.

Рука девушки наткнулась на камень. Им можно оглушить этого человека! А вдруг она промажет? Нет, кидать камень не стоит, но пусть он будет при ней на случай, если незнакомец попытается захватить ее силой. Непрерывно передвигаясь, Дзанта уже почти допознала до гребня, преодолев который надеялась оказаться в безопасности. Сейчас или никогда!

В этот момент незнакомец повернулся. Сбросив очки ночного видения, он с удивлением обнаружил девушку совсем не там, где оставил ее. Она сидела, опершись спиной о скалу. В руке зажат каменный обломок — первое оружие ее далеких предков.

— В чем дело? — этот вопрос он задал на знакомом Дзанте всегалактическом языке.

Вместо ответа она подняла камень. На этом человеке не видно оружия, к тому же он наверняка ослабел после всего, что перенес...

— Не подходи!

— Почему?

Дзанта не видела выражения его лица — оно было в тени. Но удивление в голосе разозлило ее. Он еще удивляется, прекрасно зная, что они — смертельные враги?

— Стой! — крикнула она.

Но он двинулся к ней. Зачем, зачем она вывела его из транса! Идиотка, доверилась Харру! Он же заодно с Яссой, Орном, со всеми, для кого она — только орудие, а не живой человек.

— Почему ты боишься? — мягко проговорил сенситив. — Я не желаю тебе зла.

— Не желаешь зла? Я понимаю — всего лишь приятная прогулка к Координатору, а там — стирание...

— Нет!

Он воскликнул это слишком горячо, чтобы поверить ему. Она не такая дура, чтобы не понимать, что ее ждет после всего, что она сделала (кстати, и для него тоже). Ей известно, чем кончили сенситивы, работавшие на Унию и попавшие в руки Патрулей.

— Послушай, пойми наконец...

Собрав, как могла, силы, Лзанта швырнула обломок, используя свой последний шанс остаться свободной. Но в миг, когда камень оторвался от руки, в ее голове взорвалась боль — настолько ужасная, всепоглощающая, что у нее не хватило сил даже исторгнуть вопль, который рвался с губ. Сраженная этим ударом, девушка рухнула наземь...

...Шторм. Он подступил вплотную, Ей нужно быть в Башне. Лурла — они неподвижны, они не хотят повиноваться ее приказам. Необходимо заставить их работать, иначе ее сбросят со стены в бушующие волны, а Глаза отдадут той, что сумеет лучше, чем она, защищать Норнох. Почему на Лурла не действуют Глаза? Что с ними? О море — кристаллы стали тусклыми, по ним побежали трещины. Вот они уже раскалываются, рассыпаются в пыль, просачиваются между пальцев... Их нет — и она осталась совершенно безоружной перед лицом яростной стихии...

Они притаились на высоком холме и смотрят вниз, где расположилась вражеская армия. Над лагерем повстанцев непрерывно барражируют самолеты, посылая убийственные лучи, а она не знает, как защитит от крылатой смерти своих людей. Ловушка, из которой нет выхода. Когда западня захлопнется окончательно и враги окружают лагерь, ей останется одно: умереть быстро и без мучений. Попасть в плен к этим, из Сингакокха, — это страшнее смерти. Она Винтра, дочь своего племени! Она не хочет, чтобы ее водили по улицам и враги осыпали ее насмешками! Конец уже близок — самолеты прямо над ними. Их лучи расплавляют укрытые между скал орудия. Это — смерть, и она, Винтра, приветствует ее!

Тепло... Свет... Она жива... Зачем? О горе — она в плену. Нет! У нее есть руки, есть ноги — враги сейчас узнают их силу! Но почему не удается двинуться? Ранена? Откуда эта тяжесть во всем теле? Она умирает?..

Она очнулась, подняла глаза к безоблачному небу. Вокруг скалы. Ну да, она среди родных гор Кэйута. Тишина, не

слышно ни рокота самолетов, ничего. Лагерь уничтожен? Она одна осталась в живых? Нет, и ее путь лежит туда, где она встретится со своими погибшими товарищами. Она зовет смерть...

Шаги... Кто это? Один из повстанцев? Она попросит у него удар милосердия. Это ее священное право... Винтра не должна попасть в руки врагов!

Винтра... Но ведь у нее есть и другое имя... Эрия!

Да, но еще и Дзанта! Имена всплывали и каждое формировало вокруг нее другой, непохожий мир. Кто же она? Нужно собрать мысли... Дзанта! Вот это правильно. Кто швырнул ее туда, в чужие времена? Необходимо зацепиться в своем мире. Она Дзанта! Дзанта...

Ее память... Она вся распалась на лоскутки, вся в прорехах. Что это за мохнатое чудовище, склонившееся над ней, пугающее ее взглядом круглых глаз?

Она знает. Надо только вспомнить... Харр! Он пришел на выручку...

В этот миг память восстановилась полностью. Харр — не друг, а враг! Бежать! Но она не в силах шевельнуться. Что с ней? Извернувшись, Дзанта обнаружила, что спутана прочной бечевкой. Теперь она — пленница, теперь ей дано полностью разделить ненависть и отчаяние забытой в эпохах отважной Винтры...

Харр продолжал стоять над ней. То, что он изменил, перестало удивлять Дзанту. На него не распространялись законы цивилизованного мира, ему не угрожало стирание разума. Да и есть ли у этого существа разум, мораль, интеллект в человеческом смысле? Факт остается фактом: Харр теперь помогает Патрулям так же истово, как прежде помогал Орну. Понимает ли он, что стал предателем? Скорее всего, ему просто недоступна мораль, вот и все.

Дзанта даже не пыталась вступить с бывшим союзником в ментальный контакт. К чему? Она убедилась, как рьяно Харр сотрудничает с незнакомцем. Как настойчиво требовал он, чтобы она вернула его нового покровителя из призрачных миров! Можно ли винить Харра? Нет, это она — идиотка, согласившаяся на такое!

Она отвернулась, не желая видеть это нелепое создание. Теперь перед глазами были только скалы, освещенные ярким солнцем. Место отличалось от ложбины, где ее поразил тот жуткий удар. А чуть в стороне Дзанта увидела незнакомца.

Он лежал на животе у края обрыва, всматриваясь вниз. Там слышались выстрелы — где-то под ними шел бой.

Харр зацелкал клювом, пытаясь, очевидно, привлечь ее внимание. Девушка упрямо лежала, отвернувшись, наглухо закрыв свой мозг. Но вот она почувствовала боль: Харр тянул

ее за волосы. Дзанта была вынуждена повернуть голову, но тут же зажмурилась, не желая видеть его взгляда и игнорируя настойчивые попытки пробиться зондом через ее барьер. Впрочем, стоит ли тратить силы на эту борьбу? Они могут понадобиться в более важный момент. Она опустила барьер.

«Почему ты боишься?» — Харр глядел на нее невинными глазенками.

Дзанта даже задохнулась от этого вопроса: будто этому паршивцу неизвестно, что ее ждет.

«Ты... Ты выдал меня Патрулю, и еще смеешь спрашивать! Они... они убьют мой талант, превратят меня в ничто!»

«Нет! — Харр возбужденно дрожал. — Человек просто хочет понять... Без него ты бы уже погибла...»

Ей вспомнилось, как этот сенситив помог ей лоकिनуть каменную темницу, в которую попала Эрия. Лучше бы она погибла там — то, что останется после стирания, уже не будет Дзантой!

«Лучше бы я погибла!» — передала она, с презрением глядя в круглые глаза Харра. Внезапно он убрал щупальце с ее волос, оборвал контакт и устремился прочь. Она глядела, как он на бегу щелкает клювом, будто пережевывая полученную информацию. Вот Харр подбежал к лежащему у обрыва незнакомцу и обвинил свое щупальце вокруг его руки. Тот повернулся, посмотрел на Харра — Дзанта была убеждена, что сейчас они общаются между собой, но не сделала попытки узнать их мысленный диалог.

Незнакомец повернулся к ней, но встретил ненавидящий взгляд. Он пожал плечами и снова прильнул к обрыву, считая, видимо, происходящее внизу событием более важным.

Вдруг скалы задрожали от оглушительного грохота. Над утесами показался нос корабля, направленный в небо. Вот корпус приподнялся на столбах пламени — и звездолет растаял в небесах, оставив оглушенных людей среди клочьев жирной копоти.

Это не Эль-Би Орна: маленькая шлюпка не способна на такой эффектный взлет. Значит, она видела корабль пиратов — свою последнюю надежду ускользнуть от Патрулей. Что ей делать теперь? Кричать, плакать, умолять о пощаде? Но гордость заставила ее упрямо сжать губы, ничем не выказать смятение и страх.

Итак, Юран со своими людьми улетел — или по собственной воле, или захваченный Патрулями. Еще одна гипотеза: корабль сумел увести Орн. Орн... А если он до сих пор на планете? Она могла бы попробовать связаться с ним...

Незнакомец встал и направился к ней. Дзанта смогла наконец разглядеть его при свете дня. Она знала этого человека, как Турана, хотя тело Командора было лишь временной оболочкой. Теперь же неодолимой преградой их разделила

надетая на него форма. Это было больше, чем боязнь Патрулей, — это был страх перед исчезновением.

Жизнь Дзанты на Корваре была уединенной, она не встречалась ни с кем, кроме домочадцев Яссы. Налеты, к выполнению которых привлекала ее хозяйка, требовали глубочайшей концентрации — девушка не имела права думать ни о чем, кроме того, от чего зависел успех или провал акции.

На вилле в основном жили женщины. Словом, жизнь Дзанты протекала так, будто она служила жрицей какого-нибудь божества.

Ори? Она никогда не видела в нем мужчины. Это был одержимый ученый, полностью поглощенный совершенствованием своих знаний и способностей. Отрешенный от внешнего мира, погруженный в себя — он внушал благоговейный трепет, иногда страх. Ну а немногие слуги мужского пола воспринимались Дзантой просто как часть обстановки в доме Яссы.

Но этот человек... Он мужчина, причем одаренный, как и она сама. Дзанта пыталась — и не могла забыть, как они вместе, рука об руку, боролись с опасностями в эпохе Турана. Боевые товарищи там — здесь они сделались врагами. И при этом она почему-то не смогла подавить чувство благодарности: этот человек, одетый в ненавистную форму, дал ей почувствовать себя личностью, дал силы выдержать обрушившиеся на нее испытания.

Дзанта скользнула глазами по его не слишком примечательной фигуре. Среднего роста, он из-за чрезвычайной худобы казался еще ниже, чем в действительности. Ее не обманул ночью лунный свет: кожа незнакомца была темно-коричневой, хотя эта пигментация оказалась натуральной, а не приобретенной под воздействием космических лучей. То, что она принимала за короткую стрижку, чернело шапкой жестких и курчавых волос. Он, несомненно, выходец с Земли, но тысячи поколений вне материнской планеты превратили его, как сотни потомков колонистов, в мутанта.

Он присел на корточки, задумчиво глядя на нее, точно перед ним было уравнение, которое надлежит решить. Дзанте стало не по себе от этого изучающего взгляда, она нарушила тишину:

— Чей это корабль?

— Грабителей, — ответил он. — Они перессорились, перебили друг друга, а те, кто уцелел, — улетели, напоследок окатив бывших соратников пламенем дюз. Если, кроме нас, кто-то остался в округе — это два-три человека, не более.

— Ори! Он будет искать... — Это вырвалось непроизвольно, Дзанта тут же ужаснулась своему промаху и прикусила язык.

— Искать? Нет, он не сможет обнаружить нас при всем старании. Ему не пробиться через мой экран.

Этот человек не спросил, кто такой Ори. Значит, ему

известно многое, если не все. Вряд ли ей удастся чего-либо достичь ложью — не стоит недооценивать профессионалов Патрулей. Что ж, она будет играть с открытыми картами, быть может, это и его расположит к откровенности.

— И что же мы будем теперь делать? — Она решила брать быка за рога.

— Придется ждать.

— Сколько?

— Не знаю. Может быть, долго. — Он протянул руку и коснулся опутавших ее веревок. — Мне бы не хотелось, чтобы это время ты провела в таком виде.

— Ты ждешь от меня обещания не пытаться бежать? Хотя прекрасно знаешь, что мне грозит...

— Бежать? Куда? Эта голая планета отнюдь не для путешествий. Где вода? Где пища? — Незнакомец красноречиво обвел рукой обступившие их каменные громады. — По-моему, здесь самое безопасное место — не то что в Сингапоре. — Он впервые дал понять, что не забыл их совместных приключений. — По крайней мере, за нами не охотится со своей сворой Выший Консорт...

Он достал курительные палочки, зажег одну прикосновением ногтя и задумчиво вдохнул пряный аромат. Она удивилась его спокойствию — этот человек будто находился не среди голой пустыни, а в изысканном дворце удовольствий на Корваре.

— Ты сказал «ждать». Чего же? — резко спросила Дзанта, решив не оттягивать, поскорее узнать свою дальнейшую участь.

— Нам нужно добраться к моему кораблю. Но не могу же я тащить тебя на руках, тем более что по пути придется, быть может, вступить в бой. Все зависит от тебя. Если ждать — то лучше уж здесь. А если идти — ты должна пообещать, что будешь благоразумна. Нам бы только попасть на корабль, а уж там, поверь, будет гораздо приятнее и уютнее.

— Это для тебя там будет приятнее. А меня приблизит к тому, что меня ожидает!

— Ты способна хотя бы выслушать меня? Почему ты вообразила, что знаешь все наперед?

— Я достаточно много знаю о Патрулях, чтобы предвидеть дальнейший ход событий! — воскликнула она, не в силах сдерживать рыдания.

— А почему ты решила, — спросил он мягко, — что я имею к Патрулям какое-то отношение?

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Сперва Дзанта даже не поняла, что он сказал. Затем ее губы тронула ироническая усмешка. Неужели он считает ее полной

дурой и надеется успокоить такими словами, сидя перед нею в форме Патруля? Это просто...

— Одежда, — укоризненно продолжал незнакомец, — вовсе не бесспорный признак. Да, я работал в Патруле, но делал это в собственных целях. При чем работал только в космосе, потому что при этом мои и их цели совпадали. Поверишь ли: эти самые Глаза я искал много лет, не зная точно, что именно разыскиваю, как это может выглядеть, для чего предназначено.

Глаза! Пока она лежала в беспамятстве, куда они делись? Он нашел и забрал их? Она стала судорожно извиваться, пытаясь ослабить веревки, но вскоре убедилась в тщетности своих попыток: путы только сильнее затягивались.

Хотя Дзанта не ощутила никакого вторжения в свой мозг, он, наверное, прочел ее мысли.

— Успокойся, они при тебе.

Эти тревожные минуты, вся история с якобы отставным Патрулем, только усилили возбуждение девушки. Она спросила резко и недоверчиво:

— Кто же ты, если не Патруль? Почему остаешься в этой форме?

— Я сенситив. Моя компания Технир Зорбиан поручила мне возглавить экспедицию Закатанов на Икс Один. Это, к твоему сведению, планета в той звездной системе, где мы находимся.

Он опять затянулся ароматным дымом. Откуда-то из-за камней появился Харр и, подбежав к незнакомцу, устроился у его ног. Тот сосредоточенно замолк. Наблюдая за этой парой, Дзанта почему-то решила, что Харр побывал на разведке и теперь делится информацией. Ее догадка тут же подтвердилась: она ощутила в мозгу знакомую волну маленького компаньона: «Ори поблизости. Другой ранен. Остальные мертвы».

С сознанием выполненного долга Харр расправил все четверо щупалец и стал наводить красоту, вычищая из пуха, покрывавшего тело, прилипшие соринки и песок.

— Год тому назад, — снова заговорил незнакомец, — открытия, сделанные на Икс Один, были похищены грабителями. Ко мне обратились с просьбой отыскать украденное, так как моя специализация — археологическая психометрия. Следы пропажи привели меня на Корвар. Мне удалось найти семь предметов — тогда меня и пригласили на службу в Патруль. А восьмой предмет — то, что ты похитила из апартаментов Юкунса. Налет не прошел незамеченным, к тому же Харр... словом, я отправился по твоему следу.

Он ласково потрепал Харра по голове, и даже Дзанта уловила ответную волну благодарности и удовольствия.

— Значит, ты побывал и на Вайстаре?

— Естественно. Я был уверен, что сенситив, сумевший телепортировать предмет из запертого помещения, похитил его

не случайно, а располагая предварительной информацией. И конечно, ему захочется узнать историю того, чем он завладел. На Вайстаре у нас есть свои люди, мы узнаем обо всех необычных посетителях. Капитан корабля, перевозившего вас, — не единственный, кто получает от нас за информацию больше, чем может заработать грабительством.

— А чем ты подкупил Харра?

Он рассмеялся.

— Спроси его. Харр сам пришел ко мне: что-то не нравилось ему на службе у Орна. Я предвидел, что, когда возникнет надобность, смогу связаться с тобой через Харра. Кто мог подумать, что эти поиски вынудят меня превращаться в Турана! — При воспоминании о теле мертвеца он поморщился и покачал головой. — Не хотел бы я снова испытать то, что произошло с нами там.

Дзанта не смогла скрыть досаду. У нее было чувство, что ее одурачили: заставили решать головоломную задачу, хотя знали ответ.

— Итак, ты все это время знал про Глаза?!

— Да нет же! Я знал только, что невзрачная фигурка, купленная Юкусом, гораздо ценнее, чем может показаться. Почувствовать это мог любой сенситив. Но Глаза... Что ты, я и не думал о них. Это теперь можно утверждать, что они являются самой значительной находкой из всего, что обнаружили Закатане за все годы своей работы.

Мысли Дзанты вернулись к собственной участи.

— Так или иначе, ты вступил в Патруль, чтобы преследовать нас. Для этого ты надел их форму.

Он вздохнул, как вздыхает взрослый, отчаявшись втолковать малышу очевидную истину.

— Пойми, так было нужно. Я должен иметь широкие права. Но я — не Патруль!

— Кто же ты тогда?

Он со смехом развел руками.

— Чувствую, что мне пора представиться. Мое имя Рисс Лант, я виверн, обученный...

— Обученный лгаты! — крикнула она. — Всем известно, что виверны не занимаются парапсихологией!

— Так и есть, — кивнул он. — Но мой случай особый, я родился с талантом. Когда эксперты Совета убедились в этом, меня отдали на обучение. Послушай, разве может один сенситив солгать другому? Хочешь — проверь, я без защиты.

Дзанта поняла: он открыл ей мозг для зондирования. Но она не рискнула опустить собственный экран — свою единственную защиту. Он подождал, а затем, поняв, что девушка отклонила предложение, слегка нахмурился.

— Из-за твоей подозрительности мы теряем драгоценное время. Я понимаю: у тебя много недругов. Но если бы я был

из их числа — разве открыл бы я тебе свой мозг? Ты же знаешь, что при этом что-либо скрыть невозможно.

— Знаю, — пожала плечами Дзанта, — вернее, так я думала до сих пор. Но ты назвался виверном, а эта раса известна своими специалистами по части галлюцинаций.

— У тебя чувствуется хорошая подготовка. Ты многое знаешь.

— Орна интересовала любая информация о проявлении психической энергии. Он собирал ее по всей Галактике. Потому и я о многом имею представление.

— Это совпадает с тем, что мне известно и о тебе, и об Орне, — сказал тот, кто отреккомендовался Риссом Лантом.

— Ладно, допустим, что ты не Патруль... — Дзанта вернулась к теме, беспокоившей ее больше всего. — Но Патрули где-то близко. Что ты намерен делать со мной? Передать в их руки, как того требует Закон? Твоего свидетельства достаточно, чтобы меня приговорили к стиранию...

— Твое будущее зависит... — Он сделал паузу.

— От кого? — почти выкрикнула Дзанта.

— В основном от тебя самой. Дай мне слово, что не будешь пытаться бежать, и пойдем к моему кораблю.

Дзанта не торопилась с ответом, стараясь выбрать из всех зол наименьшее. Она верила Харру: Орн на свободе. У него где-то здесь спрятана космическая шлюпка Эль-Би, которую автомат заставит взлететь в заданное время. Стало быть, шансы покинуть планету у Орна остаются. Корабль пиратов уже взлетел, значит, на помощь Юрана или Яссы рассчитывать не приходится. К тому же сальерианка наверняка уже исключила ее из круга своих доверенных людей — в таких делах леди Ясса весьма рещительна.

Перед ней остается дилемма: Орн или Рисс Лант. И хотя последний был (или остался?) Патрулем, девушка почему-то больше склонялась к мысли довериться ему. Придется дать требуемое обещание. Главное — остаться на свободе, избежать приговора суда...

— Ты говоришь, — она постаралась придать голосу оттенок усталой покорности, — что бежать здесь некуда. — Что же, мне ничего не остается, как дать слово.

— Вот и отлично.

Он разрезал веревки. Дзанта села и принялась разминать запястья. Потом попыталась встать, но тут же опустилась обратно — затекшие ноги не держали ее. Тогда сильные руки обхватили ее плечи и помогли подняться. Она сделала неуверенный шаг, за ним второй...

Харр вскарабкался на плечо Рисса Ланта, который продолжал поддерживать девушку под руку. Они медленно двинулись вниз по склону горы.

— Ты говорил, что экспедицию организовали Закатане. Им

и о Сингакокхе что-нибудь известно? — спросила Дзанта, чувствуя, как с каждым шагом восстанавливается пульсация крови.

— О Сингакокхе? Нет. А вот на Икс Один сохранились развалины древних построек. Вполне вероятно, что когда на Сингакокх обрушилась катастрофа, его жители переселились на соседнюю планету. Будучи Тураном, я заметил сходство архитектуры города с теми руинами, что видел на Икс Один. Но теперь, когда у нас есть Глаза... — В его голосе прорвалось возбуждение. — Теперь для нас нет ничего невозможного. Мы проникнем в тайны Предвестников!

Этот возбужденный голос, одержимость в погоне за уникальной информацией напомнили девушке Орна. И что ее спутник имеет в виду, говоря о проникновении в...

— Ты намерен снова отправиться в прошлое — после всего, что нам пришлось перенести?

— На этот раз все будет продумано до мелочей. Рядом будут сенситивы для подстраховки, они помогут выйти из транса. В общем, ты угадала, я собираюсь повторить визит к Предвестникам. Не желаешь составить компанию?

Почему-то ей стало стыдно признаться, что она боится. А он сразу же уловит этот страх, стоит ей опустить барьер.

— Я даже не знаю... — промямлила Дзанта, пытаясь уйти от этого тягостного приглашения.

Он, казалось, не заметил ее настроения.

— Полагаю, что, если право выбора будет у тебя, ты не устоишь перед желанием лучше узнать этот мир.

Их беседу прервал Харр, тревожно застучав клювом. Рисс Лант стиснул руки девушки и приостановился, на минуту замер. Зондировал?

— Орн где-то совсем близко, — объявил он.

— Ты же говорил, что способен создавать защитное поле...

— Против вторжения в мозг — да, могу. Такой же экран, каким ты отгородилась от меня. Но не стоит недооценивать Орна: он может сконцентрировать очень мощный импульс. Для безопасности нам следует втроем объединить силы.

Вот он, ее шанс! Подать сигнал Орну, и... Увы, мир, в котором она оказалась, был весь в узлах, словно веревка, еще недавно опутывающая ее тело. Что она выиграет, убежав от этих двоих на поиски Орна? И можно ли назвать то, что ее тогда ждет, выигрышем? К тому же она, как-никак, дала слово...

— Что он может использовать против нас? — озабоченно спросил Рисс.

— Не знаю. — Дзанте очень не хотелось, чтобы он подумал, что она что-то скрывает. Действительно, откуда ей знать, какую аппаратуру мог взять с собой Орн? Унии было известно, что он добывает для своей лаборатории самые редкие устрой-

ства, способные влиять на психическую деятельность. Не исключено, что в коллекции парапсихолога есть нечто аналогичное Глазам.

— Я думаю,-- продолжала она...

Но что это?.. Весь мир вокруг странно исказился. Камни, пучки жесткой травы — все вдруг стало плоским, заколыхалось, словно картина, изображенная на легкой прозрачной ткани, которую тронул легкий ветерок. Еще миг — и вместо пустыни она оказалась в мире, полном жизни.

Два ряда зданий образовали улицу, посреди которой она стояла. Городские башни четко вырисовывались на фоне голубого неба, на их верхушках играли яркие солнечные блики. Вокруг кипел народ — люди шли пешком, двигались в автомобилях. И все-таки что-то во всем этом есть ненастоящее...

Дзанта вскрикнула, попыталась отпрянуть, когда прямо на нее надвинулся большой грузовик. Но она не могла сделать ни шага: что-то крепко держало ее, и этой силе она не смогла оказать сопротивление. Вот радиатор грузовика приблизился вплотную — и машина прошла сквозь нее! Через мгновение тем же путем промчался другой автомобиль... В ужасе Дзанта закрыла глаза и сделала отчаянную попытку перебороть силу, которая вернула ее в Сингакокх и теперь держала здесь. А то, что она в Сингакокхе, сомнений не было.

Глаза! Это они швырнули ее сюда, хотя она не смотрела в них. Они захватили власть над нею? Нет! Ее рука потянулась к груди. Дзанта растегнула карман, достала камни и отшвырнула их прочь.

Не помогло: она по-прежнему в Сингакокхе! Кто запер ее в этом чужом мире? Изю всех сил, удвоенных, учетверенных паникой, Дзанта металась, стараясь вырваться из непонятных уз, что привязали ее к этому месту. А вокруг нее, через нее, не замечая ее — продолжали свой путь люди, машины давно погибшего города...

— Дзанта!

Девушка вздрогнула. Теперь она поняла, что несмотря на кажущуюся подлинность возникшего вокруг нее города, в нем не было ни звука. Произнесенное рядом имя вернуло реальность, но она и теперь страшилась открыть глаза.

— Дзанта! — Она рванулась, но чьи-то руки крепко держали ее — такие же реальные, как и голос.

— Что ты видишь сейчас? — Тот же голос, очень четкий, требующий ответа.

— Я... Это Сингакокх... — еле слышно проговорила она.

Страх вновь погрузиться в транс пересилил осторожность: она сняла мысленный барьер. И в тот же миг ее согрела ободряющая волна товарищеского участия, напомнившая минуты общения с Тураном. И она отдалась этому дивному

ощущению, позволяя вливаться в себя этим волнам, несущим уверенность, стабильность, возвратившим ее из зыбкого мира галлюцинации. И эту уверенность, поддержку дал ей он, Рисс Лант.

Почему она столько времени боялась довериться ему? Человек, излучающий такую добрую энергию, не может желать ей плохого! Это вместе с ним она боролась за жизнь в Сингапоре. Это он отдал последние силы, чтобы выволочить ее из Норноха. И сейчас этот человек вовремя подставил плечо, чтобы дать ей опору.

Дзанта открыла глаза. Город — он все еще перед ней! Но ей не страшно. Просто странно видеть эти здания, колоннады, людей, машины, сознавая, что все это — только галлюцинация. Но... Кто вызвал это видение? Рисс? Это невозможно физически, ведь он в это время входил с нею в ментальный контакт. Харр? Это не его амплуа, да и о Сингапоре он ничего не знает. Глаза? Но она ведь выбросила их...

— Глаза! Рисс, я выбросила их, но все равно вижу Сингапоре!

— Ты видишь то, что хранит твоя память. Кто-то вторгся в нее. Ори...

Голос друга был совсем рядом, она чувствовала теплую руку на своем плече. Но... она не видела Рисса Ланта — перед нею все тот же Сингапоре.

— Постарайся стряхнуть... Попробуй зондировать... Улавливаешь чьи-нибудь мысли? — тормозил ее Рисс.

Она напряглась, закрыла глаза. Нет, никого постороннего — только Рисс и Харр. Город не нес ни звуков, ни мысленных ощущений — он воспринимался только визуально.

— Зрение... Это только видимость...

— Ну, вот и хорошо. — Голос Рисса был уверенным, как у врача, знающего и диагноз, и снадобье для излечения больного. — Это чисто зрительная галлюцинация. Она наведена специально для того, чтобы ты испугалась и выбросила Глаза.

Чтобы выбросила Глаза? Что ж, в таком случае галлюциноз достиг своей цели.

— Я действительно выбросила их, Рисс.

— Не слишком далеко. Харр отыскал их и принес. Ничего не скажешь, придумано ловко. Ведь это наваждение предназначалось для всех нас. Но я — человек иной расы, Харр — вообще не человек, поэтому подействовало только на тебя. Я понимаю, как тебе сейчас трудно, но у нас нет времени ждать, когда ты сможешь освободиться от видений. Оставаясь здесь, мы рискуем подвергнуться новой, более изощренной и мощной атаке. Надо уходить. Прошу тебя: пересиль страх, отрешись от всего, что видишь, полагайся только на внутреннее зрение и другие органы чувств. Я поведу тебя к кораблю. Ты поняла?

— Я попробую. — Дзанта снова нахмурилась. Сможет ли она двигаться вслепую, даже с поводирем?

— Молодец. У тебя все получится, не бойся. — Всем своим тоном Рисс показал, что уверен и в себе, и в ней. — Ну двинулись. Я пойду впереди, а Харра посажу тебе на плечо.

Она ощутила тяжесть, острые коготки вцепились в платье. — Не открывая глаза: Харр хочет кое-что попробовать.

Дзанта почувствовала, как шупальца коснулись ее головы, затем легонько приложились кончиками к векам. Зрение? Да, странное — но зрение! Она видела местность: камни, растительность, словно и не было галлюцинаций.

— Главное, не открывая глаза, — услышала девушка и двинулась вперед, держась за руку Рисса и смотря глазами Харра. У нее было необыкновенно легко на душе — впервые за долгое время. Она знала, что обрела верных и заботливых друзей.

Впереди показался небольшой ручеек. Вспомнив не столь давний эпизод, Дзанта предупредила Рисса о ядовитых ящерицах.

— Не беспокойся об этом. Я все время посылаю вперед отпугивающие сигналы, — ответил Лант и крепче сжал ее руку. — Я думаю о другой опасности. Идти еще немало, а Орн наверняка следит за нами. У него, скорее всего, есть какое-нибудь оружие. Свой экран я считал достаточным, но он сумел прорвать его и воздействовать на тебя. Теперь же, увидев, что мы не потеряли Глаза и вообще справляемся с ситуацией, Орн может решиться на прямое нападение.

Что это значит? Стрельба? Луч лазера из кустов? Дзанта никогда не видела парапсихолога вооруженным, но не сомневалась: этот человек способен на все, вплоть до убийства, если кто-то встанет на его пути.

— Да, Орн опасен, — только и сказала девушка, тут же заставив себя прогнать мысли о возможной схватке. Она обязана все внимание сконцентрировать на передвижении, которое давалось непросто. У нее с Харром было все же неадекватное зрительное восприятие мира, ей стоило труда приспособиться к передаваемой им искаженной картине местности. Но так идти все же было лучше, чем совсем вслепую.

Спуск сменился подъемом на очередной холм, этот участок пути показался девушке очень трудным. Затем — новый спуск, во время которого оба спутника заботливо предупреждали ее о препятствиях на пути. Дзанта постепенно выбивалась из сил, а они все спускались и спускались, словно в какую-то бездонную пропасть.

Даже аберрация, вносимая зрительным аппаратом Харра, не смогла обмануть того, что Дзанта увидела в центре долины. Корабль! По размерам он заметно уступает звездолету Юрана, который до захвата пиратами был торговым транспортником. Чужое зрение мешало рассмотреть опознавательные знаки, но почему-то она решила, что перед ней — корабль Патруля.

— Подожди! — Рука Рисса удержала ее на месте. — Дальше ни шагу!

— Что случилось?

— Корабль... Он был на потайном замке, трап я убрал вовнутрь...

— Но теперь трап, — несмотря на искажение, она ясно увидела это, — он же спущен! Там кто-то есть!

— Вот именно. И мы идем прямехонько в капкан. Неужели Ори воображает, что мы настолько испуганы, что совсем обезумели? Придется его разочаровать...

Дзанта прервала его, подняв руку и призывая к вниманию. Рисс замолк, недоуменно глядя на девушку, которая вся напряглась, словно собираясь погрузиться в транс.

— Это все не так, — проговорила она наконец. — Ему хочется, чтобы мы думали, что перед нами корабль, в котором кто-то есть.

Она слышала рядом его взволнованное дыхание. Харр тоже напрягся, острые коготки впились в плечо Дзанты. Эта боль вернула ее в реальность.

«Искажение! Разве ты не чувствуешь?»

Еще бы! Маленький союзник судорожно сглатывал, пытаясь побороть возникшее внутри жжение, вращение, стремящееся отделить, затуманить мозг и обездвижить тело.

Эти ощущения передались и Дзанте. Долго выдержать подобную пытку не в силах никто. Вот щупальца Харра ослабли, соскользнули с ее головы. Она лишилась его зрения и растерялась, все больше утрачивая ориентировку.

Очевидно, невидимая атака подействовала на Харра сильнее, чем на людей. Испустив пронзительный крик, он сорвался с плеча Дзанты и упал бы, не подхвати девушка этот дрожащий пухлый ком. Прижавшись к ней, Харр расслабился, контакт с ним исчез.

— Назад! — Она почувствовала, как Рисс тянет ее за собой. Но образ корабля преследовал их, накладываясь в ее сознании на сутолоку сингакокской улицы. Галлюцинация, словно приклеенная, отступала вместе с ними. Дзанта обреченно вздохнула: Ори сумел пробить все барьеры, воздвигнутые Риссом. А когда защита будет полностью разрушена, галлюцинации овладеют их разумом, превратив людей в беспомощных кукол.

— Я укрепил барьер. — Голос Рисса был спокоен, ее товарищ пока не поддался панике. — Но мне не выдержать долго на такой мощности.

— А когда ты сдашься, — досказала девушка, — нас сведут с ума.

— Подожди-ка. Не стоит сдаваться прежде времени. — Он потянул ее. — Сядь сюда, за эти камни. — Его руки мягко надавили на плечи, принуждая Дзанту опуститься на колени.

Яркость галлюцинаций уменьшилась, противное вращение в желудке почти прекратилось. Все это хорошо, но...

— Мы теперь так и будем сидеть здесь?

— Ни в коем случае. У нас есть еще кое-что против Орна.

— У нас? Ты имеешь в виду...

— Глаза.

— Но ведь я выбросила их. Ах да, Харр...

— Харр нашел. Держи.

Его руки разжимают ее пальцы, ладонь ощущает знакомую гладкость камней.

— Поскольку ты имеешь с ними устойчивую связь, у тебя получится лучше. Слушай, Орн навел на тебя галлюцинацию — для этого он должен находиться где-то поблизости. Попасть внутрь корабля он не смог, но создал иллюзию, будто он там, чтобы окончательно сбить нас с толку, не дать улететь. Предлагаю переадресовать ему его же собственную иллюзию.

— Под силу ли мне такое?

В принципе, в предложении Рисса не было ничего невозможного. Дзанта слышала о чудесах внушения, которых достигают мастера Варлоха, о вивернах, создающих неотличимые от яви химеры. Они подчиняют своему воздействию любого, заставляя его жить в мире фантомов. Рисс тоже из вивернов, но... поразить кого-то его собственной галлюцинацией — о таком она никогда не слыхивала.

— Чего зря гадать? Получится или нет, но попробовать стоит. Итак, твоя иллюзия — Сингакокх. Если сумеем — отправим Орна туда же!

Дзанта ахнула: ни о чем подобном она не подозревала. А Рисс — виверн, чей народ способен вызывать самые невероятные галлюцинации — поручает эту работу ей. К горлу подкатил комок: она была растрогана и горда: прославленный сенситив нуждается в ней! Такого никогда не было в ее прежней жизни. Для Яссы, для Орна, для Унии она была всего лишь воровским орудием. Рисс Лант же приглашал ее к сотрудничеству, которое вело их обоих к общей цели.

— Я... Я никогда не делала такого, — пробормотала она сразу охрипшим голосом, уже заинтересованная идеей Рисса, но опасаясь, не переоценивает ли партнер ее силы и возможности.

— Я тоже только немного пробовал, — развел руками Рисс. — Но другого способа нейтрализовать Орна у нас нет, так что будем рисковать. Слушай внимательно. Сейчас ты откроешь глаза и будешь смотреть на Сингакокх — если, конечно, ты еще там и не освободилась от видения.

Она слегка разомкнула ресницы и инстинктивно отпрянула от летящего навстречу автомобиля.

— Сингакокх...

— Прекрасно. Теперь, с помощью камней, как только можешь, усили восприятие — сделай видение реальным.

Она испугалась. Испугалась чужого города, чужого мира, чужого времени, испугалась смотреть в кристаллы, которые могут навсегда забросить ее в далекую древность. Но девушка твердо посмотрела в лицо своим страхам и заставила себя забыть о них.

Прижав камни к вискам, как это делала Эрия для высвобождения максимальной энергии, Дзанта открыла глаза. Улица с транспортом и пешеходами теперь была у нее за спиной, а она стояла посреди парка перед возвышающимся зданием, похожим на дворец Лорда Командора. Впрочем, только похожим — это было какое-то учреждение. У дверей стояли охранники, то и дело входили и выходили люди — здесь, судя по всему, вершатся важные дела. Память Дзанты сейчас покинула ее, да и с нею она вряд ли смогла бы узнать это здание — настолько реальное, что она словно вновь очутилась в прошлом, если бы не абсолютное отсутствие звуков.

«Давай», — раздалась в голове команда. Дзанта всеми силами сфокусировалась на видении, стараясь создать как можно более яркую и точную, со всеми деталями, картину.

Вдруг и парк, и здание, и люди — все заколыхалось, подернулось дымкой, стало разрисованной тонкой вуалью, сквозь складки которой просвечивал корабль — настоящий, с убраным внутрь трапом. Слово палец, указывал он путь в небо, в космос, на свободу!

Еще несколько мгновений — и от иллюзии не осталось и следа. В тот же миг ушло отвратительное ощущение искаженного мира. Она освободилась! Девушка вскочила на ноги. Харр от резкого движения едва не потерял равновесия, но удержался у нее на плече. Рисс? Он стоял рядом на коленях, уткнув лицо в ладони.

— Рисс?.. Рисс Ланті..

Он оставался в прежней позе. Она приблизилась и положила руку с зажатыми в ней камнями ему на плечо. От этого прикосновения его начала бить дрожь. Сенситив поднял голову: глаза закрыты, с лица струйками стекает пот.

— Рисс, что с тобой?

Он открыл глаза и бессмысленно уставился на нее. Неужели теперь партнер оказался во власти иллюзии, так долго терзавшей ее? Но вот он заморгал и узнал Дзанту. Девушка открыла рот, чтобы что-то спросить, но не успела: сзади раздался дикий вопль. Она вздрогнула от неожиданности и обернулась.

По камням, спотыкаясь, мчался Орн, обхватив голову руками. Он выкрикивал что-то невнятное, делал нелепые скачки в стороны, словно увертываясь от чего-то, видимого ему одному.

— Идем. — Рисс тянул ее за рукав.

— Но... он увидит нас...

— Сейчас он видит Сингакохх и только Сингакохх — таким, каким видела его ты. Но я не знаю, как долго это будет продолжаться. Пока галлюцинация действует, нам нужно поспешить.

Ори продолжал дико вопить, бесцельно бегал взад-вперед между камнями. Они проходили мимо совсем рядом, но он не видел их. Рисс Лант поднес к губам передатчик и произнес кодовую фразу. Люк корабля откинулся, выполз трап — настоящий.

Дзанта, обмирая от страха, со всех ног бросилась по ступеням, придерживая вцепившегося в плечо Харра. Она боялась, что вот-вот ее опять достигнет злой океан безумия, которое вновь найдет ее бывший наставник. Только вбежав внутрь корабля, девушка перевела дыхание. Рисс, прикрывавший тыл, последовал за ней.

Вход тут же закрылся. В маленьком корабле было тесно. Дзанта с Харром на коленях присела в углу, успокаивая все еще неровное дыхание.

«Ори... все бежит... Там город... Люди... Большие повозки на колесах...» — это Харр, для которого корпус звездолета не был непроницаемым экраном, в последний раз послал зонд в мозг бывшего покровителя.

Не теряя времени, Рисс проводил их в рубку управления, усадил в кресло и запустил усыпляющую аппаратуру. Сквозь дымку Дзанта видела, как его чуткие пальцы забегали по клавиатуре пульта. Она еще ощутила первые мгновения взлетной перегрузки — а потом все погрузилось в темноту...

...Холодные капли пота катятся по подбородку. Лицо Рисса. Он склонился над нею, выжимая ей в рот какую-то жидкость из тюбика. В тело вливалась энергия, она помогала девушке полностью очнуться. Дзанта выпрямилась в кресле.

— Куда...

— Куда мы направляемся? На Икс Один, — с улыбкой проговорил Рисс Лант.

— А Ори?

— Ему недолго осталось дожидаться Патрулей.

— Но... ведь он расскажет про нас... Про меня...

Пусть Рисс действительно не намеревался выдать ее, но он не сумеет скрыть ее от преследования властей. Раньше или позже — но ее схватят, и тогда... Стирание — ей не уйти от этого!

О том, что ее мозг после пробуждения не защищен мысленным барьером, Дзанта вспомнила, увидев, как ее спутник энергично затряс головой.

— Если Патрули и появятся здесь, они ничего не добьются. Закатане редко вмешиваются в дела живых, но если делают это — значит, имеют на то веские причины.

— Ты хочешь просто успокоить. Зачем археологам прикрывать меня? — с горьким недоумением спросила девушка.

— А затем, уважаемая леди Дзанта — Винтра — Эрия, что ты для них — самое ценное из найденного за последние века. У тебя ключ к неизвестной прежде двери в прошлое. Закатане приложат любые усилия, чтобы иметь возможность пользоваться этой дверью. Стирание... Неужели ты могла вообразить, что можно позволить уничтожить такую ценность?

Его рука ласково легла на разгоряченный лоб девушки. И от этой ласки ей сделалось не так страшно. Она слышала его уверенный голос и хотела тоже верить в то, что он говорил. Хотела — но не решалась...

Он снова прочел ее мысли.

— А ты попробуй. Надо только хорошенько поверить в невероятное — и оно может стать реальностью. Подумай сама: что мы с тобой здесь делали? — Рисс кивнул на экран. Там виднелась быстро уменьшающаяся планета, где когда-то шумел, поклонялся Вуту, воевал, плел интриги древний Сингакокх. — Разве не невероятно то, что было с нами? — продолжал Рисс. — Ты умирала дважды, я умер тоже — и, однако, мы оба живы — ты, надеюсь, не отрицаешь этого факта? Подумай, как много невероятного на свете, и ты поймешь, что тебе не следует бояться будущего.

— Если бы это было так... — неуверенно произнесла Дзанта, хотя всем сердцем чувствовала: он говорит правду. Ее всегда убеждали: смерть — конец всему, любому существованию. Но она дважды прошла через смерть — и вернулась к живым. Было ли все пережитое иллюзией, вроде той, какую они оставили Орну? Дзанте вспомнилось искаженное злобой лицо Захур М-Туран, Фани, указывающий на нее охранникам, последние глотки воздуха в замурованной Лурла тюрьме Эрии... Если это и было галлюцинацией, то чересчур уж реальной! Кусочки чужих жизней навсегда слились с ее собственной и остались в ней, в ее памяти. Пусть. Она не жалеет об этом!

Рисс в ответ на ее мысли улыбнулся. Харр одобрительно защелкал клювом.

— Вот увидишь, все будет хорошо. — Ее спутник на мгновение запнулся и тихо добавил: — И потом... Я надеюсь, что буду рядом с тобой...

Она ничего не ответила, отодвинулась в кресле, охваченная исходящей от друга волной нежности. Эта волна согревала ее, заставляла учащенно биться сердце, вызвала румянец на обычных бледных щеках...

Ладонь все еще сжимает два голубых кристалла. Глаза... Они нагреваются от тепла ее рук, они ждут. Чего? Может быть, следующего невероятного приключения?

Что ж, если друзья будут рядом — она готова!

**ЗДЕСЬ
ОБИТАЮТ
ЧУДОВИЩА**

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Пылающий красный шар солнца поднимался над верхушками низких деревьев: день обещал быть жарким.

Ник надеялся, что успеет добраться до леса прежде, чем начнет припекать по-настоящему. Конечно, он собирался выехать пораньше, но всегда же найдется какая-нибудь причина...

Ник сердито смотрел вперед на дорогу сквозь стекло шлема.

Ну почему всегда существуют чьи-то планы, в которые его желания не вписываются?

Неужели Марго действительно все делает так, чтобы все намерений Ника никогда не выполнялись? Одно время он так и думал, однако она настолько логично и убедительно доказывала, почему та или иная его идея абсурдна, что отец всегда с ней соглашался.

По крайней мере, ей не удалось испортить Нику этот уик-энд. Возможно, потому, что у отца были свои планы — или, скорее всего, у нее. Пройдет год — только один год! — и Марго сможет говорить все, что угодно. Ник ее не услышит: его здесь не будет! В тот день, когда он уедет, для него и начнется настоящая жизнь. Он с удовольствием предвкушал этот день.

Отец... Ник поспешно отогнал эту мысль. Отец... он выбрал Марго, ему нравится ее спокойная рассудительность.

Ну и ладно, вот пусть и живет с ней и ее рассудительностью! А Ник не останется с ними ни одной лишней минуты.

Деревья по сторонам стали выше и росли ближе друг к другу. Однако дорога под колесами мотоцикла была ровной и чистой, и можно было как следует разогнаться. После поворота к озеру уже не очень-то разгонишься, но в любом случае к полудню он доберется до коттеджа.

Постепенно Ник забывал то, что осталось позади, предвкушая то, что его ждет. Уик-энд — а это был большой уик-энд, с пятницы до понедельника — принадлежал ему одному. Марго не любила домик у озера. «И как это она до сих пор не уговорила отца его продать?» — подумал Ник.

Возможно, ей просто все равно; она владеет столь многим так же, как владеет отцом. Хмурый взгляд Ника еще больше потемнел, черные брови сошлись на переносице, губы крепко сжались. Это сердитое выражение теперь никогда полностью не сходило с его лица, слишком часто за последние три года оно появлялось.

Ник управлял мотоциклом, как его предки когда-то правили лошадью — слившись с ревущей машиной в единое целое. На нем круглый шлем, а также футболка, уже порядком запорошенная пылью, старые застиранные джинсы и ботинки. В крепко-накрепко привязанных сумках лежала прочая его одежда и еда — в летнем домике есть еще консервы, а кое-что

он купит по пути. Бак залит доверху, и четыре дня он будет свободен — будет самим собой! Ником Шоу, а не сыном Дугласа Шоу, не пасынком Марго (хотя, конечно, об этих родственных отношениях почти никогда не говорили). Ник Шоу собственной персоной, сам по себе и в одиночестве.

Дорога, извиваясь, шла под уклон. Ник миновал несколько редких домиков и остановился возле магазина у подножия холма.

Кока-кола отлично подойдет, и у Хэма Ходжеса она всегда ледяная.

Хлеб, сыр — списка Ник не составлял, просто надо было купить то, что не пострадает на ухабах. Он громко протопал ботинками по крыльцу и потянулся к дверной ручке. За затанутой металлической сеткой дверью нечто черное открыло пасть и зашипело почти неслышно, но явно угрожающе.

Ник дернул с головы шлем.

— Руфес, я не пришелец с Марса, — сказал он огромному коту.

Немигающие голубые глаза по-прежнему неотрывно смотрели на него, но пасть закрылась.

— Руф, ну-ка отойди от двери. Сколько раз тебе говорить: будешь там сидеть — на тебя однажды наступят.

Ник рассмеялся.

— Кто, Хэм? Посетитель, который приходит за покупками, или тот, который уходит, потому что ты огорошил его непомерными ценами?

Кот с надменным видом чуть посторонился, позволяя Нику пройти.

— Ник Шоу! — Из-за прилавка ему навстречу вышел довольно молодой человек. — Твои приехали на уик-энд?

Ник покачал головой.

— Я один.

— Жаль, что твой отец не смог: Ларри Грин видел в заливчике здоровенных рыбех. Час назад мы с ним говорили, он как раз и сказал, что мистер Шоу обязательно должен приехать на рыбалку. Он уже так давно здесь не был.

Хэм старался быть тактичным, но это не слишком ему удавалось. Ник переступил с ноги на ногу. Имени Марго здесь не упоминали, но всегда о ней помнили, как и он, когда говорили о его отце. Раньше, до нее, отец любил это озеро — летом и осенью проводил здесь каждую свободную минуту. А теперь как долго еще он сохранит за собой домик?

— Да, — ответил Ник ровным голосом, что далось ему с трудом. — Ты же знаешь, Хэм, он очень занят.

— Полагаю, ты сам-то не за наживкой пожаловал?

Ник вымученно улыбнулся.

— Ты меня знаешь. Я так же люблю рыбалку, как Руфес — собак. А надо мне чего-нибудь поесть — что можно везти на

мотоцикле и не разбить. Найдется ли немного знаменитого хлеба Эми?

— Посмотрим. Думаю, кой-какая выпечка найдется...

Ходжес скрылся в заднем помещении магазина, а Ник прошелся, выбирая себе остальное. Ветчина из холодильника, сыр. Уж сколько лет он заходит сюда и давно знает, где что лежит.

Руфес опять улегся и занял свой пост у двери. Огромный котище, но не толстый. Даже наоборот, довольно тощий, несмотря на все те полные мисочки, которые он дочиста вылизывает каждый день. Статью он в сиамского отца, а масти был обыкновенной — черной.

— Как нынче охота, Руфес? — спросил Ник, вернувшись к прилавку.

Одно ухо дрогнуло, но сам кот даже не шелухнулся. Он смотрел на улицу с таким напряженным вниманием, что Ник тоже пошел поглядеть. Должно быть, там птица или даже змея. Но он ничего не увидел.

Это не означало, что там ничего нет. У кошек иное зрение, чем у людей, они видят гораздо больше. На дороге вполне могло что-то быть, для человеческого зрения невидимое...

«Интересно, — подумал Ник, — сколько правды в тех книжках, в которых пишут о различных формах существования? Например, в той, где говорится, что в нашем мире, возможно, существуют и иные формы жизни, не видимые для нас так же, как мы не видимы для них?»

Не очень-то приятная мысль. Здесь хлопот не оберешься и с тем, что ты *можешь* видеть.

— Что там такое, Руфес? Летающая тарелка?

Кот был настолько поглощен наблюдением, что Ник даже слегка забеспокоился.

Руфес вдруг широко зевнул и потянулся — что бы там ни было, оно ушло.

Ник вернулся к прилавку. На нем лежала раскрытая книга; он поднял ее и прочел название: «Нас посещают пришельцы», некоего Кила. Рядом лежала другая: «Снова об "этих штуках"» Сандерсона. Эту книгу он читал по настоящему совету Хэма. У Хэма Ходжеса была целая библиотека подобной литературы, начиная с «Описания таинственных происшествий» Чарлза Форте. Книжки эти действительно поражали воображение, а Хэму было чему удивляться — после того, что произошло с его двоюродным братом на Короткой Дороге.

— Достал тебе целую буханку белого хлеба с изюмом и пяток булочек, — объявил Хэм, возвращаясь. — Эми сказала, что булочки надо подогреть. Они вчерашние.

— Хоть двухнедельные — все равно хороши, если пекла их она. Мне повезло, что она может дать так много за день до того, как печь новые.

— К нам должны были приехать люди, но не приехали, и осталось слишком много хлеба. — Хэм поставил пластиковый пакет с хлебом и булочками на прилавок рядом с Ником. — Странное дело. Этот парень позвонил в прошлую пятницу — ровно неделю назад. Сказал, что он из Института Хэденгайма и что они собирают материал о Короткой Дороге. Хотел сюда приехать и порасспросить людей о Теде и Бене... — Хэм помолчал. — Подумать только — сколько уже времени прошло с тех пор, как они исчезли. По крайней мере, это отпугнуло народ и некоторое время на дорогу никто не совался. Но теперь кто-то снял на лето дом Вилсона, а туда сейчас одна дорога — по Короткой. Поэтому опять начинают ездить. В общем, тот парень сказал, что занимается исследованиями, и спросил, где он сможет остановиться. У нас есть домик, и мы сказали, что поселим его. Но только он так и не появился и не позвонил.

— Как давно пропал твой двоюродный брат, Хэм?

— Двадцать четвертого июля тысяча девятьсот пятьдесят пятого года. Ну, ты же сам с родителями был в то лето на озере. Я помню, твой отец участвовал в поисках. А я как раз вернулся тогда из Кореи, только-только из армии. Уж мы тут все прочесывали... Тед был хорошим парнем и всю округу знал как свои пять пальцев. Бен тоже был не дурак, он подружился с Тедом на флоте и приехал половить рыбу. Они просто исчезли, как и все остальные — Колдуэлл с женой и двумя детьми в сорок шестом, а до них — Латимер и Джонсон. Я специально все это посмотрел. Достал свою записную книжку на днях и прочитал, чтобы ответить на любой вопрос, который вздумается задать этому парню из института. И знаешь, с тех пор, как в газетах впервые об этом написали, на Короткой Дороге исчезло около тридцати человек. Они здесь пропадали еще даже до того, как была проложена дорога. Что-то вроде Бермудского Треугольника. Только не так часто, чтобы люди всерьез забеспокоились: все успевает забыться. И все-таки зря они там снова начали ездить. Джим Сэмюэлс пытался их отговорить — не то чтобы они рассмеялись ему в лицо, но, думаю, решили, что это просто местные глупые предрассудки.

— Но если другого пути к дому Вильсона нет... — Ник знал легенду о Короткой Дороге, но мог понять и приезжих.

— Да, тут уж поневоле поедешь. Никто не станет прокладывать новую дорогу к нескольким летним домикам только потому, что о той, которая уже есть, ходят странные слухи. Знаешь, вот этот писатель, — Хэм постучал ногтем по обложке, — рассказывает кой-какие чрезвычайно занятные вещи. А вот этот, — он указал на книгу «Снова об „этих штуках“», — утверждает, например, что мы думаем, будто знаем о нашем мире все, будто уже все исследовано. Но это не так, есть еще масса неизведанного — горы, на которые никто

не забирались, земли, в которых цивилизованный человек не бывал.

— «Здесь обитают чудовища», — процитировал Ник.

— Это что такое? — Хэм поднял на него глаза.

— У отца есть настоящая старинная карта, которую он купил в Лондоне в прошлом году, — он вставил ее в рамку и повесил на стену у себя в конторе. На ней изображены Англия и часть Европы, а по нашу сторону океана только какие-то значки и драконы или морские змеи и написано: «Здесь обитают чудовища». Неизвестные земли в те времена люди населяли тем, что, по их мнению, могло там водиться.

— Ну, мы действительно многого не знаем, и люди в большинстве своем и не желают знать больше того, что находится прямо у них перед глазами. Указываешь им на то, что выходит за рамки их обычных представлений, и они говорят, что тебе все это мерещится. Но мы-то знаем о Короткой Дороге и о том, что там происходит.

— А что, по-твоему, там происходит на самом деле? — Ник сделал глоток из бутылки с кока-колой.

— Вот есть Бермудский Треугольник, только Сандерсон пишет, что это не «треугольник», а нечто гораздо большее. Что проводились какие-то опыты и было обнаружено, что это только одно из десяти подобных мест в мире. Самолеты, корабли со всем экипажем то и дело там пропадают — и никаких следов. Однажды исчезло целое звено самолетов ВМС и посланный на их поиски гидроплан. Может, это как-то связано с магнитными силами в таких точках. А Сандерсон предполагает, что происходит прорыв в другой пространственно-временной континуум. Возможно, у нас здесь один из таких треугольников. Ужасно жаль, что этот парень из института не приехал. Уж пора бы начать какие-то серьезные научные исследования. К тому же...

С улицы донесся отчаянный собачий лай. Руфес, выгнув спину и распушив хвост, издал ответный угрожающий вой. Хэм обернулся.

— Что за черт? — Он направился к двери. Руфес прижал уши, его голубые, сиамские глаза превратились в две узенькие щелки, он иступленно шипел и время от времени издавал глухое ворчание.

Совершенно очевидно, что на того, кто лаял снаружи, это не произвело никакого впечатления.

У магазина стоял «Джип», за рулем сидела девушка. Выйти она не могла, удерживая заливающегося лаем раз-

яренного пекинеса¹, который бешено вырывался, не сводя выпученных глаз с Руфеса.

Девушка увидела сквозь забранную сеткой дверь Хэма и выглядывающего из-за его плеча Ника.

— Пожалуйста, — попросила она со смехом, — не уберете ли вы своего воителя? Я хочу выйти, но не могу выпустить Ланг Сина!

— Извините. — Хэм подхватил Руфеса, ловко избегая когтей, которые огромный кот выпустил, готовясь к бою. — Не обессудь, Руф, ты на время отправишься в кладовку.

Он ушел, унося брыкающегося и утробно завывающего кота, и Ник открыл девушке дверь. Она по-прежнему не спускала с рук пекинеса, который замолчал, едва только враг вынужденно отступил.

— Он маловат, чтобы сражаться с Руфесом, — заметил Ник. — Руф один раз махнул бы своей лапищей — и все.

Девушка нахмурилась.

— Напрасно вы так в этом уверены! Пекинесов когда-то называли собаки-драконы, собаки-львы — они охраняли дворцы. Для своего роста они одни из самых храбрых животных в мире. Ну, тихо, Ланг, ты своего добился. Мы все знаем, Драконово Сердце, что ты очень-очень храбрый пес.

Пекинес лизнул ее в щеку и затем огляделся с царственным видом, словно теперь, когда враг покинул поле битвы, это были его владения.

— Чем могу служить? — вернулся Хэм, облизывая палец, который, очевидно, успел-таки зацепить когтем изгнанный Руфес.

— Мне нужно, чтобы вы объяснили, как проехать, и еще мне нужно пару ящичков кока-колы и... — Держа Ланг Синга одной рукой, поскольку он больше не вырывался, девушка порылась в висевшей через плечо большой сумке. — Вот, — сказала она с облегчением. — Думала, он в третий раз провалился в самый низ и опять придется все вытряхивать.

Теперь в руке у нее был список.

— Если только я разберу почерк Джейн. Ей следует писать печатными буквами: тогда хоть можно будет догадаться. Правильно, два ящичка кока-колы, один оранжада, один пепси. И она говорила, у вас будут дыни... Ой, я же забыла сказать, я Линда Дюран, и мне все это нужно для Джейн Риджвелл — она поселилась у Вилсона. Она обещала позвонить вам и сделать заказ.

Хэм кивнул.

— Да, так и было — я все приготовил. Мы быстро погру-

¹ Пекинес — пекинская собака, порода маленьких, коренастых комнатно-декоративных собак черной, белой или бурой масти

зим... — Он взглянул на Ника, который с готовностью снова отошел от прилавка.

Ник с удовольствием поможет Хэму — хотя особенно торопиться не стоит.

Линда была почти одного роста с Ником. Нынче много высоких девушек. Ее длинные волосы, прихваченные ярко-красной тесьмой, ложились на плечи темными, почти черными прядями. Кожа у нее была белая-белая. Если она и загорала когда-нибудь вообще, то этим летом на пляже еще явно не бывала. Джинсы на ней были такого же красного цвета, что и тесьма в волосах, а на легкой блузке без рукавов прыгали вверх и вниз бейлые и голубые дельфины. Темные очки болтались у нее на груди на красном шнурке, на ногах были одеты плетеные туфли.

Обычно Ник не рассматривал столь подробно девичьи одежды, но наряд Линды так ей шел, что она казалась сошедшей с картинки.

Он положил на плечо одну из указанных Хэмом дынь, взял вторую под мышку и понес к «Джипу». Хэм укладывал ящики с кока-колой.

— Подожди, я принесу мешки, — сказал он. — Если будет трясти, дыни побьются.

Линда Дюран вышла вслед за ними.

— Мне что, предстоит трястись на ухабах? Вам придется объяснить мне, как проехать, а то Джейн рассказала как-то путано.

Ник вдруг впервые осознал, что она собирается ехать по Короткой Дороге. Он бросил взгляд на Хэма, который с невозмутимым видом занимался своим делом. После всего, что Хэм только что рассказал, посылать приезжего человека, да еще девушку, по Короткой... С другой стороны, если иного пути туда нет... Но на душе у Ника стало беспокойно. Вот еще что — он тоже может ехать этой дорогой. Если подумать, так даже ближе до его собственного домика. И с тех пор, как Тед с Веном пропали, прошла уже целая вечность. На небе светит солнце, да и эти Риджвеллы, должно быть, сто раз проезжали по дороге с тех пор, как там поселились. Так какой смысл бояться чудовищ, которых нет?

— Послушайте, — проговорил Ник, когда Хэм снова подошел с мешками и газетами и вновь принялся укладывать груз, — я направляюсь в ту же сторону. Дорога там плохая, и ползти придется еле-еле, но если вы готовы ехать с моей скоростью, — он кивнул на мотоцикл, — то я вас провожу. Меня зовут Ник, Николас Шоу — вот мистер Ходжес меня знает. Мои родители купили домик на озере уже очень давно.

Линда посмотрела на него долгим изучающим взглядом. Затем кивнула и улыбнулась.

— Отлично. Я поняла со слов Джейн, что дорога скверная

и что я ее к тому же могу не заметить. Я очень рада, что вы поедете со мной.

Хэм смял оставшиеся газеты и распикил их в машине для устойчивости грузов, а Ник собрал свои собственные покупки, уложил в мешок и привязал поверх сумок.

Из кладовой донеслись возмущенные вопли, и пекинес залился пронзительным лаем.

Линда надела темные очки и села за руль.

— Ты там смотри, — тихо сказал Хэм, — у меня какое-то странное чувство...

— Что нам остается, если она едет к дому Вилсона, — ответил Ник.

Заводя мотоцикл, он думал: какая же опасность может подстерегать путника на Короткой Дороге? Ни один из тех людей, что с ней повстречались, не вернулся, чтобы рассказать об увиденном. Нет уж, нечего давать волю воображению. А не то за каждым деревом будет мерещиться летающая тарелка или еще что-нибудь в этом духе. Он махнул Линде и тронулся с места, она кивнула и двинулась следом. Примерно через полмили они свернули с шоссе, и Ник сбавил скорость, аккуратно объезжая ямы и выбоины.

Он ездил здесь множество раз и помнил каждую колдобину, но сильные дожди на прошлой неделе размыли дорогу еще больше, а Ник не имел ровно никакого желания собирать рассыпавшуюся из-за неосторожности поклажу.

Полторы мили до Короткой Дороги. Из года в год проезжая мимо, он всякий раз смотрел на заросший высокой травой поворот, от которого начинался зловещий путь в никуда. И вообще, пройдет ли там «Джип»? А впрочем, дорогой пользовались и должны были расчистить проезд. Двадцать четвертого июля тысяча девятьсот пятьдесят пятого года Ник был слишком мал, чтобы понять происходящее, но потом он много об этом происшествии слышал. Все эти поиски, которые вели соседи и шериф со своими помощниками. И ни малейшего следа, ни малейшего намека на то, почему в то солнечное утро двое молодых, здоровых людей исчезли на отрезке дороги длиной в полмили.

Джим Андерсон видел, как они туда свернули. Они поговорили с ним о том, где лучше всего ловить рыбу, и пошли. Но так и не вышли к озеру, где их ожидали двое приятелей.

Начало Короткой Дороги похоже на широко разинутую змеиную пасть, готовую поглотить их.

Ник решительно обуздал воображение. Если он не проводит Линду к озеру, она поедет одна. И если он допустит это, то едва ли завтра осмелится, брясь, взглянуть на себя в зеркало.

Всего лишь полмили или чуть больше; можно проехать за несколько минут, даже по ухабам. Чем скорее они проедут, тем лучше. Интересно, подумал он, что сказала бы Линда, узнай

она его мысли? Решила бы, наверное, что у него не все дома. Но только если бы она с детства слушала рассказы про Короткую Дорогу, у нее сложилось бы иное мнение.

Ник не раз брал книги у Хэма, сам покупал их, знал все случаи, которые *действительно происходили* время от времени и которые никто не мог объяснить. Возможно, Форт и другие авторы, описывающие подобные истории, правы. Ученые, те самые умы, которые могли бы разгадать — или хотя бы попытаться разгадать — эти загадки, отказываются даже взглянуть на имеющиеся данные и свидетельства очевидцев, потому что это, дескать, противоречит здравому смыслу. Но могут же быть такие вещи, которые не поддаются ни здравым, ни логическим объяснениям.

Впереди был поворот. И с тех пор, как Ник проезжал его в последний раз, здесь произошли большие изменения. Похоже, что по дороге прошел бульдозер. Ник вздохнул с облегчением. Хорошо, что им хоть не придется пробираться от ухаба к ухабу по почти непроезжей, пользующейся дурной славой тропе. Хорошо, что можно ехать по этой открытой свежерасчищенной дороге, которая теперь выглядит не хуже той, что ведет к его собственному летнему домику.

Ник остановился и сделал знак Линде.

— Вот дорога, — сказал он.

Внутри у него по-прежнему что-то сжималось, но он не желал этого признать. Просто его не оставляло странное беспокойство, овладевшее им тогда, когда Руфес следил за чем-то невидимым, и Ник помимо своей воли понял, что там действительно что-то есть.

— Не спешите, — предостерег он, тоже против собственной воли, — ему хотелось проехать это место как можно быстрее. — Я не знаю, насколько хороша эта дорога.

— Ладно.

Черные очки скрывали ее лицо. Здесь, в тени деревьев, они были совершенно не нужны, но Линда не сняла их, как в магазине. Пекинес стоял на сиденье, опираясь передними лапками о приборную доску и вглядываясь вдаль почти так же напряженно, как недавно Руфес. Пес не лаял, но все его маленькое шелковистое тельце было устремлено вперед, словно он хотел поторопить свою хозяйку.

Ник дал полный газ, выехал на Короткую Дорогу и сразу же сбросил скорость. Сзади, отфыркиваясь, еле-еле полз «Джип». После того, как прошел грейдер, дожди промыли в песке глубокие канавки, которые так и не загладились. Дорога казалась совсем новой и как будто недостроенной. Кусты и даже молодые деревья были вырублены, выкорчеваны и брошены по бокам увядать и засыхать. Неприглядно и неправильно это, решил Ник. Наверное, так надо было, чтобы расчистить обочину, но почему же рабочие ничего не убрали? Возможно,

они знали мрачную историю Короткой Дороги и не желали оставаться здесь дольше, чем было необходимо.

Умирающие порубленные ветви лежали по обеим сторонам, словно отрезая путь в лес. Ник все яростнее ощущал себя в западне. Беспокойство нарастало, и подавлять его становилось все труднее. Но это же просто глупо! Надо сдерживать воображение и следить за дорогой, чтобы на что-нибудь не наскочить, — смотреть как следует и продвигаться потихоньку вперед. Здесь ехать — то всего ничего.

Вокруг все застыло, не шевелился ни единый листок. Кроны деревьев смыкались над головой, и внизу царил глубокая тень.

Вероятно, было бы и очень тихо, если бы не шум моторов мотоцикла и «Джипа», оповещающий об их присутствии. Оповещающий кого? Ник надеялся, что обитателей дома Вилсона.

Впереди крутой поворот, за которым ничего не видно и дорога узкая. Не разехаться, если кто-нибудь выскочит навстречу. Да нет, шум моторов должен быть слышен издалека...

Шум! Пекинес заливался лаем, почти таким же, каким вызывал на бой Рufeса.

— Лежать, Ланг! Лежать! — услышал Ник голос девушки.

Он оглянулся, мотоцикл на что-то наехал и вильнул в сторону. Ник с трудом удержал руль, чтобы не врезаться в кучу рыжеющих сучьев. И тут он заметил нечто — какое-то облако, похожее на собравшийся под кронами деревьев туман. Оно сгустилось, стремительно опускаясь вниз, готовясь их накрыть.

Кажется, он закричал.

Сзади донесли ответный крик и громкий треск. Затем Ник на что-то наткнулся, вылетел из седла, почувствовал сильнейший удар и провалился в полную темноту.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Ник лежал ничком. Всю левую половину лица отчаянно саднило. Он неуверенно приподнялся на руках и поморгал, затем потряс головой, чтобы стряхнуть какое-то странное потустороннее чувство. Ник слышал поскуливание за спиной, но поначалу не осознал, что это такое, поглощенный собственным избитым телом.

Он огляделся. Мотоцикл лежал в поломанных кустах, в которые он, должно быть, с разгона вломился. Ник сел. Мотоцикл... «Джип»! Где «Джип»? Скулит собака — не случилось ли чего серьезного? Он понятия не имел, что произошло: ничего толком не помнил. Они прошли поворот на Короткой Дороге, а потом...

Пощатываясь, Ник поднялся. Дороги не было. Он побрел к машине. «Джип» был здесь, стоял, врезавшись в дерево. Отку-

да тут дерево, оно что, взяло да и выросло из-под земли, посреди только что расчищенной дороги?

Дороги не было!

Он добрался до «Джипа», оперся на него обеими руками. Голова болела, перед глазами по-прежнему стоял туман. Туман... туман... облако... что-то такое Ник смутно припоминал. Но сейчас это неважно, главное — девушка. Упав на руль, она повисла на ремне безопасности. Ее глаза по-прежнему скрывали темные очки. Ник с усилием протянул руку и сдернул их прочь. «Без сознания», — решил он.

Скулил прижавшийся к Линде песик, лизавший ей руку. Когда Ник шел рядом, он зарывал, но довольно нерешительно. Насколько Ник мог судить, у нее не было открытых ран, но как насчет переломов? Руки его дрожали, когда он осторожно прислонил Линду к спинке сиденья, чтобы добраться до замка пристежного ремня.

— Что... что... — Она открыла глаза, но хотя и смотрела на Ника, похоже, его не видела.

— Сиди спокойно! — приказал он. — Дай я растегну...

Через несколько минут Ник облегченно вздохнул: никаких переломов. Проехавшись лицом по гравию, он содрал кожу, но это пустяки. Они оба вообще могли погибнуть. Ник окончательно пришел в себя и, осмотревшись еще раз, провел по губам кончиком языка.

Погибли бы — если бы двигались побыстрее, разбились бы об эти деревья. Но откуда, откуда же они взялись? Огромные, просто гиганты. И подлесок внизу чахлый, словно густо сплетенные мощные ветви совсем не пропускают солнца и не дают развиваться молодой поросли. «Джип» был плотно зажат между одним таким великаном, в который он врезался, и могучим поваленным стволом сзади. Не было никакой надежды выволить его из этой ловушки. Невозможно, но дело обстояло именно так.

Ник медленно обошел машину, провел ладонями по стволу, поросшему мхом и осыпанному упавшими листьями.

Никаких сомнений, он лежит здесь давным-давно, наполовину уйдя во влажную, жирную землю. Но... но вот стоит «Джип»... и... где же дорога?

— Пожалуйста, скажи... — Линда повернулась на сиденье и смотрела на Ника широко открытыми, испуганными глазами. — Где мы... и что произошло?

Она крепко прижала к себе Ланга; маленький песик дрожал и время от времени жалобно поскуливал.

— Не знаю, — медленно ответил Ник. Он не хотел допустить и мысли о том, что зародившиеся у него страшные подозрения могут оказаться правдой.

— Но... дороги нет, — Линда огляделась. — Мы просто ехали, и вдруг... Где же мы? — почти закричала она.

Ник понял, что девушка близка к панике. Он и сам был недалек от того, чтобы потерять голову. Но надо держаться. Он поспешно сел обратно в машину.

— Ты... ты знаешь! — Она сумела взять себя в руки и пристально посмотрела ему в лицо. — Что произошло? Если знаешь — скажи!

Ох, как ему не хотелось, чтобы его подозрения оказались реальностью.

— Не знаю, — осторожно проговорил Ник. — Все, что я знаю, — это только догадки.

Он помолчал в нерешительности. Окружавшие их деревья служили хорошим доказательством. Чего еще ему нужно? Короткой Дороги нет и в помине, кругом лес — такие леса в их местности исчезли лет двести назад, если не больше, вырубленные первыми поселенцами.

— Твои друзья слышали что-нибудь о Короткой Дороге? — начал он. Как можно объяснить человеку, что могло случиться столь странное, столь невероятное событие?

— Нет. — Она держала Ланга на руках и то и дело что-то ему шептала. Ее твердый, краткий ответ означал: она желает знать правду — или то, что может, по мнению Ника, оказаться правдой.

— На Короткой Дороге исчезали люди — с давних пор, с тех, как ведутся здесь записи...

«Здесь». Это уже не «здесь», — подумал Ник.

— Последний раз такое случилось в тысяча девятьсот пятьдесят пятом году, двое мужчин шли к озеру на рыбалку и пропали. Но до них были другие. Вот почему никто не пользовался Короткой Дорогой. Пока не построили новую автостраду и не закрыли старую дорогу к озеру.

— Куда же эти люди девались? — резко спросила Линда.

— То-то и оно — никто не знает. На земле есть места... — Ник опять заколебался. Поверит ли она ему? Ладно, по крайней мере, ей придется верить тому, что она видит. — Места, где люди действительно пропадают бесследно, — вроде Бермудского Треугольника, где исчезло целое звено самолетов ВМС и посланный за ними гидросамолет. Пропадали и самолеты, и корабли, и люди и в других местах на суше, даже целые воинские полки. — Воспоминания обо всем прочитанном в книгах против воли нахлынули на него. — Они просто залетали, или заезжали, или заходили в никуда.

Линда сидела неподвижно, не глядя на Ника. Взгляд ее упирался в ствол огромного дерева, в который уткнулся «Джип».

— И как... как это объясняют? — Ее голос слегка дрожал.

Ник отчетливо представлял, с каким трудом ей дается внешнее спокойствие.

— Некоторые полагают, что виной тому особое магнитное

поле, похожее на водоворот, — все, что в него затягивается, может быть выброшено в другой пространственно-временной континуум.

— И это могло произойти с нами? Как же нам теперь вернуться?

Ответа на этот вопрос не существовало никогда — с того времени, как люди начали пропадать. Ник тоже смотрел на дерево, страстно желая, чтобы оно исчезло. Чтобы они вновь оказались на Короткой Дороге.

— Отсюда не вернуться, — проговорила Линда, и ее слова прозвучали скорее как утверждение, чем как вопрос. — Мы в ловушке в этом... в этом *месте*!

— Нет! — взорвался Ник. — Нам ничего не известно! В любом случае мы можем попытаться... всегда можно попытаться... но, — он с тревогой взгляделся в полумрак под деревьями, — сначала лучше выбраться из этого леса. Пойдем к озеру...

Ему казалось, будто за ними следят, хотя вокруг не качнулась ни единая веточка, не хрустнул ни один сучок. Желание выбраться из леса, где человек чувствовал себя маленьким и беспомощным, побуждало его к действию.

— Мы не можем взять «Джип», — констатировала очевидный факт Линда.

— Да, но остается мотоцикл — здесь его можно вести за руль, а потом ехать, если дорога улучшится.

— Конечно, конечно, уйдем отсюда! — согласилась она более чем охотно.

Линда достала из сумки поводок и пристегнула Ланга.

— У меня есть еще одна маленькая сумочка. — Она вытащила с заднего сиденья полотняную спортивную сумку и неожиданно рассмеялась, хотя и не очень весело. — Там вся снедь для сегодняшней вечеринки. Джейн... Джейн придется немного подождать.

На душе у Ника полегчало. Линда держалась молодцом. Действительно ли она ему верит? Верит ли он себе сам?

Однако его первоначальная паника улеглась, и хорошо, что нашлось какое-то дело. Может быть, стоит им только найти озеро, какой-нибудь знакомый ориентир...

«Не заглядывай в будущее дальше чем на несколько минут», — остерег он себя.

Мысленно Ник перебрал содержимое своих сумок: аптечка, свитер, плавки, спички, перочинный ножик, карманный фонарик, несколько шоколадок, фляга с водой, две рубашки, комплект инструментов для мотоцикла... транзисторный приемник... Приемник!

Ник выскочил из «Джипа» и бросился к мотоциклу. Приемник... Если они что-нибудь услышат... Ник расстегивал пряжки, когда подошла Линда.

— Что такое?

— Приемник. Если мы поймает что-нибудь...

— Ой, скорее! — Она нетерпеливо переминалась с ноги на ногу, пока он извлекал маленький радиоприемник. Он принимал всего три станции. Ник быстро повернул ручку переключателя. Молчание. Затем... Какой-то невнятный звук, не однотонный, а более похожий на речь. Однако Нику никогда прежде не доводилось ее слышать.

— Вот! Сделай громче! Ты что-то поймал!

— Но что? — спросил Ник.

Вопрос был несправедливым. Доносившееся из приемника было похоже на какие-то вздохи, щелчки, даже на какое-то невнятное пение, но для них все это не имело ровно никакого смысла. Ник выключил приемник.

— Что бы это ни было, это не наши станции, — сказал он мрачно.

— Но ведь передавали же что-то, — возразила Линда. — Значит, мы здесь не одни. Может, если мы найдем людей, они нам помогут.

Ник не разделял ее уверенности. Речь, если это в самом деле была речь, очень уж отличалась от всего, что он когда-либо слышал. А в свое время они с Гэрри Лэнгфордом какие только зарубежные станции не ловили, когда тому подарили набор радиолюбителя.

В одном Линда несомненно права: отсюда надо уходить. У Ника есть маленький компас, а озеро находится на северо-востоке — или должно там находиться, — если здесь вообще есть какое-нибудь озеро.

Они не могли двигаться строго по прямой, однако отсутствие густого подлеска оказалось им на руку. Ориентируясь по компасу, они шли среди вздымающихся к самому небу деревьев, огибая стволы, которые даже вдвоем не смогли бы обхватить руками.

Мотоцикл, похоже, не пострадал, но Нику приходилось все время вести его за руль: не было ни малейшего просвета, где они решились бы ехать. Линда повесила спортивную сумку на плечо, а Ланга спустила на землю, покрытую толстым слоем опадавших из года в год листьев. Маленький песик, казалось, совсем оправился от страха, однако, обнюхивая гнилую ветку или тыкаясь носом в кучу прошлогодней листвы, он и не думал натягивать поводок, а держался поближе к Линде.

Хотя деревья вокруг и внушали трепет, лес был полон звуков достаточно знакомых, чтобы их беспокойство немного улеглось. Пели птицы, порой показываясь на глаза. Пернатые вели себя на удивление смело и с большим любопытством следили за непрошеными гостями.

Ник ощущал себя именно непрошеным гостем. Здесь слыхом не слыхивали о человеке и понятия не имели о его

разрушительных способностях. Гигантские деревья не знали топора и стояли вокруг, исполненные высокомерия и достоинства. Если бы не донесшиеся из радиоприемника звуки, Ник заподозрил бы, что их занесло туда, где, в принципе, нет людей.

— Здесь... здесь так тихо. — Линда придвинулась ближе, положила руку на руль рядом с его рукой. — Одни только птицы. Никогда раньше не видела такого леса. Деревья какие огромные-преогромные! Когда я была маленькая, тетя читала мне старинную книжку — «Швейцарского Робинзона», — там рассказывалось о дереве, в котором люди устроили себе дом. Здесь почти каждое для этого годится.

Ник то и дело сверялся с компасом. Им не раз приходилось сворачивать в сторону, но все же они по-прежнему продвигались к озеру. Однако в этом лесу трудно было оценить расстояние. Теперь, должно быть, уже близко. Но... что, если здесь никакого озера нет?

Ник страстно желал к нему выйти, ему просто необходимо было его увидеть. Казалось, у широкой водной глади они будут в безопасности — без озера же совсем пропадут. Ник едва расслышал слова Линды, так жгло его это желание, так он ждал, что вот-вот расступится впереди стена деревьев и блеснет на солнце вода.

— Ник! — Линда схватила его за руку.

Но он тоже увидел.

Они придвинулись ближе друг к другу. Ланг рвался с поводка, заливаясь неистовым лаем, вроде того каким вызывал на бой Руфеса. Несомненно, то, что он видел, приводило его в ярость.

Откуда оно взялось, было неясно: такая сияющая, слепящая белизна в этом зеленом сумраке леса сразу бросалась в глаза.

И тем не менее они заметили его так неожиданно, словно оно вышло из того самого дерева, на фоне которого теперь стояло.

— Я... не... верю... — Голос Линды замер.

Она видела, и Ник видел. И Ланг тоже — натянув до предела поводок, он танцевал на задних лапах, бил в воздухе передними и отчаянно рвался сразиться с этим новым врагом.

— Что ты видишь? — спросил Ник. Линда все так же крепко сжимала его руку. У них обоих голова шла кругом от столь внезапного и болезненного перемещения в чужой мир.

Возможно, это массовая галлюцинация. Но... неужели у собаки тоже?

— Там единорог, — ответила девушка. — А ты разве не видишь?

«Он ростом меньше лошади, — решил Ник, — примерно с большого пони». Ослепительно белый, почти светящийся. Грива и хвост тоже белые, а витой рог над большими темными

глазами — золотой и так же слабо светился. Несомненно, тот самый единорог из легенд, которого Ник видел на репродукциях средневековых рисунков.

Единорог поглядел на них долгим взглядом и мотнул головой так, что подпрыгнула челка. Затем ударил по земле копытцем, нагнул голову и фыркнул, словно отвечая на пронзительный лай Ланга.

Ник не сомневался, что перед ними самый настоящий единорог.

Зверь еще раз мотнул головой, повернулся и неспешно удалился, почти сразу пропав за деревьями.

— Но единороги... они не... их не бывает, — чуть слышно проговорила Линда.

Нику вспомнилось, что он читал в книгах: старые легенды о драконах и грифонах, обо всех тех, без кого не обходятся сказки и мифы. Веками люди свято в них верили, показывали под присягой, что видели их собственными глазами, что говорили с наиболее похожими на человека обитателями волшебного мира. А что, если та самая сила, которая перенесла Ника, Линду и Ланга в этот мир, время от времени переносила его обитателей в обратную сторону, в мир Ника? Но единорог! Теперь, когда он ушел, Ник начал сомневаться в том, что действительно его видел.

— Подожди здесь, — сказал он Линде и направился туда, где стояло животное. Он опустился на одно колено и внимательно осмотрел толстый слой прошлогодних листьев. И пожалел об этом, потому что нашел следы. Единорог или не единорог, но что-то там было.

Он поспешно вернулся к Линде, стоящей у мотоцикла. Прочь из этого леса, и как можно скорее! На Ника снова нахлынуло чувство, которое он испытал раньше. За ними кто-то следит! Единорог? Не имеет значения. Они явились сюда без приглашения, а незваные гости иногда получают отпор.

— Я на самом деле видела единорога, — повторяла Линда, явно стараясь убедить саму себя. — Он стоял вон там, под тем деревом. Я должна верить, что я видела его... верить в это или... Я просто должна верить!

Ланга она держала на руках, и притихший песик облизал ей лицо — по крайней мере ту часть, до которой мог достать языком.

— Пошли, — не слишком вежливо проговорил Ник. — Необходимо выбраться из леса, если только он где-то кончается.

Через несколько минут стрелка компаса действительно вывела их туда, где гигантские растения сменились кустарником. Они продирались сквозь заросли и некоторое время шли по высокой траве, пока не достигли камыщей, окружавших озеро — то самое, или какое-то другое. Никаких домиков на

берегу они не увидели, хотя к этому времени Ник уже и не надеялся найти здесь не то что домики, а хоть какие-либо следы пребывания человека вообще. По мелководью, совершенно не обращая внимания на прищельцев, бродили несколько цапель. А в отдалении паслось небольшое стадо каких-то животных, такого светлого цвета, что Ник подумал было: единороги, но потом одно из них подняло голову с ветвистыми рогами. Но разве кто слышал когда-либо о серебристо-сером олени?

— Домиков нет... — Линда сняла руки с руля мотоцикла, ее спортивная сумка упала с плеча на землю. — Ник, что нам делать?

Он пожал плечами:

— Не знаю.

Он же не супермен, что толку обращаться к нему, словно он может вытащить их отсюда одним движением могучих рук.

— По правде говоря, я голоден. Мы можем поесть.

Судя по солнцу, время было уже далеко за полдень. И он действительно хотел есть. Видимо, даже прыжок сквозь время (если, конечно, именно это с ними произошло) не мог подавить человеческий аппетит.

— Голоден! — повторила Линда. И рассмеялась, правда негромко и словно через силу. — Ты знаешь, я, кажется, тоже.

Пасущиеся олени не обращали на них внимания. К тому же здесь, на открытом берегу, никто не смог бы подкрасться к ним незаметно. Линда нашла место, где трава казалась пониже.

— Вот тут будет хорошо, — сказала она, словно они приехали на обыкновенный пикник. Однако теперь Ник подумал о еде: не о том, как он голоден, а сколь скудны их запасы.

Ник рассчитывал на имевшиеся в домике консервы, и того, что он купил в магазине, надолго не хватит, после чего им придется жить на подножном корму. А если они не смогут? Даже в своем собственном мире он не очень-то разбирался в том, какие из ягод, грибов и корней съедобны. Знал в основном то, что растет в саду. Конечно, были книги, в которых описывалось, как можно выжить в условиях дикой природы, но его это никогда не интересовало, и он их не читал. Нет, еду придется экономить. В машине — если они сумеют найти дорогу обратно — остались две дыни и ящики с напитками. Но это немного.

Он сел на корточки перед Линдой, которая удобно расположилась на траве, скрестив ноги.

— Послушай... насчет еды... у меня ее мало. У тебя там что-нибудь есть? — Ник указал на ее сумку.

— Ты хочешь сказать... — Выражение ее лица свидетельствовало, что она поняла. Затем довольно твердо Линда дого-

ворила: — Ты хочешь сказать, что мы можем не найти здесь еды?

— Ну, в озере, вероятно, есть рыба. И черника в лесу — по крайней мере, у нашего домика она росла. Но это не наше озеро. Лучше нам попридержать наши запасы, пока не разберемся, что к чему.

Линда развязала сумку.

— У меня не очень много. Я взяла две коробки арахиса для Джейн — она его обожает, и конфеты с ромовой начинкой для Рона, он у нас знаток по части вкусненького. А в «Джипе» лежат дыни, кока-кола и прочее питье, но это тяжело тащить. Не думаю, что мы сможем взять с собой ящики. Ник, куда нам идти? Домов здесь нет, а там, — она показала на дальний берег озера, — такой же лес, даже, кажется, еще гуще.

Она была права. На том берегу поднималась темная стена деревьев, не меньших, чем те, из-под сени которых они только что вышли. Похоже, лес окружал все озеро, хотя дальше к югу береговая линия изгибалась и того края Ник не видел.

Даже если они сумеют сквозь него пробиться — еще не известно, что их ждет там.

У Ника было смутное представление, почерпнутое из одного романа о первых американских поселенцах, что такие леса могут занимать поистине огромные территории.

— Не знаю, — честно признался он еще раз. — Но мне больше по душе открытое пространство, чем эти деревья. Мы можем пойти вдоль берега, туда, где из озера вытекает речка — Глубокая называется, — вон там, если это озеро похоже на наше. Возможно, по ней мы смогли бы выбраться из леса. — Он весьма гордился, что вспомнил о реке.

— Если это озеро похоже на наше, — заметила девушка. — Ник, оно действительно похоже?

Он поднялся, прикрыв ладонью глаза от солнца, которое уже припекало, — впрочем, не так сильно, решил Ник, как пекло бы в их прежнем мире.

Он медленно осмотрел видимую часть озера. Трудно было сравнивать это не знавшее присутствия человека дикое место с тем озером, где повсюду виднелись летние домики и маленькие пристани. И все же он был почти уверен, что очертания берегов похожи на те, что он знал с детства. Он сказал об этом Линде.

— Ты думаешь, — спросила она, — что мы перенеслись в прошлое? Что находимся в стране, куда еще даже не пришли колонисты? Что мы... можем повстречать индейцев? — Она бросила опасливый взгляд на лес.

— Это не объясняет появление единорога. И серебристых оленей. — Ник кивнул в сторону мирно пасущегося стада. — Возможно, мы попали в параллельный мир.

Он разворачивал сверток с провизией, но руки его замерли,

когда он задумался над собственными словами. Параллельные миры, путешествие во времени — всего этого не существует! Этого просто быть не может — для Ника Шоу, совершенно обычного человека, который всего-навсего хотел спокойно провести в одиночестве уик-энд. Однако он в самом деле Ник Шоу, он жив и здоров, а все это происходит! Если, конечно, он не разбил себе голову на мотоцикле и не лежит в бреду на больничной койке.

— Параллельный мир? Но единороги — их вообще никогда не было. Они есть только в сказках. — Линда покачала головой. — Ник! — вдруг воскликнула она и схватила его за руку. — Ник, смотри! Ведь там дым? — Она показывала куда-то на юг, за стадо оленей.

Ник пригляделся. Действительно! За лугом из зарослей кустарника поднималась тонкая струйка дыма. Дым мог означать только одно: люди! «Тед и Бен, попавшие в эту ловушку много лет назад!» — первое, что пришло Нику в голову. Люди — они им помогут, Ник и Линда будут не одни среди этого кошмара...

Он поспешно убрал еду обратно, кинул сумку на мотоцикл. Ему очень хотелось прыгнуть в седло и поехать, однако такая попытка была бы безумием. И надо было осторожно обойти оленей. Выглядели они вполне безобидно, но кто знает, как они себя поведут, если их потревожить.

Ник с Линдой пустились бы бегом, но трава опутывала их ноги и колеса мотоцикла, так что продвигались они лишь чуть быстрее обычного шага. К тому же Ник настоял, чтобы луг, на котором паслись олени, обогнуть по краю кустарника, прячась в листья за ветвями. Один раз они похолодели, когда могучий вожак вскинул голову и устремил взгляд прямо на тот куст, за которым они находились.

Ник почувствовал себя совершенно незащищенным. Он слышал, что если стоять не двигаясь, животные теряют к человеку всякий интерес, и бросил на Линду грозный предупреждающий взгляд. Она кивнула, сжимая рукой мордочку Ланга, но маленький песик тоже как будто все понимал и не пытался вываться и залаять.

Вожак не отрываясь глядел на них — по крайней мере, Нику так казалось. Спустя несколько минут, в течение которых молодые люди едва осмеливались вздохнуть, олень фыркнул и горделивой поступью направился к берегу.

Когда Ник счел, что олень удалился на достаточное расстояние, они поспешили прочь. Однако, рассмотрев оленя поближе, Ник встретился с новой загадкой. Несомненно, эти серебристые животные были крупнее тех, что обитали в его родном мире.

Нику очень бы хотелось знать больше, получить ответ хоть

на часть своих вопросов — если на них вообще можно было ответить.

Они продолжали идти вперед, вдоль изгибающейся линии берега. Из озера в самом деле вытекала речка, так что здешний мир действительно в общих чертах походил на их собственный.

Дым поднимался недалеке от того места, где начиналась река. Ник почувствовал некоторое удовлетворение от того, что оказался прав по части географии. Однако вскоре радость его была отравлена.

— Ну-ка, друзья, стойте, где стоите!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Ланг залился отчаянным лаем и рванулся к кусту, из-за которого донеслось это распоряжение. Ник замер на месте, а Линда сделала еще шаг или два, словно не могла справиться с тянувшим ее вперед пекинесом. Ник тронул ее за локоть, удерживая мотоцикл одной рукой.

— Кто вы? — спросил он у куста и в душе порадовался, что голос его не подвел и прозвучал так твердо и уверенно. Тед? Или Бен? Или кто-то еще, попавший сюда раньше?

Последовала пауза, такая долгая, что Ник подумал, уж не остановил ли их незнакомец нарочно, чтобы самому скрыться глубже в заросли? Но зачем это нужно? Он же видел, что Ник с Линдой не представляют никакой опасности.

Затем ветви раздвинулись, и им навстречу вышел человек. С виду совершенно обыкновенный, пониже Ника, но шире его в плечах и в своем комбинезоне казавшийся еще массивнее, чем был на самом деле. На голове у него была надета каска, больше всего похожая на опрокинутый походный котелок, а на ногах — тяжелые ботинки. Лицо у него было круглое. Густые, рыжие с проседью усы, почти скрывали рот. В руке он держал... рогатку!

При виде ее Ник чуть не рассмеялся, однако в том, как держал себя незнакомец, было нечто, не позволявшее столь легкомысленно отнестись к его детскому оружию.

К тому же у Ника в голове шевельнулось далекое, смутное воспоминание. Где-то, когда-то он видел человека точно в таком одеянии. Но где и когда?

Незнакомец до сих пор не ответил на его вопрос. Вместо этого он внимательно их разглядывал. Затихший Ланг, до предела натягивая поводок, принимался столь усердно, словно желал навсегда занести нового человека в свой каталог запахов.

Если незнакомец думал таким началом знакомства внушить им благоговейный страх, то Ник не собирался поддаваться.

— Я спросил, — проговорил Ник, — кто вы такой?

— А я тебя слышал, приятель. Я пока еще не оглох. Я Сэм Страуд, гражданский уполномоченный в Харкавей Плейс, если тебе это что-нибудь говорит. Держу пари, ничего. Вас только двое?

Он так их рассматривал, словно всерьез полагал, что они — авангард значительно большего отряда.

— Уполномоченный! — вдруг вмешалась Линда. — Ник, он одет, как уполномоченный гражданской обороны. Я видела такого в фильме «Битва за Англию» в нашем курсе истории.

Англичанин! Конечно, у него же английский выговор, но откуда здесь взялся англичанин в форме, которую носили тридцать лет назад? Ник не желал принимать напрашивающееся объяснение.

— Она права? — спросил он. — Вы — такой уполномоченный?

— Именно. А теперь, парень, ответь-ка, кто *ты* такой? И эта юная леди?

— Это Линда Дюран, а я Ник Шоу. Мы... мы американцы.

Страуд потер толстыми пальцами подбородок.

— Вот как. Американцы, говоришь? Попались в своей собственной стране?

— Да. Мы ехали к озеру, похожему на это. И вдруг оказались здесь. *Где мы?*

Страуд издал звук, который сошел бы за хриплый смешок, не будь он таким невеселым.

— На этот вопрос, Шоу, никто не может ответить. Вот у *викария*¹ есть пара идей — довольно-таки расплывчатых, но нам ни разу не удалось их проверить. Когда вы прибыли?

— Недавно, — ответила Линда. — Это дым вашего костра? Мы ужасно голодны и как раз собирались поесть, когда увидели его и пошли...

— У вас есть еда? — Страуд заткнул рогатку за ремень. — Ладно, пошли. — Он обернулся к кустам, из которых вышел, поднес два пальца к губам и свистнул негромким, но далеко слышимым свистом. — Насколько я понимаю, вы не приманка.

— Приманка? — Нику это не понравилось.

Страуд вновь издал свой короткий хриплый смешок.

— Приманка, да. Ты поймешь, парень, поймешь. Сюда, и поосторожнее в кустах.

Он двинулся вперед, и дальше они пробирались, используя, как показало Нику, в качестве прикрытия буквально каждую травинку и каждый листок. Но если так нужно было прятаться, почему же дым у них поднимается в небо, как знамя? Лишь несколько секунд спустя Ник понял, что направляются они не к костру, а куда-то левее.

¹ Викарий — в протестантской церкви — помощник священника

Линда, видимо, тоже это обнаружила, потому что спросила:

— Разве мы идем не в ваш лагерь?

— Прямо вперед, — донесся до них приглушенный голос Страуда. — Осторожнее, здесь можно запутаться.

И действительно, ползучие растения, густо покрывшие землю, с таким упорством опутывали колеса мотоцикла и цеплялись за ноги, словно были нарочно здесь посажены в качестве ловушки.

Ник дважды останавливался, чтобы освободиться от цепких лоз, отстал от Страуда и Линды и шел за ними по одним лишь следам — сперва все дальше и дальше от костра, затем опять по направлению к реке. Наконец он вышел на поляну, окруженную густыми зарослями кустарника. И здесь увидел Страуда, Линду и еще трех человек — двух мужчин и женщину. Когда Ник с хрустом и треском выбрался из кустов, они дружно обернулись в его сторону.

Мужчины столь же отличались друг от друга, как и от Страуда. Один пожилой, очень высокий, худой, его седые волосы ореолом стояли вокруг головы, словно даже самое легкое дуновение ветерка разведало их во все стороны. У него был огромный горбатый нос и твердый подбородок, однако в смотревших из-под кустистых бровей глазах вовсе не было того яростного, хищного блеска, которого Ник ожидал. В глазах светился ум и живой интерес, дружелюбие и готовность выслушать других, а отнюдь не желание подчинять себе людей, которое предполагали характерные черты его лица. На нем был сильно поношенный, темно-серый костюм и свитер под пиджаком, не скрывавший белого воротничка священника, а на ногах грубые кожаные мокасины, гораздо новее его одежды.

Другой мужчина, молодой, был чуть выше Ника и, как Страуд, носил форму, однако не уполномоченного гражданской обороны. Его синий китель был изрядно потерт, но в петлицах блестели крылышки, а на затылке, открывая белокурые волосы, держалась летняя фуражка.

Стоявшая рядом женщина была примерно одного роста с летчиком и тоже в форме, со знаками различия на плечах, которых Ник не разобрал. Из-под такой же, как у Страуда, каски выбивались непокорные темные пряди. Почти столь же худая, как священник, с обветренным и загорелым лицом, она была некрасива; при этом с первого же взгляда любому становилось ясно, что с ней нельзя не считаться.

— Американцы, — проговорила она. — В таком случае, Адриан, — обратилась она к священнику, — вы оказались совершенно правы в своем предположении. Нас действительно завезли в той клетке гораздо дальше, чем мы думали.

Белокурый летчик тоже вертел в руках рогатку.

— Пожалуй, пора трогаться в путь. — Взгляд его скользнул

щались из увольнения. А Страуд хотел проверить наши запасы продовольствия. Тут раздался сигнал воздушной тревоги, и мы спустились в часовню. Раздался такой звук... честное слово, Шоу, мы думали, это конец. А потом... вдруг не стало ни церкви, ни даже той Англии, которую мы знали...

Он помолчал, глядя на Ника усталыми пронизательными глазами. Выражение его лица изменилось.

— Ты что-то знаешь, мой мальчик, не так ли? Что-то тебя тревожит. Что?

— Время, сэр. Вы говорите, что пробыли здесь около четырех лет. Но сегодня... там... двадцать первое июля тысяча девятьсот семьдесят второго года. — Он ожидал, что викарий усомнится. Разве в такое поверишь? Нет, если Хадлетт сказал правду, — в чем Ник был уверен.

— Двадцать первое июля тысяча девятьсот семьдесят второго года, — медленно повторил тот. — Нет, нет, мой мальчик, я тебе верю. Это очень похоже на правду, так говорится и в старых сказках и легендах. Но тысяча девятьсот семьдесят второй... тридцать лет... Что там произошло тридцать лет назад?

— Тридцать лет что? — обернулся к ним Крокер. Он был больше занят мотоциклом, чем их разговором, но теперь настороженно глядел на Хадлетта. — При чем здесь тридцать лет?

— Скажи ему число, — обратился викарий к Нику, словно, произнесенное американцем, оно произвело бы большее впечатление.

— Сегодня... сегодня двадцать первое июля тысяча девятьсот семьдесят второго года, — проговорил Ник.

Хадлетт воспринял это совершенно спокойно, но как отнесутся остальные?

— Тысяча девятьсот семьдесят второго года, — туло повторил летчик. — Но... но... это невозможно... Сэр, — обратился он к викарию, — сейчас примерно сорок шестой, если мы не ошиблись, и нельзя же прожить тут тридцать лет и не заметить!

На сей раз их услышала леди Диана.

— Адриан, значит, вы не ошиблись. Как в старых сказках, не так ли? Тридцать лет... — Она поглядела мимо них, туда, где тихая вода всплескивала и рябила, набегая на прибрежные камни. — Восемьдесят пять... но нет, Адриан, мне не больше...

— Об этом тоже говорится в старых сказках, Диана, — ответил викарий.

— Нет! — взорвался Крокер. — Парень плетет тут бог весть что. Может, он из *этих*. Откуда мы знаем?.. — Он попятился от Ника, снова сжимая в руках рогатку. — Он работает на них, он подослан, чтобы сломить нас своими рассказами!

— Эй, что происходит? — К ним приблизился Страуд. — При чем здесь *они*?

Обернувшись, Крокер закричал с нескрываемой яростью в голосе:

— Мы привели сюда этих двоих — следом явятся ОНИ! Говорит, мы пробыли здесь тридцать лет! Вранье, которому никто не поверит.

— Ну, будет. — Страуд положил руку ему на плечо. — Придержи язык, Варри. Они не больно-то похожи на Герольда, согласишься? А когда это летающие дьяволы использовали приманку? Они пикируют и хватают что хотят, безо всяких выкрутасов. Ладно, говоришь, там семьдесят второй год — что с войной?

Громыхающий голос Страуда привлек всех остальных. Англичане окружили Ника. Они глядели на него выжидательно, и лишь в глазах Крокера горел враждебный огонь.

— Она кончилась в сорок пятом. — Ник старался припомнить события войны, которая завершилась еще до его рождения, но которая для этой горстки людей по-прежнему являлась реальной опасностью.

— Кто победил? — требовательно и сердито спросил Крокер, словно от ответа Ника зависело их отношение к нему.

— Мы, то есть союзники. Наши войска вошли в Германию с одной стороны, а русские — с другой и взяли Берлин. Гитлер покончил с собой прежде, чем они до него добрались. А мы сбросили атомную бомбу на Хиросиму и Нагасаки — и в том же году японцы капитулировали.

— Атомную бомбу? — переспросил Крокер уже не сердито, а изумленно.

— Да. Оба города были полностью уничтожены. — Вспомнив подробности, Ник понадеялся, что его не станут о них расспрашивать.

— А сейчас?.. — промолвил после короткого молчания викарый.

Остальные смотрели на Ника так, словно он говорил на неизвестном языке.

— Ну, в мире по-прежнему неспокойно. Война в Корее, теперь во Вьетнаме... Мы противостоям коммунистической экспансии. Китай стал коммунистическим, а Россия все так же контролирует половину Германии — восточную ее часть. Но люди дважды высаживались на Луну.

Ник хотел рассказать о чем-нибудь хорошем, а не только о мрачных военных и политических конфликтах.

— И сейчас мы собираемся вывести на орбиту космическую станцию. Но... просто не могу перечислить все, что произошло. Англия — она утратила свои колонии, и там долго были у власти лейбористы... довольно тяжелые времена — безумные налоги и падение уровня жизни ...

— Да, за тридцать лет многое может случиться, — кивнул викарый. — А войны не кончаются...

— Скажите, пожалуйста, — нарушила Линда последовавшее за его словами молчание, — если вы попали сюда из Англии, а мы из Огайо... Вы каким-то образом пересекли океан? Или это все одна страна?

Викарий покачал головой:

— Нет, географически этот мир во многом схож с нашим. Он напоминает те далекие-далекие времена, когда человек еще не начал подчинять себе природу. На этот материк мы попали в качестве пленников. И смогли спастись лишь благодаря милости всевышнего. С тех пор мы пытаемся придумать, как вернуться обратно, только боюсь, что в здешнем мире не найдется для нас кораблей. Но это очень долгая история, и я предложил бы рассказывать ее по частям. Например, за рыбой, которую так вкусно готовит миссис Клэпп. Вы согласны со мной?

Возможно, то, что все вернулись к ставшим уже привычными занятиям, и разрядило обстановку. Вскоре еда была готова, а принесенный Ником хлеб превратил трапезу в роскошный пир.

Хадлетт повертел в руке булочку.

— Никогда не знаешь, как много значат для тебя маленькие радости жизни, пока их не лишишься. Хлеба нам здесь никак не испечь, хотя миссис Клэпп и пыталась что-нибудь сделать из земляных орехов и семян травы, похожей на овес. Так хорошо снова отведать настоящий хлеб!

— Вы сказали, что попали сюда в качестве пленников. — Ник желал знать самое худшее из того, что может им угрожать.

— Ах да. Вас следует предупредить. — Викарий проглотил кусок булочки. — Это загадочный мир, и мы, сколько ни пытались, не смогли проникнуть в большинство его тайн. Но мы полагаем, что он подобен нашему, хотя и явно от него отличается. Когда-то в прошлом, не знаю как давно, возникла сила, которая могла в определенных местах проникать в наш мир и уносить из него людей. У нас известно множество историй о таинственных исчезновениях.

Ник кивнул.

— С недавнего времени стали выходить книги — там описываются все новые и новые случаи. Мы сами прибыли из славившегося тем же места — там люди пропадали в течение многих лет.

— Вот-вот. А наша церковь в Минтон Парва находилась у волшебного холма...

— Волшебный холм? — переспросил Ник, встревожившись. — Это еще что значит?

— Нет, мой мальчик, я вовсе не рассказываю сказки. У нас в Британии давным-давно известно, что в подобных местах исчезают люди — хотя нынче это называют легендами. Исчезнувшие по волшебству люди, которые порой возвращаются спустя годы или даже десятилетия и рассказывают, что прове-

ли день, месяц или год в другом мире, — такие сюжеты весьма распространены в нашем фольклоре.

— Значит, — вмешалась Линда, — мы можем вернуться! — Она держала Ланга на руках и, должно быть, прижала его слишком сильно, потому что маленький песик протестующе взвизгнул.

— Вот этого мы не знаем, — серьезно и печально ответил ей викарий. — Но наши собственные попытки ни к чему не привели. К тому же... блуждая здесь, мы достаточно повидали, чтобы предположить, что такие случаи спасения, или возвращения, крайне редки.

Линда, все так же с Лангом на руках, вскочила. Постояла мгновение, переводя взгляд с одного лица на другое, и наконец глаза ее остановились на Нике. Она обратилась к нему, словно готовая поверить именно его словам, чтобы ни говорили ей другие.

— Ты думаешь, мы не сможем вернуться назад?

Он мог бы солгать, пощадить ее, но у него язык не повернулся сказать неправду.

— Мы никогда не слыхали, чтобы через Короткую Дорогу кто-нибудь возвращался, — проговорил Ник, как самому ему показалось, очень резко.

Лицо Линды застыло. Она стремительно повернулась и пошла прочь, все убыстряя шаг. Ник встал, собираясь последовать за ней.

— Нет. — Она не оглядывалась, словно знала, что он захочет пойти следом. — Оставь меня в покое! Оставь меня ненадолго в покое!

Она произнесла это с такой силой, что он остановился, не зная, навязать ли ей все-таки свое общество или нет.

— Джин, — заговорил Хадлетт, — проследи, чтобы с ней ничего не случилось, но дай ей побыть одной.

Девушка прошла мимо Ника, и он повернулся к остальным.

— Проследить, чтобы с ней ничего не случилось? — повторил он. — Вы были пленниками... Кого и чего вам приходится бояться? Скажите уж все напрямик!

— Ладно. — Страуд, до сих пор невозмутимо жевавший, откинулся назад и прислонился к одному из бревен, из которых было сложено жилище. — Мы тут не одни, как ты, наверное, догадался. Насколько мы знаем, здесь есть три вида людей — или существ — или назови их, как хочешь. Есть такие же, как мы, которые попались в эту ловушку. Мы два раза пытались с ними заговорить — во всяком случае, мы думали, что они как мы. Но они нас не поняли. Последний раз это были солдаты, и они принялись стрелять. Не наши солдаты — они походили на китайцев. Есть еще города и жители в них. Затем существуют Герольд и те, кто его слушает и изменяется. — Последнее слово он проговорил с таким отвра-

щением, будто речь шла о какой-то непристойности. — Возможно, Герольд был здесь всегда, и это его родной мир. Он хочет нас заполучить. Как только он пронюхает о вас двоих, сразу явится поглядеть. Мы знаем только, что если ты принимаешь то, что он предлагает, ты меняешься. И тогда ты уже не мужчина или женщина, а что-то другое. Мы ничего у него не взяли. И вы не возьмете, если вы в здравом уме. И есть третьи — летающие охотники. Они так же не из этого мира, как и мы. Появляются не иначе как в своих летательных аппаратах. Их корабль только мелькнет в воздухе — и сообразить ничего не успеешь, как тебя уже поймают сетью. Не знаю, что они делают с теми бедолагами, которых ловят, кроме того что сажают в клетку, как нас. Но нам повезло. В корабле, который нас захватил, что-то сломалось. Он упал, и мы спаслись, потому что экипаж погиб. Тогда-то мы и узнали, что нас вывезли из Англии.

— Но дым... Вы говорили о приманке. Что — или кого вы пытались поймать?

Страуд усмехнулся.

— Понятное дело, не охотников и не Герольда. Нет, вчера мы наткнулись на следы — женские и детские. Мы решили: вот те, с кем можно встретиться и не получить пулю в лоб. Конечно, это могло и померещиться, однако мы посчитали, что вреда не будет, если развести костер и посмотреть, кто на него придет.

— они расставляют ловушки, — заметил Крокер. — Мы думали тоже попробовать, но не для них.

— Вы имеете в виду охотников? — озадаченно спросил Ник. После рассказа Страуда казалось удивительным, что эти люди захотели навлечь на себя такую опасность.

— Нет — или других таких же бродяг, или, на худой конец, изменившихся, если они изменились, а не родились такими.

— Когда мы были в лесу, — медленно проговорил Ник, — то видели — или нам это померещилось — единорога. Вы говорите о таких изменившихся?

— Не совсем, — ответил ему викарий. — Мы встречали здесь множество странных зверей, птиц и прочих существ, в которых смешались два или три вида. Но они на нас не нападают, и мы полагаем, что они принадлежат этому миру. Вероятно, в прошлом они иногда попадали к нам и память о них осталась в легендах и сказках. Нам еще ни разу не встречался дракон, но я не поручусь, что его здесь нет. А изменившиеся — с виду они очень похожи на людей, и выдают их разные мелочи, в первую очередь, конечно, их «силы» — лучшего слова не подберешь, чтобы обозначить их способности.

— Мы держимся ближе к лесу, — Страуд кивнул на стоявшие стеной деревья в нескольких шагах от них, — потому что охотники не могут туда за нами нырнуть. Пока что мы их мало

видели. Они накатываются волнами — то по несколько дней кряду их в небе полным-полно, то совсем пропадают. Вдали от городов мы в безопасности. Охотники ненавидят города, пытаются их бомбить.

— Не бомбить, Страуд, я же вам говорил! — вмешался Крокер. — Они не сбрасывают бомб. В сущности, не видать, что они делают, но явно атакуют, судя по тому, как налетают на город. Чего бы они ни добивались, в городе никаких потерь — по крайней мере, заметных для нас. В городе безопасно.

— Для тех, кто хочет измениться, — заметила миссис Клэпп. — Но мы не хотим.

У Ника голова шла кругом. Кажется, здешний мир посложнее, чем его собственный, со всеми его проблемами и опасностями. Эти люди, держась вместе, проявили большую твердость духа и решительность. Несомненно, ему и Линде крупно повезло. Что, если бы им пришлось тут блуждать, ничего не подозревая о грозящих со всех сторон опасностях?

Он попытался выразить словами свою радость по поводу этой удачи, и викарий мягко улыбнулся.

— Тут многое зависит от тебя самого, мой мальчик. Ты сумел приспособиться к ситуации, от которой вполне мог бы помутиться рассудок. Мы были свидетелями печального конца человека, который так и не смог принять свое перемещение сюда. Это необходимо принять.

Джин и Линда возвращались по берегу речки. Так много всего произошло. Действительно ли Ник принял все то, что сказал Хаддлет, или он видит какой-то безумный сон, от которого не может никак очнуться? Придет ли время, когда все происходящее обрушится на него, как обрушилось на Линду, и ему придется примириться с тем, что кажется сумасшествием?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Снаружи не умолкая шумел дождь; он начался вечером и с тех пор не переставал. Вокруг, в ставшей теперь тесной хижине, слышалось ровное дыхание спящих. Но Нику не спалось, он просто лежал у самой двери, глядя в темноту и прислушиваясь.

Эти звуки донеслись некоторое время назад, очень слабые и далекие. Но Ник их уловил и теперь напряженно вслушивался, пытаясь отделить мелодию — то едва различимую, то более явственную — от журчания речки и шума дождя.

Он не мог разобрать, что это — то ли пение, то ли музыка, даже не был уверен, звучит ли она непрерывно или порой смолкает и затем начинается вновь, слабая, далекая, влеку-

щая... Чем дольше он слушал, тем сильнее его охватывало желание, вернее потребность ответить. Оно гнало его под дождь, в черноту ночи, в сердце враждебной земли.

Нежное... тихое... но временами совершенно отчетливое пение. Нику казалось, что он почти различает слова, и его волнение росло, он с трудом себя сдерживал. Бежать... в темноту... ответить...

Ник сел, дыхание участилось, словно он уже бежал. За спиной у него кто-то зашевелился.

— Лорелея... — тихо и внятно прошептал Хадлетт.

— Лорелея, — повторил Ник и сглотнул. Он не пойдет, ни за что не пойдет, не решится. Рожденная инстинктом самосохранения осторожность набросила на него узду, предостерегала. Он не решится.

— Эта песня зачаровывает, — продолжал викарий. — Похоже, ее рождает дождь. Или близость воды. Вот что ты должен усвоить: одни здешние обитатели настроены по отношению к нам миролюбиво или безразлично, другие полны черной злобы. И поскольку неизвестно, кто из них как нас встретит, придется быть всегда настороже. Но про Лорелею мы знаем — мы видели последствия того, как она... питается. Нет, не человеческой плотью и кровью — она пожирает жизненную силу. Однако зов Лорелеи так силен, что люди идут на него, даже зная, что она может с ними сделать.

— Я понимаю почему, — сказал Ник. Он с такой силой сжимал кулаки, что ногти, хоть и совсем короткие, до крови вонзились в ладонь: пока Хадлетт говорил, пение становилось все громче. И, охваченный нарастающим страхом, Ник заткнул уши.

Он не знал, ни сколько он так просидел, ни говорил ли Хадлетт что-нибудь еще. Но в конце концов опустил руки и осмелился вновь прислушаться: ничего, один лишь шум дождя и бегущей воды.

Со вздохом облегчения Ник улегся обратно на свою постель из сухой травы и вскоре уснул. Однако какими бы важными ни казались его сны, проснувшись, вспомнить их он не мог.

Два последующих дня они провели, словно просто-напросто выехали за город на отдых, а не жили в краю, где деревья не знали топора, а земля — дорог. Рыбалка была удачной, ягоды созрели, и зерна множества злаковых растений, похожих на рощие в их прежнем мире, тоже годились в пищу.

Ник узнал, что хижина у реки не постоянное жилище англичан и что дальше к северу есть пещера, которая считается штаб-квартирой. В настоящее же время англичане совершали разведывательную экспедицию.

¹ Лорелея — в европейской традиции обитающая на Рейне нимфа, которая своими песнями увлекает корабли на скалы.

На второй день Ник по компасу вывел Страуда и Крокера к «Джипу».

— Славная маленькая блошка. — Страуд с сожалением оглядел машину. — Но из этих тисков ее не вытащишь.

Ник прямоком отправился к грузу — ящикам с бутылками и дынями. Но кто-то уже успел побывать здесь раньше. Все, что осталось, — пара разбитых бутылок.

— Жаль, — заметил Страуд. — Пусть даже ни пинты виски, но мы бы выпили и это. Что скажешь, Барри? Кто тут до нас шастал?

Летчик осматривал слезавшиеся листья вокруг зажатого стволами «Джипа».

— Ботинки, я бы сказал, армейские. Может, те китайцы. — они вполне могли сюда добраться. Это было вчера ранним вечером, или даже днем. — Он сидел на корточках, показывая прутиком, что прочел по следам на земле. — Сюда приходил пугливец, его лапы отпечатались поверх следа ботинка, а пугливцы не выходят кормиться до темноты. Осталось что-нибудь годное в машине?

Страуд со знанием дела обыскивал «Джип».

— Ремонтный набор. — Он развернул вытащенный из-под сиденья сверток с двумя гаечными ключами и несколькими инструментами. — Вроде все.

Ник стоял у дерева, в которое уткнулся «Джип». Раньше здесь проходила Короткая Дорога, однако сейчас, в лесу, в это просто не верилось.

— Наше перемещение — чем оно вызвано? — спросил он, не ожидая, впрочем, какого-либо ответа.

Страуд завернул обратно инструменты, явно довольный своей находкой, и поднял голову.

— Слышал я как-то раз лекцию о том, что в нашем мире всем движут электромагнитные силы. Тот ученый, который рассказывал, он сказал, что мы все — люди, животные, деревья, трава, все-все — на самом деле представляем собой электромагнитные приборы, мы каким-то образом колеблемся. Хотя большинство этого не знает. Потом он еще говорил, что мы используем все больше и больше электричества и что какая-нибудь мелкая штука вроде радио может случайно выбросить столько энергии, что остановит какой-нибудь гораздо более мощный источник. Он нас предостерегал, сказал, что мы беспечно используем силы, которых до конца не понимаем. И однажды может произойти что-нибудь такое, что вызовет большущий взрыв. Может, в тех местах, откуда люди сюда попадают, именно такое и происходит. Викарий много об этом думает, и он это как-то сказал.

— Но мы используем электричество всего около ста лет, а люди исчезали таким образом и раньше. На этом самом месте. — Ник указал на зажатый деревьями «Джип». — У нас

есть данные со времен первых поселенцев — около ста семидесяти лет назад. А по словам викария, в вашей стране существуют и гораздо более древние предания.

Страуд пожал плечами.

— Не знаю я, как работают ловушки. Но мы здесь, согласись. И тут, видать, и останемся, раз океан нам вброд не перейти. А ты, Шоу, ты можешь найти отсюда путь домой?

Ник покачал головой. Слишком реальна твердая кора дерева, которую он мог потрогать, как и весь этот лес вокруг. И никто из исчезнувших на Короткой Дороге до сих пор не возвращался. Внезапное осознание этого обрушилось на него, как раньше на Линду. Ему захотелось кричать, куда-то бежать, дать выход охватившему его ужасу в каком-нибудь физическом действии. Но он не посмел — поскольку был уверен, что если потеряет самообладание сейчас, то уже никогда не сможет держать себя в руках.

Пальцы его впились в древесную кору. Нет — он не закричит! Он не сломается!

От «Джипа» донесся какой-то резкий звук. Страуд распластался на сиденье, Крокер упал на землю. Ник поглядел на них, ничего не понимая. Затем увидел его — оно лежало на прошлогодних листьях. Копье... Их атакуют. Ник припал к земле, ища укрытие.

Он прислушивался, ожидая прямого нападения. Он безоружен, под рукой нет даже камня, чтобы защищаться. Вокруг полная тишина, ни одна птица не пискнет, ни один листок в кронах деревьев не шелохнется. У Страуда и Крокера есть рогатки — но какой от них здесь прок?

Ник осмотрел копьё. Оно оставило вмятину в боку машины, это он видел, но ему никогда прежде не приходилось сталкиваться с таким копьём. Во-первых, древко короче, чем, по его представлениям, должно было бы быть. Наконечник костяной, четырехгранный. О первобытном оружии Ник почти ничего не знал, но решил, что копьё принадлежит не американскому индейцу — если индейцы вообще здесь бродят.

Копьё, тишина... Ник едва дышал. Это ожидание — когда же на них нападут? И откуда? Возможно, их окружили уже со всех сторон. По спине Ника растекался тонкий холодок, словно в любой момент новое копьё могло вонзиться в его собственное тело.

Он не видел ни Страуда, — видимо, тот сполз на пол автомобиля, — ни Крокера. Судя по тому, как ловко пилот упал на землю, он, должно быть, натренирован в ведении такого рода боевых действий. Ну и что дальше, так они и будут лежать и ждать смерти — той, что придет неслышно или же во внезапном реве нападающего врага?

Во рту у Ника пересохло, а ладони так вспотели, что

хотелось вытереть их об футболку, но он не смел пошевелинуться. Чего ждут их враги?

Молчание нарушил звук, который Ник меньше всего ожидал услышать: смех.

Так, значит, враг настолько в себе уверен, что смеется! Забыл страх, Ник рассердился. Неужто в самом деле смешно?

Смех прекратился, и смеявшийся заговорил на каком-то непонятном языке. Требование сдаваться и перечисление того, что с ними сделают, когда захватят в плен? Что бы это ни было, ни один из спутников Ника не отозвался и не покинул своего укрытия. Ник мог лишь следовать их примеру, надеясь, что приобретенный ими нелегкий опыт поможет и ему продержаться среди здешних опасностей.

Снова смех — негромкий, язвительный. Но звучала ли в нем угроза? Пожалуй, нет — скорее в нем слышалась издевка. У Ника на душе отчего-то полегчало. Поэтому он не удивился, когда с ними опять заговорили, на сей раз на их родном языке:

— Выходите, дрожащие от страха люди! Вы уже решили, что на вас напали Силы Тьмы? Разбежались и попрятались — так-то вы нас приветствуете, вы, пришедшие незваными на нашу землю? Не знаете правил хорошего тона?

Ник увидел, что Страуд выбирается из своего убежища. Очевидно, уполномоченный гражданской обороны считал, что спрашивающий не причинит им вреда, — или же наступило перемирие. Крокер тоже поднялся на ноги, и Нику, хоть он и не был уверен в своей безопасности, тоже пришлось встать в полный рост.

Как дружелюбно может быть настроен невидимый обладатель голоса? Копье пролетело достаточно далеко от любого из них. Это могло быть, например, предупреждением или энергичным возвещением о приходе.

— Мы ждем. — В голосе Страуда явственно слышалось раздражение. Возможно, уполномоченный досадовал на охвативший его несколько минут назад испуг, но Ник предпочел бы вести себя здесь более сдержанно.

— Воистину никакой любезности, — отозвался неизвестный и продолжал в таком же резком тоне: — Значит, вы ждете. А что, если мы возведем стену ожидания, закрутим вокруг вас клетку?

Ник всматривался в ту сторону, откуда доносился голос. Между могучими деревьями не было подлеска, но говоривший мог укрыться за любым из стволов. Ник не заметил никакого движения.

Страуд пожал плечами.

— Я не знаю, кто вы такой. Вы пытались напасть... — Он делал над собой очевидное усилие, чтобы говорить спокойно и не раздражать больше невидимого собеседника. — Мы вышли — теперь ваш ход.

— Ход, ход, ход! Игра — косолапые бродяги желают играть, вот как?

Откуда-то вдруг появился ярко светящийся шар. Почти коснувшись Страуда, он повис на мгновение высоко в воздухе и затем запрыгал вокруг него в диком танце. Уполномоченный гражданской обороны стоял неподвижно, опустив руки. Он моргал, когда шар бросался ему чуть ли не в лицо, однако не пытался уклоняться.

— Игра — тогда играй, ты, бродяга! Наберись мужества и играй! — Шар заметался, такой слепящий, что на него уже стало больно смотреть. Неожиданно он отскочил от Страуда и напал на пилота, который повел себя внешне столь же бесстрастно. Теперь шар стремительно, до ряби в глазах, менял окраску — зеленый, синий, желтый, фиолетовый цвета и все их оттенки. Но не было ни красного, обратил внимание Ник, ни оранжевого, ни чисто белого.

— Так вы не хотите играть? С вами не развлечешься, бродяги!

Шар уплыл в сторону и запрыгал вверх-вниз, сияние его усилилось и слилось в единый светящийся столб, который продолжал стоять в воздухе, когда сам шар уже исчез.

Затем и этот свет погас, словно пламя задухтой свечи, и на его месте оказался маленький человечек. Пожалуй, он не достал бы Нику до плеча, даже кончиком торчащего на шапочке пера, которое трепетало при малейшем движении. Судя по внешности, это был взрослый мужчина. Лицо молодое, без морщин, однако при взгляде на него возникало ощущение, что человек этот прожил долгую жизнь и все ему наскучило. На нем были блекло-зеленые, цвета листвы, облегающие штаны и того же цвета высокие сапоги, заметные лишь благодаря широким отворотам. Его блуза со шнуровкой на груди, тоже зеленого цвета и без рукавов, не скрывала маленьких мускулистых рук. Шнуровка сияла золотом, как и затейливая пряжка на ремне и застежка плаща, свободно наброшенного на плечи.

Плащ был алый, с зелеными полосками, и шапочка тоже алая. Спадавшие на плечи светлые волосы чуть светились, окружая голову блестящей дымкой. Черты лица были правильные, не лишенные привлекательности, однако, как заметил Ник, острые уши необычайно велики.

На поясе у незнакомца висел короткий бронзовый меч, или длинный нож, в руках второе копьё, такое же, как лежащее у «Джипа». На лице читалось злобное веселье. Он не произнес ни слова, а вместо этого свистнул. За его спиной произошло какое-то движение, от древесных стволов分离лись тени и выступили вперед.

Хоть сам незнакомец и был похож на человека, отряд он вел совершенно иного рода. Неуклюжий медведь уселся на

задние лапы, свесив красный язык меж огромных клыков. Рядом свернулась пятнистая кошка — но откуда в здешних местах леопард? Этих двоих Ник опознал с легкостью — но были и другие...

Как назвать существо с пятнистым телом кошки, чьи четыре лапы оканчиваются копытами, с головой, похожей на собачью, с огромными клыками, с рогами, которые располагаются прямо над большими, горящими яростным огнем глазами, и с конской гривой? Рядом стоял второй зверь, который очень отдаленно напоминал волка, хотя имел голову, больше похожую на лисью, очень стройное тело и две огромные птичьи лапы впереди. Задние лапы и пушистый хвост были вполне нормальные, как ни странно это звучит в отношении подобного, смешанного из многих других зверей, существа.

Все четверо спокойно сидели, не сводя с Ника и его товарищей горящих глаз — даже у медведя они светились красным.

— Вы видите, — Маленький Человек изящным движением руки обвел своих наделенных копытами, клыками и когтями спутников, — наши силы. Теперь мы просим вас покинуть это место. Здесь наши владения, а вы не спрашивали разрешения войти.

К своему удивлению, Ник заговорил:

— Мы не хотели входить. Это произошло не по нашей воле. — Он указал на «Джип». — Вот он ехал по дороге в моем собственном мире — и через секунду оказался здесь.

Улыбка, больше похожая на ядовитую насмешку, сошла с лица Маленького Человека. В сущности, лицо его просто утратило всякое выражение. Он вытянул руку, и брошенное им ранее копьё поднялось в воздух, вернулось к нему и аккуратно легло древком в ладонь. Если он и сделал какой-то знак своим спутникам, то Ник этого не заметил. Однако все четверо поднялись и через несколько шагов исчезли в полумраке, словно растворились в воздухе.

— Будучи теми, кто вы есть, — медленно проговорил незнакомец, — вы не подчиняетесь нашей власти. Но говорю вам: уходите отсюда, ибо этот лес имеет хозяев и нет в нем места случайным пришельцам.

Он опять поднял копьё, словно для того, чтобы бросить, но видимо, скорее для того, чтобы подчеркнуть свой приказ. Мгновение он так стоял, затем его сверкающий алый плащ и светящиеся волосы ярко вспыхнули и окутали его сияющим облаком. Облако сжалось и бесследно исчезло. Они были одни. Ник обернулся к своим спутникам.

— Кто?.. Что?..

Страуд наклонился над «Джипом» и выхватил сверток с инструментами, так торопясь вновь его развернуть, что чуть не уронил. Он вытащил маленький гаечный ключ и отвертку. В отвертку тут же вцепился Крокер и выставил ее перед собой,

словно оружие или щит. Ключ Страуд сунул Нику, который взял его с удивлением.

— Держи так, чтобы видно было, — велел уполномоченный.

— Зачем? Что... что это было такое?

— Зачем? Затем, что это железо. А железо — отличное средство против Людей с Холмов. Если бы мы держали его на виду, он бы не посмел даже бросить в нас свою зубочистку. А кто или что он такое — спроси лучше у викария. Он их называет Люди с Холмов — люди, которые, по его словам, здесь жили всегда. Они запросто могут напасть на человека — не с этими своими копьями и мечами, а заставляя его видеть то, что им угодно. Если они говорят, что это их место, — то так оно и есть. Нам лучше убраться...

Последние слова Страуд договаривал уже на ходу, Крокер не отставал от него. Ник тоже поспешил следом. Его спутники не оглядывались, а если и ожидали какой-то засады, то не подавали вида. Что ж, он будет все делать так же, как они. Железо... говорят, это отличное средство? Ник держал гаечный ключ на виду. Пусть так — если он защищает от нападений, Ник с радостью готов подчиниться.

Ему никак не удавалось догнать своих спутников, пока «Джип» не остался далеко позади. Ник то и дело настороженно оглядывался, ожидая увидеть, как за ними крадется один из зверей Маленького Человека, желающий удостовериться, что они покидают лес. Однако Ник так и не увидел ничего, кроме деревьев, даже единорог на сей раз не появился.

Когда же Ник догнал наконец Страуда, у него был наготове очередной вопрос.

— Что вы скажете об этих животных? Я могу понять — медведь, леопард... хотя леопарды водятся в Африке. Но два других... они были ненастоящие... иначе просто быть не может...

— Тут ты прав, янки, — проворчал в ответ Крокер. — Но знаешь, не имеет никакого значения, насколько они «настоящие». Они вполне настоящие, чтобы разодрать тебе горло, если бы этот Зеленый Человек им приказал. Ты увидишь еще и кое-что похуже, чем они. Слышал, что он говорил о Темных? Вот уж не хотел бы их встретить! Насколько мы знаем, они обладают наибольшей силой в темноте. — Летчик обернулся к Нику, на лице его лежала тень какого-то воспоминания. — Против них железо тоже хорошо. Спроси как-нибудь у Джин и леди Дианы. Они ходили за ягодами и наткнулись на башню... на что-то похожее на башню. Дело было уже к вечеру, да и пасмурно... Может, поэтому те, что сидели там внутри, были активнее обычного. Джин видела одного — во всей его красе — и она... Ну, нам после этого приходилось будить ее по ночам. От этих кошмаров она чуть с ума не сошла! Мы многое узнали — большей частью на собственной шкуре — из того,

что можно и что нельзя здесь делать. И ты сейчас получил первый урок: когда тебе говорят «уходи» — не задерживайся.

Хотя шли они не по прямой, а зигзагами, из леса выбрались гораздо быстрее, чем в свое время Ник с Линдой. Но едва ступив на опушку, Крокер поднял тревогу:

— Ложись!

Видя, что Страуд бросился на землю и в мгновение ока залез под большой куст, скрывший его почти полностью, Ник последовал примеру уполномоченного гражданской обороны. Однако найденное им в спешке убежище оказалось не в пример меньше и неудобнее.

Крокер, чуть впереди, тоже лежал на земле и, приподняв голову, глядел куда-то вверх над озером.

— Нет, — вырвалось у Ника, — уж не летающие же тарелки!

Злобное шипение из-под куста напомнило ему, что следует помалкивать. Только он все равно не мог верить в то, что видел. Почему-то признать это было труднее, чем невообразимых зверей в лесу.

Эта штука — или машина, или мираж, или что бы там ни было — зависла, сверкая гладкими, серебристыми боками довольно высоко над поверхностью воды. Формой она напоминала тарелку, хотя верхняя ее часть выгибалась почти как купол.

Она висела совершенно неподвижно. Затем с юга появился второй летающий аппарат, иного типа. Он имел форму сигары и двигался столь быстро, что преодолел разделявшее их расстояние буквально в доли секунды. Он спикировал на поджидавшую тарелку, и вырвавшийся из него ослепительный луч должен был бы ударить в ее выпуклую верхнюю часть. Вместо этого луч наткнулся на невидимую стену довольно далеко от корпуса аппарата.

С той же невероятной скоростью сигара отскочила назад, поднялась над неподвижным противником, чтобы нанести удар под другим углом. Это не было дуэлью, потому что тарелка никак не отвечала на нападение. Она просто висела в воздухе, хорошо прикрытая своим щитом, в то время как второй корабль отчаянно выстреливал в нее лучом с разных сторон. Ник мог себе представить, как растет разочарование и гнев атакующего: задействовать свое самое мощное оружие и не получить ни малейшего ответа — это кого угодно приведет в бешенство. В конце концов сигара поднялась и застыла в воздухе над тарелкой, столь же неподвижная, как и аппарат под ней. Она более не извергала никаких лучей. Ник заметил лишь вспышку света, такую краткую, что даже не был уверен, видел ли он ее вообще.

Сигара начала медленно снижаться прямо на тарелку. К чему вел этот маневр, Ник не понимал. Сигара опускалась так медленно, что выглядело это явно зловеще — должно

быть, пилот верхнего корабля ввел в действие абсолютное оружие.

Ниже, ниже... Он собирается идти на таран? Как японские летчики во вторую мировую войну, которые погибали, но уносили с собой вражеский самолет или корабль? Ниже...

Ник увидел, как задрожал нижний корабль. И...

Его не стало.

Взорвался? Но не было же ни взрыва, ни ударной волны, ни обломков. Он просто исчез.

Сигара наклонилась, прыжком поднялась вверх. Два раза облетела озеро, словно желая убедиться, что врага здесь больше нет. Вернулась на старое место, повисла и наконец умчалась прочь, исчезнув из поля зрения в считанные секунды.

Крокер сел, держа перед собой в руке отвертку, как молящийся в церкви держит свечу.

— Игры и забавы, — заметил он. — Значит, теперь они пытаются сжечь друг друга. Хотел бы я знать, для нас это хорошо или плохо?

— Что он хотел сделать? — спросил Ник. — Опускаясь таким образом на тарелку?

— Я бы предположил — всего лишь, заметь, предположил, что он думал использовать свое силовое поле против другого корабля. Охотники — они на многие годы... на века опережают нас в технике. Так же как Люди с Холмов — в своем «волшебстве»... Во всяком случае, тот, второй, решил, что он противостоять не в силах.

— Я знаю, — Страуд на карачках полз между ними, — одну совершенно ясную вещь, ребята. Мы уносим отсюда ноги. Когда эти гады летают над головой, здешние места становятся непригодными. Из леса нас попросили — там теперь тоже не спрячешься. Собираемся и уходим как можно быстрее.

Поднявшись в полный рост, почти бегом, уполномоченный гражданской обороны направился через открытое пространство к лагерю на берегу реки. Однако, как заметил Ник, даже если и было необходимо торопиться, то Страуд и Крокер не забывали об осторожности, непременно стараясь использовать в качестве прикрытия все, что только можно. И Ник был столь же осторожен.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Ник погладил руль мотоцикла. Оставить машину здесь — все равно что собственной рукой отодвинуть еще дальше всякую возможность вернуться. Но Страуд был прав, Ник не мог вести мотоцикл с собой по бездорожью. К тому же от него все равно не будет проку, когда кончится бензин. Ник отвел

мотоцикл в глубь хижины и как можно тщательнее укрыл его ветками.

На следующий день после встречи Лесного Человека, еще до рассвета, они начали собираться в обратный путь. Туда, где, по мнению англичан, находилось их самое безопасное пристанище. Ночь прошла беспокойно. Они по очереди стояли на часах, всматриваясь, не появятся ли в небе вернувшиеся охотники, и вслушиваясь, не донесется ли с земли какой-нибудь звук, говорящий о том, что за ними следят.

Ночь выдалась безоблачной и лунной. Свет порождал странные тени, весьма тревожившие воображение Ника. И отнюдь не прибавило ему спокойствия то, что во время его дежурства, спустя час после полуночи, мимо него безмолвной тенью проскользнул за порог Джеремайя. Он уселся подле хижины, явно прислушиваясь, вытянув по земле прямой, как палка, хвост. Вдруг хвост задвигался из стороны в сторону, кот глухо заворчал. Ворчание это не поднималось до пронзительного вопля, каким Джеремайя вызывал на бой врага, но оставалось негромким и низким, и хвост яростно бил по песку.

Ник хотел посветить в темноту, однако, как ни сильно было желание посмотреть, что так взволновало кота, он не рискнул включить фонарик и привлечь внимание того, что могло там таиться.

Он не слышал ничего, кроме обычных ночных звуков. Что бы ни видел или слышал Джеремайя, менее совершенным органам чувств Ника оно было недоступно.

Кот припал к земле, замолк, хвост его замер. По небу неслышно, один лишь раз ударив по воздуху большими крыльями, пролетело что-то темное. Джеремайя опрометью кинулся в хижину, одним прыжком перескочив через ноги сидящего у входа Ника.

Но звук, раздавшийся после этого... Смех? Тихий, не громче злобного смешка. И, как показалось Нику, донесся он сверху, не с земли. Эта летающая штука? Ник призвал на помощь разум и логику — хотя разум и логика его мира здесь совершенно не годились. Что тут реальность, а что — игра воображения?

Сейчас, утром, когда они готовились уходить, он предпочел счесть, что ночью у него действительно разыгралось воображение.

— Жалко, что придется тебе бросить свой мотоцикл, — хорошая вещь. — Миссис Клэпп пыталась запихнуть Джеремайю в плетеную корзину; кот упирался, не желая оказаться в заключении. Вдруг он извернулся и схватил зубами хозяйку за руку, правда не сильно. — Ну, ну, ну, ты же не хочешь остаться здесь, старина? — Она почесала его за ухом. — Давай-ка полезай. Знаешь же, что тебя понесу я. А когда тебе было плохо со мной путешествовать?

Миссис Клэпп закрыла крышку и проворно ее закрепила.

— Да, — снова обратилась она к Нику. — Хороший мотоцикл, и недешево обошелся, коли глаза меня не обманывают. Да, здесь не разъездишься — только если раздобудем себе этих белых зверей.

— Белых зверей? — Ник повесил связанные сумки на плечо и повернулся спиной к мотоциклу, стараясь забыть о его существовании.

— Которые есть у Людей с Холмов. Ах, вот уж красота, когда они едут верхом на своих белых зверях. Это лошади, то есть довольно на них похожи. Мы два раза видели таких всадников, когда солнце уже село, но еще было светло. Красиво.

Миссис Клэпп потянулась за лежавшим рядом маленьким свертком, но Ник положил на него руку прежде, чем она успела его взять.

— Вам хватит хлопот с Джеремайей, — сказал он.

Миссис Клэпп хихикнула.

— Это верно. Здоровый котище — ему уже десять лет. Нет... — в ее круглых глазах мелькнуло страдание. — Тридцать лет прошло — так ты сказал, да? Тридцать лет — никак не могу в это поверить. Мне бы уже девяносто пять стукнуло, а я еще гожусь не только для того, чтобы греться у очага. И Джеремайя — он бы по всему давно умер. Но он — вот он, и я держусь молодцом. Так что не верю я в твои тридцать лет.

— А почему вам обязательно верить? Они прошли там, а не здесь. Я когда-то что-то об этом читал — идем ли мы во времени, или оно идет в нас? А теперь можно добавить: сколь быстро или сколь медленно?

— Медленно, я точно говорю: медленно! — Она улыбнулась. — Поддай-ка мой мешочек для запасов. Сейчас я его пристрою. Здесь много чего можно найти, чем ублажить желудок, просто идешь себе и собираешь по пути. Положишь в похлебку — и будете пальчики облизывать, добавку просить.

Миссис Клэпп перекинула через плечо сплетенную из травы веревку, на которой висели корзинка и плетеный же мешок, и, крепко сжимая ручку корзины с Джеремайей, засеменила прочь. Ник двинулся следом.

Подобные мешки были у каждого из англичан, на плече или за спиной, как рюкзаки. И каждый, заметил Ник, держал под рукой железный оберег: либо что-то из инструментального набора к «Джипу», либо, как Страуд, маленький нож с открытым лезвием.

Линда снова вела Ланга на поводке. Пекинес держался поближе к хозяйке, однако вытягивал шею, поводя носом, словно определяя и занося в свой каталог разнообразные запахи.

Они шли по берегу речки, в порядке, который, видимо, стал уже обычным: Хадлетт и Страуд впереди, за ними миссис

Клэпп с Джин Ричардс и Линда. Крокер и леди Диана — в арьергарде. Ник присоединился к ним.

— Вода. — Леди Диана взглянула на струившийся поток. — Здесь, молодой человек, она используется для многих целей. Ее пьешь, ею умываешься, и к тому же вода может служить преградой для некоторых Темных.

— Только, встретив новый вид, никогда не знаешь — бояться они воды или нет, — проворчал Крокер.

— Да, конечно, — согласилась леди Диана. — Но, в сущности, тут все решает случай или везение. До сих пор нам безумно везло. Иногда приходилось очень туго...

— Это с какой стороны посмотреть, — опять заговорил Крокер. — Из скольких передряг мы выбирались еле-еле! Мне уж казалось, что мы полностью исчерпали запас своего везения, когда унесли ноги после крушения.

— А это еще что?! — Ник слушал разговор вполуха, больше занятый окружающим миром. В совершенном изумлении он глядел на то, что лежало впереди, частью в воде, частью на песчаном берегу.

Это был пароход, слегка накренившийся, так что его нижнюю палубу с одной стороны заливала вода. Подумать только — пароход! И как же он попал сюда, ведь речка для него чересчур узка и мелководна?

Подойдя ближе, Ник увидел, что на пароходе был сильный пожар, пламя оставило черные отметины даже на огромном кормовом колесе. Но как же он сюда попал — и когда?

Нику доводилось видеть заднеколесный пароход на Огайо. Летом подобный пароход совершал ностальгические прогулочные рейсы. Один из таких, попавшийся в ловушку времени?

— Он слишком велик для этой речки... — проговорил Ник вопреки тому, что видел собственными глазами.

— Но не во время паводка в реке. — Леди Диана несла толстую палку, и ею она указала на оставшиеся на берегу от каких-то прошлых времен следы гораздо более высокого уровня воды.

— Мы натолкнулись на него, когда в первый раз пошли вниз по течению, — добавил Крокер. — Похоже, что произошел взрыв. Хадлетт говорит, эти штуки часто взрывались, если из них пытались выжать слишком много. Если кто и спасся, — летчик пожал плечами, — они ушли. Он тут уже давно стоит.

— Дальше к югу эта речка впадает в другую, побольше. — Леди Диана кивнула. — Она берет начало из озера и течет на юго-восток. Если они попали в этот мир, то могли завернуть сюда... Она покачала головой. — Началась паника, они ускоряли и ускоряли ход — вот здесь все и кончилось.

— Такие суда ходили больше ста лет назад. — Ник отвел глаза от обгорелого остова.

— Мы повидали и более удивительные вещи. — Леди

Диана шла вперед ровным шагом, и Нику стоило некоторого труда не отставать от нее. — За морем. — Она замолчала, и Ник не стал спрашивать.

Пройдя мимо того места, где стоял обгоревший пароход, маленький отряд свернул прочь от реки и вскоре начал подниматься по склону холма, откуда открывался вид на лежащую у подножия равнину. Здесь Ник второй раз за это утро пережил глубочайшее изумление. Ибо равнину пересекали линии. Не слишком ровные, кое-где почти незаметные, но все же останки каменных стен, в былые времена огораживающих возделанные поля! А ниже по склону проходила дорога, хоть и засыпанная землей, заросшая бурьяном, однако явственно видимая дорога, которая когда-то шла прямо через эти заброшенные поля.

Страуд вскинул руку. Все, как один, мгновенно упали на землю, распластались среди кустов. На равнине появилась другая группа странников.

У них были лошади, маленькие по сравнению с теми, каких Нику доводилось видеть, — одни несли всадников, другие бежали свободно, направляемые теми же всадниками. За ними медленно двигалось сооружение, которому Ник не мог подобрать названия, поскольку никогда не встречал ничего подобного. На платформе, что с трудом тянули около двадцати впряженных лошадей, стояла куполообразная постройка. Повозка ползла вперед медленно и неуклюже, всадники сдерживали своих норовистых скакунов, чтобы те не умчали их вперед.

Отряд этот свернул на дорогу, избега обнесенных стенами полей, так как повозка не смогла бы их преодолеть. Ник обрадовался, что они уходят прочь: всадники были вооружены луками и копьями, да и вид имели столь дикий, что едва ли составили бы приятную компанию.

— Монголы, — проговорила лежавшая рядом с ним леди Диана. — Настоящие монголы — возможно, род или семья.

— Вы хотите сказать, люди Чингисхана — *здесь*?

Пароход его поразил. Но эти монголы почти столь же противоречили всякой логике, как и странные животные в лесу. Тех, по крайней мере, окружали внушавшие трепет гигантские деревья, под сенью которых они казались на своем месте.

— Это юрта — их передвижной дом, — продолжала леди Диана.

Ник оглянулся. Ее светренное, с крупными чертами лицо выражало живой интерес.

— Мы воочию видим прошлое. — Леди Диана, казалось, разговаривала сама с собой. — Может быть, эти воины и в самом деле скакали когда-то рядом с Великим Ханом. Если бы мы могли с ними поговорить...

— Познакомилась бы с их копьями, если бы попробова-

ли, — ответил ей Крокер. — Если мне не изменяет память, они еще и из лука отлично стреляли.

— Да, — согласилась леди Диана, — они были настолько хорошими воинами, что перебили половину европейского рыцарства... Пожелай они — могли бы покорить весь материк.

— Пожалуй, — заметил Ник, — не больно-то мне хочется встречаться с ними снова.

Им пришлось еще некоторое время пролежать в своих поспешно найденных укрытиях (которые и вовсе бы их не спасли, вздумай кто-нибудь из всадников поехать осматреть окрестности), пока монголы не скрылись из глаз. Сколько еще осколков прошлого попало сюда?

— Эти поля, дорога... — Ник напряг зрение, стремясь проследить ее как можно дальше. — Кто все это построил?

— Откуда нам знать? — отозвался Крокер. — Здесь много таких мест. Мы видели целый замок. И еще тут есть города, они обитаемы.

— Города? — Ник вспомнил, что уже слышал о них раньше. — Те, что бомбят летающие охотники?

— Да не бомбят, — раздраженно поправил Крокер. — Они летают сверху и обстреливают их своими лучами. Не то чтобы они чего-то этим достигали. Но это не бомбежка, как мы ее понимаем, я могу поручиться.

— Города. — задумчиво проговорила леди Диана. — Они особенные. Наши города расползаются во все стороны. Ты милю за милей едешь мимо все более часто стоящих домиков, все меньше видишь открытого пространства. Эти же города совершенно не такие — никаких пригородов, предместий. Город просто стоит сам по себе посреди чистого поля.

— Сплошь одни башни, — пробормотал Крокер, — и совершенно невероятных цветов — ни тебе темного, ни блеклого, сияют, да и только. Но если Хадлетт прав, это западни, а западни могут быть приятные для глаз — мы не собираемся проверять.

— Западни?

— Мы полагаем, — пояснила леди Диана, — что именно из города приходит Герольд. И, может быть, это — источник той энергии, которая перемещает нас — всех нас — в этот мир. Или не энергии, а что там нас утаскивает. Что бы это ни было, оно работает с давних пор.

— Мы видели римскую когорту — если только это не было ИХ наваждение, — сказал Крокер. — Тут, когда вокруг Люди с Холмов, никогда не знаешь, что реально, а что нет.

Страуд поднялся, и вслед за ним встали остальные. Используя любое доступное прикрытие, они пересекли дорогу, где виднелись явственные борозды, оставленные платформой с юртой, и следы лошадиных копыт. Маленький отряд углубил-

ся в поля. Дойдя до небольшой рощицы, они остановились поесть и отдохнуть.

— Вон там фруктовый сад. — Викарий указал на деревья, росшие за полем. — Думаю, яблони. Может быть, ранний сорт.

Он вопросительно взглянул на Страуда. Было очевидно, что, по крайней мере на марше, уполномоченный гражданской обороны является главным.

Прищурясь, Страуд смотрел на солнце.

— Нам нужно до темноты успеть на ферму. И когда поблизости они, — он взглядом указал направление, в котором исчезли всадники, — становится опасно.

— Не так уж опасно, — возразил викарий. — Нас скроют деревья.

— Стена подходит прямо к деревьям. — Поднявшись, леди Диана оценивала расстояние до сада так, словно хорошо в этом разбиралась. — И она там становится выше.

— Немного фруктов нам бы не помешало. — Миссис Клэпп похлопала свой мешок для припасов, будто он уже был полон добычи.

— Ладно, — решил Страуд. — Но мы выставим часовых и...

— Боюсь, мы уже ничего не сделаем, — перебил его Хадлетт. — Взгляните туда.

Как обычно, Страуд дал знак прятаться. Чем ближе к земле, тем меньше вероятность, что тебя увидят.

Оттуда же, откуда пришли монголы, появился второй отряд, на сей раз пеший, и Ник заметил, что они шли вперед с осторожностью людей, ожидающих нападения или засады. На них была военная форма, некоторые несли винтовки. Одежда их имела тусклый серо-коричневый цвет, сидела скверно, и Ник не смог определить, кто они такие.

— Китайцы, — тихо проговорил Хадлетт.

Спрятавшиеся в роще наблюдали за осторожным движением отряда по следам монголов. «Они их преследуют?» — подумал Ник. В таком случае вряд ли у них будет много шансов на победу, когда — и если — они догонят юрту. Почему-то их винтовки казались менее грозными, чем луки всадников, которые, как заметила леди Диана, в свое время повергали на землю одетых в доспехи рыцарей.

— Что-то уж больно много народу толпится в округе, — заметил Крокер.

— Да. Интересно, в чем причина такого оживления? — добавил Хадлетт.

— Все это очень дурно пахнет, — вмешался Страуд. — По мне, чем скорее доберемся до укрытия, тем лучше. Может быть, идет охота.

Фрукты собирать не стали. Едва китайцы скрылись из виду, они покинули рощицу и под прикрытием стены пусти-

лись рысцой к расположенной в полутора милях впереди гряде холмов. Ник подумал, что большинство из них может так бежать без труда, но миссис Клэпп и викарий? Он увидел, как Джин поравнялась с миссис Клэпп и взяла у нее корзину с Джеремайей.

Поля местами заросли чем-то похожим на дикие злаки, хотя Ник никогда раньше подобных растений не видел: зрелые колосья были полны крупных семян или зерен красного цвета. Узкие листья заканчивались крошечными крючочками, которые цеплялись за одежду с поразительной силой, и вырваться стоило некоторых усилий.

Ник сглотнул. Хотелось пить, но сделать даже несколько глотков из фляги было некогда. В поведении остальных столь явно виделась необходимость торопиться, что он продолжал бежать, не останавливаясь. Линда взяла Ланга на руки, хотя пекинес и шел самостоятельно почти все утро.

К счастью, подъем в гору оказался пологим, хотя он и давался нелегко после броска через поле. Страуд сделал знак остановиться. Здесь было нетрудно найти укрытие, и к тому же довольно далеко просматривались окрестности.

— Вон еще идут! — Джин указала на очередную группу людей, которая, правда, находилась слишком далеко, чтобы рассмотреть их одежду и снаряжение.

Залегшие в кустах Страуд и Крокер, прикрывая от солнца глаза, разглядывали, как обратил внимание Ник, не расстилавшуюся внизу равнину, а небо над головой.

— Не видать, — сказал уполномоченный гражданской обороны.

— Пока не видать. Но уж слишком много движения. Если была большая охота...

— Мы лежим тут, под прикрытием, до темноты, — решил Страуд. — Да, хорошего мало, — добавил он в ответ на восклицание леди Дианы. — Но я не вижу, что нам еще остается, кроме как переночевать прямо здесь.

— Как далеко, — осторожно осведомился Ник, — отсюда до вашего места?

— Напрямую около трех миль. Но если держаться прикрытия, то больше. Сегодня мы видели бродяг поболее, чем за несколько недель перед этим...

— А сейчас видим кое-что еще! — вмешался викарий. — Герольд — мы недалеко от города.

Красочная фигура внизу ничуть не скрывалась и не искала никакого прикрытия. Как и монголы, Герольд ехал верхом, но не на каком-то мохнатом полупони. С виду животное было весьма похоже на коня, кроме того что ноги его были длиннее и тоньше, а белая шкура испускала такой же свет, как волосы Маленького Человека в лесу.

Существо это мчалось по полю с поразившей Ника скоро-

стью, а верхом на нем сидел человек или, по крайней мере, гуманоид. Многокрасочная одежда его была столь же ослепительна, как и сверкающая шкура коня. За спиной застыл, словно растянутый на каркасе, узкий камзол без рукавов. Ниже были штаны, точно такие же, как у Лесного Человека, а на голове — шапочка с четырьмя торчащими уголками.

В отличие от Лесного Человека, у него были короткие, плотно прилегающие к голове волосы, очень темного цвета. Верхнюю губу пересекала тонкая, словно нанесенная самым кончиком кисти, линия усов, опускавшихся вниз вокруг уголков рта.

В том, как он ехал, в широком, стремительном беге коня виделась определенная цель. Приглядевшись внимательнее, Ник рассмотрел то, чего не заметил сразу: у «коня» были не копыта, а лапы с когтями, похожие на собачьи. И... они не касались земли. Это существо мчалось словно по невидимой дорожке, расположенной в нескольких дюймах от поверхности. И, когда достигло стены, огораживающей поле, не свернуло и не перепрыгнуло, а просто поднялось выше, преодолело препятствие и продолжало с каждым шагом подниматься в воздухе, направляясь к дальней гряде холмов — выше и выше, ровню, без усилий перебирая лапами. Оно уверенно набирало высоту, готовясь пересечь гряду. Ник вдруг услышал какой-то непонятный подвывающий звук. Исходящий от всадника? Нет, звук раздавался над головой.

— Охотник! — крикнул Страуд.

Они съезжились под кустами, когда в небе возник, словно провалившись сквозь голубизну, летающий охотник. Он походил на тарелку, которую они видели во время боя над озером, но гораздо меньших размеров. Из верхней куполообразной части ударил направленный луч света.

У Ника перехватило дыхание. Он не мог пошевелиться, будто прирос к земле, на которой лежал. Все тело словно покалывал миллион иголок.

Луч уперся в бегущего по воздуху коня и его всадника. Но они даже не взглянули на нападавшего, и конь не замедлил своего бега. Луч стал ярче. Ланг тихо взвизгнул, из корзины с котом донеслось глухое ворчание, но тем протест животных и ограничился.

Слепящий луч не отпускал всадника, смотреть на него становилось все больнее, и в конце концов Нику пришлось отвести взгляд. Когда он снова решил посмотреть, всадник уже медленно спуускался по ту сторону холмов. Какое же оружие охотник ни использовал, на Герольда оно действия не оказывало. Он продолжал свой путь, не обращая на нападавшего внимания, словно в небе, кроме него самого, никого больше не было.

Однако летающая тарелка последовала за ним, все пытаясь

поразить Герольда своим лучом, как будто экипаж надеялся чего-то достичь таким упорством. Наконец, когда Герольд уже казался всего-навсего далеким цветным пятнышком, которое преследовала по пятам летающая тарелка, Ник почувствовал себя лучше. Он приподнялся и следил за этой странной охотой, пока оба не скрылись из глаз.

— Охотник, но с Герольдом он не справился, — проговорил Крокер. — А Герольд направляется в город. Он только защищается, а не нападает...

— Что ты имеешь в виду? — заинтересовался Ник.

— Вот это самое. Охотники пытаются разгромить города, но те никогда не наносят ответный удар. Никаких тебе зениток, никаких молний. Словно им все равно, словно охотники ничего не могут им сделать, и поэтому они просто не дают себе труда сражаться. Ты же видел — Герольд даже головы не поднял, чтобы посмотреть, кто это там его атакует! Если б только у нас была такая защита...

— Мы вольны принять их предложение, — негромко произнес викарий. — Ты знаешь это, Барри.

— Нет! — почти выкрикнул летчик. — Я — это я, Барри Крокер, и намерен остаться самим собой. Даже если теперь всю жизнь мне придется убегать и прятаться!

— Что происходит, если человек принимает предложение Герольда? — тут же спросил Ник. — Вы говорили, он изменяется, — как?

Зло посмотрев на Ника, Крокер ответил прежде викария:

— Изменяется — и все! Мы видели, как это было с Ритой. — И он сомкнул губы с таким видом, словно его нельзя было заставить что-либо добавить к сказанному.

— Видишь ли, мой мальчик, — Хадлетт говорил медленно, мягко, словно боясь задеть чьи-то чувства, — с нами был еще один человек, невеста Барри. Она встретила с Герольдом прежде, чем мы разобрались, и приняла то, что он предложил. Она пришла к нам и хотела убедить поступить так же...

— Лучше бы ей умереть! — Крокер рванулся прочь от них.

— Но что с ней случилось? — настаивал Ник. — Полагаю, мы — Линда и я — имеем право знать, на случай, если то же предложат и нам.

— Предложат, — резко ответила леди Диана. — Но парень прав, Хадлетт. Расскажите им правду.

— С ней произошли, — викарий замаялся, словно говорить ему было трудно, почти больно, — определенные физические изменения. Возможно, это мы еще могли бы принять. Но изменилась также ее психика, ее чувства. Мы считаем, что Рита — та Рита, которая вернулась к нам, — уже не принадлежит к человеческому роду. Человеку присущ врожденный страх смерти, лишь очень немногие способны его преодолеть, от одной лишь мысли о ней нам делается не по себе. Такое

изменение — это своего рода смерть. Потому что тот, кто его принимает, переходит границу между этим миром и миром иным. Возврата оттуда нет. И наше отвращение к тому, во что они превращаются, столь сильно, что мы не можем рядом с ними находиться. Я пытаюсь найти нужные слова, но в действительности это изменение нужно видеть, чтобы полностью понять.

Викарий смотрел Нику в лицо, но все остальные, кроме Джинды, отводили глаза, как если бы они боялись или стыдились того, о чем он говорил. Затем леди Диана проговорила:

— Ну что, Страуд, долго мы тут еще будем рассиживаться?

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Несмотря на растущие вокруг кусты, Ник чувствовал себя совершенно незащищенным и беспомощным перед тем, что могло появиться с неба или подкрасться по земле. Однако лежащая внизу долина была еще более открытой, и уж ее-то, подумал он, им ни за что не пересечь незамеченными.

Страуд тоже внимательно осматривал долину.

— Мы можем пробиться вон туда. — Он указал на склон холма далеко вправо. — А когда дойдем, там будет видно, что впереди.

Идти вдоль гряды оказалось нелегко. Часть пути им пришлось ползти на четвереньках, перебегая открытые участки между зарослями кустарника. Тяжелее всех было миссис Клэпп. Но она не жаловалась, и остальные по очереди шли рядом с ней и помогали, как могли.

По крайней мере, летающий охотник не вернулся, и в долине внизу не было заметно никакого движения.

Однако солнце уже склонялось к закату, когда Страуд дал знак остановиться. Миссис Клэпп тут же села на землю. Побагровевшая, она часто и мелко дышала, лежавшие на коленях руки дрожали.

Ник подумал, что без хорошего отдыха ей ни за что не дойти.

— В сумерках тронемся дальше, — сказал Страуд. — А пока отдыхаем.

Фляга Ника и та, что нес Страуд, пошли по кругу, из мешков достали припасы. Равнина внизу казалась теперь совершенно безлюдной. Но когда солнце сползло вниз по небосклону, Ник заметил слабое свечение на северо-востоке.

Ник был в дозоре вместе с Джин. Тихонько коснувшись ее плеча, он указал на разгоравшееся над горизонтом зарево.

— Город, — ответила девушка на его невысказанный вопрос. — Ночью он весь сияет — ты в жизни не видел ничего подобного.

Нику показалось, что в голосе Джин прозвучали тоскливые нотки.

— Как близко вы его видели?

Таинственный город, или города, не давали ему покоя. Несомненно, их обитатели находились в полной безопасности.

— Достаточно близко, — ответила Джин. — Достаточно близко, чтобы бояться. — Она помолчала мгновение и добавила: — То, что викарий сказал о Рите, — это правда. Она стала... другой. Но она плакала, когда приходила к нам в последний раз. Она не желала нам зла... хотела помочь...

Джин говорила с некоторым трудом, словно чувствовала себя в чем-то виноватой.

— Но вы ее прогнали. — Ник пожалел об этих словах, едва они сорвались с языка.

Джин повернула голову и прямо взглянула ему в лицо.

— Мы отослали ее прочь, — отрезала она.

Ник был смущен. Зачем он это сказал? Англичане знали, что делали. Знали, как нужно поступать, чтобы выжить. А его слова прозвучали как обвинение.

Джин снова отвернулась, глядя, как в долине понемногу сгущаются сумерки. Хотя она лежала совсем рядом и Ник мог бы коснуться ее рукой, он чувствовал, что она далеко-далеко.

— Если мы пойдем дальше, — спросил он, чтобы прервать молчание, — как же миссис Клэпп? Она совсем без сил...

— Знаю, — ответила девушка по-прежнему издали. — Но ей придется постараться, а мы будем помогать. Надо добраться до надежного места раньше, чем наступит ночь.

— Что-нибудь видите? — спросил сзади Страуд.

Джин покачала головой.

— Никого и ничего. Город светится.

По мере того, как сгущались сумерки, зарево в небе разгоралось.

— Но дальняя гряда закрывает город от нас. — Казалось, Страуд был этим доволен. — Пожалуй, пора двигаться.

Спуск был пологий. Джин опять несла корзинку с Джеремайей, а Линда, с Лангом на руках, держалась рядом с миссис Клэпп, слева от нее. Спустившись в долину, Страуд задал быстрый темп, и викарий, приотстав, шел вместе с женщинами.

Порой они останавливались передохнуть, и миссис Клэпп не жаловалась. Но было видно, что идет она только благодаря своей решимости; даже ее мешок для сбора припасов Линда повесила себе на плечо. Подошла леди Диана и без единого слова, твердо взяла миссис Клэпп под руку.

Ник не знал, что они будут делать, когда наступит полная темнота. К счастью, в это время года сумерки держатся долго, к тому же на землю падал слабый отсвет сияния в небе.

Ночь была тревожной. Ник внутренне вздрагивал от раздававшихся вокруг звуков. Доносились то крики, то вой. Нежного, чарующего пения, как в ту дождливую ночь, не было и в помине, звуки леденили кровь, заставляли то и дело оглядываться, чтобы посмотреть, кто бежит по их следам. Нику безумно хотелось спросить, что означает тот или иной звук, но, поскольку его спутников они не тревожили, он молчал.

— Мы уже много прошли, — объявил Страуд на одной из остановок. — Осталась совсем ерунда.

Они миновали поля и находились недалеко от подножия гряды, над которой сияло разлитое в небе зарево. И когда Страуд снова двинулся вперед, под ногами оказалась более ровная земля, а по бокам разрушенные стены: это могла быть тропинка.

Они подошли к черневшему во тьме дому, также сложенному из камня, однако Ник не смог рассмотреть его как следует. С легкостью, говорящей о привычке, Страуд отворил дверь и шагнул внутрь.

— Слава богу, — услышал Ник прерывающийся голос миссис Клэпп. — Мои старые ноги уже давно просят отдыха. Дай-ка я войду, милая, да посижу немного. И снова стану как огурыч. Я уже чуточку старовата, чтобы туда-сюда карабкаться.

— Вздор! — Леди Диана бережно и в то же время решительно подтолкнула ее вперед. — Не забудь, Мод, на всех нас действовал луч охотника. Никому от этого нет ничего хорошего.

В доме замерцал свет. Едва Ник переступил порог, Крокер с глухим стуком захлопнул тяжелую дверь. Свет был слабый, однако его оказалось достаточно, чтобы Ник разглядел большую комнату, огромный камин, скамью, стол и несколько табуреток, деревянных и громоздких.

Миссис Клэпп не села, а скорее упала на табуретку. Джин поставила рядом с ней корзинку с Джеремайей. Кот просительно мяукнул, миссис Клэпп открыла крышку и выпустила его на волю. Он яростно встряхнулся, огляделся, обнюхал камин и принялся осторожно исследовать комнату.

Она имела окна, но каждое окно было закрыто изнутри решетчатыми ставнями. Крокер запер дверь на тяжелый засов. Светила стоящая на столе плошка, от горящего в налитой жидкости фитиля исходил приятный запах, и вся комната навевала чувство покоя и безопасности.

— Что это за место? — Линда опустила Ланга на пол, и он тут же улегся, положив мордочку на передние лапы. — Здесь чувствуешь себя... как-то так... хорошо!

Викарий присел на скамью подле миссис Клэпп и улыбнулся девушке.

— Да, это место для отдыха. И даже больше чем для отдыха — место для восстановления душевных сил. Мы нашли таких несколько. Одни — дело рук человеческих, другие созданы природой. Но в них покой наполняет душу. Этот дом, вероятно, построен человеком, который был здесь изгнанником — наверное, таким же, как мы. Мы думаем, когда-то это была ферма — в те времена, когда здесь жилось гораздо спокойнее. Дверной засов и ставни сделаны из железа, а это значит, что те, кто строил дом, были такими же людьми, как мы с вами. Но как им удалось наполнить его этим чувством успокоения, мы не знаем. Возможно, в здешнем мире наше восприятие обостряется. Одни места полны ужаса, другие — благословенного покоя. В то же время в нашем собственном мире, если подобные места и существуют, мы не в состоянии их распознать.

Страуд восседал на табурете, вытянув толстые ноги, горящий фитиль отбрасывал слабый свет на его угловатое лицо.

— Если б не так близко к городу, мы могли бы здесь и остаться. Но, по крайней мере, можем тут схорониться на время.

Это чувство покоя убаюкивало. У Ника болели ноги, он не помнил, чтобы ему когда-либо доводилось так много ходить. Необходимость спастись заставляла его идти, теперь же навалилась огромная усталость, и нетренированные мышцы разом заныли.

Чуть позже Ник с удовольствием растянулся у стены на куче сухих листьев, которую ему указал Крокер, и быстро заснул.

Ему снились сны, не страшные, а которые хотелось удерживать и смотреть дальше и дальше. И даже когда он проснулся и понял, что уже не спит, он не открывал глаза и попытался вернуть сновидение. Однако оно не просто исчезло — Ник его совершенно не помнил.

— Ник! Вот не просыпается, и все! Ник! — услышал он яростный шепот, чья-то рука трясла его за плечо.

Он с неохотой разлепил веки. Рядом на корточках сидела Линда. Фитиль в плашке погас. Ник разглядел ее лицо в тусклом сером свете, проникавшем сквозь маленькое оконце высоко над потолком.

— Ник! — Она потрянула его сильнее. Ему стоило огромного усилия воли отозваться.

— Что?

— Тише! — Она нагнулась ниже. — Ты разбудишь кого-нибудь из них, — проговорила она так тревожно, что он сел. Покой из дома был изгнан.

— Что такое?

— Ланг убежал! — Увидев, что Ник совсем проснулся,

Линда чуть отодвинулась. — Снаружи донесся свист, и он убежал!

— Как это? Дверь же заперта...

В самом деле, дверь по-прежнему была заперта на засов.

— В другой комнате... — Линда дернула его за руку, — там открытое окно. Ланг побегал... и выскочил — я только его и видела...

Как можно тише Ник последовал за ней. Вокруг раздавался храп, тяжелое дыхание людей, погруженных в глубокий сон. Схватив за руку, Линда повела его за собой. Они миновали камин и повернули направо, где виднелась полоска чуть более яркого света.

Линда толкнула приоткрытую дверь во вторую комнату. Внутри не было никакой мебели, но в стене светлел квадрат открытого окна, забранного прутьями — несомненно, железными.

Линда выпустила руку Ника, подбежала к окну, схватилась за прутья и прижалась к ним лицом, пытаясь что-либо разглядеть в темноте.

То ли железо пружавело от времени, то ли под весом Линды подалась какая-то скрытая задвижка, — решетка повернулась, распахнувшись, и Линда наполовину выпала, наполовину выкарабкалась наружу.

Ник бросился за ней.

— Линда, не глупи! Вернись!

Если она и слышала, то не собиралась повиноваться. Накнувшись на вставшую на место решетку, Ник увидел, что Линда идет через двор, прочь от дома, негромко повторяя имя Ланга. Прутья снова казались прочными, но он ударил по ним кулаком, решетка вновь подалась, и он высунулся в окно.

— Линда! — крикнул Ник. Если остальные проснулись, тем лучше.

Она уже была у проема в стене.

— Я его вижу! Не ходи за мной, он не желает слушаться и опять убежит, если я его не поймаю. А если увидит тебя, то он ни за что не подойдет.

Не было никакой возможности остановить ее. Забыв, где находится, Линда уже миновала проем.

— Ланг, ко мне, Ланг, Ланг, Ланг...

Несмотря на предупреждение, Ник снова толкнул решетку и выбрался наружу. Может, она и правду сказала, и пекинес, увидев его, станет осторожнее, но Ник должен ее догнать и втолковать, как опасно бродить ночью по этим местам. В крайнем случае ей придется забыть о Ланге ради собственной безопасности.

Однако, хоть сам Ник и понимал отчетливо эту логику, было ясно, что Линда никогда с ней не согласится. Вполне возможно, что ему удастся вернуть ее назад только силой.

— Ланг! Ланг! Нехороший ты песик! Ланг... — Линда сидела на корточках на тропинке, вытянув руку. — Ланг... — ласково звала она. Другой рукой она достала что-то из большого накладного кармана джинс. — Ланг... кое-что вкусненькое... ты это любишь... вкусное, Ланг!

Ник увидел пекинеса. Тот стоял на месте, оглядываясь на хозяйку. Ник остановился. Если Линда сумеет подманить песика...

— Вкусное, Ланг... — Похоже, в эту игру ей не раз приходилось играть раньше.

Ланг чуть обернулся, высунув кончик розового языка, словно уже ощущал вкус того, что ему предлагали отведать.

— Вку-у-сно, — соблазняла Линда.

Один шаг, затем еще два — пекинес повернул обратно. Ник затаил дыхание. Как только Линда его поймает, Ник заставит ее немедленно вернуться в дом.

— Хороший... хороший Ланг... — Она вот-вот сможет до него дотянуться. На ладони лежали кусочки раскрошенного печенья. — Мой хороший Ланг...

Неожиданно раздался резкий, пронзительный свист.

Ланг мгновенно развернулся, глянул на темнеющие слева деревья, откуда этот свист раздался, залился лаем и молнией понесся туда.

Вскрикнув, Линда вскочила на ноги и кинулась за ним, забыв обо всем, кроме убежавшего песика.

— Линда! — крикнул Ник и ринулся следом, отбросив всякое благоразумие, зная, что должен как-то остановить девушку прежде, чем она столкнется с тем, к кому убежал Ланг, кто бы там ни скрывался.

Пекинес лаял не переставая, Линда отчаянно подзывала его. Ник молчал — что толку надрываться, если она все равно не послушает. Он чуть ее не поймал, но споткнулся о камень и во весь рост растянулся на холодной земле, ударившись так сильно, что перехватило дыхание.

Лишь секунду или две спустя он поднялся на ноги. Линды уже не было, только качавшаяся ветка указывала, куда она убежала. Но Ник по-прежнему слышал лай и ее крики. Дурочка! Выражения и покрепче этого приходили ему на ум, когда он пробирался дальше. Уж конечно, то, что он за ней последовал, — такое же безумие, но если Ник вернется за помощью, Линда может погибнуть. Ничего не остается, кроме как попытаться что-то сделать в одиночку.

Проложив себе дорогу сквозь кустарник, в кровь испаранный, Ник добрался до места, где под деревьями не было подлеска. Хотя направление, в котором раздавались лай и крики, он мог оценить неверно, кроме них ему не на что было ориентироваться. И звуки эти несколько успока-

ивали: по крайней мере, Линда с Лангом еще могли кричать и лаять.

— Ланг! Ланг! — Два этих слова Линда выкрикнула с различной интонацией. Первый раз, несомненно, — зов, а второй — что такое? Протест?

Ник рванулся вперед и неожиданно оказался на поляне. Перед ним стояла Линда, но она и не пыталась поймать своего песика.

Пекинес просительно лаял, сидя на задних лапках, перебирая передними в воздухе. А некто, кого он так страстно умолял, улыбалась и поддразнивала его, держа в руке что-то очень соблазнительное.

Линда метнулась вперед, в то же мгновение, когда Ник с ней поравнялся. Прежде, чем он успел ее остановить...

— Нет! — крикнула она и взмахнула рукой, чтобы выбить у той, другой, приманку.

Взмахнула — и ее ладонь прошла сквозь чужую руку.

Линда завизжала: Странное существо отскочило назад. Линда бросилась на землю и схватила Ланга, который начал бешено отбиваться и в ярости даже укусил хозяйку.

Ник оттолкнул девушку и встал между Линдой и той, другой, — возможно, призраком.

Ее окружало легкое свечение, по всей видимости исходящее от необычайно белого лица и рук. Этот свет порой ее скрывал, словно туманная дымка, однако, несмотря на то, что случилось, когда Линда хотела выбить у нее угощение, она казалась совершенно настоящей, из плоти и крови. К тому же она выглядела более близкой людскому роду, чем, например, Лесной Человек.

Каштановые волосы незнакомки спадали чуть ниже плеч, одета она была в штаны цвета зеленой листвы, в такие же сапоги и рубашку, поверх которой был накинута камзол без рукавов, как у Герольда. Только ее камзол был не разноцветным, а тоже зеленым, с блестящей вышивкой золотом и серебром на груди — ветвь с серебряными листьями и золотыми яблоками.

— Кто вы? — решительно спросил Ник. — Что вам нужно?

Но незнакомка продолжала отступать, и светящийся туман вокруг нее сгущался, окружал плотнее ее тело, так что оставалось видимым одно лишь лицо. В ней не было и признака угрозы; напротив, из глаз медленно катились слезинки. И губы ее шевелились, словно она что-то говорила, но Ник не слышал ни звука. Затем туман окутал ее всю и вдруг растаял. Ник и Линда были на поляне одни.

— Ей был нужен Ланг! — Девушка крепко прижимала к себе песика, словно стремясь защитить. — Она хотела забрать себе Ланга!

— Она его не забрала, — заметил Ник. — Вставай. Необходимо поскорее убираться отсюда.

— Да. — Похоже было, что Линда впервые осознала, какой опасности они, возможно, подвергаются. — Ник, она пыталась забрать Ланга!

— Может быть...

— Может быть? Ты же видел ее! Она хотела ему что-то дать... Ты же *видел ее!*

— Она его этим дразнила. Хотя, думаю, она могла прийти за более крупной добычей, чем Ланг. Ты помчалась за ним, ведь так?

— Я? — Линда посмотрела на него непонимающе. — Но она на меня даже не взглянула... она звала Ланга...

— Могла она знать, что ты пойдешь за ним? — упорствовал Ник.

Оглядываясь назад, он бы не поклялся, что в девушке вообще было хоть что-то угрожающее. Но он не мог оценить все ловушки этого мира, да и лучше хорошенько напугать Линду сейчас, чтобы в следующий раз она не вела себя столь безрассудно.

— Ты в самом деле в это веришь, Ник?

— Скорее в это, чем в то, что ей был нужен один Ланг. И...

До сих пор, держа Линду за руку, он решительно вел ее вперед, стремясь как можно быстрее вновь обрести безопасность в стенах дома, — но вдруг понял, что не уверен, правильно ли они идут. И хотя стало гораздо светлее, чем в ту минуту, когда он выпрыгнул из окна, Ник не видел ни одного знакомого ориентира. Он оглядел землю, надеясь обнаружить следы, которые укажут ему направление.

Вот! Его зародившаяся было тревога прошла: здесь след... и там еще... остается лишь идти по этим вполне отчетливым отметинам на земле, и они выведут его и Линду к безопасному месту.

Странно, он бы никогда не подумал, что они забрались так далеко от дома. Нику помнилось, что он совсем недолго бежал под деревьями, прежде чем догнал Линду. Однако следы были видны достаточно ясно, и он продолжал идти.

Они шли до тех пор, пока не миновали последнее дерево, последний куст и увидели отнюдь не дом, а раскинувшийся луг, где росла высокая трава и какие-то желтые цветы. В отдалении виднелись еще деревья, однако Нику это место было совершенно незнакомо.

Они шли по своим собственным следам — тогда как же... По *своим ли* следам? В груди он почувствовал холодок. По *чьим* следам? Да и были ли это следы? Может быть, как и песнь Лорелей, как свист, на который помчался Ланг, эти отметины должны были увести их прочь, подальше от безопасного места?

— Зачем мы сюда пришли, Ник? — Линда поглаживала

притихшего наконец Ланга. Возможно, она даже и не смотрела, куда они шли.

— Я думал, мы идем к дому. Видимо, там на поляне мы перепутали направление.

Единственное, что им оставалось, — вернуться к поляне и пойти оттуда в другую сторону. Однако Нику отчаянно не хотелось этого делать: зловещая поляна внушала ему страх, и он не имел никакого желания по своей воле опять на ней появляться. Что такое с ним происходило, что он боялся — по-настоящему боялся — леса?

— Ну что ж, надо попробовать через него пройти, — высказал он свои мысли вслух. Не только для Линды — он не собирался поддаваться растущему нежеланию идти через лес обратно.

— Нет, Ник! — Линда отшатнулась, когда он снова хотел повести ее за собой. — Только не туда.

— Не глупи! Нам нужно вернуться в дом!

Она покачала головой.

— Ник, ты уверен, ты совершенно уверен в том, что можешь вернуться?

— Что ты хочешь сказать? Это небольшой лес. Мы его прошли насквозь в одну сторону, и это заняло не так уж много времени. Разумеется, мы можем и вернуться.

— Я не верю. И ты меня не убедишь. — Она словно восстала против его воли. — Я не пойду туда опять!

Ник прямо-таки вскипел от злости. Но не мог же он ее тащить, а именно так, несомненно, и придется сделать, если они пойдут через лес.

— Нам нужно вернуться к дому, — повторил он.

— Тогда мы обойдем вокруг. — Линда повернулась и пошла по краю луга.

Ник бросил на нее разъяренный взгляд. Он не мог оставить ее одну, но и не скручивать же ей, в самом деле, руки и нести ее на плече...

Поддав носком ботинка ком земли, что, впрочем, не принесло особого облегчения, Ник двинулся следом.

— Здесь вкругаля далеко идти.

— Значит, мы вкругаля пойдем далеко, — отрезала Линда. — По крайней мере, видно, где мы находимся. И никто не выпрыгнет из-за дерева и не набросится. Ник, в этом лесу — там много чего еще есть, кроме нее! Хоть я их не вижу, зато чувствую!

— Следы. — Ник облек в слова то, чего боялся. — Следы вывели нас сюда — возможно, чтобы заманить в ловушку.

— Мне все равно! Зато здесь видно, кто к тебе подбирается.

Однако, как заметил Ник, Линда поторапливалась. Они шли краем луга быстрым шагом, почти бегом. Ник надеялся, что этот окольный путь окажется не слишком длинным, он

вдруг почувствовал голод и тревожился о том, как отнесутся остальные к их исчезновению. Англичане могут подумать, что они с Линдой задумали отправиться дальше самостоятельно.

Нет, они же оставили свои сумки, все, что у них теперь есть. Слегка успокоенный этой мыслью, Ник решил, что англичане не уйдут, бросив их на произвол судьбы. Что, если закричать? Но он не мог. Если только Линда не бежит от собственных фантазий, за ними, быть может, следят из-за стволов и с ветвей деревьев. Или же, если на них охотятся, ее призывы укажут путь преследователям. Пробираясь по высокой траве было нелегко, но Нику показалось, что впереди лес кончается.

— Ник, там вода. — Линда повернула влево. Они увидели маленький бассейн, к созданию которого приложил руку если не человек, то какое-то другое разумное существо: тонкой струйкой вода вытекала из трубы в стене рядом с водоемом, имевшим вид полукруглой чаши, затем бежала ручейком по лугу и терялась в траве.

Линда опустилась на колени и поставила на землю Ланга, который принялся жадно лакать. Она ополоснула раскрасневшееся лицо и стала пить из пригоршни. От вида воды Ника обожгла жажда, и голодный желудок тоже безжалостно напомнил о себе. Однако он ждал, пока девушка напьется вволю, и внимательно осматривал лес, небо и луг. Когда Линда поднялась, он распорядился:

— Посмотри за обстановкой.

Ник опустился на траву, погрузил руку в холодную, чистую воду, омыл лицо и сделал глоток. Он никогда раньше по-настоящему не пробовал воду *на вкус*. Она чуть-чуть отдавала, кажется, мятой...

— Ник!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Поперхнувшись, он обернулся, вода потекла по подбородку. Одного взгляда было достаточно.

— Назад! — Ник стремительно увлек Линду в кусты, росшие по краю леса. — Чтоб Ланг у тебя молчал! — был следующий его приказ.

На лугу они были не одни. Из-за края поднимавшейся гряды холмов появились две человеческие фигуры, которые отчаянно бежали — точнее, с трудом, пошатываясь, продвигались вперед. На обоих была желто-коричневая одежда, хорошо заметная на фоне яркой зелени травы. Однако они не пытались как-то спрятаться; казалось, ужас или жестокая необходимость гонит их по самым открытым местам, где они могли продвигаться со всей скоростью, на которую были способны.

Оба шатались, словно им стоило величайших усилий держаться на ногах. Один упал. Ник и Линда слышали его хриплый вскрик, видели, как он пытается снова подняться. Его спутник нерешительно остановился, оглянулся и вернулся помочь. Держась за руки, они продолжали двигаться дальше.

— Ник... в небе!

— Вижу. Лежи и не высовывайся!

Показалась маленькая летающая тарелка, похожая на ту, что преследовала Герольда. Она замерла в воздухе прямо над головами бегущих, которые, вероятно, даже не успели заметить опасность.

Они сделали еще несколько мучительных шагов, и тут зеленый свежий луг словно превратился в болото, которое прочно засосало их ступни. Затем беглецы, как подкошенные, рухнули на землю и остались лежать неподвижно.

Тарелка висела над ними. Из нее на канате опустились блестящей массой переплетенные веревки, и по этому же канату скользнула вниз новая фигурка.

Человек из тарелки (если он был человеком) оказался очень маленьким, ростом с карлика. Больше о нем ничего нельзя было сказать, поскольку он был облачен в скафандр и шлем серебристого цвета, похожие на экипировку астронавта. К нему присоединился второй, и они занялись сетью и лежащими на земле людьми. Затем подали сигнал, сеть с двумя телами поднялась, и одетые в скафандры члены экипажа вознеслись вместе с ней.

Тарелка поглотила победителей и их пленников, однако не умчалась прочь, как истово надеялся Ник. Он начал опасаться, что на борту известно также и об их присутствии. Кто знает, какие у охотников приборы?

— Ник!.. — прошептала Линда, и он бросил на нее яростный взгляд.

Она прижала руку к губам, словно только физическим действием могла подавить страх.

Ланг припал к земле подле нее, дрожал, но не издал ни звука. Посмеют ли они шевельнуться? Отползти подальше в лес, под защиту деревьев? Ник не был уверен, что это удастся, — во всяком случае, сейчас. Возможно, они зря тревожатся...

Однако тарелка все не улетала.

Ланг заскулил.

— Я же сказал, чтоб... — яростно начал Ник.

То, что он увидел, заставило его замолчать на полуслове.

Между кустами, в которых они прятались, и лугом вспыхнула тонкая ниточка света. Она разрослась, превратилась в туман, образовав перед ними светящуюся стену.

В ответ из тарелки показался такой же луч, как тот, что преследовал Герольда. Он был нацелен на них, и Ник опять ощутил покалывание миллиона иголок. Там, где луч уперся в

святищуюся стену, туман словно забурлил, и в разные стороны побежали огненные молнии.

— Быстрее! Эту преграду долго не удержаты! В лес!

Вот тут Ник не медлил. Его протянутая к Линде рука встретила пустоту — девушка уже бежала сломя голову под защиту деревьев. И только когда они забрались так далеко вглубь, что почувствовали себя в относительной безопасности, Ник спросил:

— Кто там кричал?

— Никто! — Линда припала к стволу, словно ноги ее уже не держали. — Это... это раздалось у нас в мозгу! Кто-то... или что-то... это *подумал*!

Ник тряхнул головой — не потому, что отвергал ее слова, а затем, чтобы привести в порядок спутанные мысли. Да, это была правда: Ник не услышал приказа, слова действительно прозвучали прямо у него в мозгу.

Линда медленно огляделась по сторонам.

— Кто бы вы ни были... где бы вы ни были... — тихо и не слишком твердо проговорила она, — мы благодарим вас...

Однако следовало ли испытывать благодарность? Подозрительность Ника возродилась с новой силой. А может, за ними просто-напросто охотится неведомая сила, которая таким образом защитила их от другой?

Внезапно он с поразительной отчетливостью снова увидел ту сцену с незнакомкой.

— Она плакала.

— Кто? — недоуменно спросила Линда.

— Девушка с Лангом. Она плакала перед тем, как исчезнуть.

— Ты думаешь, она... — Линда явно готовилась возразить.

— Все возможно. Но почему она плакала?

Линда прижала пекинеса к груди так крепко, что тот взвизгнул.

— Не знаю. Возможно, ей уж так хотелось заполучить Ланга...

— Нет, не поэтому. — Ник снова тряхнул головой. Им овладело странное, досадное чувство, словно он вот-вот должен был узнать что-то важное, и вдруг захлопнулась дверь, или прервалась связь, и он этого так и не узнал. — Не думаю, что это вообще имело какое-то отношение к Лангу.

— То-то она подзывала его свистом. Ник, что мы будем делать дальше? Лес мне нравится не больше прежнего, пусть даже он и защищает нас от летающей тарелки.

Ник был согласен с Линдой. Вокруг ощущалась жизнь, которая не имела ничего общего с деревьями, со стелющимися по земле цепкими лозами, со мхом и всем прочим видимым миром. Какое из двух зол меньшее — неизвестность леса или

открытый луг и летающая тарелка? Ник теперь больше склонялся к тому, чтобы идти лесом, и сказал об этом Линде.

На лице у нее отразилось сомнение, но затем девушка неохотно согласилась.

— Пожалуй, ты прав. И мы бы непременно очутились в сетях, как те двое, если бы что-то такое не вмешалось. Но куда же нам идти?

Этого Ник не знал. Компас, выручавший его прежде, остался в доме со всем остальным снаряжением. А после всего, что случилось, он уже не доверял своей способности определять направление.

— Жаль, что Ланг не охотничья собака. Он мог бы нас вывести...

— Но он может! Господи, как же я раньше не подумала?

Кажется, Линда и впрямь верила, что пекинес выведет их к дому. «Надо же так с ним носиться», — подумалось Нику.

— Поводок! Мне нужен поводок! — Она поставила Ланга на землю и зажала его между ног, оглядываясь с таким видом, словно то, что ей было нужно, могло материализоваться в воздухе одной лишь силою ее воли.

— Погоди — может, это сгодится. — Линда схватила стебель ползучего растения. Стебель был жесткий, и она не смогла его оторвать. Ник взялся крепче за лозу и дернул. Он не очень-то верил в способность песика вывести их из леса, но, возможно, Линде виднее.

Девушка оборвала листья и мелкие веточки и прикрепила один конец лозы к ошейнику. Затем подняла песика и, глядя ему в глаза, проговорила: «Ланг, домой...» — с такой торжественностью, словно он ее понимал. Ланг дважды тявкнул. Линда опустила его и повторила:

— Домой, Ланг!

Пекинес без колебаний повернулся и рванулся в глубину леса. Линда нетерпеливо оглянулась, удерживая натягивающего импровизированный поводок Ланга.

— Ты идешь?

Ник не верил в эту затею, но не мог предложить ничего другого. К тому же вдруг она права и Ланг найдет дорогу? Ник двинулся следом.

По всей видимости, Ланг был совершенно уверен в том, что делает. Он несся среди могучих стволов, ни разу не замедлив бега и не оглянувшись по сторонам. Пожалуй, его уверенность кое-что значит, решил Ник. Однако он по-прежнему лишь отчасти готов был признать за пекинесом способность отыскивать путь, когда они вышли из леса и в некотором отдалении справа увидели дом.

— Я же тебе говорила! — торжествуя и одновременно с облегчением произнесла Линда. Видать, не так уж она была в Ланге уверена, догадался Ник.

Девушка сорвала с ошейника лозу, подхватила песика на руки и помчалась к дому, который больше чем когда-либо обещал безопасность. Ник на мгновение приостановился и оглядел небо. Экипаж летающей тарелки мог предугадать их намерения и кружить над головой или внезапно появиться...

Но Линда бежала слишком уж быстро и была уже далеко впереди, чтобы останавливать ее и призывать к благоразумию. Ник ринулся следом. Добежав до самого дома, он заметил, что дверь, к счастью, не заперта на засов, а широко распахнута. Может быть, все ушли?..

Линда перепрыгнула через порог. Ник отставал от нее на два или три шага. И едва он вбежал в дом, дверь за ним захлопнулась. Громыкнул тяжелый засов.

Во мраке комнаты Ник почти ничего не видел. Кто-то крепко схватил его за руку, и он узнал голос Страуда:

— Вы что вытворяете, а? Вот уж я вам задам! — Уполномоченный гражданской обороны сжимал пальцы, словно железные тиски. — Никакого соображения! Куриные мозги в голове!

— Уберите руки! — рявкнул Ник. В душе поднялись все его недавние страхи, огорчения, досада, злость на Линду за ее беспечность. Он замахнулся на Страуда, хоть и различал его с трудом, но тот с легкостью, говорившей о хорошей практике, увернулся от нанесенного почти вслепую удара.

— Сэм! — Между ними встал викарий.

Страуд ослабил хватку, однако Ник, тяжело дыша, не отступал назад.

— Я сказал — уберите руки! — проговорил он сквозь зубы.

— Перестаньте! — крикнула Линда. — Ник всего лишь пошел за мной...

— А ты что там делала, девочка? — спросила леди Диана.

— Я догоняла Ланга. Кто-то засвистел, и он выскочил через окно в той комнате. Мне пришлось бежать за ним. И хорошо, что побежала, иначе она бы его заполучила!

— Она? — переспросил викарий. Глаза Ника уже привыкли к полумраку, и он увидел, что все остальные собрались вокруг тесным кольцом.

— Светящаяся девушка из леса. Она хотела что-то дать Лангу — думаю, что-то съестное. Когда я попыталась выбить это у нее из рук... — Линда запнулась, — моя... моя ладонь прошла сквозь ее руку!

Она замолчала, словно боялась, что ей не поверят, и несколько секунд в комнате стояла тишина. Затем заговорил Крокер, и голос его звучал почти столь же резко, как голос Страуда, когда тот обрушился на Ника.

— Ну и как она выглядела — эта ваша девушка-призрак?

— Она... она была примерно моего роста, — ответила Линда. — Я так боялась за Ланга, что не очень-то ее рассмотрела.

Кажется, у нее были каштановые волосы, и одета она была во все зеленое. Спросите у Ника — он видел ее лучше, чем я. Когда моя рука прошла сквозь ее... — Линда замолчала, и все обернулось к Нику.

— Она... да, у нее были каштановые волосы, но с рыжиной. И доходили до плеч. — Ник старался вспомнить как можно больше подробностей. Крокер оттеснил прочь Страуда и слушал столь напряженно, будто Ник говорил что-то чрезвычайно важное. — Она была в зеленом — и еще такой же камзол, как у Герольда, с яблоневою веткой, вышитой золотом и серебром. Хорошенькая... Да, — вдруг вспомнил он, — у нее маленькая темная родинка, вот здесь. — Ник коснулся верхней губы. — Родинку я заметил, потому что у нее белая-белая кожа.

Ник слышал свистящее, словно затрудненное дыхание Крокера.

— Но исчезая, она плакала, — добавил Ник деталь, казавшуюся ему в высшей степени важной.

— Рита! — Летчик подался назад и отвернулся, ссутулившись.

— Или иллюзия, — произнес Хадлетт. — Мы их уже видели, и не раз, Барри.

Крокер так и стоял, отвернувшись, закрыв лицо руками.

— Иллюзию создали бы для нас, мы ее знали. А эти двое — нет! Так чего ради стараться для них? — проговорил он глухо, без всякого выражения.

— Барри прав, — согласилась леди Диана. — Если только Люди с Холмов не хотят, чтобы мы попытались ее найти, и не создали эту иллюзию, чтобы выманить нас отсюда.

— Вот уж это им не удастся! — воскликнул Крокер, по-прежнему ни на кого не глядя. — Мы дали ей это понять давным-давно...

— Что еще с вами произошло? — спросил Хадлетт.

Ник описал, как растаяла, окутанная туманом иллюзия (он решил, что викарий здесь не ошибается), как они вышли по каким-то чужим следам к лугу. Как можно более кратко он рассказал о поимке двух беглецов, о появлении странной светящейся стены, которая, несомненно, спасла их от той же участи, и о возвращении, в котором им помог Ланг.

Хадлетт больше всего заинтересовался таинственной стеной и заставил Ника повторно ее описать, на этот раз со всеми подробностями, какие только тот мог вспомнить.

— Определенно силовое поле, — сказал наконец викарий. — Но до сих пор Люди с Холмов никогда не вмешивались ради кого-либо из нас.

— Рита могла бы, — заметила Джин. — Какая разница, — добавила она. — Ник сказал, что она плакала, и Рита действительно плакала в последний раз. Я думаю, это на самом деле

была Рита, а никакая не иллюзия, созданная, чтобы заманить нас в ловушку. И думаю, она в самом деле спасла их от охотников.

— Она — одна из них! — яростно и грубо обрушился на нее Крокер.

— Да, — печально согласилась она, словно он привел довод, который невозможно оспорить.

— Мы не знаем, — заметил Хадлетт, — сколько человеческого остается в тех, кто принимает предложение. Если Рита нас помнит, я не думаю, что она держит зло. Мы поступили, как должны были поступить, будучи тем, кто и что мы есть. На мой взгляд, очевидно, что нечто, желавшее добра этим двум молодым людям, действительно спасло их сегодня. А это немало.

— Это все в прошлом, — заявил Страуд. — Теперь голова у нас должна болеть о том, что поблизости появились охотники. Нечто в лесу не захотело, чтобы вас двоих отловили, но это еще не значит, что оно и впредь собирается нас оберегать. Мы можем схорониться здесь — на некоторое время, — но ненадолго. Здесь нет никаких припасов, и нам придется вернуться в пещеру.

— У нас есть тайный лаз, — сказал Крокер, который, похоже, рад был переменить тему. — Он выведет нас на другую сторону гряды.

— Но уж больно близко к городу! — возразил Страуд. — Впрочем, может статься, нам не придется выбирать.

Позавтракали они очень скромно. К счастью, воды было в достатке — в дальнем углу большой комнаты, под круглым камнем, находился колодец. Похоже, решил Ник, что дом строился как крепость, предназначенная выдерживать осады.

Страуд устроил военный совет, на котором Ник и Линда очень мало что могли сказать. Благополучное возвращение после ночных приключений казалось теперь Нику незаслуженной удачей. Однако они наблюдали охоту летающей тарелки и таким образом получили предупреждение о грозившей с неба опасности. В конце концов было решено остаться на ферме до вечера, поскольку в доме им ничто не угрожало, а с наступлением темноты двинуться дальше, на сей раз через потайной ход.

Хадлетт указал, что всем следует хорошенько отдохнуть: дальнейший путь потребует большого напряжения сил. И тут заговорила миссис Клэпп:

— Теперь послушайте, что я скажу, — произнесла она с той же твердостью, что звучала порой в голосе Страуда. — Викарий говорит правду — дальше придется туго. Я еще не совсем древняя старушенция, которая еле ноги таскает да ест одну лишь жидкую кашку — пока нет. Но резвости во мне уже тоже нет, и когда надо бежать — я уже не та молодая коза, как была

когда-то. Здесь надежное, безопасное место. Я лучше останусь тут, и мои старые ноги не будут вам помехой. Это всего-навсего здравый смысл, и вы это знаете! — Она переводила взгляд с одного лица на другое, упрямо сжав губы.

— Мод, — мягко начал викарий, — мы давным-давно обо всем договорились...

— Но не об этом! — перебила она. — Тогда и речи не было, что кто-то будет так медленно тащиться, станет обузой и всем из-за этого будет грозить опасность. Вы, сэр, не заставите меня быть вам обузой. Ни за что!

— Вероятно, нет, Мод. Но неужели ты хочешь возложить на нас худшее бремя? Чтобы мы ушли, оставив тебя здесь, и всю жизнь об этом помнили?

Теперь она смотрела вниз, на лежащие на коленях сцепленные руки.

— Трудно... трудно сказать...

— А ты бы ушла, Мод? Если бы я сломал ногу и не мог идти, если бы леди Диана, Джин, Сэм, любой из нас сказал бы то, что сказала ты, — ты бы согласилась?

Он помолчал, она ничего не ответила. Хадлетт продолжал:

— Мы с самого начала так решили, и не отказываемся от своих слов — мы останемся все вместе, что бы ни случилось...

— Нехорошо так говорить. Мы с Джеремайей уже старые, и здесь в безопасности. Вы могли бы вернуться, когда опасность минует.

— Мы справимся, Мод. — Леди Диана подошла к табурету, на котором сидела миссис Клэпп, положила руки ей на сутулые плечи и слегка встряхнула ее с грубоватой нежностью. — Мы побывали во многих переделках и всегда справлялись.

— Это может однажды и кончиться. Я не хочу быть обузой...

— Ты, Мод Клэпп? Да что бы мы делали без твоих знаний о растениях? Помнишь, ты вылечила Барри от лихорадки, когда мы уже потеряли всякую надежду? Мы не можем без тебя обойтись!

— И не забудьте, чем мы обязаны Джеремайе. — Джин опустилась рядом на колени, накрыла загорелыми руками шишковатые, скрюченные артритом, крепко сцепленные пальцы. — Он всегда чувствует, когда рядом появляются Люди с Холмов, и предупреждает нас об этом. Вы с Джеремайей — мы не можем без вас обоих, и мы не хотим.

— Ну и неправильно. — Миссис Клэпп упрямо стояла на своем. — Впрочем, если я скажу «нет», вы еще, пожалуй, вздумаете меня нести. А уж я не потерплю, чтобы меня закинули в корзину, — она чуть улыбнулась, — и потащили. И я сама как следует оттаскаю всякого, кто попробует это сделать; говорю на всякий случай — если вам придет подобная мысль в голову.

— Ты пойдешь своими собственными ногами, вместе со

всеми, — заверил ее Хадлетт. — Думаю, на следующем переходе нам придется больше прятаться и скрываться, чем бегать. Не так ли, Сэм?

— Вы совершенно правы, викарий: когда над головой летают эти черти, да мы еще так близко к городу... Мы выйдем через потайной ход и будем жить на просторе, среди лесов и полей, как Джас Хаггис.

— Я-то знаю, мы не браконьеры и не больно-то горазды прятаться во тьме, как Джас Хаггис, — заметила миссис Клэпп, — и я не поверю вам ни на минуту, Сэм. Мне больше по душе славная уютная кухня, чем все эти скитания. Вернуться в пещеру — ладно, я пойду, но уж вам ни за что не удастся меня снова из нее вытащить.

Джин рассмеялась.

— Я вам припомню эти слова, Мод, когда вы в следующий раз возьметесь за свой мешок для трав и начнете рассуждать, чем его можно было бы набить, будь у вас возможность пойти поглядеть, что растет в округе.

— Обязательно, девочка моя. — Миссис Клэпп усмехнулась. — Напомни мне о моих бедных больных ногах и ноющей пояснице, и обо всем прочем. Да уж, домоседкой я стану, когда выгоню в лес Джеремайю, — чего вам никогда не видеть. Верно, приятель?

Серый кот, вспрыгнувший к ней на колени, поднялся на задние лапы и оперся передними ей на грудь, напряженно вглядываясь хозяйке в лицо, словно понимая каждое слово.

— Так что ждем вечера и отдыхаем, — оживленно заключил викарий. — А там пойдем дальше.

— Пожалуй, это лучше всего, — согласился Страуд.

Но если остальные и отдыхали, то для Ника день тянулся бесконечно. В комнате стало светлее, однако очень душно: узкие щели под потолком пропускали свет, но не свежий воздух. Дверь в комнату с зарешеченным окном была открыта, и Ник видел лежащие на покрытых пылью досках пятна солнечного света.

Все опять вернулись на свои постели, и некоторые, как показалось Нику, спали. Но только не летчик, чья куча листьев была рядом. Крокер все время ворочался, раз или два что-то тихо бормотал. Но поскольку его слова явно не были адресованы Нику, тот не решился с ним заговорить.

Рита — девушка Крокера, которая приняла предложение Герольда и потому более не принадлежит роду человеческому. Нику все вспоминалось, как ладонь Линды прошла сквозь ее вытянутую руку. Иллюзия — но, если это так, ее создал тот, кто хорошо знал Риту. И зачем бы иллюзии плакать? Чтобы он, Ник, мог, вернувшись, рассказать об этом остальным?

У него болела голова, духота была невыносимой. Как можно тише он поднялся, осторожно ступая, пробрался в другую

комнату и подошел к окну, стараясь не касаться решетки. Сквозь окно проникал слабый ветерок, и Ник радостно вдохнул свежий воздух.

Отсюда он не видел ни ведущей к дому тропинки, ни леса. Они находились с восточной стороны дома, а окно выходило на юг.

Словно осколок радуги повис в воздухе — Ник сперва увидел лишь мерцание цветного пятна. Затем оно... отвердело — единственное слово, которое Ник сумел подобрать, чтобы обозначить происшедшее. Пятно приобрело форму, объем и отчетливость сверкающих деталей.

Посреди двора стоял человек и внимательно разглядывал дом. Почему-то Ник уверился, что незнакомец знает, где он стоит, даже если его и не видно в тени за окном. Из-за угла вышло белое животное на тонких и длинных, как ходули, ногах, которые вместо копыт оканчивались лапами с когтями, как у собаки. Но на этот раз оно ступало по земле, а не парило в нескольких дюймах над ее поверхностью.

Жесткий, негнувшийся плащ Герольда был разделен на четыре квадрата — каждый квадрат богато украшен вышивкой. Ник догадался, почему англичане называли его Герольдом, — его четырехцветный камзол очень походил на гербовый щит.

Герольд и его конь интересуются домом. Ник подумывал, не поднять ли тревогу. Однако пока он медлил, Герольд вскочил в маленькое, размером не больше подушечки, седло.

Конь сделал прыжок вверх и воспарил, точно на расправленных крыльях. И хотя Ник прижался к решетке, через секунду-другую он потерял их из виду; то короткое время, что он наблюдал за ними, конь поднимался все выше и выше...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

— Что такое, мой мальчик?

Ник вздрогнул. Он был столь поглощен отбытием Герольда, что не заметил подошедшего сзади викария.

— Там был Герольд. Потом он вскочил в седло, и конь взлетел над домом. — Ник все еще не мог прийти в себя от вида летающего по воздуху коня.

— Конь с Холмов... — Хадлетт тоже встал у окна. Снаружи уже ничего не было видно, кроме части ярко освещенной солнцем стены.

— Ты читал Киплинга, Шоу? В наши дни им не очень увлекаются — новые философы обвиняют его в расизме. Но в одной из его сказок говорится о Людах с Холмов, что мчатся сквозь бурную ночь на своих конях. Киплинг знал старые легенды, возможно, и сам немного в них верил. Стоит только

прочитать его «Холм Пака из Пука», чтобы понять, как волювали его воображение легенды об английской старине. Да, Люди с Холмов и их летающие кони. Были и другие писатели, еще до Кипплинга, которые знали о них, — например, Томас Стихотворец. Раньше они жили в Британии, как и во всех кельтских королевствах. Их следы также можно обнаружить в Бретани, которая ближе кельтской Британии, нежели Франции галлов. Должно быть, в прежние времена здешний мир и наш собственный сообщались...

— Сэр... — Ник перевел взгляд с окна на ястребиное лицо викария, обрамленное серебряными волосами. — Герольд, или то, что стоит за ним, — является ли он таким же нашим врагом, что и люди с летающих тарелок?

Хадлетт не торопился с ответом и не глядел на Ника; взгляд его, скорее, был устремлен мимо последнего, за окно. Наконец он заговорил — медленно, словно тщательно взвешивая каждое слово:

— Люди с летающих тарелок, как ты их называешь, несут угрозу нашему телу, и мы не можем от этого отмахнуться. Но Герольд являет нам не открытую угрозу, он приходит как искуситель. Если принять его предложение заключить союз, то есть согласиться на изменение, — этот мир полностью тебя поглотит. Человек перестает быть самим собой. И возврата к прежнему состоянию не будет... не может быть. Это — отказ от всего, во что мы верим. Принявшие предложение становятся от нас так далеки, словно они никогда и не были людьми. Это, как я уже говорил, род смерти.

— Рита — если мы встретили Риту... — Ник уловил в голосе своего собеседника нотки, свидетельствующие, что последнему не хотелось бы продолжать этот разговор, однако он не мог переменить тему, хотя и не совсем понимал, отчего это так. — Она... она плакала... И, возможно, именно она спасла нас от летающей тарелки.

— Да. Она плакала и тогда, когда приходила к нам в последний раз, а Крокер даже не взглянул в ее сторону. Изменившись, она все же сохранила какие-то человеческие связи. Об этом тоже говорится в легендах об эльфах, феях и простых смертных, которых они любили. Но никогда они не находили счастья, в конце концов им доставались лишь разлука и печаль. Ты говоришь, что Герольд осматривал дом. Значит, ему известно о вас с Линдой, и он предложит вам заключить сделку. Я предупредил тебя, мой мальчик. — Хадлетт положил руку на оконную раму и выглянул наружу. — Такое светлое и красивое место. Построивший ферму, видно, жил здесь спокойно не один год — ведь он обрабатывал поля, собирал урожай, выстроил дом-крепость, стены которого защищали его от опасностей ночи. Хотелось бы знать, как давно это было?

Ник у пришлось — таки вслед за викарием заговорить о другом. В беседе с Хадлеттом он не мог настаивать на предмете, который столь очевидно был тому неприятен.

— Вам встречались места вроде этого, где бы люди жили и сейчас?

— Нет. Эта страна приходит в упадок. Возможно, в этом повинны летающие охотники. Города как будто процветают, стоят целые и невредимые, но земли вокруг полны ловушек. Отнюдь не все из Людей с Холмов настроены к роду человеческого дружелюбно или хотя бы безразлично. Наши сказки населяют великаны, людоеды, ведьмы, тролли. Здесь тоже действуют силы зла, видимые и невидимые глазу, — хотя их меньше, чем мы встречали в этом мире на территории Англии, до того, как нас взяли в плен. Может быть, эта страна моложе, и подобные обитатели не успели заселить ее плотно. Однако мы видели развалины — башен, замков, — которые, несомненно, не принадлежат той Америке, которую ты знал. Это была плодородная, густонаселенная страна. Теперь остались одни города да места вроде этой фермы. На открытых пространствах — бродяги, в небе — охотники.

— Города или Герольд как-то связаны с нашим появлением здесь? — Ник желал знать все, что Хадлетт мог или захотел бы ему сказать. Он полагал, что викарий — единственный из троих мужчин, который мог бы дать себе труд доискиваться до истинных первоисточин. Страуд неизменно был занят конкретными делами, а о Крокере Ник пока знал очень мало.

— Если всерьез относиться к старым легендам, то Люди с Холмов действительно вмешиваются в нашу жизнь. Однако легенды говорят, что они делают это не иначе как появляясь в нашем мире, где могут человека заколдовать или просто физически его похитить. Наше же перемещение — иного рода. Несомненно, города представляют собой развитую форму того, что, за неимением лучшего слова, мы могли бы назвать технологией. Хотя, глядя на такой город, невозможно соотнести его с тем, что имеет наша цивилизация. Быть может, они генерируют энергию, с помощью которой в определенных местах осуществляются перемещения.

— И если бы мы узнали, каким образом нас сюда затащили, мы могли бы вернуться?

Викарий опять помедлил с ответом.

— Ты забываешь о временном факторе, который мы осознали после вашего появления. Судя по сменяющим друг друга зимам и веснам, мы насчитали четыре года — вы же утверждаете, что в нашем мире прошло тридцать лет. И опять же, в легендах говорится о людях, которые, возвратившись, быстро старели и умирали, поскольку изменялся их способ существования во времени.

Ник посчитал дни — три... нет, четыре, — минувшие с тех

пор, как они здесь оказались. А сколько прошло там? Недели? Месяцы? В это было настолько трудно поверить, что по телу пробежала дрожь. Затем он упрямо вернулся к тому, что забатило его больше всего.

— Но охотники с тарелок не могут добраться до городов...

— Да. Мы дважды наблюдали их атаку с воздуха, ты и сам видел, как они пытались сбить Герольда. Похоже, охотники смертельно ненавидят или боятся — не только городов, но и всего, что с ними связано, например Людей с Холмов.

Ник обдумал сказанное. Города дают надежную защиту, земли вокруг полны опасностей. Что, если бы они смогли проникнуть в город, не заключая сделку с Герольдом? Он спросил об этом.

Хадлетт улыбнулся.

— Логично, конечно, поэтому не думай, мой мальчик, что такая мысль не приходила нам в голову. Однако осуществить ее нельзя. Войти в город можно только в сопровождении Герольда, иного пути туда нет. Каждый город окружен невидимой энергетической стеной. А плата за вход чересчур высока. Рано или поздно Герольд появится и предложит тебе сделать выбор, и тебе придется решать, принять его предложение или отвергнуть. Но тогда ты будешь знать, как поступить.

Одно дело, когда тебе о чем-то говорят, и совсем другое — испытать все на себе. Обменявшись с Ником еще парой фраз, викарий вернулся в большую комнату; Ник же остался у окна. Почему они так настаивают, что принять предложение Герольда и измениться — это ужасно? Англичане в один голос уверяют, что делать этого не следует, но Ник никак не мог взять в толк, что же именно здесь такого страшного. С его точки зрения, летающие охотники представляли собой более страшную угрозу — может быть, потому, что он понимал их лучше.

Обдумывая ночные приключения, Ник теперь полагал, что со стороны Риты им ничто не грозило. Он не мог забыть, как по ее щекам катились слезы. В сущности, каждый раз, когда ему вспоминалась эта сцена, она становилась все более отчетливой, все новые и новые подробности всплывали перед его внутренним взором. И ему очень хотелось верить, что именно вмешательство Риты спасло их от плена.

Безопасные города — в них можно войти только в сопровождении Герольда. Только в сопровождении Герольда — звучало у него в ушах. Можно ли захватить Герольда в качестве заложника?

Однако англичане уж наверное рассмотрели вопрос со всех возможных точек зрения. Они отнюдь не глупы, а окружающие опасности обостряют ум, заставляют использовать в полную силу все природные способности.

И все же Ник снова и снова возвращался к этой мысли. Так ли велико могущество Герольда — даже если он обладает

какими-то совершенно невероятными силами, — что его невозможно взять в плен, будь он вестник, или стражник, или кем он там является? Ник знал так мало — за исключением того, что города безопасны, — и страстно желал обрести знания и уверенность.

Ближе к вечеру он ненадолго забылся сном на полу под окном. А когда проснулся, рядом сидел Джеремайя — загадочный, неподвижный, аккуратно прикрыв кончиком хвоста передние лапки, не сводя немигающих зеленых глаз с его лица. В его взгляде было нечто такое, от чего Ник почувствовал себя неуютно. У него мелькнула невероятная мысль, что кот знает, о чем он думает, и забавляется с высоты своего положения, как может забавляться взрослый, слушая рассуждения ребенка о предмете, который пока еще не доступен детскому пониманию.

Ник всегда любил кошек. Старина Джордж прожил у него двенадцать лет. И одним из самых крепких кирпичей в стене между ним и Марго стало то, что год назад она усыпила Джорджа, когда Ник был в Нью-Йорке. Кот состарился, его приходилось носить к ветеринару, он доставлял беспокойство. Поэтому он погиб, а Марго своим сладким голосом объясняла, что негоже старому и больному животному продлевать жизнь, которая тяготит его самого. Но Ник знал, что Джорджа можно было спасти. Он ничего тогда не сказал, не доставил ей удовольствия, показав, как ему больно и как он взбешен этим новым поражением. Джорджа больше нет, и с этим ничего не поделаешь. Однако он мог представить его — как сейчас — во всех подробностях.

Джеремайя издал глухое ворчание, прижав уши, все так же неотрывно глядя Нику в лицо. Ник резко выдохнул, издав почти такое же шипение, как испуганная или рассерженная кошка.

Кот — понимает! Он читает его мысли! Ник был столь же в этом уверен, как если бы Джеремайя с ним заговорил. Но он заговорил сам:

— Ты понимаешь?

Неизвестно, чего он ожидал на это от Джеремайи. Может быть, что тот подаст ему какой-нибудь ответный знак? Но кот не шелохнулся, не издал ни звука, и уверенность Ника начала таять. Воображение... И все же он не мог решительно признать, что ошибся. В наши дни не отрицают телепатии или паранормальные способности некоторых людей — психометрию, предвидение и прочее. И животных, особенно котов, считают медиумами. Ник перебрал все рациональные объяснения того, что, по его мнению, произошло, — однако так и не сумел объяснить этого полностью. К тому же сам-то он отнюдь не был медиумом. Так как же Джеремайя мог читать его мысли и воспоминания и как-то на них реагировать?

Понимал это Джеремайя или нет, Ник продолжал тихонько говорить огромному коту:

— Джордж был на тебя не похож. У него были длинные лапы, и сколько бы он ни ел, а ел он будь здоров как, — Ник улыбнулся, вспомнив, как однажды Джордж умаял пол-индейки, — он никогда не толстел. Скорее можно было подумать, что мы морим его голодом. А еще он отлично охотился. И любил спать на постели, но если повернуться и потревожить его, он сразу выкажет свое неудовольствие.

Джеремайя по-прежнему глядел на Ника. Потом зевнул, поднялся и пошел прочь, каждым движением выражая скуку. Ник почувствовал себя глупо. Было так очевидно, что Джеремайю его рассказ больше нисколько не интересует. Его презрение к Джорджу, которого он, несомненно, причислял к низшему типу кошачьих, явственно читалось в каждом подрагивании задранного хвоста. Не рассказывайте мне о других котах, словно бы говорил он; в мире только один Джеремайя!

Впервые после того, как попал в этот мир, Ник рассмеялся. Джеремайя великолепно мог общаться — по-своему. И даже если он и читал мысли Ника, то взгляды и логика у него оставались кошачьи. Ник может сомневаться, но в то же время следует не забывать то, что он видел, и быть внимательным.

С наступлением темноты, поев, они двинулись в путь. Хлеб Ника давно уже кончился, но оставалось немного сыра и ветчины, и англичане несли с собой маленькие твердые лепешки из спрессованных земляных орехов и сушеных ягод, а также кусочки сушеного жесткого мяса.

Потайной выход был в камине — самом большом из всех, что когда-либо Нику доводилось видеть. Четыре огромных камня в его задней стенке закрывали ход. Ник предложил свой фонарь, и Страуд с готовностью его взял.

— Обождите, я снизу вам посвечу, — распорядился уполномоченный гражданской обороны. — Ступеньки здесь ненадежные.

Он исчез, и Ник увидел начало узкой лестницы, выложенной в стенке дымохода. Они ждали, пока снизу не поднялся яркий луч. Затем в дыру протиснулась леди Диана с Джеремайей в корзине, за ней миссис Клэпп, Джин и Линда с Лангом на руках. За ними сквозь ниакый проем последовал Хадлетт, и едва он начал спускаться, как Крокер подтолкнул Ника.

— Теперь ты. Мне нужно будет поставить на место камни.

И узкий же был этот ход! Особенно для не отличавшихся стройностью миссис Клэпп и Страуда. Однако он скоро кончился, и Ник оказался в горизонтальном коридоре, стены которого тоже были из камня, рядом со Страудом, который продолжал освещать лестницу для летчика.

Тот спустился не сразу. Дважды до них донеслось невнятное

бормотание, свидетельствовавшее, видимо, о том, что Крокеру не удастся поставить как следует на место закрывающие вход камни. Наконец он тоже присоединился к остальным, и Страуд, светя фонариком, повел их по коридору. Идти приходилось гуськом, но все же не протискиваться, рискуя содрать кожу, как по лестнице.

Светлое пятно фонарика танцевало далеко впереди, и Ник шел в почти полной темноте. Воздух был промозглый, на стенах каплями собиралась вода, и стоял скверный запах. Коридор казался бесконечным. Стены были сплошные, ни входа в какой-нибудь подвал, ни бокового ответвления. Ник задался вопросом, как те, с кем он нынче странствовал, вообще его обнаружили. Они называли его тайным лазом, и название это казалось подходящим. На его строительство было положено немало труда — свидетельство того, что строившие его чувствовали необходимость в таком скрытом выходе во внешний мир.

Через некоторое время каменные стены сменились поставленными в ряд деревянными столбами, позади которых была насыпана земля, — работа уже не столь тщательная. Ник взглянул вверх и увидел такие же перекрещивающиеся бревна — толстые стволы, рассчитанные на то, чтобы выдерживать большой вес. Он понадеялся, что они не сгнили за десятилетия. Наконец спустя, как показалось Нику, очень долгое время свет упал на еще одну лестницу, похожую на приставную, ступени которой были отделаны куда менее старательно, чем в дымоходе. Страуд начал по ним взбираться, и через несколько секунд луч осветил дорогу тем, кто следовал за ним. Хадлетт и леди Диана, как могли, помогали миссис Клэпп, но вскарабкалась она не скоро и с большим трудом.

Затем путь освободился для тех, кто помоложе, и они поднялись с большей ловкостью и быстрее. Теперь их снова окружали каменные стены, а высоко над головой виднелся кусочек ночного неба, и в нем ободрающе мерцали одна или две звезды. После затхлого коридора хорошо было вдохнуть свежий воздух.

Прежде чем Страуд выключил свет, Ник успел увидеть обгорелые остатки бревен, которые раньше служили перекрытием для двух верхних этажей. Под ногами в большом количестве лежали обломки, поэтому они взялись за руки, с осторожностью пробираясь в темноте к открытому проему, где когда-то была дверь.

Снаружи эти развалины скрывала густая растительность. Ветви, которые Страуд отвел в сторону и придержал, пока выходили остальные, вернувшись на место, полностью скрыли дверной проем. Гряда холмов теперь поднималась сзади.

Ночь оказалась гораздо светлее, чем можно было ожидать.

Разноцветное сияние поднималось от какого-то находящегося впереди источника, скрытого за деревьями и кустарником.

Страуд распорядился, чтобы они держались ближе друг к другу. Пусть даже уполномоченный гражданской обороны и не был опытным охотником, он, как мог, старался — а за ним и все остальные — ступать бесшумно. Они забирали вправо, и с каждым шагом растительность становилась реже, а свет — ярче, и наконец сквозь ветви Ник увидел город.

Пораженный, он словно прирос к земле, и на него наткнулся Крокер. Ник его даже не заметил, так он был заворочен открывшимся зрелищем.

Город стоял среди чистого поля, и вокруг не было никаких других зданий — именно так, как ему говорили. И шпили его пронзали небо, почти достигая звезд. Он весь состоял из башен и шпилей, длинных и острых, словно копья, нацеленные на талящиеся в космосе чудеса.

Ник был не в силах задуматься, из чего построены эти далекие здания. Он не мог соотнести камень и непрерывную игру света: сияние, исходившее от стен и освещавшее все вокруг, нигде не было ровным и постоянным. Многочисленные оттенки самых разных цветов, и светлые, и глубокие, дрожали, струились, гасли и вновь вспыхивали.

Город казался странным, но не чуждым земле, на которой стоял. В его сиянии виднелась зелень лесов, золото цветов на лугу, красноватая кора деревьев, голубизна бездонного неба, серебристо-серый блеск воды, бледно-розовый туман цветущих плодовых деревьев, румянец созревших плодов... Здесь было весело и радостно смешаны все цвета земли.

Город не пугал, но внушал благоговейный трепет. Пока Ник на него глядел, душа его наполнялась радостным возбуждением. То, что он давно искал, что смутно видел, возможно, во сне, теперь гордо стояло перед ним во всем своем великолепии.

— Иди, ты, дурак! — Крокер схватил его за руку и с силой дернул так, что Ник очнулся. — Что с тобой?

— Это чудесно! — Нику хотелось со всех ног броситься прямо через открытый луг к городу.

— Это ловушка! — Голос летчика звучал непреклонно и жестко. — Она поставлена для нас. Не смотри на него.

Неужели Крокер прав? Ник не мог ему верить. Но далекие башни действительно притягивали, и теперь, когда прошло первое изумление, Ник с некоторым подозрением отнесся к своему страстному желанию бежать туда.

Однако он двинулся дальше с явной неохотой и, пробираясь за Страудом и остальными, старался держаться восточнее, ближе к городу. Крокер не отходил от него ни на шаг, словно боясь, что Ник может внезапно убежать.

Они не успели далеко отойти, как вдруг Страуд свистящим шепотом подал сигнал тревоги, и все замерли на месте. К

западу от них на освещенное пространство вышли несколько фигур. Они сразу узнали длинноногое существо, которое шагало впереди, — «конь» Герольда.

Однако никто не сидел в седле; облаченный в сверкающие одежды хозяин «коня» шел сзади. И с ним трое других — странно подобранная группа.

Там был человек в желтовато-коричневой форме, один из тех, кого у Ника на глазах поймали в сеть, а за ним — за ним, несомненно, шел в скафандре охотник с летающей тарелки. Тем не менее они шагали рядом, словно никогда не были врагами, и оба, не отрываясь, глядели на Герольда. Третьей была женщина.

— Рита! — вскрикнул Крокер.

Ник у казалось, что они находятся слишком далеко, чтобы кого-либо можно было узнать. Однако на лице летчика ясно читалась уверенность, что фигура в зеленом — его утраченная подруга.

С неба донесся пронзительный вой. На этот раз появилась не летающая тарелка, а возникший буквально ниоткуда сигарообразный аппарат. Он ринулся к земле, будто намереваясь воткнуться в нее носом, выстреливая короткими вспышками света. Они ударили в землю вокруг идущих, которые не обращали на них ни малейшего внимания. От обожженной почвы поднимались струйки дыма. Лучи явно встречали какое-то невидимое препятствие, отклонялись и уходили в землю справа, слева и позади ведомой Герольдом группы.

Летательный аппарат у них над головой судорожно метался, словно пилот готов был идти на таран, лишь бы их остановить. Однако при каждом таком нырке корабль мотало из стороны в сторону, и было видно, какого труда стоило экипажу удерживать управление.

И все это время четверо людей и конь, казалось, вовсе не замечали этих отчаянных попыток. Они шли к городу и ни на шаг не отклонялись от прямого пути. Ник мог представить себе разочарование нападавшего.

В конце концов пилот, видимо, признал свое поражение. Аппарат развернулся к гряде холмов и с невероятной скоростью умчался прочь. А они все так же шли ровным шагом — спокойно, бесстрашно.

На Ника это произвело глубокое впечатление. Вот уж у него защита так защита, у этого Герольда. Так он может разгуливать где угодно и ничего не бояться. Если бы только знать, как это делается! Ник задумчиво смотрел на Герольда, размышляя, почему тот идет пешком, а не сидит в седле. Может быть, чтобы прикрыть своим защитным экраном тех, кого он ведет? Знать бы его секрет!

Герольд и его город — тот или другой являлись ключом к

разгадке. Ник был убежден, что они заслуживали тщательного изучения. Герольд покидает город, поэтому разобраться с ним будет проще. Человеку не войти в город без Герольда — но что, если Герольда можно взять в плен? Вполне вероятно, что это совершенно невозможно. Они только сейчас своими глазами видели, как Герольда и тех, кто находится под его защитой, не смогли одолеть силой. И бесполезно пытаться уговорить англичан сделать подобную попытку — до тех пор, пока Ник не придумает какой-нибудь реальный план. Что ж, он будет о нем думать.

То ли ведомая Герольдом группа двигалась быстрее, чем казалось, то ли расстояние было короче, но они уже находились под самыми стенами города.

— Это действительно Рита! — проговорил Крокер. — Она помогает расставлять ловушки на бедных дурачков, ведет их туда! — Он с силой ударил кулаком по ладони. — Она им *помогает!*

— Почему бы и нет? — отозвалась Джин. — Она теперь одна из них.

Девушка стояла рядом с Крокером, не глядя на него, лицом к городу. Она заговорила снова, понизив голос, и Нику стало неловко, поскольку ее слова для него не предназначались, а отойти подальше он не мог.

— Ее больше нет, Барри. И раз ты не можешь ее вернуть — забудь. Ты не будешь снова самим собой, пока не забудешь ее.

— Оставь меня в покое! — Крокер взмахнул рукой. Он не коснулся Джин, но голос его прозвучал почти как удар. — Я знаю, что ее нет, — но оставь меня в покое!

Он бросился вперед мимо нее, и остальные тоже задвигались. Страуд повел свой отряд дальше на восток, вокруг сгущалась темнота, казавшаяся вдвойне плотной и мрачной, потому что это странное величие — это обещание оставалось позади. Ник поймал себя на этой полусознанной мысли. Нет, так не пойдет — он должен освободиться от овладевших им колдовских чар города. Здесь и без того множество ловушек, и ни к чему попадаться в столь явную.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

— Никогда еще такого мы здесь не видели.

Они наконец добрались до своей «безопасной» крепости, до единственного места в этом чуждом и враждебном мире, которое могли назвать домом, и укрывались в нем уже несколько дней. Ник быстро понял, что раньше здесь все было иначе. В гряде огромных камней, скрывавших вход в убежище, они установили наблюдательный пост, и Ник сейчас был в дозоре вместе с Крокером.

— Нынче не поохотишься, ни рыбу не половишь, — продолжал летчик.

Округа потеряла свой пустынный вид, который, как понял Ник со слов англичанина, имела прежде. Мимо их укрытия с севера на юг словно катились невидимые волны, несшие на своих гребнях все новые и новые группы бродяг.

Летающим охотникам здесь было бы раздолье, но, против ожидания, их не было видно. Только бродяги, которые, казалось, в страхе спасаются бегством. Глядя на них, наблюдателям тоже становилось не по себе, однако они не были готовы покинуть свою крепость.

Укрывались они в естественной пещере, которая была расширена и благоустроена руками людей или иных разумных существ. Стены тщательно обработаны, и на них вырезаны линии, частью заполненные крошащейся от времени краской. И еще там был свет. Он удивлял Ника больше, чем наскальные рисунки, — подобные им встречались в его собственном мире. Эти же, укрепленные в каменных стенах стержни, на концах которых вспыхивали языки голубого света, принадлежали цивилизации, технически более развитой, чем та, представлятели которой стали бы жить в пещерах.

Зажигался свет тоже странно. В пещере не было выключателей — свет появлялся под воздействием мысли. Нужно было лишь посмотреть на один из этих тонких стержней, захотеть, чтобы свет загорелся, и они вспыхивали, словно огромные свечи.

Непонятные рисунки на стенах и огни были тайнами этого мира. Все остальное беглецы принесли с собой — постели из сухой травы и листьев, очаг, сложенный из небольших камней, деревянные миски и ложки, которые вырезал Страуд, в прошлом увлекавшийся резьбой по дереву. Они были пещерными жителями, которых окружали следы, оставленные представителями гораздо более развитой цивилизации. Но так легко было оборонять вход в эту крепость, в такой безопасности они себя в ней чувствовали, что не желали перебираться в другое место.

Если подобная миграция будет продолжаться, то Ник вполне понимал озабоченность Крокера. Запасы еды таяли, хоть они и немало заготовили всего, когда были здесь одни. Человек не может охотиться или ловить рыбу и постоянно быть настороже, ожидая нападения. Уже два дня они отсиживались внутри, не рискуя выйти. Бродяги, кажется, не останавливались даже на ночлег. Дважды за одну только прошлую ночь они видели вдали мерцание огней. Ник изнывал от бездействия. Нужно что-нибудь предпринять — узнать, что происходит.

До сих пор он во всем полагался на англичан. Только совершенный дурак ринется очертя голову вперед, не выяснив

предварительно, что его может там ожидать. Однако за последние несколько часов он убедился, что англичане сбиты с толку точно так же, как и он, что такого массового перемещения людей здесь еще не бывало. Вида бродяги были самого разнообразного. Похоже на то, подумал Ник, как если бы мимо, причудливым образом перемешанная, проходила сама история. Однажды он видел индейцев. А позже — троих мужчин с длинноствольными ружьями, одетых в охотничьи рубашки с бахромой времен первых поселенцев. Но были и другие — отряд лучников в стальных шлемах, который сопровождал двух облаченных в доспехи рыцарей. И еще один отряд — в нем были женщины, что редко случалось, — тоже в доспехах, но гораздо более раннего периода, в шлемах с красными султанами, с бронзовыми украшенными чеканкой щитами.

В это утро Страуд выскользнул наружу, укрываясь за камнями и кустарником. Уполномоченный гражданской обороны — единственный, как сделал вывод Ник, кто может ходить в разведку. Страуд намеревался добраться до протекающей к востоку от пещеры реки и оценить там обстановку. Хотя англичане считали пещеру своей основной базой с тех самых пор, как на нее впервые наткнулись, и хотя имелись и другие убежища — например, лагерь у озера и ферма, — они никогда не думали сделать какое-либо из этих мест своим постоянным пристанищем. Они собирались достичь моря и, если возможно (что казалось маловероятным), найти способ доплыть до Англии. Претворяя в жизнь этот общий план, они одно время начали было строить на реке плот, но были вынуждены спрятать результаты своего труда, когда неподалеку вдруг начали летать тарелки.

Теперь Страуду предстояло выяснить, по-прежнему ли охотники патрулируют этот участок, или же есть надежда, что они перенесли свое внимание на тронувшихся в путь бродяг. Если так и если они не смогут переждать это переселение, тогда, возможно, плот на реке станет для них спасением. Ник не очень-то на это надеялся, но знал, что англичане считают иначе.

А он все думал о городе. Если б только узнать, как туда пробраться...

— Я пойду на второй пост и сменю Джин, — сказал Крокер. — Скоро придет леди Диана.

Летчик ушел, Ник остался один. Он был этому рад. Крокер — нормальный парень, однако Ник знал, что летчик не чувствует к нему симпатии, так же как и сам Ник не желал бы сейчас его возвращения. Было очевидно, что Крокер постоянно погружен в мрачные размышления и не ищет общества чужих людей.

А вот викарий — он был Нику симпатичен. И Страуда Ник понимал. Уполномоченный гражданской обороны живо напо-

минал ему нескольких людей, которых Ник знал раньше, — последний из них был тренер Хеффнер в старших классах школы. Миссис Клэпп — он улыбнулся — и Джин... Но Джин, конечно, смотрит на одного лишь Крокера. Ник желал ей успеха на этом поприще, но сильно сомневался, что ей удастся многого достичь.

Леди Диана неизменно всем распоряжалась и организовывала, нравилось это остальным или нет. Тому, кто вздумал бы ей перечить, следовало прежде дважды подумать.

Линда... Мысли его задержались на ней. До того, как встретили англичан, они успели сблизиться, но потом она быстрее влялась в их среду, чем Ник. К тому же после ночного приключения в лесу Линда его избегала, а он, со своей стороны, не делал никаких шагов. Линда — нормальная девчонка, но он отнюдь не собирается прилагать какие-то усилия, чтобы сойтись с ней поближе. То, что они вместе попали в этот переплет, еще ничего не значит.

Ник насторожился — какое-то движение, при полном безветрии вдруг закачались ветви. Стоя в дозоре, ему не раз приходилось видеть также и потревоженных бродягами животных.

А звери подчас бывали самые невероятные. Ник видел серебристых оленей, и дважды — огромных волков, ростом с небольшого пони. Видел совершенно обычных кроликов и стаю диких индеек. Но были и два чудовища такого же фантастического вида, как и те, что сопровождали лесного человека: каждое имело по четыре конечности и тело, подобное телу гигантской кошки, хотя шкура больше походила на оленью, а на длинной шее сидела голова птицы с крючковатым клювом, скорее всего орлиная, покрытая чешуей вместо шерсти или перьев. И еще у них были перепончатые крылья, как у летучей мыши, явно слишком маленькие и слабые, чтобы поднять тело в воздух; выйдя из кустарника на открытое место, существа расправили их с сухим треском.

Ник описал их Хадлетту, и викарий кивнул, словно узнав этот невозможный гибрид птицы и зверя.

— Опингикус.

— Кто?

— Фантастический зверь, встречающийся в геральдике. Вроде тех, что вы видели в лесу, — эйл и энфильд.

— Но... — Ник был совершенно сбит с толку. Он полагал, что геральдика имеет какое-то отношение к щитам, доспехам и средневековым рыцарям и ныне используется порой в производстве декоративных тарелок и кружек, в рисунках на почтовой бумаге. Но реальные животные...

— Действительно, — продолжал викарий. — У нас в округе вымышленные звери не бродят, а здесь — сколько угодно. Они — союзники Людей с Холмов, и нами не интересуются, если им не прикажут. По счастью, это редко случается.

Сейчас, наблюдая, как, колыша ветки, нечто спускается все ниже по склону, Ник размышлял, что же появится — обычное ли животное, которое он сможет опознать, или один из фантастических спутников Людей с Холмов. Однако из зарослей выскользнул, с присущей его роду грацией, Джеремайя. Кот продвигался вперед с некоторым трудом, неестественно вывернув голову, поскольку тащил в зубах большую птицу. Дважды ему пришлось остановиться и перехватить ее заново, но его решимость донести добычу до цели ни разу не поколебалась.

Наконец он добрался до Ника, положил птицу на землю и предупредительно заворчал, пристально глядя на человека.

Безжизненный комок выпачканных в пыли перьев был ярко окрашен, длинные перья в хвосте частью поломались. Птица была размером с курицу, но оперением весьма отличалась от знакомых Нику обитателей птичьего двора.

— Хорошая добыча, — заметил Ник. — Ты более удачливый охотник, чем мы в последние дни.

Кот улегся рядом, вытянув передние лапы, положил на них голову и тяжело вздохнул. Было очевидно, что он притомился, пока тащил трофей. Ник протянул руку к птице, поглядывая на Джеремайю, но кот просто смотрел на него, больше никак не заявляя о своих правах на добычу.

Он убил птицу очень аккуратно, нигде даже не было видно ни капли крови. Ник с удовольствием разглядывал испачканные перья. Цвета яркие, как у попугая, однако нежно переходящие из оттенка в оттенок. Они напомнили Нику ослепительный камзол Герольда.

Герольд... держа птицу в руках, Ник ее уже не видел. Он вспомнил те несколько долгих секунд на ферме, когда был уверен, что Герольд знает о его присутствии за окном. И мысли его перешли на... ну не план, а скорее идею того, чтобы каким-нибудь образом использовать Герольда в качестве ключа к городу.

Одна беда — он пока мало знает о самом Герольде. И хорошо понимает, что с англичанами о нем не поговоришь, для них это — табу. Один Хадлетт кое-что ему рассказал, впрочем, далеко не все, что Ник хотел знать, каждый раз переводя разговор на другое, когда Ник начинал задавать вопросы о таинственном хозяине города. Был ли он действительно хозяином города, или всего лишь гонцом? Статус Герольда может иметь большое значение для того, что Ник хотел предпринять. Если б только он знал...

Хадлетт говорил, что Герольд придет к нему и Линде со своим предложением. Но этого до сих пор не случилось. Да и как может случиться, пока они сидят в этом своем убежище? Если бы Ник встретился с Герольдом, возможно, он сумел бы

выяснить сам... Но раз даже нападение летающей тарелки ничуть его не встревожило, то что же Ник-то может сделать?

Его продолжало грызть желание действовать. Сомнительно, чтобы они смогли неизвестно сколько времени прятаться в пещере при нынешней ситуации. А если то, от чего все бегут на юг, появится здесь? По его твердому убеждению, весьма хрупкая надежда спастись на плоту по реке — вовсе не надежда, а иллюзия, которая может оказаться роковой. В городе же безопасно...

Ник даже удивился, почему он так уверен. Эта мысль не оставляла его с тех пор, как он увидел сверкающие башни, но сейчас он вдруг обрел абсолютную уверенность.

Что-то мягкое коснулось его руки. Наверное, Джеремайя хочет получить обратно свою добычу. Но когда Ник взглянул на кота, тот вовсе и не тянулся за птицей — он терся головой о его руку и мурлыкал.

— Ах ты, котище! — Ник почесал его за ушами, потеревил шею под горлышком. — Ты согласен со мной, верно?

Ник спросил это в шутку — и тут же понял, что совершенно прав. Джеремайя опять проник в его мысли и выражал согласие наилучшим доступным ему способом.

Ник осторожно приподнял его голову и прямо взглянул в кошачьи большие глаза.

— Джеремайя, как много ты знаешь... понимаешь?

Кот отреагировал мгновенно и резко. Мелькнула лапа, когти полоснули запястье. Ник отдернул руку; он явно допустил nepазволительную вольность. Джеремайя заворчал, снова ухватил зубами птицу, промчался мимо Ника и исчез в пещере. И опять Ник не мог бы сказать, где была правда, где — плод его воображения. Надо спросить Линду, не создалось ли у нее впечатление, что в здешнем мире Ланг, если захочет, тоже может общаться.

Ник еще смотрел вслед Джеремайе, когда к нему взобралась леди Диана.

— Было что-нибудь примечательное? — без предисловий спросила она.

— Ничего, только вот Джеремайя вернулся с большой птицей.

— Уж мне этот кот! Мод в буквальном смысле у него под когтем, где все кошки хотят, чтобы мы находились. Хотя должна признать, что он вроде бы способен учуять любого из Людей с Холмов...

— И Герольда тоже? — спросил Ник.

Она внимательно поглядела ему в лицо.

— При чем тут Герольд? — В голосе ее прозвучала враждебная нотка.

— Джеремайя знает, когда он поблизости?

— Даже не могу сказать. — Вопрос, казалось, явился для

нее неожиданностью. — Да, он укажет присутствие кого-нибудь из Людей с Холмов, независимо от того, видим мы их поначалу или нет. Но Герольд... Что это ты им так интересуешься?

— Да я просто подумал — он вроде бы от всего превосходно защищен.

— Спроси Мод, она знает о своем коте все, что можно. Твоя еда ждет, поторопись, пока не остыло.

— Есть, миледи! — Ник изобразил отдание чести, обратившись к леди Диане так же, как Страуд, и спустился ко входу в пещеру, столь хорошо скрытому нагромождением камней.

Линда, как выяснилось, получила наряд на кухню. Неподалеку от нее миссис Клэпп, положив на колени трофей Джеремайи, гладила кота по голове, приговаривая, какой он молодец и умница. Кот самодовольно принимал похвалу, зная, как все кошки, себе цену.

Ник захватил миску и пошел к Линде, которая сидела у очага на сложенной из камней скамеечке и помещивала ложкой в горшке. Ланг сидел рядом, чуть склонив голову набок, неотрывно глядя на огонь.

— Линда, ты не заметила в Ланге чего-нибудь странного?

— В Ланге? — Она взяла у Ника миску, чтобы положить ему еду, и посмотрела на песика. — А что такое? Ланг?

Услышав свое имя, пекинес сел на задние лапки, замахав передними в воздухе, и негромко твякнул.

— Не создалось ли... — Теперь, когда Ник готов был задать свой вопрос, это показалось совершенно невероятным. Ведь вполне могло и похудиться, что Джеремайя как-то ему отвечал. Да нет же, так оно и было! Эта мысль придала ему мужества, и он продолжил: — Не создалось ли у тебя впечатление, что Ланг понимает... твои мысли?

— Мои мысли? — повторила Линда и подняла взгляд на Ника. — Нет, — произнесла она, словно разговаривая сама с собой. — Ты всерьез спрашиваешь? Я тебе говорила — пекинесы очень умны. Он помогает мне многое понять...

— Я не об этом... — начал Ник, но она перебила.

— Я знаю. Ты имеешь в виду что-то вроде телепатии, да? Почему ты спрашиваешь? Ланг читал твои мысли? — Она могла сказать это в насмешку, но Ник решил, что в голосе Линды звучит скорее глубокая заинтересованность.

— Нет. Но мне кажется, что Джеремайя читал.

— Джеремайя! — Линда взглянула на свернувшегося у ног миссис Клэпп кота, и выражение ее лица было несколько хмурое. — Они мне без конца твердят, Джин и миссис Клэпп, какой это замечательный кот, да как он может дать знать, если рядом Люди с Холмов, если вдруг дурное место, или еще что-нибудь в таком духе. Прямо чудо чудное, я не кот. Теперь ты говоришь, он читает мысли? С ума все сошли, что ли?

— И все же, — настаивал Ник, — ты не пыталась выяснить, Ланг как-нибудь изменился?

— Ты хочешь сказать — здесь есть нечто, вызывающее чтение мыслей и все такое? Но тогда почему не мы, а животные?

— Не знаю. — Ему пришлось сказать правду.

— Ланг. — Линда сунула Нику полную миску, пристально глядя на пекинеса. — Ланг...

Песик снова тихонько тявкнул и встал передними лапками ей на колено, когда Линда села на пол, скрестив ноги, и протянула к нему ладони. Она подняла Ланга и держала его так, чтобы его темные навывкате глаза оказались на одном уровне с ее собственными.

— Ланг, ты можешь читать мои мысли?

Ник наблюдал. Спрашивает она всерьез или смеется над ним?

Линда молчала, напряженно глядя пекинесу в глаза; вдруг Ланг потянулся носом вперед и лизнул хозяйку в подбородок. У девушки вырвалось невнятное восклицание, и она так крепко прижала к себе песика, что он протестующе тявкнул.

— Ты... ты прав. Ланг может.

— Откуда ты знаешь? — требовательно спросил Ник. Тут же к нему вернулись все его собственные доводы против подобной уверенности. Он-то хотел, оказывается, чтобы Линда не подтвердила, а, напротив, опровергла его догадки.

— Знаю. — Она не стала объяснять почему. — Ник... нам надо спастись отсюда... вернуться домой!

Девушка проговорила это с таким испугом, что Ник поразился. Словно за то долгое мгновение, когда смотрела пекинесу в глаза, Линда узнала нечто такое, от чего пошатнулся весь ее мир.

— Мы не можем уйти прямо сейчас, — заметил Ник. — Ты не хуже меня знаешь, что творится снаружи.

— Они... — Линда перешла на шепот. — То, что они собираются прятаться здесь... Ник... это не может долго продолжаться. Еды очень мало. А уж чтобы спуститься по реке на плоту... — Тон Линды ясно выражал ее откровенное мнение об этой затее. — Ник, тот или то, что гонится за этими бродягами, которых мы видели, — они все не зря его боятся. Если мы останемся здесь и дальше... Ник, ну так же нельзя!

Линда высказала вслух его собственные мысли, но согласится ли она с той единственной альтернативой, которую он готов предложить: уйти в город?

— Ник, если бы мы вернулись на то место, откуда все началось, как ты думаешь, мы смогли бы тогда возвратиться в наш собственный мир?

Он покачал головой.

— В наших местах с давних пор известны случаи, когда люди исчезали — и не возвращались. Уж не потому, что они мало старались, я уверен.

Линда склонилась вперед, прильнув щекой к мягкой шерстке пекинеса. Волосы ее по-прежнему были подвязаны красной тесьмой, но одна выбившаяся прядь упала на глаза, как короткая вуаль.

— Ник, мне страшно! Мне страшно, как никогда в жизни.

— Наверное, нам всем страшно. И мне тоже, — ответил он откровенностью на откровенность. — Но нужно держаться. Я думаю, что *здесь*, если потеряешь самообладание, ты пропал.

— Да, вот этого я сейчас и боюсь больше всего. Ник, они — Джин... миссис Клэпп, леди Диана — им словно бы все нипочем. Миссис Клэпп — она старая, и думает, что это вроде как испытание ее веры в то, что если ты совершаешь хорошие поступки, то тебе это помогает. Она мне рассказывала. И леди Диана, она всю жизнь за что-нибудь боролась — миссис Клэпп мне о ней тоже говорила. Она многое сделала для деревни, в которой жила. Она чуть ли не силой заставляет людей делать то, что они должны. Не могу представить, чтобы ей было страшно. А Джин... ты знаешь, Ник, она влюблена в Барри. Пока она рядом с ним и с Барри все в порядке, остальное ее не волнует. Единственное, отчего у нее душа болит, — что ему по-прежнему нужна Рита... Но никто из них не боится, как я. А я так боюсь, что однажды сломаюсь у всех на виду, и тогда они будут меня презирать. — Линда склонилась еще ниже, и выбившаяся темная прядь почти совсем скрыла ее лицо.

— Никто тебя презирать не будет! — Ник попытался найти нужные слова. — Ты ошибаешься. Если бы ты могла читать мысли, я готов поклясться, ты бы увидела, что у каждого из них есть предел самообладанию. Может быть, они его еще не достигли, но он есть. Ты хочешь сказать, что нам следует от них уйти? Но здесь у нас больше шансов выжить, по крайней мере сейчас.

— Наверное, ты прав, — согласилась она печально. — Но мне бы хотелось... Нет, я не могу позволить себе хотеть, верно? Я должна мириться с тем, что есть, и исходить из этого. И все же, Ник, мы ведь на самом деле не можем тут оставаться и умереть в конце концов с голоду. Что нам делать?

Прежде чем он успел одуматься, с языка сорвалось:

— Существует город...

— Город? Что ты имеешь в виду?

— Там действительно безопасно — по крайней мере, в отношении летающих тарелок. Мы сами видели тому доказательство. — Теперь он хотел знать, как Линда отнесется к его смутному, недозревшему плану. — Предположим, нам удалось бы проникнуть в город...

— Запросто. Заключить сделку с Герольдом, как Рита. Ник,

но они так об этом говорят — должно быть, тогда происходит что-то ужасное.

— Нет, Линда, сделку не надо. Но представь, что мы смогли бы как-то пройти туда вслед за Герольдом. Или узнать от него самого, как это сделать. — План Ника так и оставался всего лишь предположением, но не выходил у него из головы.

— Я не верю, что ты сумеешь. — Линда заявила это столь категорично, что Ник мгновенно утратил всякую надежду на успех. И затем так же быстро преисполнился решимости по крайней мере попробовать. Однако он не доставит ей удовольствия тем, что примется возражать. Вместо этого он начал есть.

— Ты собираешься попытаться? — Похоже, его молчание раздосадовало ее.

Ник пожал плечами.

— Как? Пока что я не вижу никакой возможности.

— Конечно, нет! Да и не было никогда таких возможностей! — С этими словами Линда поднялась и подошла к миссис Кляпп, которая ошипывала вклад Джеремайи в общие запасы продовольствия.

Ник доел похлебку, вымыл миску в ручейке, который начинался в одной из вырубленных в стенах пещеры маленьких ниш и вытекал наружу по вырезанному в полу желобку. После чего, однако, он не вернулся в центральную часть пещеры, а поставил миску рядом с ручьем и протиснулся в узкую щель, которую ему в свое время показал Крокер. Действительно, настолько узкую, что Страуд, например, в нее бы не прошел. Она вела во вторую пещеру, за которой был проход, и в конце его — крошечное оконце во внешний мир. Сейчас Ник не хотел никого видеть, ни с кем говорить, только спокойно подумать. Перед ним стоит задача. Возможно, решения у нее нет, а может быть, и есть. Как бы то ни было, он должен попытаться с ней справиться.

Ник взобрался наверх к глядящей в мир щелке, оперся рукой о ее край, и тут же под его тяжестью посыпалась земля и подался камень. Ник включил висевший на поясе карманный фонарик и в его ярком свете увидел, что когда-то дыра здесь была гораздо шире, но затем ее заложили камнями. Кладка пострадала от времени, и при некотором старании ее можно было развалить.

Ник принял за работу, пристроив зажженный фонарик на выступ стены. Дел-то всех — немного расшатать камни... Он выберется наружу, чтобы это доказать, и затем сложит камни обратно более надежно.

Ник упирался, проталкивался, извивался и наконец оказался на воле. И только теперь, когда достиг своей цели, он вспомнил, что пора оглядеться вокруг. Сидя на корточках, упершись ладонями в землю, Ник посмотрел вниз, на подножие холма.

Набежавшее облако пригасило сияние солнца, однако не смогло затемнить яркое цветное пятно на земле. Медленно поднявшись на ноги, Ник увидел, что его, возможно опасное, желание исполнилось. Там стоял Герольд.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

В первое мгновение Ник чуть не нырнул обратно в пещеру, но было уже поздно. Он знал, что Герольд успел его заметить, и к тому же совсем не хотел открывать ему потайной лаз. Поэтому он двинулся навстречу незнакомцу.

Насколько Ник мог судить, перед ним был тот же самый Герольд, которого он видел раньше. Человек (если только он таковым действительно являлся) был одного роста с Ником, но гораздо стройнее. Джинсы и футболка американца казались тусклыми рядом со сверкающим великолепием камзола, украшенного богатой вышивкой серебром и золотом.

Камзол был разделен на четыре квадрата, расшитые каждый своим затейливым орнаментом, а на короткой пелерине¹ в миниатюре повторялись те же узоры. Его четырехугольная шапочка, ниже которой волосы так плотно прилегали к голове, что казались нарисованными, имела тонкий золотой ободок, похожий на маленькую диадему.

Лицо Герольда было непроницаемым и бесстрастным: кожа — очень белой, так что опускающиеся к уголкам губ усы тоже выглядели словно нарисованные чернилами. Сперва он не тронулся с места, но едва Ник сделал три или четыре шага прочь от лаза, он тоже легкой скользящей походкой двинулся ему навстречу.

Они остановились друг против друга на расстоянии вытянутой руки. За все это время Герольд не проронил ни слова, и лицо его хранило все то же спокойное, застывшее выражение. И когда он наконец заговорил, это было неожиданно, словно дар речи обрела раскрашенная кукла.

— Я — Авалон.

Он снова замолчал, и Ник сделал вывод, что теперь его очередь представиться.

— Я — Николас Шоу. — Он назвал свое полное имя, чувствуя, что этого требуют обстоятельства.

Герольд слегка наклонил голову.

¹ Пелерина — накидка на плечи, обычно не доходящая до пояса; воротник в виде такой накидки.

— Добро пожаловать, Николас Шоу, в страну Авалона, Тары, Броселианды и Карнака¹, если на то будет твоя воля.

Итак, вот оно — ему предлагают сделку. Ник лихорадочно соображал: нельзя же отказываться сразу, он должен тянуть время и постараться узнать как можно больше. Однако он понимал, что вести подобную игру с этим незнакомцем будет крайне трудно.

— Эта страна не встречает добром пришедших в нее. — Ник старался подыскать такие слова, в ответ на которые Герольду пришлось бы сказать то, что Ник желал знать. — Передо мной вставали здесь опасности, что не ведомы людям моего мира.

Ник сам слегка удивился тому, какие слова произносит. Он точно пытался говорить на иностранном языке, однако слова принадлежали его родной речи — просто он никогда не стал бы так говорить в обычной беседе.

— Это земля чужестранцев. Те, кто примет эту землю, будут приняты ею, и им не будут грозить опасности, что ты видел.

— И каким же образом это происходит?

Авалон извлек из-под камзола маленькую шкатулку, которую со щелчком открыл. Она была круглой, а внутри лежало одно-единственное золотое яблоко — точнее, почти все золотое, и слегка розоватое с одного бока. То ли от него, то ли от шкатулки исходил аромат, столь же соблазнительный, как и вид яблока.

— Вкуси, ибо оно принадлежит Авалону. Так Авалон войдет в тебя, и ты станешь его частью, равно как и он станет частью тебя. Приняв таким образом Авалон, ты сможешь получить все, что он тебе предложит.

— Мне говорили, — начал Ник осторожно, но с надеждой услышать хоть малую толику тех сведений, которые ему так хотелось получить, — что, принимая Авалон, человек расстанется со своим прошлым, перестает быть тем, кем был ранее...

В выражении лица Герольда по-прежнему ничего не изменилось.

— Человек делает выбор, и всякий выбор изменяет человека. Так устроена жизнь, и никому не дано этого избежать. Если тебя страшит то, что Авалон имеет тебе предложить, ты делаешь свой выбор и должен ему следовать. Тех же, кто не желает стать частью этой земли, она отвергает, и не будет им на ней покой.

— Так, значит, в Авалоне есть покой? — Ник постарался изобразить недоверие. — То, что я видел, говорит об обратном.

¹ Авалон (Аваллон от валийского «afal» — «яблоко») — в кельтской мифологии «остров блаженных», потусторонний мир, чаще всего помещаемый на далеких «Западных островах». Символика, связанная с Авалоном, — стеклянная башня или дворец, дарующие бессмертие чудесные яблоки и т. д. Тара, Карнак, Броселианда — в западноевропейской традиции таинственные леса, царства фей.

Я видел, как люди попадали в плен к другим людям, я видел странников, что ни один уголок этой земли не могли назвать своим домом.

— Они по собственной воле отвергли Авалон, посему и Авалон их отвергает. У них нет корней, нет пристанища. И близится день, когда они поймут, что без корней и без пристанища они погибнут.

— Те, кто принадлежит Авалону, выступают против них? — быстро спросил Ник. Слова Герольда — угроза или предостережение?

— В том нет нужды. Авалон никому не враждебен, это место покоя и безопасности. Но к тем, кто остается вне его, приходят Тьма и Зло. Это случалось и раньше, когда Зло надвигалось на землю. Встречая Авалон и Тару, Броселианду и Карнак, оно в бессилии бьется о стены, которые не может сокрушить. Но страшные беды подстерегают тех, кто находится вне этих стен. Зло то прибывает, то убывает, подобно морскому приливу и отливу. Ныне — время прилива.

— Это ли Зло переносит подобных мне в Авалон?

— Не мне отвечать на такие вопросы, чужеземец. Прими Авалон, и ты поймешь.

— Я не могу принять решение сейчас, — уклонился Ник от прямого ответа.

Герольд опять склонил голову.

— Я понимаю — вам, людям, не дано умение четко мыслить, определенные решения даются вам с трудом. Я приду к тебе снова.

Он закрыл шкатулку, спрятал ее обратно под камзол и, повернувшись, пошел прочь своей легкой скользящей походкой так быстро, что не пустился Ник бегом, он неминуемо бы отстал. Однако он твердо вознамерился следовать за Герольдом, хотя бы недалеко. На сей раз тот пеший — без сомнения, Нику удастся за ним проследить...

Поглощенный этой единственной мыслью, Ник ринулся сквозь кусты, стремясь не потерять из виду сверкающий камзол. Одновременно он обдумывал то, что сказал Авалон. По всей видимости, тот назвал себя именем своей земли, словно он — ее официальный представитель и полностью себя с ней отождествляет. И угрожал ли он или просто сообщал, что некая огромная опасность нависла над теми, кто не находится под защитой Авалона?

Массовая миграция бродяг отчасти подтверждает его слова... И неудачные атаки летающих охотников также свидетельствуют о том, что Герольд и его город способны от них защититься. С другой стороны, англичане испытывают явный ужас перед его предложением, хотя Ник так до конца и не понял — почему?

Все это...

Ник замер — сияющее всеми цветами радуги пятно впереди тоже остановилось. Ник нырнул в кусты. Навстречу Герольду из подобного же укрытия выдвинулся человек, высоко занеся увенчанный тусклым металлическим крестом шест.

— Дьявол! — Неизвестный хотел было, как дубинкой, ударить Герольда по голове своим шестом. Но там, куда он целился, Авалона уже не было — он стоял в нескольких шагах в стороне. И снова его неожиданный противник, облаченный в изодранное, грязное платье коричневого цвета, с космой седых волос, с седой же, клочковатой бородой, попытался на него напасть. На сей раз Герольд вовсе исчез из виду.

— Стоять!

На Ника из-за спины пахнуло чем-то отвратительным, и что-то больно ткнуло его между лопаток, подкрепляя приказание. Спустя мгновение этот же голос прокричал что-то еще, чего Ник не разобрал.

Незадачливый противник Герольда в ярости, вызванной неудачей, по-прежнему метался там, где исчез Авалон, тыкал своим шестом в кусты и визгливо выкрикивал какие-то непонятные слова.

После второго окрика из-за спины Ника он наконец перестал сражаться с кустами и, прихрамывая, но, впрочем, довольно быстро заковылял к американцу.

Когда он остановился, опершись на шест, Ник понял, что он одет в монашескую рясу. На его угрюмом лице горели глаза фанатика.

— Встать!

Снова боль между лопатками. Ник поднялся, проклиная в душе и того, кто стоял за спиной, и собственную беспечность, из-за которой так глупо попался.

Монах сунул носом чуть ли не ему в лицо. От его зловонного дыхания и запаха пропотевшей, заношенной одежды Ника замутило. Горящие глаза оглядели его с ног до головы.

— Дьявол! — Монах поднял шест, и Нику показалось, что он собирается со всей силы опустить крест ему на голову. Он отшатнулся и получил сокрушительный удар в висок, от которого рухнул на колени. В ушах зазвенело, голова пошла кругом.

Те двое, стоя над ним, о чем-то быстро посоветовались, затем Ника крепко схватили и вцепились рукой в волосы, так что он не мог двинуть головой. Снова над ним навис крест и, опустившись, больно впился острым концом в кожу на лбу. Монах держал его так в течение долгой-долгой секунды, затем отдернул и наклонился над Ником осмотреть результат.

Он что-то недовольно буркнул, после чего обратился с каким-то приказанием к своему спутнику. Ника поставили на

ноги, заломили назад руки и связали их больно впившейся в тело веревкой. Затем человек, взявший Ника в плен, обошел его, появился у него из-за спины, и Ник наконец его увидел.

Сложением очень напоминавший Страуда, во всем остальном он резко от него отличался. Большую часть лица скрывала грязная борода, поднимавшаяся на скулах чуть ли не до самых бровей, столь же густых и жестких. На голову был надет помятый, изъеденный ржавчиной шлем, имевший выступ, защищавший от ударов нос. Остальная одежда была под стать: ржавая кольчуга поверх рубахи, которая от старости и грязи стала почти черной, кривоватые ноги тесно облегали испещренные дырами штаны, а башмаки грозили вот-вот развалиться.

Однако он был вооружен. На поясе висел меч, с другой стороны — огромный кинжал, из-за плеча выглядывала дуга арбалета. Он достал кинжал из ножен и с вождением поглядел на Ника, нацелив острое ему в горло.

Монах помотал головой — сильно и отрывисто, что отличало все его движения, — и коротко отдал какой-то приказ. Второй ухмыльнулся, в прогале его отвратительной бороды мелькнули остатки сломанных зубов. Схватив Ника за плечо, он толкнул его вслед за монахом, который заковылял вперед, неся свой шест с крестом так, словно это было одновременно и знамя, и оружие, в любой момент готовое к бою.

Яснее ясного, что Ник попал в руки бродяг. Сраженный собственным безрассудством, он все еще не мог как следует собраться с мыслями. Что к этим людям нельзя воззвать как к товарищам по несчастью, он с каждой минутой убеждался все больше. От солдата, подгонявшего Ника мощными тычками, веяло звериной жестокостью. Монах, по мнению пленника, был ничуть не лучше.

Они вышли на берег небольшого ручья, где их встретили еще трое солдат, так похожие на первого, словно все они — братья. Но главными в этой компании были не солдаты: власть, очевидно, делили между собой монах и еще одна особа, сидевшая, привалившись спиной к валуну. Она зубами рвала кусок полупрожаренного мяса, и еще несколько кусков, насаженных на палочки, лежали на угольях сбоку от костра. Жир блестел у нее на подбородке, капал на отделанный кружевом лиф платья, сливаясь со следами прежних трапез. От застарелой грязи ее кожа была серого цвета, тусклые пряди волос выбивались из растрепавшихся кос. Однако черты лица говорили о том, что чисто вымытая и ухоженная, она могла бы считаться красавицей даже в мире Ника. На ее замызганном платье сохранилась тонкая вышивка, а пояс и украшавшие каждый палец кольца были усыпаны драгоценными камнями. На голове красовалась золотая диадема с тусклым голубым

самоцветом. Она казалась безнадежно опустившейся принцессой, сошедшей с картинки из сказки.

Заметив Ника, она отбросила кость, которую со вкусом обглаживала. Сев прямее, она указала на него властным жестом и что-то повелительно проговорила. Что именно она сказала, Ник не понял, хотя отдельные слова показались ему знакомыми. Когда он не ответил, страж снова его ударил.

Однако монах оттолкнул солдата и яростно что-то выкрикнул. Недоброе оживление, появившееся было на лице женщины, когда ее подданный попытался вразумить пленника, погасло, сменившись разочарованием. Она передернула плечами и сделала знак рукой. Один из бродяг поспешил снять с углей и поднести ей очередной кусок мяса.

Тем временем монах встал перед Ником и медленно заговорил, делая паузу после каждого слова. Ник все равно ничего не понял и покачал головой. Взявший его в плен солдат опять выступил вперед. Сперва он довольно почтительно обратился к монаху, затем повернулся к Нику.

— Ты — кто? — проговорил он очень гортанно, но, по крайней мере, вопрос был ясен.

— Николас Шоу — а вы?

Солдат злобно ухмыльнулся.

— Неважно. Ты дьявольское отродье. — Он сплюнул. — Мы держим... демоны увидят... Они задают нам жару, а мы зададим жару тебе.

Затем снова заговорил монах, явно обращаясь к солдату. Облизывая пальцы, его перебила женщина, и при ее словах все четверо солдат громко расхохотались, монах же стремительно обернулся к ней, потрясая шестом. Слушая его словоизвержение, она продолжала улыбаться, но молчала. Солдаты, однако, веселиться перестали.

Ника подтащили к ближайшему дереву, прижали спиной к стволу и накрепко привязали плетеным кожаным ремнем. Монах наблюдал за этим удовлетворенно и с одобрением. Затем Ника оставили наедине со своими мыслями, а бродяги вернулись к костру, расселись вокруг и принялись за еду.

От запаха мяса Ник почувствовал голод. Казалось, уже целая вечность прошла с тех пор, как Линда кормила его похлебкой. Однако сильнее голода его мучила жажда, и смотреть на журчащий в нескольких шагах ручей становилось все нестерпимее.

Казалось, бродяги не торопятся покинуть это место. Один из солдат (точнее, решил Ник, их следовало бы назвать латниками, ибо принадлежащая им потерянная амуниция была несомненно более сродни средневековой, нежели его собственному времени) вывел из зарослей нечищеную, тяжело переставляющую ноги тощую клячу и карнаухого мула. Он подвел их к воде и дал напиться, затем снова увел в кусты.

Монах вытянулся на земле, подальше от костра: послепо-
луденный зной усиливался. Он скрестил руки и крепко прижал
к груди свое необычное оружие. Латники, отойдя на почти-
тельное расстояние от предводителей, последовали его приме-
ру, хотя и сменялись поочередно в карауле, и кто-нибудь один
то углублялся в заросли, то вновь выходил на поляну.

Покончив с трапезой, женщина обтерла пальцы пучком
травы — первый порыв чистоплотности, который увидел Ник.
Подойдя к ручью, она напилась из горсти и снова вытерла
руки, на сей раз об юбку. Постояла, глядя на спящего монаха
и латников, и вернулась на свое место у камня, бросив по пути
быстрый взгляд на Ника.

Однако она не стала спать. Удобно развалясь, она играла
одной из своих длинных кос, что-то тихо напевая. Время от
времени она, не таясь, многозначительно поглядывала на
Ника.

Так же, как прежде почувствовал жестокость латников и
оголтелый фанатизм монаха, Ник теперь ощущал исходявшие
от нее жуткие и отвратительные флюиды зла. Он сам себе
удивлялся. Никогда прежде он не питал такого отвращения к
кому бы то ни было, никогда ему не доводилось пережить
ощущение, что он знает чувства других. Это было похоже на
осознание того, что Джеремайя его понимает, на обострившую-
юся способность, неведомую раньше.

То, что он попал в весьма скверный переплет, было очевид-
но. Они запросто его прирежут, их и приглашать не надо: Ник
готов был поклясться, что женщина просто мечтает об этом.
Пока что он понял одно: они думают торговаться с теми, кого
зовут «дьяволами», и собираются предложить им Ника. И
поскольку именно это слово монах выкрикнул в лицо Герольду,
торговаться они намерены с Людьми с Холмов, припугнуть их
тем, что могут с Ником сделать. От этой мысли мороз продира-
л по коже. Потому что какое Людям с Холмов дело, если его здесь
прикончат? Он отверг предложение Герольда — или, по край-
ней мере, отложил ответ на потом, — значит, Авалон о нем
заботиться не станет. Ему ясно объяснили: Авалон защищает
своих, остальных же постигнет та участь, которую они избра-
ли.

Теперь Ник жалел, что не ответил Герольду иначе. Ему
казалось, что все рассуждения викария об изменении, о роко-
вом неверном выборе — ничто в сравнении с тем, что он
попался в руки бродягам. И все же — он был упрям и знал
это — ничто не заставит его сделать выбор вопреки собственной
воле.

Все его сомнительное приключение началось с того, что он
хотел убежать, быть самим собой и избавиться от опеки и
наставлений. И вот во что это вылилось. За Линдой же в тот
раз он помчался из чувства долга. Примкнув к англичанам,

следовало принять и их образ жизни, просто потому, что Ник слишком мало знал. Глупо было рисковать понапрасну...

Монах храпел, но его жиденький храп почти полностью заглушал мощный хор латников. На поляну вышел дозорный, женщина поманила его и что-то приказала. Он притронулся пальцами к ржавому шлему и ушел туда, где в зарослях находились животные. Она поглядела ему вслед, затем астала и направилась к ручью.

Зачерпнув полную пригоршню воды, она быстро пошла к Нику, роняя по дороге сверкающие капли.

— Aqua... — Она подняла ладони так, что он почти мог дотануться.

Латыны! Она говорила по-латыни!

Ее руки еще приблизились. Вода была у самых губ, и жажда от этого стала просто пыткой. Однако Ник не верил женщине, не верил в то, что ей ведомо чувство сострадания. Это забава, которой ей хочется развлечься. Влага просачивалась меж пальцев и капала ему на рубашку; стоило наклонить голову — и он мог бы напиться. Однако что-то в его душе сказалось «нет», и он прислушался к совету.

Ее улыбка растаяла, и женщина плеснула остатки воды ему в лицо. Она быстро прошла к своему валуну и так же быстро вернулась с маленькой плеткой; рукоять совсем потускнела, но ее украшали грубо обработанные самоцветы. Размахнувшись, женщина хлестнула Ника по лицу, словно полоснула ножом.

Она рассмеялась — несмотря на все самообладание, Ник все же охнул — и стояла, поигрывая плеткой, наблюдая, как действует на него эта угроза. Впрочем, если она и замышляла какую-то новую забаву, монах опять испортил ей удовольствие.

Сев на землю и осознав, что происходит, он буквально взревел от бешенства. Его яростный рев разбудил латников, и они спросонья схватились за оружие, а их товарищ, находящийся в дозоре, с треском вылетел из кустов, готовый прийти на помощь.

Женщина оставалась на месте, слушала монаха, дожидаясь паузы, затем визгливо и злобно что-то проговорила в ответ, однако в конце концов отошла от пленника. По всей видимости, желания монаха по-прежнему оставались главными — только Нику страстно хотелось узнать, в чем они заключались.

Когда стали ложиться вечерние тени, Ник подумал о пещере. Наверное, его уже хватились, но даже если англичане найдут его лаз, то все равно не догадаются, куда он исчез, выбравшись на поверхность, — и ради своей собственной безопасности не решатся отправиться на поиски.

Время от времени он пытался ослабить веревку, которой были связаны руки, но тщетно. Кисти занемели, и выше их руки тоже постепенно теряли чувствительность. Ствол дерева,

к которому Ник был привязан, заставлял его сохранять вертикальное положение, хотя ноги тоже совсем затекли. И он не был уверен, что сумеет сделать хотя бы шаг, даже если каким-то чудом вдруг окажется на свободе.

С наступлением сумерек латники занялись делом. В течение дня на поляне горел только один костер, теперь же они принялись стаскивать дрова и складывать их в некотором отдалении для второго. Монах трудился над сухими ветками, которые отбирал с великой тщательностью. Ножом, снятым с пояса, очистил их от коры и сучков, уверенно и сноровисто связал пучками травы и получил таким образом несколько деревянных крестов.

Собрав их, он приблизился к Нику и стал втыкать кресты в землю, словно сооружая вокруг пленника ограду. При этом он что-то бормотал себе под нос, и Нику время от времени удавалось разобрать какое-нибудь латинское слово. Расставив кресты, монах с громким пением их обошел, коснувшись каждого металлическим крестом на конце своего шеста. Остальные бродяги придвинулись друг к другу и время от времени тоже запевали в такт совершаемой церемонии. Затем они разожгли второй костер, свет которого становился все ярче по мере того, как темнота сгущалась.

Привели лошадь и мула, еще раз сводили на водопой и затем привязали на освещенной площадке между двух костров, а на шею повесили веревки с кусочками железа. В круге света рядом с животными собрались все. Латники вытащили кинжалы и держали в руках, словно готовясь к осаде; монах воткнул шест с крестом в землю и встал неподалеку от Ника.

Похоже было, что они чего-то ждут, и Ник невольно тоже начал вслушиваться в тишину. Временами монах что-то бормотал, находившиеся между костров бродяги устало переступали с ноги на ногу, однако никто из них не терял бдительности.

Медленно сгущаясь, до Ника донесся отвратительный запах, подобный тому, что распространяли вокруг себя обитатели бивака. Но только это было зловоние не тела, а духа — еще одно, доселе неведомое Нику ощущение, но он в нем разобрался. Подобно тому, как приютившая их ферма являлась обителью добра и покоя, то, что надвигалось сейчас, было источником зла и угрозы.

Видимо, его и ожидали люди на поляне. Оно не являлось порождением Авалона. Ник был непоколебимо в этом убежден.

Сырое, тяжелое, тлетворное облако наплывало на поляну. Затем Ник услышал, как что-то с треском ломится сквозь кусты, и чье-то тяжелое дыхание.

Освещенные пламенем костров люди подняли руки, держа на виду железные обереги. Монах же выдернул из земли свой

шест с крестом и приготовился пустить его в ход так же, как в нападении на Герольда.

Все ближе, ближе... Ник заметил, как слева от него закачались ветки куста, оглянулся, желая видеть то, что может оттуда появиться. Из листвы высунулась голова. Похолодев от страха, Ник все же заставил себя ее рассмотреть.

Грязно-белая, морщинистая, трясущаяся голова неведомого чудища казалась ожившим ночным кошмаром. Морда осклабилась, показала клыки и скрылась обратно. С другой стороны на поляну выползла змея, точнее нечто ей подобное. На змеином теле качалась женская голова. Приближаясь, тварь шипела какие-то слова — видимо, люди у костров их поняли, потому что один из латников с криком, полным ужаса и ненависти, рванулся вперед, занеся кинжал, и вонзил его в змеиное тело за улыбающейся головой.

Однако чудовище осталось невредимым, человек же с хриплым вскриком отпрянул назад, забыв о кинжале, закрывая руками глаза, упал и скрючился на земле, а женщина-змея извивалась и поднималась все выше, пока монах не метнул в нее свой шест, и тогда она бесследно исчезла.

Это было только начало осады.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

На поляне появлялись чудовища — одни на четырех лапах, другие телом подобные человеку. Они злобно сверкали глазами, шипели, брызгали слюной, кричали, грозились, затем растворялись во мраке, и их сменяли другие. Пока еще никто из жуткого сборища монстров не напал на освещенных пламенем людей, но самый вид чудовищ повергал в страх и изматывал нервы. А нервы у бродяг уже были порядком измотаны, возможно, предыдущими встречами с этой нечистью.

Когда нечто с головою козла, но с совершенно человеческим, если не считать хвоста и копыт, телом, скакнуло в круг света и начало выделять антраша¹ и кланяться, один из латников запрокинул голову и завыл, как собака. Тот, который взял Ника в плен, обернулся и ударил его с такой силой, что тот упал и остался лежать на земле, тихо поскуливая. Козлоголовый фыркнул, подпрыгнул высоко в воздухе и клацнул копытами друг о друга.

Монах бросился вперед, выставив шест. Козлоголовый тонко взвизгнул и попятился, словно в этом оружии была заключена страшная угроза. Однако вместо него сейчас же появился другой: человеческое тело излучало золотое сияние, а за спиной колыхались два белых крыла. Над могучими плечам торчала совиная голова. Левая рука крылатого чудища покоилась на спине огромного, с лошадей, волка.

— Андрас! — Монах, похоже, узнал это видение. — Демон! Шест снова пошел в ход.

Но на сей раз атака оказалась неудачной: обранный перьями, острый клюв открылся, и послышался какой-то сперва неясный звук. Он нарастал, заполняя собой ночь, раскалывая череп, — Ник уже морщился от боли, а крик становился все громче и громче.

Мука сделалась невыносимой, Ник ничего, кроме нее, не осознавал. И он уже был близок к обмороку, когда увидел, как в тумане, что люди у костров выронили оружие, даже монах бросил свой шест с крестом. Они зажимали ладонями уши, лица исказились от боли; шатаясь, они поднялись и побрели. Не навстречу существу с совиной головой — оно уже исчезло. Нет, спотыкаясь и пошатываясь, они скрылись в кустах, влекомые некоей силой, которой не могли противиться. Латники, за ними женщина, путаясь в подметавшей землю юбке, наконец, монах с застывшим в страдальческой гримасе лицом брели в кишашую призраками тьму.

Ник тоже чувствовал эту силу и бился в своих путах, чтобы подчиниться пронзительному зову, но веревки лишь глубже

¹ Антраша — в классическом балете — прыжок, во время которого вытянутые ноги танцовщика скрещиваются в воздухе несколько раз.

впивались в тело. Он отчаянно рванулся, чтобы идти на зов, — иначе от боли нет спасения, он должен идти! И не мог. Наконец, сломленный, совсем обессиленный, он затих, и лишь терзающие плоть ремни удерживали его на ногах.

Бродяги исчезли, а тощая кляча и понурый мул остались на поляне, пощипывая траву как ни в чем не бывало. Голова у Ника уже не разламывалась от боли, хотя издали до него еще доносился, постепенно стихая, мучительный звук.

Что будет с теми, кто подчинился зову? Ник этого не знал, но был уверен, что они не вернутся освободить или прикончить своего пленника. Еще не совсем придя в себя после пытки, которой подвергся его слух, Ник тем не менее начал понимать, что по-прежнему крепко привязан к дереву.

В свете костров ярко блестели брошенные кинжалы — но были для него так же недосыгаемы, как если бы находились в его родном мире.

Тут сверху донесся какой-то звук, и Ник задрал голову, пытаясь увидеть, что там такое. Уж не летающее ли чудовище?

Что-то лишь мелькнуло перед глазами, но Ник был уверен, что не ошибся. В том направлении, куда ушли бродяги, пронеслась летающая тарелка.

Не для того ли предназначался этот зов, чтобы скрывающиеся в зарослях покинули свое убежище и вышли на открытое пространство, где их легко передовать?

Те чудища — бродяги, похоже, могли их опознать, Ник вспомнил, что монах называл имя существа с совиной головой, — какое они имеют отношение к летающим тарелкам? Впрочем, их могли использовать, чтобы обезоружить и сломить намеченные жертвы.

Но если охотники захватят бродяг, то узнают о Нике! Возможно, уже знают и полагают, что Ник никуда не денется. Бежать отсюда, во что бы то ни стало бежать! В эту минуту летающие охотники казались страшнее любого из чудовищ, которых Ник видел сегодня на поляне, — чудовища могут быть иллюзиями, а тарелки уж точно настоящие.

Бежать, но каким образом? Кинжалы... У него не больше шансов до них дотянуться, чем позвать на помощь Страуда, Крокера или викария. Или встретиться с Герольдом.

Герольд!

Ник сосредоточился, вспоминая, каким увидел Герольда, выбравшись из пещеры, ясно представил себе его сверкающий камзол. Страх понемногу улегся. Волны зла, нахлынувшие с темнотой, рассеялись, и Ник почувствовал на влажном от пота лице свежее, ароматное дыхание леса.

Да, но летающая тарелка! Освободиться прежде, чем ее экипаж окажется здесь! Ник был слишком измучен, чтобы бороться с путами, которые затягивались все туже при каждом движении, руки и ноги стали пугающе бесчувственными.

Герольд... Вместо того, чтобы думать, как спастись, Ник продолжал вспоминать — и Авалон стоял перед его внутренним взором.

— Авалон!

Что побудило его произнести это имя? Лошадь вздернула голову, заржала, и ей отозвался мул. Животные перестали щипать траву и стояли, глядя на дерево, к которому был привязан Ник.

Затем появился он!

Еще один призрак? Если так, то выглядел он чрезвычайно реально.

— Авалон? — Ник произнес это как вопрос. Захочет ли Герольд его спасти? Или оставит на милость летающих охотников, раз Ник не принял его предложение?

— Я Авалон, — услышал он в ответ.

— Вы можете... вы меня освободите? — Ник перешел сразу к делу. Пусть Герольд скажет «да» или «нет», и покончим с этим.

— Каждый должен освободить себя сам. Свобода возможна для всех, но ты должен сделать выбор сам.

— Но... я не могу пошевелиться... даже чтобы взять это ваше бесценное яблоко, если захочу!

Как и прежде, лицо Герольда ничего не выражало; вокруг него разливалось сияние.

— Существует три вида свободы. — Авалон не извлек яблоко. — Есть свобода тела, есть свобода мысли, и есть свобода духа. Дабы стать воистину свободным, человек должен обрести все три...

У Ника в душе закипел гнев. Сейчас время — его злейший враг, и он вовсе не желал тратить его на философские споры.

— Мне от этого не легче.

— Свобода — в тебе самом, — отвечал Авалон, — равно как и во всех живых существах...

Он чуть повернулся и перевел невозмутимый взгляд с Ника на лошадь и мула. За время, что он на них смотрел, Ник успел несколько раз вздохнуть. Затем животные замотали головами с такой энергией, которую до сих пор эти заморенные существа ни разу не проявляли.

Они подошли к зарослям кустарника, сунули глубоко в листву морды и принялись с какой-то явно разумной целью поворачивать головы и выгибать шеи. Веревки с кусочками металла, которые латники намотали им на шеи, зацепились за ветки. Затем каждый из них наклонил голову, дернулся назад — веревки соскользнули и остались висеть на кустах.

Освобожденные лошадь и мул тотчас же подошли к Герольду и склонили перед ним головы. Он протянул руку к сбруям, но не коснулся — упряжи упали на землю, освободив животных от всего, чем их опутал человек.

Однако они по-прежнему стояли и глядели на Герольда, а он на них — словно вели безмолвную беседу. Потом лошадь негромко заржала, мул заревел. Они развернулись и потрусили во тьму.

— Если вы в состоянии освободить их, — запальчиво проговорил Ник, — то можете то же самое сделать и для меня.

— Свобода в твоих руках, лишь ты сам можешь ее обрести.

Ник понял, что Герольд говорит это с какой-то целью, а не из желания ему досадить. Лошадь и мул избавились от своих «оков», но все попытки Ника только вконец обессилили его. Ему не освободиться без посторонней помощи — это просто невозможно.

— Как? — спросил он.

Ответа не последовало.

— Вы же объяснили животным! — сердито настаивал Ник. Герольд хранил молчание.

Свобода, которую лишь он сам может обрести? Возможно, из-за того, что он не принял золотого яблока, Герольд не может или не желает ему помочь чем-либо еще, кроме этого туманного утверждения? Ник оперся на ствол дерева и постарался спокойно подумать. Несомненно, способ есть. Вряд ли Авалон по какой-то неясной причине нарочно его мучает. А если такой способ есть, то у него должно хватить воли, терпения и ума, чтобы его найти.

Тщетные попытки вырваться ничего не дали. Лежащие на земле кинжалы — вот мука! — он видел, но достать не мог.

Итак — что же остается?

Тело было не свободно. Свобода мысли, свобода духа — может ли он воспользоваться ими? Телепатия... Предвидение... Человеческий мозг таит в себе различные силы... Паранормальные способности. Но подобным даром обладают немногие, и Ник к их числу не принадлежит.

Кинжалы... он их видит... свобода мысли...

Авалон ждал. Он больше ничем не поможет. Ник был уверен, что остается рассчитывать только на себя, на свою волю и силы.

Кинжалы... как-то их использовать...

С величайшим напряжением Ник вглядывался в тот, что лежал всех ближе, — тонкий клинок, который выронила женщина. Нож... веревка... они соприкасаются... и он свободен.

Нож... веревка... Не думать ни о чем ином, только об этом узком, отливающим красным в свете угасающего пламени, лезвии, о веревках, стягивающих тело. Нож... веревка....

По лицу катились капли пота. У Ника было странное чувство, будто какая-то его часть пытается оторваться от тела. Часть... словно рука... пытается освободиться. Если он не может сдвинуть кинжал с места силой своего желания... что там насчет руки?

Ник переменял тактику. Кисть... рука... свободная... дотягивается до освещенной площадки. В некоторых случаях тело повинуется приказам мысли, удастся ли сейчас? В воздухе появилось нечто смутное, призрачное: коснулось кинжала. Так, значит, железо этому не помеха! Ник сосредоточился. Кисть, пять пальцев... отведенный большой палец и еще четыре, которые сомкнулись вокруг рукоятки. Вот он, сероватый призрак... стиснувший кинжал.

У него была кисть, но ее нужно присоединить к руке, иначе все теряет смысл. Рука... он представлял себе запястье, затем руку до локтя, до плеча. Снова образовалось нечто туманное и призрачное. Оно слилось с кистью, а другим концом касалось его плеча...

Ну же!

Никогда прежде какие-либо действия не давались ему таким напряжением воли. Длинная-предлинная призрачная «рука» начала стягиваться. Он должен удержать ее — должен!

Ник прерывисто дышал. К себе, тянуть к себе — он должен подтащить кинжал!

Лезвие уже уползло из освещенного круга, перемещаясь по земле короткими рывками, словно энергия Ника то прилиwała, то убывала. Но лезвие приближалось! Ник не чувствовал радости — только необходимость держать и тащить.

Теперь кинжал у его ног, длинная призрачная рука провисла и упала на землю кольцами, как ослабленная веревка. Ник был чуть жив — тяжелой черной пеленой на него навалилась усталость, какой он не испытывал никогда в жизни. Если поддаться ей, он пропал.

Кинжал должен подняться! Поникий призрак уплотнился, кольца слились в более толстую, отчетливо видимую колонну, на конце которой была сжимающаяся кинжал кисть. Вверх! Ник обратился в одно-единственное страстное желание.

Короткими толчками лезвие стало подниматься. Острие кольнуло в колено. Ник поднял кинжал выше, до первого витка опутывавшего его ремня. Режь! Он приказал — режь!

Лезвие двигалось медленно, слишком медленно. Ника охватило было отчаяние, затем он взял себя в руки. Пусть медленно, но все же оно двигается.

Режь!

Лезвие потихоньку елозило по жесткой коже ремня. Лишь бы оно было достаточно острым! Не отвлекаться... думать только об одном... режь... режь... режь!

Обрезанный конец ремня змеей свернулся у его ног; туманная колонна сломалась, вместе с ней упал кинжал. Из последних сил Ник отчаянно забился. Пути спали, и он повалился ничком на землю, полумертвый от усталости.

Он повернул голову и взглядом поискал Авалона. Герольд

исчез. Ник лежал в одиночестве между угасающих костров, перед ним на фоне красных угольков чернел кособокий крест.

Он свободен, но руки по-прежнему связаны, ноги онемели, и нет никаких сил.

Руки — нужно развязать руки. Кинжал. Ник лежал и смотрел на него. Он снова попытался создать руку-призрак, однако сила, породившая ее в первый раз, иссякла. Теперь помогать себе надо физически.

Он с трудом перевалился на бок, скрючился и нащупал лезвие... Как-нибудь бы его закрепить... но онемевшие пальцы не двигались. Закрепить! Извиваясь на земле, Ник весом собственного тела вдавил рукоятку глубоко в прошлогоднюю опавшую листву. Где-то здесь был камень, пододвинуть его... Он терпеливо трудился, пока не решил, что закрепил клинок вполне надежно. Туда-сюда — Ник водил руками по лезвию, даже не зная точно, режет ли оно веревки.

Он не был уверен в этом до тех пор, пока не упали на землю освобожденные руки и не началось мучительное восстановление кровообращения. Затем он заставил себя подняться на ноги и приник к дереву, у которого простоял долгие часы. Лежащий у ног кинжал... железо. Придерживаясь опухшей рукой за ствол, чтобы не упасть, Ник неловко нагнулся и поднял, затем, через силу сомкнув на рукоятке ноющие пальцы, кое-как засунул кинжал за пояс.

Теперь он вспомнил о летающей тарелке, и его вновь охватил страх. Опираясь на дерево, Ник обогнул его, уходя прочь от костров. Однако ноги не слушались, ему казалось, что он вообще не в состоянии идти. Кусты... только бы до них добраться...

Он заковылял вперед. Там, едва различимый во мраке, стеной стоял кустарник повыше и погуще. Ник опустился на колени, потом на живот — и пополз, проталкиваясь под защиту ветвей до тех пор, пока силы не покинули его окончательно, пока не истратил последнюю частицу своей энергии.

И затем им овладел даже не сон, а такая бесконечная усталость, что он не мог и рукой шевельнуть, хотя голова оставалась ясной.

Ник пока так и не разобрался, что же такое он сделал. Механика — да, это понятно: он подтащил кинжал и разрезал ремни. Но как он это смог?

Существуют законы природы. Дома Ника учили, что подобное невероятно, однако здесь эти законы, видимо, не действуют. Герольд говорил о трех видах свободы. Этой ночью Ник воспользовался одним из них, чтобы достичь другого, хотя мог бы поклясться, что сделать этого таким образом нельзя.

Он прикрыл глаза. Не надо сейчас ни о чем думать — не надо удивляться и размышлять. Забыть обо всем. Нужно расслабиться, а не думать, сосредотачиваться, действовать...

Боль понемногу стихает, тело успокаивается... Зло, столь обильно сюда нахлынувшее, ушло. Земля под Ником слегка подалась, принимая его истрадавшееся тело, баюкая его. Листья тихонько гладили его запрокинутое лицо, освежая своим легким ароматом. Он слился с землей, с кустами... Он спасен... в безопасности... в укрытии... Он забылся спокойным, без кошмаров, сном.

Просыпался Ник медленно, не как человек, вдруг разбуженный чувством опасности. Возвращение к реальности было плавным, мягким, сон отпускал его постепенно. Он услышал негромкое щебетание птиц, шорохи...

Ник открыл глаза. Вокруг, совсем рядом, были листья, некоторые нежно касались его лица. Он начал соображать, как и почему оказался здесь. День был уже в разгаре.

Тело ныло, ломило и болело, запястья жгло огнем, и все же он чувствовал себя отлично, каким-то обновленным, как будто страдания плоти ничего не значили. И он продолжал наслаждаться неподвижностью.

Это было не чувство мира и безопасности, что жило в заброшенной ферме, — оно было чуждым, принадлежащим здешнему миру, однако исполненным дружелюбия, словно Ник у разрешили переступить порог двери, ведущей в новую, отличную от прежней, жизнь.

Наконец о себе заявили голод и жажда, и Ник у пришлось тронуться в путь. Он с трудом выполз из своего убежища: руки отекли, запястья изранены. Ручей должен быть там.

Пошатываясь, он двинулся вперед. На залитой солнцем поляне чернели кострища, лежали два кинжала и шест с крестом на конце. Ник прошел мимо валуна, у которого днем раньше сидела женщина, упал на колени у кромки воды. Потом лег, погружая в воду лицо, жадно глотая студеной влагу, окуная в нее израненные руки, отчего их жгло, как огнем. И сонное умиротворение улетучилось.

Судя по тому, как припекает солнце, время, должно быть, около полудня. Сумеет ли он найти дорогу обратно к пещере? И ищут ли его? Улетели ли тарелки охотников?

Оглядевшись, Ник решил, что после того, как бродяги покинули поляну, на нее никто не приходил. Он подобрал кинжалы, но шест с крестом оставил лежать на земле. Затем медленно осмотрелся, тщетно пытаясь определить, в какую сторону идти.

Под деревьями можно укрыться от летающих тарелок, но в лесу достаточно своих странных обитателей. Можно пойти вдоль ручья — только куда он выведет? Насколько Ник знал, рядом с пещерой никакого ручья не протекало. К тому же он голоден...

Мысль о рыбе побудила его все же отправиться по берегу, хотя он понятия не имел, как будет ее ловить, даже если и

увидит. Впрочем, вскоре он набрел на кусты, богато усыпанные ягодами.

При его приближении испуганно вспархивали птицы, но тут же снова возвращались и принимались склевывать урожай.

Ник жадно набирал полные пригоршни спелых ягод и высыпал в рот, руки быстро стали темными от сока. Черная смородина, решил он, причем очень густой ягодник. Он обогнул куст, торопливо его обирая, и неожиданно услышал сопение. Чуть дальше, в сердце ягодного изобилия, Ник увидел мохнатую коричневую тушу. Он отпрянул обратно за куст и подался прочь. Медведь, если и в самом деле это был медведь, не обратил на него внимания, поглощенный своим занятием. Что ж, Ник будет держаться своего края ягодника, а лесной хозяин пусть останется на том.

Отступая, Ник вдруг вздрогнул от резкого крика и отпрыгнул назад. Перед ним, явно испуганный и рассерженный, стоял....

Ник только моргнул, когда существо метнулось прочь и скрылось в высокой траве. Он не сделал ни шага вслед, даже не знал, хочет ли увидеть его еще раз.

Однако в подтверждение того, что Ник действительно видел, на земле осталось лежать лукошко. Ник нагнулся к нему и поднял. Крошечное — он смог продеть под ручку всего два пальца — и очень красиво сплетенное из сушеных разноцветных травинок.

Ник собрал и осторожно сложил обратно высыпавшиеся ягоды и добавил еще горсточку, чтобы лукошко было полным. Става его на место, Ник бросил взгляд на траву, в которой скрылся негодующий владелец лукошка, надеясь, что тот за ним наблюдает.

— Прошу прощения, — сказал он очень тихо, помня о медведе.

Затем, не оглядываясь, направился дальше. Его изумление поутихло. Викарий не раз говорил, что здесь оживают легенды, — а разве мало было преданий о настоящих «маленьких народцах» — эльфах и гномах? Хотя последние, кажется, должны жить под землей и искать сокровища.

Ник больше не сомневался, что видел крошечного человека или похожее на человека существо, в зелено-коричневой, пятнистой одежде, в которой хорошо прятаться в лесу. И уж конечно, видел он здесь вещи и почуднее.

Гномы, эльфы... Ник пожалел, что так мало о них знает. Прежде чем соваться в этот мир, следует хорошенько почитать старые волшебные сказки. Прав ли Хадлетт, утверждая, что когда-то в прошлом Люди с Холмов могли проникать в их собственный мир, что, возможно, их туда даже изгоняли и что из-за этого и рождались волшебные сказки? Некоторые их персонажи были к человеку добры, Ник это помнил. Но

встречались и другие — ведьмы, великаны, людоеды, драконы...

Ягоды уже не казались такими сладкими. Он покинул ягодник и направился дальше вдоль ручья, внимательно глядя под ноги и осматривая кусты вокруг. Кто за ним следит? У него в мыслях нет ничего дурного, но понимают ли это они? Здесь могут быть и бродяги, такие же мерзкие типы, как те, от которых он спасся столь чудесным образом. Уж они-то точно Людям с Холмов первые враги, и смогут ли те отличить безобидного путника от злобного разбойника?

Он надеялся, что они имеют такую же защиту, как Герольд. Крошечный человечек и его народ были Нику очень симпатичны. Герольд... Куда Авалон тогда подевался? И почему покинул Ника? Хотя он и подсказал, как спастись, он исчез. Смогут ли товарищи Ника воспользоваться теперь его знанием?

Ник медленно осмотрелся, пытаясь сориентироваться. Он хотел вернуться в пещеру и рассказать, что с ним произошло. И они должны ему поверить! По сравнению со всеми прочими невозможными вещами, которые здесь постоянно происходят, его рассказ не покажется уж совсем невероятным.

Кажется, ему надо идти левее. И лес там вроде бы не такой густой. Если пойти напрямик... он решительно двинулся вперед.

По пути ему встретилось еще несколько смородиновых кустов, и он на ходу сорвал несколько горсточек. Однако дальше под деревьями кусты не росли, и Ник заторопился, пытаясь избавиться от ощущения, что за ним пристально следят чьи-то глаза, что вот-вот перед ним предстанет какой-нибудь лесовик со свитой невиданных зверей. Но даже если его и сопровождал кто-то невидимый, он решил Ника не трогать. Затем Ник увидел тропинку со следами оленьих копыт, которая вела туда же, куда направлялся и он. Свернув на нее, он с удовольствием прибавил шагу.

Ник вышел на опушку уже к вечеру. Постоял, оглядывая небо, — нет ли тарелок охотников. С криком летели большие птицы, целая сверкающая ярким оперением стая. Они кружились невдалеке над полем, резко ныряя вниз и вновь поднимаясь.

Казалось, они раз за разом облетают какой-то предмет. Ник благоразумно притаился в укрытии и продолжал следить. Солнце ярко светило, но он ничего не видел...

Или видел? Что-то там все же было, что-то поднималось к небу, подобно башням чудесного города. Но такое прозрачное, что, в сущности, невидимое. Чем дальше Ник наблюдал за птицами, тем больше убеждался, что это так. Наконец кружившаяся стая вытянулась в линию, и птицы стали снижаться, поочередно исчезая из виду там, где, как полагал Ник, что-то возвышалось.

Он протер глаза. Оно... оно становилось все более видимым.

Башни... как в городе, но ниже и числом меньше. Они постепенно теряли прозрачность, приобретая твердость и объем. Теперь перед Ником стояло что-то похожее на обнесенный стеной средневековый замок.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

С виду замок окончательно принял осязаемые формы, однако был лишен сверкающего многоцветья города. Радужные огни не играли на стенах, не избегали на башни, не светились в небе. Замок был серовато-белый, словно построенный из природного камня.

Хотя птицы больше не появлялись, Ник увидел какое-то движение. Обращенная к нему часть стены медленно опустилась, превратившись в подъемный мост, словно замок был окружен рвом. По нему проскакали облаченные в яркие одежды всадники.

Впереди ехал Герольд. Ник сразу же узнал его камзол. За ним, на летающих скакунах, еще четверо, разбившись на пары. На них были камзолы того же покроя, что и у Герольда, но сочного зеленого цвета. И на груди у каждого было вышито лишь по одной эмблеме, которые Ник с такого расстояния не мог разглядеть.

Казалось, кони идут спокойно и не торопясь, однако впечатление это было обманчиво, и совсем скоро всадники приблизились к Нику. Он больше не прятался, уверенный, что они не причинят ему вреда, желая узнать как можно больше о них, и об их странном замке.

Однако ни Герольд, ни его спутники не обратили на Ника внимания. Они скакали в полном молчании, глядя только вперед, и их лица были неподвижны и бесстрастны. Когда они подъехали ближе, Ник увидел, что у двоих длинные, до плеч, волосы, и в одной из всадниц узнал Риту. Их спутники не походили в точности на Герольда и, возможно, когда-то, подобно Рите, были обыкновенными людьми.

Теперь Ник рассмотрел вышитые блестящими золотыми и серебряными нитями узоры на камзолах. Каждый из них представлял собой ветвь какого-нибудь дерева. У первого мужчины, несомненно, был вышит дуб — очень точно изображены листья и золотые желуди. Рядом с ним ехала Рита, с изображением яблоневой ветви на груди. Ветки, вышитые на камзолах второй пары, усыпанные серебряными цветами, Ник не узнал.

Они двигались бесшумно, поскольку лапы их коней касались земли без единого звука, и глядели прямо перед собой, словно замороженные.

Ник сперва хотел остановить их, однако у всадников был

настолько отрешенный вид, что он не отважился и лишь молча проводил их взглядом.

У самой опушки длинноногие скакуны начали подниматься в воздух, и, словно по команде, из поднебесья тут же спустилась пара огромных белокрылых птиц. Дважды облетов вокруг всадников, они устремились вперед во главе кавалькады.

Когда все скрылись из виду, Ник обернулся взглянуть на замок. Он думал, что тот сейчас же исчезнет, однако в сумерках замок казался даже более реальным, чем прежде. Только проем в стене снова был закрыт поднявшимся мостом.

Его разбирало любопытство. Не подойти ли поближе? Ник присел на корточки, всецело поглощенный замком. Настоящий он или нет? После всех здешних приключений Ник уже не мог полностью доверять своим глазам. Подойти проверить или не стоит?

— Николас!

Громкий шепот разом вернул его к реальности. Схватившись за кинжал, он обернулся к кусту, из которого донесся окрик.

— Кто здесь? — Ник, готовый к бою, сжимал клинок, хотя еще никогда в жизни не поднимал оружие на другого человека.

Осторожно приподнялась ветка, и сквозь листву Ник разглядел лицо викария. С облегчением сунув кинжал обратно за пояс, Ник обогнул куст, в котором прятался сам, и через минуту стоял перед Хадлеттом и Крокером.

— Как вы меня нашли?

— Где ты был?

Вопросы прозвучали одновременно, и в резком тоне Крокера слышалась злость.

Однако викарий ободряюще взял Ника за локоть.

— Какое счастье, мой мальчик. Ты в безопасности!

— Теперь — да, — ответил Ник. — Если кто-нибудь здесь вообще может считать себя в безопасности.

Необычайно быстро стемнело. Взглянув на небо, Ник увидел надвигающиеся темные тучи; вдалеке сверкнула молния, и донесся приглушенный раскат грома.

— Что произошло? — сердито настаивал на объяснении Крокер.

— Меня поймали бродяги... — Ник был краток. Викарию он мог бы рассказать и подробнее, но его натянутые отношения с летчиком не располагали к откровенности. Ник не принял предложение Герольда — и все же был убежден, что стал несколько иным, не тем, что прежде. А если англичане рассматривали изменение как угрозу и считали ее достаточным основанием, чтобы отвернуться от человека и прогнать его прочь, то не следовало давать Крокеру хороший повод отделаться от Ника.

Послышался второй раскат грома — гроза приближалась.

— Надо бы поискать укрытие, — заметил Хадлетт. — Скоро хлынет ливень.

— Там? — Крокер указал на замок. Хотя стены его не светились, на башнях кое-где сверкали искры, словно в окнах виднелись зажженные светильники.

Ник подумал: видели ли они, как замок возник из ничего в чистом поле? Но хотя он сгорал от любопытства, замок не влек его к себе столь же неодолимо, как город.

— Пожалуй, мы можем успеть до дождя в одно место, которое я знаю. — Хадлетт не ответил на реплику Крокера. — Если отправимся сейчас же.

Именно он, а не летчик, повел их сквозь заросли на запад вдоль кромки леса. Первые крупные капли упали с громким стуком прежде, чем они добрались до обещанного укрытия.

На земле лежало огромное поваленное дерево. Его вывернутые корни уже успели порости травой, и, раздвинув этот зеленый занавес, можно было забраться в укромную норку, где хватило места для троих, хоть и пришлось сидеть, тесно прижавшись друг к другу.

Отдельные капли все же просачивались внутрь, но их было немного. Едва все устроились, как Крокер снова принялся за расспросы.

— Значит, тебя поймали. Кто?

Ник принялся описывать шайку бродяг. Раз или два викарий его останавливал и просил рассказать подробнее — когда Ник говорил о монахе. Однако когда Ник дошел в своем рассказе до осаждавших лагерь чудовищ, Крокер зашевелился.

— Змея с женской головой? Штука с головой совы? И ты воображаешь, что мы в это...

— Ламия... и Андрас, — проговорил викарий.

— Кто-кто? — воинственно переспросил Крокер.

— Ламия — змея-демон, которая часто упоминается в древней мифологии. И Андрас...

Теперь вмешался Ник:

— Именно так его называл монах — во всяком случае, очень похоже!

— Андрас, великий князь преисподней. Того, к кому благоволит, он учит убивать своих врагов, будь то господа или слуги. В армии обреченных командует тридцатью легионами. — Викарий, казалось, зачитывает официальную справку.

— Но вы же не верите в... — снова пытался возразить Крокер.

— Я — нет, и вы, Барри, тоже. Но если бы кто-нибудь верил в князя преисподней Андраса и в то, что Ламия является, дабы раздавить своим змеиным телом человеческую душу, — то разве здесь не самое подходящее место для их проявления?

Ник уловил его мысль.

— Вы хотите сказать — те кошмары, в которые человек верит, они реально существуют здесь?

— Я пришел к такому выводу. И если это действительно так, то и противоположные силы — ведь верят же люди в добро — тоже должны себя проявить. Однако человеку легче поверить в реальность зла, нежели в абсолютное добро. Это проклятие, которое мы несем в себе до самой смерти. Для тех несчастных здесь — ад, но они сами его себе создали.

— Эти бродяги были воплощением зла. — Ник употребил выражение, которое вряд ли бы пришло ему в голову в его родном мире. — Вы их не видели. Эта женщина... она была... ну, ее можно назвать дьяволицей. И монах — фанатик, ему бы еретиков сжигать в религиозном экстазе. А остальные — в наше время они были бы уличными грабителями, им доставляет удовольствие избивать людей.

— Сэр, — обратился к викарию Крокер. Он, видимо, слушал вполуха, поглощенный собственными мыслями. — Если они верили, что могут увидеть чудовищ и бесов, и увидели их, то как по-вашему, мы тоже можем вообразить себе такую чертовщину?

— Весьма вероятно. Но мы с вами — из другой эпохи. Наши демоны — иные. Они, я бы сказал, не имеют обличья. Наше зло абстрактно, хотя и не становится от этого меньше. Мы больше не предаем анафеме Сатану, его происки и его посланцев. Теперь мы говорим о грехах наций, о зле, порожденном войнами, развитием промышленности, изуверством. Абстрактные, если хотите, безликие демоны. Мы говорим о «них», ответственных за то или это. Но «они» редко имеют конкретное имя и конкретное тело. Тот монах верил, что его демоны имеют индивидуальность, имена, определенный статус — они и явились ему такими. Мы не можем вызвать здесь наших демонов — они не имеют обличья. В нашем мире всегда было и есть огромное зло, однако его облик и формы проявления менялись от века к веку, и для нас оно перестало быть персонафицированным.

— А Гитлер? — возразил Крокер.

— Да, наше поколение видит в нем демона. А в чем — ваше поколение, Николас?

— Ни в ком и ни в чем конкретно. Именно так, как вы сказали, сэр.

— Все это очень интересно, — вмешался Крокер. — Но как же тебе удалось улизнуть от этих типов? Тебя развязал какой-нибудь демон и исчез затем в облаке дыма?

Ник замаялся. Разговор приближался к тому, о чем рассказать он не решался. В этом мире приходилось верить во множество невероятных вещей, но поверят его собеседники в то, что произошло?

— Ну так что? — Голос Крокера стал еще жестче. — Что же все-таки случилось потом?

Ника приперли к стене — нужно было говорить правду, а значит, сказать и про Авалона. Но он умолчал о своей первой встрече с ним, и это могло навлечь на него подозрения.

— Ты в затруднении, Николас, — проговорил викарий настолько же мягко, насколько тон Крокера Ника раздражал. — Тебе нелегко объяснить происшедшее.

Хадлетт говорил так, будто все знал сам, и Ник понял, что тот почувствует любую увертку. Он собрался с духом.

— Это началось раньше... — Торопясь, он принялся рассказывать о встрече с Авалоном, опасаясь, что если будет колебаться дальше, то мужество покинет его.

— Повтори-ка эти названия! — прервал Хадлетт в том месте, которое самому Нику казалось ничем не примечательным. Однако он повиновался.

— Он сказал: «Авалон, Тара, Броселианда и Карнак».

— Великие святыни кельтов, — пояснил Хадлетт. — Места, которые многие и поныне считают средоточием психической энергии. Хотя местонахождение Авалона не было до сих пор с уверенностью определено. Согласно легенде, он где-то на западе. И герольды с такими именами... да, все соответствует...

— Чему соответствует? — спросил Крокер.

— Принципам древней геральдики. Герольды Британии получали имена по названию основных графств — например, Йорк, Ланкастер, Ричмонд. Имена, которые носили помощники герольдов, восходили к древним символам королевства. А герольдмейстеры, которым подчинялись и те, и другие, именовались в честь провинций — Кларенсо, Норруа, Ольстер и так далее. Если сведения Николаса верны, то здесь должно быть четыре Герольда, и каждый носит имя одного из древних святилищ нашего с вами мира — не исключено, что именно они когда-то были воротами в мир здешний. Тара находится в Ирландии, Карнак и Броселианда — в Бретани, но все это наследие кельтов. Кстати, именно к кельтским повериям восходят наши легенды о Людях с Холмов. Хотел бы я знать, кто здесь герольдмейстер?

— Не понимаю, какое отношение это имеет к нам? — возразил Крокер. — Мы все знаем, что представляет собой этот Герольд и что он делает с дурачками, которые его слушают. Похоже, Шоу, что и ты заслушался его речей. Что он тебе предложил — что-нибудь стоящее?

Ник сдержался; он ожидал подобных подозрений.

— Он предложил, — с расстановкой заговорил Ник, — золотое яблоко и безопасность этого мира. Говорил о грядущей страшной угрозе, о том, что Зло уже не раз охватывало эту

землю прежде и что оно надвигается вновь. По его словам, не пострадает лишь тот, кто примет причастие Авалона.

— Золотое яблоко, — задумчиво повторил Хадлетт. — Да, опять символично.

— И смертельно опасно! Не забудьте, сэр, — смертельно опасно!

— Да, — согласился викарий, но в голосе его прозвучала какая-то странная нотка.

— Значит, ты встретил Авалона — что было дальше? — Крокер вернулся к рассказу Ника. — Твои латники его тоже сцапали?

— Они пытались. То ли поймать, то ли убить. Монах пытался.

Ник рассказал, как монах безуспешно орудовал своим шестом с крестом на конце и как Герольд исчез.

— Значит, так они тебя поймали. А теперь недурно было бы услышать, как ты от них улизнул.

Ник рассказал о неодолимо влекущем мучительном звуке, о том, как ушли бродяги и он был оставлен на произвол судьбы. Он не стал говорить о собственных страхах, а сразу перешел к возвращению Герольда, к сцене с лошастью и мулом. Затем, подбирая самые убедительные слова, он поведал и об остальном.

Его больше не перебивали и молча выслушали рассказ до того момента, когда на пустом месте из воздуха возник замок и из него выехал Герольд с четырьмя спутниками.

Именно здесь викарий задал вопрос, но отнюдь не тот, что Ник мог бы ожидать, — не о том, что он делал, а о вышивках на зеленых камзолах у свиты Герольда.

— Дуб и яблоня, и двое с белыми или серебряными цветами, — повторил Хадлетт. — Дуб и яблоня — очень древние символы. Символы могущества. Два других... интересно... Но было бы лучше мне на них взглянуть. Боярышник? Бузина? Удивительно — старые-престарые поверья...

— А мне удивительно, — веско проговорил Крокер, — что ты еще здесь, Шоу. Ведь ты взял яблоко?

Ник ожидал этого обвинения. Как доказать, что оно ложно?

— Видно ли, что со мной произошли те изменения, о которых вы говорили, сэр? — не ответив на вопрос летчика, обратился он к викарию.

— Изменения... какие изменения? — рассеянно переспросил Хадлетт.

— Которым подвергаются те, кто принимает предложение Герольда. Я его не принял. Хотите, чтобы я поклялся? Или вы можете убедиться сами? У вас в этом больше опыта, чем у меня. Я не могу объяснить, что со мной произошло — когда я спасся. Герольд говорил о свободе, и я просто попытался использовать то, что он имел в виду, насколько я его понял. У меня

получилось, хотя я не могу сказать, как и почему. *Но-я-не-брал-яблоко*, — с расстановкой и как можно убедительнее проговорил Ник, затем повторил последнюю фразу. Быть может, Крокер и не поверит, однако Ник надеялся на Хадлетта. — Изменения, — снова произнес викарий. — Ах да, то, о чем мы с тобой говорили раньше.

Тон его показался Нику до обидного отрешенным, словно викария это ничуть не заботило. Но все же Хадлетта нужно привлечь на свою сторону до того, как они вернутся в пещеру. Ник был уверен, что Крокер окажется не одинок и у остальных возникнет то же самое подозрение. Джин всегда поддержит летчика, что бы тот ни утверждал, да и Страуд вряд ли сильно Нику обрадуется, едва только Крокер заговорит. Но он хорошо знал, как все прислушиваются к Хадлетту. Если викарий будет за него, Нику обеспечена надежная поддержка.

Но что делать дальше, Ник не имел ни малейшего представления. Он искренне верил, что Герольд не солгал, предупреждая о грядущей опасности. К тому же после встречи с бродягами и их чудовищами, будь те настоящие или призрачные, собственный опыт Ника наравне с угрозой, исходящей от летающих тарелок, заставляли думать о том, чтобы получше изучить Авалон и его обещанные блага. Безопасность — вот что, полагал он, необходимо искать. При этом он совершенно не верил в успех затеи с плотом. У них нет даже оружия, которые они могли бы противопоставить вооружению взявших Ника в плен средневековых бродяг. Рогатки против мечей!

— Я верю тебе, Ник.

Он чуть не вздрогнул. Хадлетт так медлил с ответом, что Ник уже ждал самого худшего.

— И я также думаю, что обретенные тобой знания смогут в будущем пригодиться всем нам, — продолжал викарий. — Видимо, придется провести здесь время до утра, однако чем скорее мы вернемся в пещеру и обсудим все это, тем лучше.

Крокер что-то пробурчал, так тихо, что Ник не расслышал, хоть они и сидели, плотно прижавшись друг к другу. Однако он не сомневался, что летчик остался при своем мнении, которое Нику несколько не удалось поколебать. Все же он приободрился — если викарий его поддержит, то остальные, по крайней мере, выслушают.

Снаружи бушевала гроза, полыхали молнии, оглушительно гремел гром и на землю обрушивались потоки воды. Даже в своем укрытии, защищенные от неистового ливня, они промокли.

Ник подумал о Герольде и его спутниках — едут ли они сейчас в небе сквозь этот разгул стихии? А летающие охотники — как бури влияют на тарелки? В пещере сухо, а уж город и давно отличное укрытие. Город...

Его старая задумка о том, как бы, используя Герольда,

проникнуть в город и узнать его секреты, не принимая условий Авалона... Можно ли ее осуществить? Ник очень сильно сомневался, но изнывал от желания попробовать.

Условия Авалона... Герольд спас его в лесу, указав, что нужно делать. Ник подумал об искусстве концентрации, и рука его вновь потянулась ощупать рукоятку кинжала, который он добыл столь невероятным способом. Если путем концентрации мысли он сделал это, то что можно сделать еще?

Хадлетт сказал, что те разбойники сами вызвали к жизни преследовавших их исчадий ада, поскольку ожидали с ними встречи. Следовательно, мысли могут воплощаться в какие-то реальные формы. Бродяги ожидали увидеть ад и его обитателей — их они и увидели. Верно ли сказал викарий, что человечество больше верит во Зло, нежели в Добро?

Если столь же сильно сосредоточиться на мысли, что здесь — рай, появится ли он на самом деле? И долго ли продержится? Ник вспомнил, какая бесконечная усталость на него навалилась, когда он завоевал свою свободу. Мозг может потребовать от тела слишком многого. Должно быть, поддерживать существование любой ожигшей иллюзии в течение долгого времени невероятно трудно — или невозможно вовсе...

Бродяги, решил Ник, создавали чудовищ помимо своей воли. Если все время ждешь с чем-либо встречи, то сам же день ото дня и делаешь его все более реальным и осязаемым. Станет ли оно в конце концов настоящим? Мысль была поразительной и одновременно неприятной. То, что являлось ему в эту полную ужаса ночь, не должно обрести реальную жизнь!

Реальный, нереальный, Добро, Зло... Крохотный человек, повстречавшийся ему в ягоднике, странный замок, сам Авалон — реальны они или нет? Кто может сказать с уверенностью?

Нику безумно хотелось задать некоторые из этих вопросов викарию — но не при Крокере. Иначе он просто даст летчику лишнее доказательство того, что подвержен опасным сомнениям и — заключил он с Авалоном предательские отношения или нет — ради общего блага от него следует отделаться.

Хотя буря уже устала неистовствовать, дождь продолжался. Ник и его спутники, несмотря на тесноту и неудобство, продремали всю ночь, пока жидкий, серый рассвет не позвал их в дорогу. Теперь их вел Крокер, хмурый и немногословный, и они пробирались вдоль лесной опушки, избегая углубляться в чащу. Нику хотелось знать, виден ли по-прежнему замок, однако у него не было предлога задержаться и посмотреть. Он должен выказывать благоразумную сдержанность и не интересоваться тем, что имеет отношение к Людям с Холмов, пока не убедится, что его больше не подозревают. Если дать Хадлетту время подумать, то Нику, возможно, удастся обговорить с ним идею вторжения в город...

Ник у не хотелось, чтобы в каком бы то ни было совете участвовали женщины, хотя он знал, что при принятии любого решения все три англичанки будут иметь право голоса.

Он слишком тяжело переживал результаты того влияния, которое имела на его отца Марго. Она так ловко воздвигала между ними стену за стеной, что прошли месяцы, прежде чем Ник осознал случившееся. А когда он понял, было уже поздно. Отец исчез, вместо него остался чужой человек — с голосом отца, с его лицом, дружелюбный, но все-таки чужой. Как будто Марго создала иллюзию, образ, служащий ее целям. Иногда этот чужой человек делал к нему шаг или два. Оглядываясь назад, Ник понимал те робкие и неуклюжие попытки — однако они ничего не значили, потому что их совершала созданная Марго иллюзия.

И потеряв отца, Ник напрочь отсек те чувства, которые когда-то составляли часть его существа. У него, конечно, были девушки, но ни одна из них ничего для него не значила. Словно щитом, он прикрывался воспоминанием о Марго, ее интригах, ее искусстве вертеть отцом так и эдак. Линда была частицей того мира, в котором жила Марго. Возможно, она также способна превратить человека во что ей захочется, а не принять его таким, какой он есть.

Поэтому сейчас Ник хотел обсуждать все вопросы не с женщинами, а с мужчинами, которых, как он думал, понимал. В конце концов, пришло ему в голову, возможно, он найдет даже большее понимание у Джеремайя и Ланга. Быть может, животные более откровенны и прямодушны, чем люди?

Они добрались до пещеры, когда в небе опять начали громоздиться тучи, угрожая новым ливнем. На часах стояла леди Диана.

— Я вижу, вы его нашли. Кажется, молодой человек, вы не очень-то изранены. — Голос ее прозвучал куда как неприветливо.

— А вы думали, я буду весь в крови? — не сдержался Ник. Он уважал незаурядные способности леди Дианы, но в душе ее недолюбливал.

— Да, мы полагали, что это возможно. Адриан, вы совершенно промокли. Вам нужно выпить горячего, и сейчас же снимите ваши туфли. По счастью, Мод только что кончила шить новую пару. Линда, — позвала она, обернувшись к пещере. — Иди сюда, девочка. Они вернулись и привели твоего парня.

Ник выпрямился. *Он не был парнем Линды!* Какие права она здесь на него заявила? Однако, когда леди Диана повела викария в пещеру, а Линда заняла ее место, она не взглянула Ник у в лицо и не произнесла ни слова.

Ник пропустил Крокера в пещеру, желая как-то опровергнуть притязания Линды на свою особу, каковы бы они ни

были. И хотя этому явно было не время и не место, дело, с его точки зрения, не терпело отлагательства.

— Ты не ранен? — спросила Линда сдержанно, как из вежливости осведомляются о здоровье знакомых.

— Нет.

Распухшие запястья по-прежнему хранили следы ремней и болей, но их нельзя было назвать настоящими ранами.

— Тебе повезло, — заметила она все так же отрешенно.

— Возможно.

Пусть он и не пострадал, зато принес с собой ворох проблем, которые, вероятно, сулили куда больше тревог и страданий, чем любые физические ранения.

— Ты знаешь, что они думают? — Линда слегка кивнула в сторону пещеры, поясняя, кто такие «они». — Они считают, что ты мог заключить сделку с Герольдом. Ты ушел тайком... никому не сказав... после того, как тебя предупредили. И ты, похоже, кое-что знаешь...

— Кое-что знаю?

— То, что ты говорил о Джеремайе и Ланге.

— Ты им рассказала?

Как он был прав, не доверяя ей!

— Разумеется. Когда они забеспокоились, куда ты делся. Верь не верь — они за тебя волновались. Это хорошие люди.

— Ты вроде как хочешь меня предостеречь? — спросил он.

— Да — оставь их в покое! Если ты и сторговался с Герольдом, то не втягивай их в это дело.

— Спасибо за совет и глубокое доверие! — взорвался Ник и сбежал по камням вниз в пещеру. А почему, собственно, он ожидал другого? Типичная штучка в духе Марго, он уже не раз с подобным сталкивался. Дело в суде еще даже не слушалось, а его уже успели назвать виновным.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Впрочем, Ника не стали допрашивать немедленно. В центре внимания оказался Хадлетт, и заботы о нем вытеснили все остальное, хотя Джин и принесла Нику миску горячего супа, на который он с жадностью набросился. Джин, конечно, больше хлопотала вокруг Крокера, пытаясь все же делать это не слишком явно.

Итак, Ник вернулся, целый и невредимый — он многое бы отдал за такое возвращение прошлой ночью, да и еще вчера утром. А сейчас... сейчас он совсем не был в этом уверен. Люди в пещере находились совсем рядом, протяни руку — и можно дотронуться, и при всем при том он чувствовал себя странным образом одиноко.

Но он же не заключил сделку. Если только... если только

не перешел черту между прежней жизнью и новой, когда, позвав на помощь Герольда, последовал его совету. Ник отставил в сторону пустую миску и оглядел лежащие на коленях руки.

Исцарапанные, грязные, темные от ягодного сока. Да и весь он, видимо, не лучше, но все же он по-прежнему человек, а не один из Людей с Холмов.

Он не наелся, но зная о состоянии припасов, не стал просить добавки. Наклонившись поднять миску, Ник вдруг увидел Джеремайю. Появившись ниоткуда, как все кошки, тот сидел, уставив на Ника испытующий пристальный взгляд, способный привести человека в замешательство.

Ник, в свою очередь, посмотрел коту в глаза. Видимо, Джеремайя выделяет его неспроста. Что ему нужно? Если кот и мог общаться с человеком, он не пытался сделать это сейчас. Нику не понравился его холодный пристальный взгляд, но он не позволил себе рассердиться.

— Джеремайя, как много ты на самом деле знаешь? — шепотом спросил он.

У него на колене, подле лежащей грязной руки, появилось какое-то мерцание, словно в маленьком водовороте энергии воздух превращался в твердое вещество. Водоворот сгустился, на мгновение замер и исчез. Однако он был, и Ник знал, что в это мгновение он видел мышь.

Джеремайя! Кот как-то воспользовался той же силой, что и Ник в лесу, чтобы создать образ обычной кошачьей добычи. Ник был потрясен. Эта животина могла...

Он осекся, когда его окатила холодная волна гнева. Кот прижал уши, глаза превратились в щелочки.

— Животина? Кто это здесь животина?

Слова эти не сами родились у него в мозгу, их будто принесла извне какая-то посторонняя сила. И в самом деле — кто здесь животное? Разве в мире, где рассыпались в прах все старые представления, можно быть хоть в чем-то уверенным?

Нику пришла в голову новая мысль. Могут ли... могут ли сородичи Джеремайи (он постарался избежать слово «животные» — да и, в конце концов, люди ведь тоже животные) заключить сделку с Герольдом? Не стал ли Джеремайя частью Авалона, хоть и не покинул миссис Клэпп и остальных?

Снова в воздухе появилась крутящаяся воронка, что-то мелькнуло и тут же исчезло, но Ник успел разглядеть — яблоко! Получается, что Джеремайя... Кто он? Шпион? Эту мысль Ник отверг сразу. Может быть, страж? Их конвоир? Или защитник?

Джеремайя зевнул, поднялся и, подергивая кончиком хвоста, что означало полное нежелание продолжать разговор, направился прочь.

— Теперь вот что. — Миссис Клэпп отошла от Хадлетта, которого усадила у огня, с насухо вытертыми ногами и в новых мокасинах. Она стояла над Ником с грубой глиняной чашкой в руке, и от чашки поднимался ароматный парок. — Выпей-ка это! Всю простуду как рукой снимет. Нам тут бронхиты ни к чему.

Пока он пил, она стояла рядом, заслоняя его от всех остальных, собравшихся вокруг викария. И взгляд ее был таким же испытующим, как у Джеремайи. Знала ли она, кем теперь стал ее кот?

— Вот уж вы везучий так везучий. Искать вас отправился сам сэр Хадлетт вместе с Барри.

Голос ее звучал резче обычного. Она осуждала Ника — и главным образом потому, что его последнее приключение довело хлопоты викария.

— Я знаю. — Ник старался держаться кротко.

— Надо не сейчас знать, а думать раньше. Я хочу тебе вот что сказать: мы держались вместе до сих пор и выжили. Потому что каждый думает о том, что выйдет из его поступков для всех нас, а не для него одного. Здесь достаточно ногу не туда поставить — глядь, и попадешь в беду. — По мере того, как миссис Клэпп говорила, тон ее смягчался. — Ну вот, я тебе все сказала. Другие тебе тоже скажут, и они имеют право говорить — они-то хорошо знают, что здесь вокруг творится. Ты... батюшки, где же ты так умудрился-то?

Она схватила Ника за руку и вытянула ее вперед, к свету, чтобы лучше разглядеть ободранное, иссеченное рубцами запястье.

— А, это когда меня связали. — Ник хотел было высвободить руку, но миссис Клэпп удержала ее с неожиданной силой.

— Живого места нет — запросто мог подцепить какую-нибудь заразу. И вторая рука такая же. Ну-ка посиди, я принесу мое средство.

Ник знал, что возражать бесполезно. Миссис Клэпп быстро вернулась и принесла два больших листа, густо смазанных жирной мазью.

— Хорошо б нам иметь бинты, да что поделаешь. Листья тоже годятся. Подними-ка руку — вот так.

Она ловко наложила листья на израненные запястья, и вскоре Ник сидел с зелеными манжетами. И лишь когда миссис Клэпп закончила, он вспомнил о походной аптечке в одной из своих сумок. Однако саднящая боль уже начала угасать, и Ник был вполне удовлетворен ее лечением.

— Ну вот. — Миссис Клэпп туго обвязала компрессы пучками жесткой травы. — Подержишь их до утра, тогда я еще раз посмотрю. Думаю, прекрасно заживет. Эти здешние травы — в них уйма полезного.

Она все не уходила, в лице не осталось и тени суровости,

оно было исполнено заботы, и Нику стало еще более неловко, чем когда она бранилась.

— Досталось тебе...

Он принужденно улыбнулся.

— Вы могли бы сказать — поделом.

— Никто не заслуживает зла, если сам его не делает. Ты вроде не из таких. Но ты молодой, не веришь тому, что говорят другие, пока не убедишься на собственном опыте...

— И, — перебил он, — в следующий раз могу не только напороться сам, но и навредить другим?

— Именно об этом я и говорила, — кивнула миссис Клэпп. — Но мне сдается, ты парнишка неглупый. Один урок ты получил, и второй тебе не понадобится.

— Надеюсь, миссис Клэпп, я оправдаю ваше доверие.

— Мод! — позвала леди Диана, и она поспешила назад, к собравшимся вокруг викария.

Ник снова уселся, пристроив на коленях обернутые листьями руки. Они думают, что здесь безопасно; возможно, так оно и есть. Однако припасы тают, и в конце концов им, видимо, придется покинуть пещеру. В успех затеи с плотом Ник не верил совершенно. Вернувшись, он еще не видел Страуда — что же, уполномоченный гражданской обороны все еще скитается там, где спрятан плот?

Страуд вернулся лишь вечером, и его новости погасили и без того слабую надежду спуститься по течению реки. Земля кишела бродягами, а небо — летающими тарелками, добычей которых становились те, кого охотники настигали на открытых местах. Страуд своими глазами дважды это видел. Один раз охотники захватили взвод британских солдат, одетых в форму времен первой мировой войны.

— Знаков различия я не разглядел, — сообщил он, уминая лепешки из ореховой муки, которые испекла для него миссис Клэпп. — Но помню, на отце была такая же форма. Я был еще совсем мальчонка, когда он в последний раз приезжал в увольнение. А потом отправился воевать в Турцию и пропал без вести. Мы больше ничего о нем не узнали, хотя мама после войны очень хлопотала. Ей все говорили, что после войны турки освободят пленных. А когда война кончилась и их освободили — отца среди них не было. Да, тогда многих парней так и не нашли. Но я помню, как отец выглядел, — и могу поклясться, что ребята, которых сцапали эти мерзавцы, были одеты точь-в-точь так же. Если б я до них добрался раньше, мы могли бы с ними соединиться. — Он покачал головой.

— И миграция, и охота приобрели небывалый размах, — заметил викарий. — Что же, охотники решили совсем опустошить эту землю?

— Ну, — Страуд доел последнюю лепешку, — и это тоже,

конечно. Но не в том суть, мне кажется. Уж сколько мы облаив попидали, но сейчас все как-то не так. Я бы сказал, скорее что-то другое заставило бродяг тронуться в путь, нечто, происходящее к северу от нас. Они все идут оттуда, причем идут быстро, словно за ними по пятам кто-то гонится. Во всяком случае, нам лучше сидеть тут, если не хотим попасться в лапы охотникам. Со всем этим переселением им сейчас раздолье. А с реки, где мы будем как на ладони, угодим к ним напрямик и немедленно.

— Николас, — позвал викарий. — Что сказал Авалон, когда тебя предупреждал? Если сможешь, вспомни его точные слова.

Ник на мгновение прикрыл глаза, вызывая в памяти то, что хотел услышать викарий. Авалон встал перед ним, как живой. И теперь он будто слышал его бесстрастный голос, и ему оставалось только слово в слово повторить то, что тот сказал раньше.

— Авалон никому не враждебен, это место покоя и безопасности. Но к тем, кто останется вне его, приходит Тьма и Зло. Это случалось и раньше, когда Зло надвигалось на землю. Встречая Авалон и Тару, Броселианду и Карнак, оно в бессилии бьется о стены, которые не может сокрушить. Но страшные бури подстерегают тех, кто находится вне этих стен. Зло то прибывает, то убывает, подобно морскому приливу и отливу. Ныне — время начала прилива.

— Авалон? — переспросил Страуд.

— Герольд, — пояснил Крокер, и воцарилось молчание. Ник знал, что все смотрят на него, однако лишь Хадлетт встретил его прямой взгляд.

Если остальные его обвиняли — а он полагал, что так и было, — то в выражении лица викария этого не читалось.

Страуд поднялся и вплотную надвинулся на Ника.

— Ты разговаривал с Герольдом? — Вероятно, для уполномоченного гражданской обороны это имело чрезвычайное значение.

— Да, — коротко ответил Ник, не пускаясь в дальнейшие подробности.

— И так с ним подружился, что он вздумал тебя предостеречь? — продолжал Страуд. Недоверие, каким встретил Ника летчик, еще яснее читалось на обветренном лице уполномоченного, рыжие с проседью усы враждебно оцетинились.

— Если вы хотите спросить, принял ли я предложение Герольда, — ответил Ник, — то я его не принял. Однако он спас мне жизнь.

— Раньше ты говорил по-другому, — вмешался Крокер. — Ты освободился сам — и приложил к тому кое-какой труд.

— Герольд указал способ. — Ник говорил сдержанно, од-

нако раздражение, которое вызывал в нем Крокер, могло вот-вот прорваться. — Если бы не он...

— Как же, как же, все так и было. Расскажи-ка им теперь свою сказочку — целиком. И посмотрим, что они подумают!

Хадлетт кивнул.

— Расскажи все с самого начала, Николас.

В присутствии викария и летчика Ник не мог изменить ни слова в своем рассказе, будь даже у него желание. Желания такого не было — с присущим ему упрямством он посчитал, что пусть они выслушают всю правду, а потом решат, поверить ему или прогнать.

Он еще раз подробно описал свои приключения с той минуты, как увидел Авалона, до встречи с Хадлеттом и Крокером. Его слушали с напряженным вниманием, не перебивая. Закончив, Ник приготовился к выражению недоверия, подозрения, к требованию прогнать его прочь.

— Ты... ты просто подумал — и достал кинжал? — начал допрос Страуд.

Ник вытащил из-за пояса клинок. Острые кинжалы, которые средневековые бродяги бросили на поляне, уйдя навстречу своей неведомой судьбе, он уже передал Хадлетту и Крокеру.

— У меня есть вот это.

Страуд выхватил кинжал у него из рук, внимательно осмотрел и затем швырнул на каменный пол, так что сталь жалобно зазвенела.

— Вот твой чудесный нож, — проговорил он. — Посмотрим, как ты одной мыслью поднимешь его!

Справедливо, признал Ник. Он повернулся к лезвию. Так, теперь выбросить из головы все постороннее, только кинжал... Он должен достать кинжал... Как он это тогда сделал? Кисть... кисть, которая возьмется за рукоять... потом — рука...

Ник сосредоточился, пытаясь создать необходимый образ. Голова раскалывалась от напряжения, но в воздухе ничего не появилось. Туман, из которого должны были родиться держащие рукоять пальцы, не слушались. Ник отчаянно сиделся создать эту руку — и никак не мог. Что-то ему мешало, чего не было на поляне, какой-то барьер, о который тщетно билась его воля.

— Не могу. — Сколько времени так прошло, Ник не знал. Здесь, в пещере, что-то сводило на нет все его усилия. — Сейчас не выходит, и все тут.

— Потому что, — Крокер не скрывал торжества, — никогда и не выходило! Я с самого начала знал, что это сказки!

Чья-то рука с силой, до боли, вцепилась Нику в плечо, и его стремительно развернули в другую сторону. Страуд чуть не уткнулся носом ему в лицо.

— Ты продался Герольду! И вернулся за нами. Не в открытую, как Рита, — а тайком, думая втереться в доверие!

Ник попытался увернуться от удара — настолько успешно, что Страуд не сбил его с ног: полуоглушенный, Ник отлетел к стене, но все же не упал. Голова плыла от могучего кулака Страуда, и он смутно осознал, что между ними встал Хадлетт.

— Сэм! — приказал викарий, и уполномоченный гражданской обороны ответил невнятным рычанием, но не сделал попытки оттолкнуть его и вновь наброситься на свою жертву.

— Он продается сам и пришел за нами, — хрипло повторил Страуд. — Вы знаете это, викарий.

— Сэм, у тебя нет оснований так говорить. Ни у кого нет. — Хадлетт обращался не к одному Страуду, а ко всем остальным, которые подступили ближе, словно готовые принять участие в любой расправе, которую бы ни затеял Страуд, и лица их были страшны и безобразны. В душе у Ника зашевелился страх. Он слышал о том, как порой иступление охватывает толпу — быть может, здесь такой же ужас?

— Послушайте меня внимательно, все, — продолжал Хадлетт. — Это чрезвычайно важно — не только для Николаса и для всех вас, поскольку вы хотите установить то, что вы почитаете за справедливость, но и потому еще, что это может определить наше будущее.

В ответ раздался звук — не то чтобы облеченный в слова протест, но все-таки явный протест. Но они уже не наступали на Ника, и Страуд опустил сжатый кулак. Викарий чуть повернулся к Нику.

— Ты был один, когда заставил нож тебе служить?

— На... насколько я знаю. — Ник постарался, чтобы голос прозвучал твердо.

— Не было противодействующей силы недоверия, — пояснил Хадлетт. — А сейчас, когда ты пытался это сделать, — что ты чувствовал?

— Здесь словно какая-то преграда.

— Верно. Преграда, воздвигнутая недоверием. Во всяком случае, я так думаю. Вы понимаете? — спросил он всех остальных.

Ник увидел, как кивнула леди Диана, — неохотно, он был уверен. «Да» замерло на губах у миссис Клэпп. Другие стояли неподвижно, с бесстрастным видом. Однако справа от Ника раздался голос:

— А если мы ему поверим, он сможет это сделать?

Линда вышла вперед, у ее ног с одной стороны неслышно ступал Джеремайя, с другой возбужденно скакал Ланг, так что хлопали его шелковистые ушки.

— Ник, — она не стала ждать ответа Хадлетта, — Ник, возьми меня за руку!

Линда не просила — она приказывала, и он, сам того не желая, повиновался. Девушка повела его за собой, и остальные

расступились, давая им дорогу. Они опять подошли к кинжалу, но Линда не выпустила его руку, а вместо этого сказала:

— Попробуй еще раз — теперь!

Ник хотел было воспротивиться, но это вдруг показалось неважным. Откуда-то мощным потоком влилась новая уверенность. Кинжал... сдвинуть с места кинжал...

Сосредоточиться... смотреть только на узкую полоску стали... кисть... пальцы, которые стиснут рукоять... поднимут кинжал...

Ник по-прежнему чувствовал сопротивление — но одновременно ощущал и прилив новых сил. Они исходили от вложенной в его ладонь руки Линды, от кота и собаки, сидящих у его ног. На какую-то секунду им овладело удивление, но Ник тут же отогнал его прочь. Только кинжал, думать только о кинжале...

В воздухе начало сгущаться туманное облачко. Из него, палец за пальцем, формировалась кисть, уже не призрачная, а вполне твердая на вид. С кисти мысль Ника переключилась на всю руку. Она тоже медленно выростала, протянувшись от кисти к его плечу.

— Сюда! — мысленно приказал он.

Рука стала медленно укорачиваться, сомкнутые на рукояти пальцы тащили кинжал. Подтянув клинок к ногам Ника, она исчезла, сталь звякнула о камень.

Рука Линды выпала из его ладони. Но именно девушка обрушилась на молча стоявших зрителей.

— Вы видели! — запальчиво проговорила она. — А я все время была у вас на глазах, я-то никаких дел с Герольдом не имела! Но я передала Нику свою энергию, чтобы он сломал стену вашего недоверия, и эти двое — тоже. — Она наклонилась и взяла на руки Ланга, слегка коснувшись головы Джеремайи. — Теперь вы скажете, что мы все лжем? — добавила она.

— Джеремайя! — Миссис Клэпп поспешила к коту. Он повернул голову на зов; она подхватила его, словно боясь, что с ним приключилось что-нибудь скверное, и он тихонько ткнулся носом ей в щеку. Затем уперся ей в грудь передними лапами, вырвался и соскочил на пол. Однако не отошел, а стал тереться об ноги.

— Вы двое... — начал Хадлетт, но Линда тут же его поправила:

— Мы четверо! И думаю, любой из вас может так сделать — вы просто не пытались. Нику пришлось — чтобы спасти свою жизнь. А вы теперь хотите его за это покарать!

— Подтащил-таки — и безо всяких фокусов. — Уполномоченный гражданской обороны подобрал кинжал и взвесил на ладони, словно желая убедиться, что это действительно кинжал, а не призрак. — Я видел своими глазами.

— Да, подтащил, — согласился викарий. — Дорогая, —

обратился он к Линде, — возможно, ты совершенно права. Никто из нас никогда не подвергался подобному испытанию, так откуда же нам было знать? Ты в самом деле уверена, что и животные это могут?

К Нику уже отчасти вернулись силы. В этот раз он устал гораздо меньше, может быть потому, что ему помогали.

— Животные... они знают... — Он замаялся.

А что они в самом деле знают? Лично Ник имел дело только с Джеремайей, и то один-единственный раз. Поверят ли они в то, что Джеремайя материализовал мышь? Что до способностей Ланга, то Ник слышал лишь ничем не подтвержденные заявления Линды.

— Они знают, — снова начал он, — многое... затрудняюсь сказать, что именно. Джеремайя может усилием мысли создавать различные образы. — Снова рискуя, что ему не поверят, Ник рассказал о мыши; о яблоке он умолчал, не желая, чтобы на ката обрушилась та же ярость, что ранее на него самого.

— И Джеремайя тоже! — Миссис Клэпп вытаращила глаза на ластившегося кота. — Но как... как он мог, сэр? — спросила она у викария. — Он же... он же просто кот. Живет у меня с рождения. Это последний котенок старой Флосс. Он ей так трудно дался, что она умерла. Уж я его жалела — несчастную кроху! Я из игрушечной бутылочки кормила его молоком и яйцом, и... и... Джеремайя — просто кот! — почти выкрикнула она, как будто любое иное мнение означало конец всяческому благополучию и безопасности.

— Ну конечно, Мод, конечно, просто кот. — Леди Диана обвила рукой сутулые плечи миссис Клэпп. — Но этот мир, может быть, как-то изменяет животных. Смотри, он беспокоится о тебе.

Огромный кот сидел на задних лапах, вытянув передние вверх, так что они доставали выше колен миссис Клэпп, и удерживал равновесие, запустив когти в ее юбку. Он издал какой-то тихий и нежный звук.

— Джеремайя! — Она неловко присела и взяла его на руки. На этот раз кот не пытался высвободиться, а начал тереться о ее подбородок и громко замурлыкал.

— По мне, ну и пусть он может странные вещи, — объявила миссис Клэпп секунду спустя. — Уж Джеремайя плохого не сделает. Вот сейчас дал знать, что паренек правду сказал, — доброе дело. Джеремайя — хороший кот.

Хадлетт и леди Диана помогли ей подняться, она все так же не выпускала Джеремайю.

— Конечно, Мод. И как все кошки, — продолжал викарий, — он, несомненно, смотрит на вещи куда разумнее, чем большинство людей. Не беспокойся за него.

Страуд вновь привлек всеобщее внимание к Нику.

— Слушай, приятель, — он протянул руку, ту самую, от

удара которой у Ника на лице наливался синевой кровоподтек, — я не обижусь, если ты дашь мне ответную затрещину. Я маленько поторопился, признаю.

— Я не в претензии, — искренне ответил Ник. — Я и не ждал, что мне поверят, я сам в это верил с трудом. И мне не хочется в свою очередь дробить тебе челку. — Он с облегчением рассмеялся, пожалуй слишком громко. — Зато я бы хотел, чтобы вы все послушали то, о чем я тут не раз думал...

Ник не был уверен, время ли ему говорить напрямик. Однако сейчас англичане к нему расположены — потому что ранее поспешили несправедливо его осудить. Подозрения могут зародиться вновь, и лучше ему все высказать теперь, пока они еще чувствуют себя виноватыми и испытывают неловкость.

— И о чем же? — спокойно спросил Крокер.

Никакого чувства вины, понял Ник.

— Да вот — вы слышали, я повторил слова Герольда. Страуд рассказал, что видел он. Все мы знаем, что бродяги бегут и что с севера, похоже, надвигается беда. Нам известно только одно по-настоящему безопасное место — город.

Ник ждал новой вспышки гнева. Он предлагал им, с их точки зрения, неприемлемое.

— Ты хочешь сказать — заключить сделку с Герольдом? — яростно проговорил Крокер. — Ну нет! Вы видите, куда он клонит? — обернулся он к остальным. — То, что он протаскил кинжал по полу, еще не значит, что он не проданся! Я говорю: проданся! Пусть докажет, что это не так!

Они снова отпрянули назад. Да, Ник рассчитал неверно. Страуд опять так же скоро пустит в ход свои кулачищи? И в руках у него кинжал...

— Да как я могу доказать?

Страуд смотрел не на него, а на викария.

— Пусть он сделает это, сэр, если захочет. Все сразу и разрешится.

— Хорошо, — устало отозвался Хадлетт. — Тогда, Николас, пройди, пожалуйста, с нами...

Ник не знал, что от него требовалось, но желал, чтобы, как предлагал Страуд, дело было решено. Либо они его сейчас признают, либо ему придется уйти. И, понял он, перспектива быть изгнанным ему очень-очень не нравится.

Викарий повел его к маленькой пещере, где хранились припасы, от которых, впрочем, уже оставались жалкие крохи. Страуд и Крокер двинулись следом. Когда все зашли в закуток, Крокер проговорил:

— Хорошо. Ты сказал, что представишь нам доказательство. Раздевайся.

— Что? — растерялся Ник.

— С человеком происходят определенные физические изменения. Мне помнится, я говорил тебе о них, Николас, —

пояснил викарий. — Их можно распознать уже очень скоро после того, как заключена сделка. С тех пор, как ты видел Герольда, прошло более двух суток. Если ты принял его предложение, мы увидим.

— Понятно. — Ник начал стаскивать с себя рубашку. Если им нужны доказательства, они их сейчас получают.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Дул свежий ветер, и утро выдалось ясное. Ник отчаянно жалел, что у него нет бинокля. Он добился своего — вдвоем со Страудом они вернулись на гряды холмов, откуда был виден город. Они добрались сюда ночью, хотя Страуд и возражал против этого похода.

Однако обстановка в окрестностях пещеры ухудшалась. Они оказались буквально в заточении, поскольку небо кишело летающими тарелками, которые охотились на бродяг, и поэтому все еще весьма туманный план попытаться раскрыть секрет дарующих безопасность разноцветных башен обрел некоторую podporрку. Теперь Ник пытался высмотреть путь через равнину, чтобы скрытно подобраться ближе к городу.

Там росла высокая трава, но Ник рассудил, и Страуд с ним согласился, что это надежное укрытие. Ник вообще не мог сказать, осуществим ли его план, но уже не в силах был выжидать дольше. Стоит только какой-нибудь залетной тарелке напасть на город, что, по словам Страуда, порой случается, — и они застрянут здесь на долгие часы.

— Ну ладно, я пробую? — Ник поднялся на ноги. Столь многое зависело сейчас от него, от его способности использовать свой таинственный дар. Он упражнялся, но вряд ли этого было достаточно...

— Или ты пробуешь, или уходим, — отозвался Страуд. — Мы за тем и пришли.

Думал ли он, что в решающий момент Ник струсит? Надеялся ли на это? Если да, то его неверие, наоборот, подтолкнуло Ника к действию.

Герольд.

Ник мысленно создал его образ. И вот уже Герольд предстал перед ним, как живой. Удалось! Ему это и в самом деле удалось! Не захватить Герольда в плен, как он думал сперва, а создать его изображение...

— Получилось! — торжествовал Ник.

— Вроде да, — согласился Страуд. — Но ты сможешь его удержать?

— Придется. Ну, я пошел...

Ник двинулся вниз по склону. Герольд исчез — пропал, едва Ник отвлекся. Но когда понадобится, он опять сможет

создать Авалона — должен будет сделать это. Страуд останется здесь, посмотрит, как Ник войдет в город. Они не были уверены, что созданный усилием воли образ проводника пригоден для двоих, и Ник, как обладатель дара, пошел один.

Оскальзываясь и съезжая, он спускался по крутому склону, взволнованный, как всякий человек перед лицом испытания. Вообще-то Ник стал гораздо уверенней в себе с той минуты, когда смог доказать, что он не предатель и его удивительная способность создавать образы не получена при сделке с Авалоном. Он испытывал ее еще два дня, и вместе с ним остальные тоже пробовали свои силы.

У викирия кое-что получалось, и, как ни странно, еще лучше у миссис Клэпп — хотя она быстро утомлялась. Крокер участвовать в этом решительно отказался. Ник был уверен, что враждебность летчика по отношению к нему не только не угасла, но еще усилилась. Женщины оказались способнее мужчин: Линда, Джин (хотя она тоже долго упрямылась вслед за Крокером), леди Диана — все могли это делать. Линда снова взяла в помощники животных и смогла создавать более яркие и устойчивые иллюзии.

Но никто из них не мог поддерживать созданные образы в течение длительного времени, и чем больше они старались, тем скорее уставали. Ник не знал, как долго ему удастся удерживать образ Герольда, даже если он и проникнет с его помощью в город.

Он не думал, что Люди с Холмов несут бродягам какую-либо опасность. Из слов Авалона скорее следовало, что если пришельцы из другого мира отказываются принять предложение Герольда, на них тогда просто не обращают внимания.

Однако сохранят ли Люди с Холмов это свое безразличие, если Нику удастся прорвать их невидимую оборону, войти в город и там его признают за чужака? Последние два дня Ник одолевал англичан вопросами о Людях с Холмов, хотя они и избегали подобных разговоров прежде.

Именно из города (или городов — англичане их видели) появлялся Герольд (или Герольды). Здесь были и другие Люди с Холмов, вроде Зеленого Человека из леса — обитавшие и в воде, и на суше; они как будто не имели к городам никакого отношения. Однако все они, полагал Хадлетт, исконно принадлежат этому миру.

В своих заключениях викирий опирался, как он с готовностью признавал, на английские полузабытые предания. Возможно, его догадки были и неверны, но это все, чем Ник располагал.

Кроме тех Людей с Холмов, что казались безобидными, здесь обитали и явно опасные для человека существа, но они селились в гиблых местах, и если обходить их стороной и не поддаваться действию чар — таких, например, как волшебное

нение Лорелеи, которое Ник слышал во время дождя, то и они не представляли собой большой угрозы.

Ник спустился на равнину. Он хотел бы подойти к городу поближе и лишь тогда создать образ Герольда, но не знал, наблюдают ли уже за ним или нет. Он собрал все силы и сосредоточился.

Снова появился Герольд. Ник не стремился сделать отчетливыми все черты и детали одежды образа, достаточно и того, что внешний вид его «проводника» в общем схож с обликом настоящего Авалона. Следя за порожденным силой своей воли призраком, Ник быстро зашагал к разноцветным башням.

Страуд ему показал, где, по всей вероятности, находится невидимый защитный барьер, и Ник страстно желал скорее его достичь, чтобы пройти сквозь него в город. Однако не следует отвлекаться от призрака. Они миновали это место — хотя Ник не был в этом полностью уверен, ведь Страуд мог и ошибаться. Праздновать победу еще рано. Появились первые признаки усталости. Что, если он не сможет удержать образ? Не окажется ли он пленником внутри невидимой ограда?

Ник упорно боролся с усталостью, не разрешая себе отвлечься, сосредоточившись на иллюзии. И вдруг...

Город — он оказался в городе!

Это произошло так быстро, словно здания выросли из-под земли. Здания... Ник забыл про Герольда, про необходимость удерживать его образ.

Его действительно окружали здания, уходящие все выше и выше в небо, он видел двери, окна, улицы. Но где же люди? Улицы были пусты, на мощенных белыми и зелеными плитами мостовых ни человека, ни экипажа. Двери захлопнуты, окна даже если и не были скрыты за ставнями, имели непроницаемый вид. Стены блестящие и гладкие, как стекло, будто и впрямь сделаны из хрусталя, наложенного на какой-то непрозрачный материал. И на них мерцали и переливались, перетекая друг в друга, все мыслимые оттенки зеленого, голубого и красного цветов.

Ник постоял в нерешительности. Над городом висела мертвая тишина, словно он забрел в развалины, покинутые столетия назад. Однако это были вовсе не развалины — никаких признаков выветривания, ни трещин, ни разрушений...

Ник медленно подошел к ближайшей стене и неуверенно протянул руку. Дотронулся кончиками пальцев и тут же отдернул ее, потому что почувствовал не холод мертвого камня или хрусталя, а мягкое тепло чего-то тонко вибрирующего.

Энергия, в этих стенах заключена какая-то форма энергии. Это объясняло бы их сияние. Возможно, весь город является генератором или аккумулятором энергии.

Улица, на которой стоял Ник, была совершенно прямой. Если никуда не сворачивать, он же не потеряется? Вновь обретая

решимость. Ник пошел вперед. Но это было все, что он мог сделать, чтобы оставаться хозяином положения.

Ибо он не сомневался, был уверен столь же твердо, как в биении своего сердца, что городу — или его обитателям — известно, кто он такой: незаконно вторгшийся пришелец.

Дважды он останавливался и оборачивался назад, но не увидел ни внезапно выросшей стены, ни стражников, готовых отрезать ему путь к отступлению. Улица была все так же пуста и безмолвна.

Где же жители? Может быть, они вымерли и где-то здесь живет лишь горстка оставшихся? Или город вовсе и не город? Возможно, названия из его собственного мира здесь неприемлемы. Эта обширная застроенная территория может иметь совершенно иное предназначение. Но Герольд выезжал отсюда и сюда возвращался с теми, кто принял Авалон, — Ник видел это своими глазами.

Впереди показалось открытое пространство, где находилось нечто, испускавшее яркий свет — такой яркий, что глазам стало больно. Сейчас пригодились бы темные очки Линды. Ник подался ближе к стене, шурясь, попытался поглядеть вверх. Но башня вздымалась в утреннее небо так высоко, что у него закружилась голова.

Тогда, чуть осмелев, он коснулся ладонью двери в стене. Она была сделана из иного материала, нежелезная стена, и по виду казалась цельной плитой из серебристого металла. Приглядевшись, Ник рассмотрел на ней множество тонких линий, сплетавшихся в затейливый узор. Он опять коснулся двери и на сей раз не ощутил никакой вибрации; провел пальцами вдоль линии орнамента, и рисунки стали более отчетливыми и приобрели смысл, который Ник постигал не одним только зрением.

Здесь были изображены звери — некоторые похожие на тех, что он встречал в лесу, например единорог, — и человекоподобные существа. Вокруг них сплетались ленты со значками, подобных которым Ник никогда не видел.

Он проводил по ним пальцами, и секунду-другую они оставались ясно различимыми, а затем тускнели и вновь превращались в паутину еле видных царапинок.

Затем Ник перешел к следующей двери и тоже до нее дотронулся. При его прикосновении опять появились рисунки, но уже совсем другие.

Что там, за этими дверями? Ник слегка нажал. Не видно ни задвижек, ни замков, ни дверных ручек. И как ни силился Ник их открыть, двери оставались заперты и неподвижны.

Запертые двери, пустынный город. Он вернулся на середину улицы и зашагал вперед. Хотя ему по-прежнему казалось, что кто-то или что-то за ним наблюдает, к нему отчасти вернулась прежняя уверенность. Он не чувствовал здесь никакой опасности. Если он и вторгся в чье-то святилище, то его

хранители до сих пор не решили, враг им Ник или нет. И чем дольше они мешкали, тем увереннее он себя чувствовал. Впрочем, начал он осознавать, эта тишина сама по себе могла таить опасность.

Ник решительно продвигался навстречу сиянию, прикрывая рукой глаза, и вышел на площадь, которая могла быть центром города, хотя он и не знал этого наверняка. От площади разбегались прямые широкие улицы, похожие на ту, по которой он пришел. Площадь имела форму пятиконечной звезды, и от каждого луча отходила улица. Теперь, когда Ник стоял рядом с тем, что сияло, свет его был не таким ослепительным, как прежде, и Ник узнал форму сооружения — он видел подобное в своем мире и знал, что это очень древний символ.

В самом центре звездообразной площади возвышался гигантский египетский анк — вписанный в окружность крест. В отличие от башен, выстроенных словно бы из хрустала, он казался сделанным из красновато-бурого металла, и всю его поверхность усыпали сверкающие самоцветы. Но самоцветы ли? Кто слышал о драгоценных камнях такой величины, что не охватить двумя ладонями? Именно они ослепительно сверкали зеленым, белым и голубым; только красного и желтого цветов не было. Поскольку это сияние разливалось довольно высоко над головой, Ник заключил, что анк размером с четырех- или пятиэтажный дом.

От него исходил такой мощный поток энергии, что Ник почувствовал головокружение, и его охватила слабость. Пошатываясь, он отступил прочь. Не этот ли источник питает системы защиты Людей с Холмов? Но откуда берется его чудовищная энергия? Ник не видел и следа каких-либо машин. Может быть, анк — приемник или ретранслятор?

Ника охватило смятение. Впервые леденящий страх одержал верх над его любопытством. Это... это сильнее его. Кожу покалывал миллион крошечных иголок, голова кружилась все сильнее. Нужно уходить.

Только удастся ли? Улица... С трудом ему удалось повернуться, хотя сверкание самоцветов почти совсем его ослепило. Туда... уходить... прочь...

На нетвердых, заплетающихся ногах Ник побежал по площади к началу знакомой улицы. Однако он словно увязал в густой грязи. Что-то жадно вытягивало из него силы, всю жизненную энергию. Он *должен* уйти!

Ник отступил, упал, кое-как поднялся на четвереньки и продолжал ползти. По обе стороны от него поднимались здания — он уже был на улице. Но еще близко, слишком близко от гигантского анка. И ему не выбраться... Он судорожно ловил ртом воздух. Нику казалось, будто какой-то насос его откачи-

вает, воздуха не хватало, чтобы наполнить легкие. Он задыхался.

Он лежал ничком, вытянув руки вперед, и пальцы упрямо шевелились, стремясь нащупать какую-нибудь щель между плитами мостовой, чтобы зацепиться и подтянуть тело еще немного вперед, пусть хотя бы на дюйм или два.

— Идем!

Не почудилось ли ему? Ник по-прежнему отчаянно пытался ползти. Чьи-то руки подхватили его за плечи, его тащили по улице прочь от губительного излучения анка. Не было сил поднять голову и взглянуть, кто — или что — явился его спасителем? Это не мог быть Герольд — Герольда он породил силой собственной воли. Страуд? Мысли терялись, не успев приобрести отчетливость. Нику стало все равно.

Покалывание иголочек усиливалось, но силы не восстанавливались. Все же действие излучения анка прекратилось, и Ник с огромным трудом, но перевернулся, чтобы посмотреть, кто его спас.

На этот раз ее не окружала светящаяся дымка, и она казалась совершенно настоящей, из плоти и крови. И на щеках не было слез.

— Рита.

Должно быть, он произнес ее имя вслух. Или же она, как Джеремайя, могла читать его мысли.

— Да, я — Рита. — Голос ее звучал так же монотонно, как голос Герольда.

Однако лицо ее не было столь же бесстрастным, как у Авалона: оно выражало озабоченность и что-то еще. Девушка изучающе смотрела на Ника — словно мастер на инструмент перед тем, как приступить к работе, подумалось ему.

— Ты мог умереть — там. Ты не принадлежишь Роду. — Она утверждала, а не спрашивала.

— Ты здесь одна?

— Одна? — изумленно переспросила она и огляделась, словно видела нечто недоступное его взору, и была поражена этим вопросом. — Одна... отчего же... — Рита помолчала. — Ты не принадлежишь Роду, — повторила она. — Ты не можешь видеть. Нет, хоть ты и не видишь, я не одна. Зачем ты, не принявший Авалон и не принятый им, пришел сюда?

— Чтобы узнать, что защищает город от нападения. Твои... те, с кем ты была раньше, — они в опасности. Им нужна защита.

— Принадлежащим Роду ничто не угрожает. Остальные же могут обрести безопасность, о том попросив. Это так. Я пришла к ним, но они прогнали меня прочь. Они слепы и не желают прозреть, они глухи и не желают слышать. Они... — впервые ее голос дрогнул, — они погибнут, потому что таков их выбор.

— Они говорят, ты изменилась.

— Да. Я теперь принадлежу Роду. Взгляни. — Она опустилась на колени и положила руку рядом с рукой Ника.

Белая, ослепительно белая кожа, очень гладкая и без единого волоска. Его собственная рука в сравнении с Ритиной казалась грубой, шершавой, коричневой от загара. Девушка взяла Ника за руку, и это прикосновение ничем не напоминало те, что он знал раньше, — казалось, его ладонь стиснули пальцы высеченной из мрамора статуи.

— Таково тело принадлежащего Роду, — сказала Рита. — Вот в чем наша защита от оружия летающих охотников и прочих опасностей. Есть силы Зла, которые присущи этому миру изначально, и они не наносят телу раны, а действуют иначе. Если твои спутники примут Авалон, они станут частью Авалона, как я сейчас.

— Ты... ты твердая... — Ник не сумел подыскать иного слова, каким обозначить свое ощущение от ее прикосновения. — И все же... тогда, в лесу... я видел, как рука Линды прошла сквозь твою руку.

На это Рита ничего не ответила, а властно проговорила:

— Ты пришел туда, где не можешь оставаться. Если ты не принимаешь Авалон, он может убить. Ты успел почувствовать, как приходит смерть. Уходи — это место не для тебя.

Она коснулась его лба — там же, куда монах-фанатик уколол его металлическим крестом. Пальцы ее были холодны, как камень, но их прикосновение наполнило Ника новыми силами, и он вновь смог подняться на ноги.

— Ты спасла мне жизнь. Могу ли я что-нибудь сделать для тебя?

Никогда, подумал Ник, он не забудет ее слез и того, чем были полны ее плачущие глаза.

— Какие слова можешь ты добавить к тем, что я им уже сказала? — ответила Рита. — Страх проник в их души столь глубоко, что они готовы скорее убивать, чем принять то, что я предлагаю.

Ник думал, что она останется, но когда, не найдя, как опровергнуть справедливость ее слов, он двинулся прочь, Рита пошла следом.

— Я выйду из города. Не нужно...

На лице ее мелькнула чуть заметная улыбка.

— ...Провожать тебя до ворот? — закончила девушка за него. — Но это необходимо. Я не знаю, каким образом ты сюда вошел, но будучи тем, кто ты есть, ты не сможешь покинуть город, если перед тобой не откроют ворота.

Силы к Нику вернулись лишь отчасти. Он медленно брел по безмолвной, пустынной улице. Но столь же она безмолвна и пустынна для его спутницы? Вероятно, нет. Возможно, он видит Риту благодаря тому, что прежде она тоже была человеком. А может быть, она так и хочет, все еще чувствуя

слабую привязанность к тем, кто остался за городскими стенами. Она не стала этого объяснять, молча шагая рядом до конца улицы, где та неожиданно переходила в поросшую травой равнину.

Там Рита спросила, и властные нотки прозвучали в ее голосе:

— Как ты прошел сквозь защитный барьер?

Ник хотел солгать и понял, что не может. Под ее взглядом он должен был говорить правду.

— Я шел вслед за Герольдом.

— Это... невозможно. И все же я вижу, что ты не лжешь. Но как это может быть правдой?

— Герольд был плодом моего воображения. Я материализовал его образ.

Рита буквально задохнулась от удивления.

— Но ты не принадлежишь Роду! Как ты смог это сделать?

— Таким образом мне однажды пришлось спасти свою жизнь. Мне подсказал это сам Авалон. И остальные тоже пробуют...

— Нет! — Теперь в ее вскрике прозвучал страх. — Им нельзя! Это приведет к их гибели, ведь у них нет той силы, что имеют принадлежащие Роду. Дети, играющие с огнем! Их нужно остановить!

— Пойди и скажи им об этом.

— Они не станут меня слушать...

— Ты уверена? Мне кажется, что, испробовав эту силу, они кое-что поняли. Вот викарий — я не сомневаюсь, что он тебя выслушает.

— Да, у него доброе сердце и глубокий ум. Возможно, мне удастся их уговорить. Не остается ничего иного, как снова попробовать. Но они не должны пытаться играть с этим великим таинством. Оно может убивать — или порождать такое, чего лучше бы никогда не видеть. В Авалоне мысленные образы могут обретать жизнь, и подчас от них кровь стынет в жилах.

Нику вспомнилась вся та нечисть, которая осаждала взявших его в плен бродяг.

— Я уже это видел.

Рита окинула его долгим оценивающим взглядом и затем протянула руку:

— Идем.

Стиснув ладонь Ника своими холодными гладкими пальцами, девушка повела его за собой. Так они вышли на равнину и направились к гряде холмов, где Ник оставил Страуда. Примет ли уполномоченный гражданской обороны Риту? Поколебало ли открытие Ника предрассудки англичан настолько, что они готовы будут выслушать ту, кого они отвергли? Ник надеялся на это.

Но уверенность его поубавилась, когда они поднялись по склону и не нашли Страуда на старом месте. Там, где он лежал, наблюдая, как Ник уходит к городу, была примята трава, но самого его не было видно.

— Страуд! — тихо позвал Ник, не решаясь крикнуть во весь голос.

В ответ раздалось громкое карканье, и из травы с шумом взлетела черная птица. Поднявшись в воздух, она принялась с хриплым криком кружить над головой.

— Он... он в опасности! — Рита следила за ее полетом. — Нарушилось равновесие, концентрация мысли выпустила на свободу Зло. Вот видишь, — яростно обернулась она к Нику, от прежней бесстрастности не осталось и следа. — Видишь, что вы наделали! Силы Тьмы вышли на охоту, и ему не спастись, беги он сколь угодно далеко и сколь угодно быстро. А он, не понимая этого, приведет их к остальным.

— Кого приведет?

— Всех тех, принадлежащих Тьме, кто не привязан к какому-нибудь определенному месту, где правит Зло. И тех из людей, кто им подчиняется! Играя с силой, которой не понимаете, вы не заботились о мерах предосторожности. А поступающий так открывает все двери, многие из которых ведут во Внешнюю Тьму. Нам надо спешить!..

Рита опять схватила его за запястье, и пальцы ее впились в еще не совсем зажившую кожу так больно, что Ник вздрогнул. Но она этого не заметила, устремляясь вперед и увлекая его за собой.

Нисколько не прячась, Рита без тени сомнения выбирала кратчайший путь. Казалось, она здесь ничего не боится; однако Ник не разделял ее уверенности. Впрочем, попытавшись высвободить руку, он обнаружил, что с тем же успехом мог бы бороться с металлическими наручниками.

Он остановился, рывком остановив и Риту.

— Скажи толком, что нам угрожает, что такое мог сделать Страуд или что с ним могло случиться.

— Че задерживай нас! — Глубоко в глазах Риты вспыхнули странные огоньки. — Он бежал — но ты видел, на том месте остался ворон Кор, сын Тьмы. Это предупреждение нам, принадлежащим Роду, — чтобы мы не вмешивались.

— Но ты вмешиваешься.

— Да, просто я не могу поступить иначе. Существует связь между ними и мной, связь сердца, и за то время, что я принадлежу Роду, она не успела ослабнуть. По-прежнему меня заботит судьба тех, среди кого я была раньше. В Авалоне я свободна, свободна делать свой выбор. Если я решу пойти против Тьмы, никто не встанет у меня на пути, никто не скажет мне «нет». Ибо я выбираю, зная, какова может быть цена. Но мы теряем время. Идем же!

Ник больше не сомневался в том, что она решила стать их союзницей, что бы ни ждало их впереди. И то, как она торопилась, его испугало. Он лишь надеялся, что после своих приключений в городе успел достаточно прийти в себя, чтобы держаться на ногах, когда Рита пустилась бежать к пещере, навстречу тому, что могло там их ожидать.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Небо, с утра такое ясное, затянулось тучами. Хотя лето было в разгаре, задул холодный ветер, принесший с собой слабый, тошнотворный запах, словно от падали. Где только можно, Рита переходила на бег — и бежала быстро и легко, однако измученный Ник, несмотря на все свои усилия, неминуемо бы отстал, если бы через сжимавшую его запястье руку девушки ему не передавалась частица ее энергии.

Впереди показались крутые холмы, в которых находилась пещера, и там сгущалась тьма, громоздились тучи. Летающие тарелки не появлялись, но, хлопая крыльями, кружили какие-то твари, одни покрытые перьями, другие голые, кожистые. На земле тоже было какое-то движение, однако Нику ни разу не удалось разглядеть, кто там или что.

Рита не обращала на это ровно никакого внимания, словно возможность внезапного нападения ее ничуть не заботила. С таким же безразличием относился Герольд к атакам летающей тарелки.

Не дойдя до пещеры, Рита остановилась. Ник плохо видел в темноте, но чувствовал разливающиеся вокруг те же волны зла, которые ощущал, будучи пленником бродяг. Черная птица с горящими, как красные искры, глазами испустила пронзительный крик и метнулась прямо им в лицо. Свободной рукой Ник выхватил из-за пояса кинжал.

Крикнув второй раз, птица улетела прочь. С губ Риты тоже сорвалось восклицание.

— Железо! — Она отстранилась, но не выпустила его руку. — Убери его от меня — скорее! Оно послужит тебе, но принадлежащим Роду несет гибель.

В сумерках, сгуставшихся с необычайной быстротой, вокруг ее тела появилось сияние, которое Ник уже видел, ее глаза сверкали. Девушку охватило волнение, как перед тяжелейшим испытанием.

Еще он видел на земле, в кустах, непрестанное движение. Какие-то твари угрожающе глядели на них, однако пока никто не нападал. Рита все так же продвигалась к цели, но уже медленнее, шагом. Стояла мертвая тишина, те, кто прятался вокруг, ни звуком себя не выдавали. Они настоящие —

или только иллюзии? И если иллюзии, то что за враг их породил?

Окружив их плотным кольцом, рядом шли гномы — коренастые и волосатые. Они обращали лица, безобразно-человеческие, но невероятно злобные, к Нику и Рите, скалили острые, как у хищных зверей, зубы, открывая и закрывая по-лягушачьи широкие рты, словно что-то беззвучно говорили и выкрикивали.

За гномами следовали другие, в человеческий рост, худшие — просто обтянутые кожей кости, и безволосые головы были больше похожи на черепа. В покрытых плесенью лохмотьях, двигаясь скованно и неуклюже, они тем не менее ковыляли с удивительной скоростью.

И много еще кто двигался вместе с ними: звери, похожие на волков и в то же время как-то непристойно напоминавшие людей; змеи, ащерицы и прочие гады; гигантские пауки — все, что веками являлось людям в ночных кошмарах, здесь обрело жизнь. И это было еще не самое страшное — неожиданную тишину разорвали отчаянные вопли, и в воздухе запели стрелы.

— Бежим! — крикнула Рита. — Моих сил не хватит долго защищать нас обоих.

Светящийся ореол вокруг нее вытянулся и захватил Ника. Стрелы ударялись в него и падали на землю, послышались растерянные крики. На них бросались какие-то новые враги — и откатывались прочь от ярко светящейся дымки. Потом Ник услышал нечто, могущее быть только ружейным выстрелом. Первым его бессознательным порывом было упасть на землю, но Рита удержала его и продолжала тащить за собой. Светящийся туман сгущался, однако Ник явственно различал сквозь него людей в черных мундирах — целая армия, пусть и небольшая.

Это было Зло, и запах падали, который прежде долетал до них с порывами ветра, стал тошнотворно густым, от вони буквально перехватывало дыхание. Однако Ник уже смутно различал насыпь камней, за которыми прятался вход в пещеру.

Осаждавшие ее неохотно расступились, давая им дорогу. Неожиданно послышался треск пулеметной очереди, и на землю попадали наступающие на пещеру. Пулемет! Где только англичане его раздобыли?

— Скорей! — проговорила Рита, будто задыхаясь.

Они карабкались между камней, взбираясь все выше. Пулеметные очереди гремели непрерывно, оглушительно... Возможно, стреляли по ним, Ник не знал. По крайней мере, ни одна пуля не пробила созданную Ритой преграду, хотя она заметно утончалась.

Наконец они вывалились в расщелину, где находился сто-

рожевой пост. Сияние вокруг них померкло. Перед Ником вырос человек, в упор целясь в него из пистолета.

— Иллюзия! — крикнула Рита. — Это иллюзия!

Настоящая! Смерть, что глядит ему в глаза, — настоящая!

— Нет!

Ник ожидал удара пули, но его не последовало. Человек отвернулся, словно Ника здесь больше не было. Совершенно незнакомый, в полевой военной форме. Рядом у пулемета находились еще трое защитников, которые стреляли по силам Тьмы. Оступаясь, Ник поспешил за Ритой вниз, в пещеру.

Они все были здесь, даже Страуд, хотя уполномоченный гражданской обороны лежал на полу, и на его комбинезоне виднелись темные пятна. Остальные стояли, как люди, решившие сразаться до конца, готовые умереть, но не сдаваться.

— Ты! — вскрикнул Крокер, и его голос эхом отдался по пещере, поскольку грохот стрельбы стих. Джин схватила летчика за руку, когда он с расширившимися глазами шагнул к Рите, сжимая в руке кинжал. Он словно готовился отразить удар, хотя девушка стояла, не шелохнувшись. Ее сияющий ореол превратился в едва заметное мерцание.

— Нет! — воскликнула Джин. — Пулемет — мы должны удерживать пулемет...

Из темноты вынырнул Ланг и помчался прямо к Рите. Он скакал перед ней и лаял, изо всех сил стараясь привлечь ее внимание. Если прочие отнюдь не обрадовались ее приходу, то песик совершенно очевидно не разделял их чувств и открыто ликовал.

— Убирайся прочь! — Крокер сбросил руку Джин и двинулся с кинжалом на Риту.

— Остановись, Барри. — Между ними встал викарий. Он смотрел не на летчика, а на Риту. — Зачем ты пришла?

— Разве вы забыли, что когда-то я была одной из вас? Почему бы мне не прийти сейчас вам на помощь? Ваши действия привлекли сюда Силы Тьмы: вы играли с тем, чего не понимаете, — на свою погибель!

— Она одна из них! И желает нас погубить! — Крокер хотел, но все же не решился оттолкнуть викария в сторону.

— Я принадлежу Авалону, — ответила Рита. Лицо ее снова превратилось в бесстрастную маску, как у Герольда. — Однако вы открыли ворота, через которые вошла армия Тьмы, и не в ваших силах закрыть их вновь. Вы воспользовались могуществом, но лишены защиты...

— И пока мы тут разлагаемся, — подала голос леди Диана, — те, которые там, снаружи, нападут. Мы должны поддерживать...

— Вашу иллюзию? — перебила Рита. — Но то, с чем вы боретесь, — не иллюзия. Неужели вы не понимаете? У нас, принадлежащих Роду, свои враги. Вы их пробудили. Но у вас

нет нашего оружия, чтобы их победить. Посмотрите на себя — разве вы уже не устали? Создавая иллюзии, вы тратите силы. Пусть даже сейчас вы объединились, и безуспешно — но надолго ли вас хватит? А те, что находятся снаружи, не ограничены ни временем, ни физической уязвимостью тел, подобных вашим. Они могут ждать и ждать — до тех пор, пока вас не сломит усталость. И я вам говорю: лучше быть мертвым, чем живым, когда они сюда ворвутся. Сейчас наступает время Бегущей Тьмы. Зло покидает все те места, где обитало до сих пор. Те, кого оно настигает, превращаются в его орудия. Другие пытаются от него убежать — вы видели их. Участь таких будет немногим лучше, ибо их схватят охотники, ждущие в небе. Но к вам Силы Тьмы явились раньше срока. Авалон не станет вас защищать, ибо вы отвергли его свободу. Пусть даже вы оденетесь в железо, но и тогда найдутся те, кто сможет влиться в ваше тело, поселиться в нем, использовать как оболочку...

— Как ты — тело Риты? — Глаза Крокера пылали от бешенства.

— Я и есть Рита. Я Рита в большей мере, чем когда-либо, до того, как обрела свободу. Тогда я словно спала, а теперь пробудилась — для жизни! Да, я Рита, хотя вы и не верите мне. Думаю, вы просто не можете поверить, ибо нечто в вашей душе желает, чтобы я была чем-то меньшим. Разве это не так? Сегодня я сказала тому, кто пришел со мной, что сердце мое по-прежнему с вами. Возможно, это было правдой — когда-то. Когда я пришла к вам в первый раз, к когда-то дорогим мне людям, я пришла как нищенка, просящая у вас подаяния. Но я ошиблась. Ибо что вы можете дать мне теперь?

— Вероятно, ничего, — ответил ей не летчик, а викарий. Она рассмеялась.

— Как точно вы оценили. И все же... вот вы здесь... — Рита обвела взглядом англичан одного за другим. — Вы исполнены такого мужества, хоть и тратите силы на неверном пути. Я всех вас хорошо знаю, даже тех двоих, что недавно к вам присоединились. И хотя вы, возможно, мне не поверите, я желаю вам добра. И сделаю для вас все, что в моих силах. Но предупреждаю — это немного. Вы не обладаете свободой принадлежащих Роду. А то, что вы вызвали к жизни, очень сильно.

— Именно Авалон подсказал мне, как воспользоваться силой мысли, — проговорил Ник. — Зачем он это сделал, если это так опасно?

Рита казалась слегка удивленной.

— Не знаю. У Герольдов свои цели, которые определяет герольдмейстер. Сейчас настало время перемен...

— Таким образом, — уточнил викарий, — с наступлением времени перемен могут происходить необычные вещи? Логос

опять противостоит Хаосу. И ты говоришь, что у нас не хватит сил долго защищаться?

Рита покачала головой.

— Нет. Мы, обладающие свободой, черпаем силы из самого Авалона. Взгляните — вот что мы можем. — Она нагнулась и дотронулась до пола. От ее прикосновения камень раскрошился, и на поверхности остался отпечаток ладони. — Это не иллюзия, приложите руку те, кто мне не верит. Но вам не под силу подобное сделать, ибо ваши способности невелики. Объедините ваши усилия, как вы уже пробовали, — и все равно обнаружится предел, ибо земля не станет поддерживать вашу энергию.

Ланг, сидевший у ее ног, снова запрыгал, и она улыбнулась его веселью, положила руку ему на голову, а из темноты выскочил Джеремайя и с громким мурлыканьем принялся тереться о ее ноги. Рита ему тоже уделила ласковое прикосновение. Когда она подняла голову, на лице ее лежала тень беспокойства.

— Одни выбирают свободу, другие предпочитают свои цепи. Почему это так?

— Потому, — взорвался Крокер, — что мы остались сами собой! Мы не хотим превращаться в... в...

— В то, чем стала я? Но в таком случае что же и такое, Барри?

— Не знаю. Знаю только, что ты — не Рита. И что я ненавижу тебя за то, что ты с ней сделала!

— Но я Рита, целиком и полностью Рита. Страх — спутник ненависти. Ты ненавидишь меня, потому что боишься.

Ник увидел, как напряглось лицо Крокера. Словно у человека, который убивает другого.

— Вы видите? — обратилась Рита к Хадлетту. — Его разум глух к доводам, потому что он сам этого хочет. Каждый из нас воздвигает вокруг себя собственную стену. Какова ваша стена, викарий?

— Моя вера, Рита. Я прожил с ней всю свою жизнь, и она была частью моего существа. Я служитель своей веры, и как таковой не могу ее предать.

Она склонила голову.

— Вы слепы, но не можете сделать иного выбора, сообразуясь со своими представлениями. А ваша стена, леди Диана?

— Наверное, я тоже могу сказать, что это вера — в прошлое, в то, чем я жила... — Она говорила медленно, словно с трудом подбирая нужные слова.

— Пусть будет так. А ты, Джин? Да, я понимаю, что привязывает тебя к опасности и Тьме.

Девушка вспыхнула, губы ее сердито дрогнули, однако она промолчала и лишь ближе придвинулась к Крокеру.

— Миссис Клэпп? — продолжала Рита. Казалось, она хочет от каждого услышать последний решительный отказ.

— Ну... наверное, потому, что я всю жизнь ходила в церковь. Если викарий считает, что что-то дурно, я делаю так, как он скажет.

— А вы, Страуд?

— Как леди Диана сказала — ты выбираешь, с кем ты. Мне это подходит.

— А ты? — Рита повернулась к Линде.

— Если выбрать Авалон, то появится ли шанс вернуться в свой собственный мир? — спросила та.

— Этого я не знаю. Но полагаю, что желание остаться будет сильнее желания вернуться. Ибо ты становишься частицей Авалона.

— Тогда, я думаю, нет! А Ланг выбирал? — Линда опустила глаза на сидящего у ног Риты песика.

— Спроси.

— Ланг... Ланг... — негромко позвала Линда. Пекинес посмотрел на нее и подошел — медленно, но все же подошел.

— Они тоже остаются верны тем, кого любят, — проговорила Рита. — Поэтому он будет с тобой. Так же, как Джеремайя разделит вашу участь, миссис Клэпп.

Теперь настала очередь Ника. Он внутренне сжался, поскольку знал, что ответит и что его затем ждет. Почему он должен взваливать на себя это бремя? Его не связывают никакие узы сердца, о которых говорила Рита, и все же он должен поступить вопреки своим желаниям, и даже не мог объяснить почему.

— Я остаюсь, — произнес он прежде, чем она спросила.

Рита сдвинула брови.

— Для тебя это не то же самое, что для других. Ты говоришь те же слова, и все же из этого может получиться нечто большее. Увидим. Но сейчас я помогу вам всем. То, что подстерегает вас снаружи, — лишь предвестник надвигающегося следом. Объедините вашу волю с моей, и я установлю защитный барьер — хоть ненадолго.

— Нам ничего от тебя не нужно! — яростно проговорил Крокер.

— Барри, мы будем решать сообща, — остановил его викарий. — Полагаю, Рита, что ты желаешь нам добра. Что скажут остальные?

Крокер и Джин покачали головой отрицательно, но другие согласно кивнули. Таким образом, решение было принято, и они слили воедино свои усилия, стоя в пещере друг возле друга, не зная, что создается ими снаружи, но ощущая могучий прилив энергии, исходящий от Риты.

— Барьер долго не продержится, он лишь даст вам краткую передышку.

— Мы благодарны за все, что ты для нас сделала, — отозвался викарий. — И, дитя мое, мы желаем тебе самого доброго.

Рита подняла руку и очертила в воздухе анк, вспыхнувший на мгновение бледно-голубым пламенем.

— Желая вам — покоя. И чтобы никто не смог его нарушить.

Она снова заплакала, слезы потекли по ее белым щекам. Затем Рита повернулась и пошла прочь, и сияющий туман окутал ее плотным облаком, так что оставшиеся не видели, как она исчезла.

— Она пожелала нам смерти! — взорвалась Джин. — Вы же поняли: она назвала ее «покоем» — смерть!

— Она пожелала нам лучшее из того, что может нас ожидать. — В голосе Хадлетта звучала глубокая усталость. — Думаю, она говорила правду.

— Да, — мрачно согласилась леди Диана и, не проронив более ни слова, подошла к костру и остановилась рядом, не сводя с пламени неподвижного взгляда.

Линда приблизилась к Нику.

— Мы можем вернуться назад... — горячо проговорила она.

— Куда — назад? — Ник ее едва заметил.

— В наш мир.

— Что ты хочешь сказать? — спросил он, очнувшись от задумчивости.

— Если бы нам выбраться отсюда и вернуться, куда мы попали с самого начала... А уж там мы бы сделали дверь и через нее бы прошли. Раз нам удалось создать солдат с пулеметом, — Линда махнула рукой в сторону выхода из пещеры, — значит, сумеем вернуться, стоит только как следует напрячь волю, всем вместе. Ну, понимаешь? У нас может получиться — должно получиться! — закончила она с такой страстью, словно уже видела заветную дверь, за которой лежало старое доброе прошлое.

— Допустим, даже бы и удалось, — возразил Ник, — как же мы до того леса-то доберемся? Если мы выйдем из пещеры — ты представляешь, что нас ждет снаружи? К лесу нам не пробиться — когда там сторожит вся эта нечисть.

— Мы можем, — стояла на своем Линда, — использовать иллюзии. Ты же знаешь — нам ничего другого не остается.

— Что такого нам не остается? — вмешалась Джин. Голос ее звучал враждебно.

— Надо попробовать вернуться в наш мир. Я говорила Нику — мы можем это сделать! Если вернуться туда, где мы оказались с самого начала, где остался «Джип», и сделать дверь, тогда мы сможем в нее пройти! Нужно попробовать. Поймите же, мы должны попытаться!

С каждой фразой ее волнение нарастало. Ник ни секунды

не сомневался, что Линда ошибается, но с удивлением увидел, как загорелись глаза Джин.

— Если бы это удалось... — Она глубоко вздохнула. — Да, если бы удалось, и он... мы... избавились бы от этого всего! Было бы чудесно! Но тот лес далеко отсюда, а у входа еще и эти...

— Но нам только и остается, что попытаться, — настаивала Линда. — Она... Рита... ты слышала, она сказала, что худшее еще впереди. Если останемся здесь — мы пропали. Но если сумеем пробраться назад...

— Не сумеем, — ответил ей подошедший Крокер. — Если б дорога была свободна — да, стоило бы попытаться. Но сейчас нам туда не пробиться.

— И поэтому будем сидеть, — набросилась на него Линда, — и ждать, когда все эти ужасы нас одолеют? Ты этого хочешь? Я не верю, что у нас нет возможности выбраться.

Она переводила горящий взгляд с одного на другого. Возможно, в лице Джин Линда по-прежнему имела союзницу, но Ник-то знал, насколько невозможен такой поход. Он сам добрался лишь потому, что с ним была Рита: без нее он много бы не прошел, независимо от того, сколь яростно стал бы сражаться, — Ник отлично это понимал. А сейчас с ними миссис Клэпп и викарий, и раненый Страуд — нет, у них не будет ни малейшего шанса.

— Мы должны вернуться, — повторила Линда. — Я... я не хочу умирать. И ты права, Джин, Рита пожелала нам смерти. Она... Люди с Холмов ничем нам не помогут. Мы можем полагаться только на себя. Единственное, что нас теперь спасет, — возвращение домой. А может... может, вовсе и не нужно возвращаться на старое место. Может, нам удастся создать эти ворота прямо здесь! — Она говорила все быстрее и быстрее.

Ник отошел прочь. Он так устал, что едва держался на ногах. Он совершенно не верил, что план может удался, и был слишком измотан, чтобы спорить. Ник сел на полу и заметил подошедшую миссис Клэпп, лишь когда она протянула ему деревянную миску. В миске была налита какая-то жидкость с резким запахом.

— Выпей-ка, голубчик. Это тебя подбодрит. И вот что ты мне скажи — но только правду, ничего не выдумывая из-за того, что я старая, а старушкам надо говорить одни лишь приятные вещи. Я уж достаточно пожила и знаю, что на свете есть многое очень-очень неприятное. Это — бремя, которое мы должны нести, когда настает срок. Как ты думаешь — ты ведь был там снаружи и своими глазами все видел, — мы можем сейчас что-нибудь предпринять?

Ник сделал глоток. Горьковатый напиток соответствовал положению вещей. Однако он согревал — хоть и не мог изгнать внутренний холод, поселившийся в его душе и теле.

— По-моему, мы ничего не в силах сделать сверх того, что уже сделано. Она сказала, что Силы Тьмы могут заставить людей служить себе. И я видел там, вероятно, как раз таких. Не знаю, как долго продержится защитный барьер.

Она кивнула.

— Главное — не то, что ты сказал, а о чем промолчал. Ну что ж, бывали в жизни и хорошие времена. Но для вас, молодых, было б лучше, если бы вы пожили подольше. Жаль, что Джеремайя не ушел с Ритой, да и песик тоже. Нехорошо, что славным зверушкам придется быть с нами. — Она тяжело вздохнула и взяла у него пустую плешку.

Нику безумно хотелось добраться до своей убогой постели и лечь. Но кто знает, когда рухнет установленный Ритой защитный барьер? Не мешало бы взглянуть, что делается снаружи.

С трудом он поднялся на ноги и побрел к выходу из пещеры, а потом дополз до сторожевого поста. Пулемета-призрака не было, но в футах пяти от Ника висело светящееся облако, хорошо видимое в темноте. Если что-нибудь и двигалось за этой завесой, Ник ничего не мог рассмотреть.

Впрочем, он ничуть не сомневался, что они все еще здесь. И будут выжидать, пока не падет преграда. Когда же это случится — иллюзии, которые нельзя долго поддерживать, и затем...

Ник положил руку на каменную глыбу, уронил на нее голову и прикрыл глаза. Однако он не мог закрыть доступ своим мыслям. Рита и Герольд были правы: эти упрямые англичане, он, Линда — все они погибнут ни за понюшку табака. Он не верил, что Авалон несет зло.

Исходящее от анка излучение едва его не убило, но в нем не было ала. Просто он сам, такой, каков он есть, слишком хрупок, слишком слаб для того, чтобы принять столь мощный поток энергии.

Теперь Тьма затопляет страну. Только в городе, только в местах, наделенных свободой Авалона, останется свет. А отвергнувшие свет открыли ворота Тьме. Попытавшись по-своему воспользоваться даром света, они, как сказала Рита, сами навлекли на себя беду.

Но почему же Герольд подсказал Нику то, что привело его к открытию этой силы? Конечно, не случайно; возможно, он хотел Ника испытать — и Ник не выдержал испытания, неверно распорядившись открытием. Вполне могло быть и так.

В любом случае теперь ему придется встретить свою участь и постараться сделать это достойно. Быть может, Рита была так же права, желая им быстрой смерти — лучшего, что могла пожелать.

Ник задумался о смерти. Что это — конец или же начало? Никто не знает, люди лишь надеются на лучшее, и он в том

числе. И какая-то часть его души страшится полного уничтожения более всего на свете. Смерть может представлять собой покой лишь в таком мире, как этот.

— Николас...

Он поднял голову. В отблесках светящейся стены Ник увидел Хадлетта, хотя и не смог разглядеть выражения его лица.

— Да, сэр?

— Сэм сказал, ты был в городе. Что там внутри?

Борясь с усталостью, Ник рассказал о стенах и улицах, о дверях с рисунками, которые проявляются, стоит коснуться их рукой, и, наконец, об огромном анке и потоке излучаемой энергии, которая в состоянии убить человека, если он не готов ее воспринять.

— Вписанный в окружность крест, — повторил викарий. — Да, ключ к бессмертию, как называли его египтяне, вкладывая в руки своим богам. Источник энергии, которую могут поглотить лишь те, кто ей подчинится.

— Они не несут в себе зла, — ответил Ник. — Я видел зло и знаю, что в городе его нет.

— Да, это не зло, и все же оно требует отказа от собственной воли, от своего «я».

— Чего требует также и наша религия. — Ник сам не знал, откуда он взял эти слова.

— Но это старый путь, с которого мы давным-давно свернули. Николас, подчиниться этой силе — значит предать все то, во что мы сами верим.

— Или обнаружить, что, в сущности, есть один-единственный источник, из которого берут начало многие реки... — Ник опять осознал свои слова лишь после того, как их произнес.

— Как ты сказал? — резко и требовательно переспросил викарий.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Ответить Ник не успел — из-за светящегося барьера донесся звук, который он уже слышал раньше: неодолимый, разламывающий голову зов, что увел за собой захвативших Ника в плен бродяг. Он прижал к ушам ладони, но звук этот словно рождался у него в мозгу.

Только на сей раз зов не был столь требовательным. Ник стиснул зубы, противясь властному призыву. В слабом свете он видел, как, затыкая уши, скорчился на камнях Хадлетт, уткнувшись в колени седой головой.

Не поддаваться! Ник напряг всю свою волю. Он не знал, в чьих руках это оружие, но оно служило Силам Зла. Затем он

увидел, что кто-то пробирается мимо него. Ник вытянул руку, пытаясь его остановить, но мощный удар отбросил его прочь.

К защитному барьеру устремился Крокер. Следом карабкались остальные: Джин, не отставая от него ни на шаг, леди Диана, с искаженным мукой лицом, зажимая ладонями уши, и, наконец, Страуд, шатаясь, словно пьяный или обессиленный человек, которого заставляет идти лишь жестокая необходимость.

Все четверо достигли светящегося облака прежде, чем Ник сумел подняться на ноги, нырнули в него и исчезли из виду. Хадлетт тоже неуверенно двинулся было вперед, но теперь Ник успел. Он подскочил к викарию, обхватил его руками и повлек ко входу в пещеру.

Линда, миссис Клэпп — он должен их остановить, если сможет. Он упорно тащил Хадлетта вниз. Мучительный зов все не стихал, однако Ник мог ему противостоять — должен был противостоять. Ведь на этот раз он не был надежно привязан к дереву.

В свете голубых огней внутри пещеры Ник увидел какую-то неразбериху. Миссис Клэпп лежала на полу, отчаянно порываясь встать. Линда стояла рядом на коленях, но не помогала, а обеими руками нажимала ей на плечи, не давая подняться, и миссис Клэпп извивалась и колотила руками по каменному полу пещеры.

Рядом припали к полу Джеремайя и Ланг. Пекинес злобно рычал, кот подвывал и бил хвостом. Оба так смотрели на женщин, словно в любой момент готовы были присоединиться к сражению.

Лицо Линды было искажено и обезображено болью, она стонала и всхлипывала. Миссис Клэпп издавала какие-то нечленораздельные звуки.

— Помогите! — задыхаясь, выговорила Линда, увидев, как Ник затащил еле державшегося на ногах викария. Ник с силой толкнул Хадлетта в глубь пещеры и, более о нем не заботясь, подбежал к Линде.

— Ей... нельзя... идти...

— Да! — подтвердил он. Но его помощь уже не требовалась — испутив последний крик, миссис Клэпп обмякла и затихла.

— Нет! — закричала Линда. Она приподняла ей голову, прислонила к груди, поддерживая рукой, тихонько коснулась ее лица. — Ник, ну не умерла же она!

— Не думаю. Присмотри за ней. — Ник вернулся к Хадлетту.

Осев на пол, викарий сидел, раскинув ноги, уронив голову, руки бессильно лежали на полу ладонями вверх. Он тяжело и отрывисто дышал, но более не подавал никаких признаков жизни.

Мучительный зов начал удаляться и стихать. Ник смог привести в порядок мысли, чуть расслабиться. Кот и пекинес по-прежнему были настороже, но примолкли, словно им было нужно время, чтобы перевести дух.

— Она... она жива, Ник! — Линда подняла глаза от лица миссис Клэпп. — Но остальные... они ушли... куда?

— Не знаю.

— Это... на нас снова напали Силы Тьмы?

И опять Ник не смог ответить.

— Не знаю. То же самое увело за собой бродяг, которым я попался. Но я не видел, что порождало звук, — только как они ушли.

— Так же, как наши. — Линда удобнее устроила на своей руке голову миссис Клэпп. — Ник, я тоже хотела идти. Но мне под ноги бросился Ланг, он прыгал на меня, не давал сделать ни шагу. А Джеремайя вцепился миссис Клэпп в юбку, запутал ее так, что она упала. Они... они оба... помогали мне думать, помогали понять, что мне нельзя идти... и ей нельзя идти. Но как спаслись вы с мистером Хадлеттом?

В третий раз у Ника не было ответа. Он знал только, что сумел противостоять этому мучительному, парализующему волю зову и к тому же удержать Хадлетта. Он гнал прочь мысли о том, что могло случиться с остальными. Пока достаточно знать уже то, что здесь они одержали победу.

— Может быть, от того, что я уже слышал этот звук раньше и не мог идти, — предположил Ник. — Может, он во второй раз теряет силу. А Хадлетт был рядом со мной. Он не сразу пошел туда, и поэтому я смог...

— Спасти меня, Николас. — Викарий медленно поднял голову. Его худощавое лицо было изможденным, как у смертельно больного человека. Вдруг задергалась левая щека; судорога на мгновение исказила лицо уродливой гримасой. — Спасти меня от козней самого Дьявола, Николас. — Он выпрямился, поморщившись, словно это движение причинило ему боль. — Мы не должны допустить, чтобы остальных увело... увело это! В них вселился Дьявол...

— Джеремайя! — Миссис Клэпп открыла глаза, взглянула на Линду, и глубокое изумление было написано у нее на лице. — Джеремайя... он напал на меня! Мой мальчик, мой собственный кот — он сошел с ума!

— Нет, — успокоила ее Линда. — Он хотел спасти вас — и спас.

Кот подобрался ближе. Он поставил передние лапы на грудь миссис Клэпп, потянулся к ней носом, потом лизнул розовым язычком ее в щеку.

— Джеремайя, — миссис Клэпп положила руку ему на голову, — зачем...

— Чтобы спасти вас, — повторила Линда. — Так же, как Ланг спас меня, а Ник мистера Хадлетта.

— Но... — Миссис Клэпп попыталась сесть, Линда ей помогла. Старушка огляделась. — Где все? Леди Диана — она же вот прямо здесь была... и Джин, и Барри...

— Они ушли, — ответил ей Хадлетт. — И мы должны сделать все, чтобы им помочь, и как можно скорее.

Он поднялся на ноги, с трудом, но торопясь, словно его влекла та же неистовая сила, которая увела остальных. Ник на всякий случай преградил ему дорогу.

— Мы не знаем, с чем имеем дело. Сейчас идти вслепую, напролом — значит лишиться тех немногих шансов, которые у нас еще, возможно, есть.

Какое-то мгновение казалось, что викарий с жаром заспорит, а то и попытается прорваться к выходу. Затем плечи Хадлетта поникли, и он погасшим голосом ответил:

— Конечно, ты прав, Ник. Но нужно же что-то делать.

— Я собираюсь. — Ник сказал это против воли. Опять его вынуждали принять решение, которое он не хотел принимать, взяться за дело, которое, он знал, было опасным. Звук замер вдали, боль в голове успокоилась. Означает ли это, что враг отступил, удовлетворившись своей легкой добычей, или он притаился, готовясь к новой и, быть может, более грозной атаке? Впрочем, нет смысла заглядывать в ожидании неприятностей в будущее — их вполне достаточно и сейчас.

— Не в одиночку. — В голосе Хадлетта зазвучали присущие ему сила и решительность. — Мы должны идти вместе.

— Мы все, — перебила Линда, — все вместе.

Ник хотел было возразить, но понял, что, возможно, это разумнее. Просто безумие оставлять женщин здесь одних — а он знал, что ни за что не уговорит викария остаться в пещере. Как только исчезнет защитный барьер, Силы Тьмы хлынут внутрь, и положение Линды и миссис Клэпп станет безнадежным. А после всего, что он видел по пути из города, Ник был убежден, что они не должны встречаться с тем, что прыгает, ходит, ползает у входа в пещеру.

Разумеется, вообще покинуть свое убежище — верх глупости. Однако Ник был уверен, что если не пойдет, то викарий отправится один или же с обеими женщинами. Приходилось действовать в соответствии со здравым смыслом — настолько, насколько позволяло положение.

Поэтому он предложил собрать все необходимое в дорогу, с тем чтобы самый тяжелый груз нести ему и Линде, хотя миссис Клэпп и викарий настаивали на том, чтобы им отдали их долю поклажи. И викарий очень помог своими советами опытного человека.

— Есть ли отсюда еще какой-нибудь выход — кроме того, что я обнаружил? — спросил Ник.

— Вдоль ручья, сэр... — Миссис Клэпп обернулась к викарию.

У Хадлетта на лице читалось сомнение.

— Там тяжело идти, Мод.

— Пусть тяжело, — решительно ответила она, — но если мы придем туда, где эти твари не сидят и не дожидаются нас, — так это же хорошо?

— Пожалуй, да... — отозвался викарий, но было ясно, что миссис Клэпп его не убедила.

— Вдоль какого ручья, сэр? — ухватился за идею Ник.

— Подземного. Мы никогда по нему не ходили, но Страуд говорил, что в одном месте там можно выбраться наружу. Я полагаю, на приличном расстоянии от этого... — Хадлетт указал на вход в пещеру.

— Тем лучше. — Ник немного воспрянул духом. Он бы предложил уйти через тот ход, который сам нашел, но был уверен, что ни викарий, ни миссис Клэпп не смогут там протиснуться.

Вот если бы их пулемет-иллюзия был настоящим или имели бы они другое оружие из своего собственного мира... У Ника оставался кинжал, а сейчас он обнаружил у себя в сумке туристский топорик, о котором совсем позабыл. Поскольку у Хадлетта тоже был кинжал, топорик Ник отдал Линде. Железо — не так уж много, чтобы защищаться. С тем же успехом, со злостью подумал Ник, можно идти вообще с голыми руками.

Миссис Клэпп огляделась. Она уже сложила деревянные миски, скатала несколько грубо сплетенных циновок. Она явно не сомневалась, что вернутся они в пещеру еще очень и очень не скоро.

— Не больно-то тут уютное место, но оно хорошо нам послужило.

— Да, Мод, — мягко отозвался Хадлетт.

— Иногда... я порой вижу во сне, как иду по дорожке, а вокруг розы и лилии, луковицы которых мне дала миссис Лэнсдоун из нашего прихода. И я вижу свою дверь, и на ступеньке меня поджидает Джеремайя. Вот что мне снится, сэр. И так ясно, ну будто я наяву все вижу.

— Я понимаю, Мод. Хотелось бы знать, действительно ли тогда бомба попала в церковь святого Михаила. Без малого пятьсот пятьдесят лет она простояла — это большой срок. Для меня она стоит по-прежнему.

— Мы все это можем вспоминать, сэр. Этого у нас никто не отнимет. Иногда закроешь глаза, когда отдыхаешь, — и увидишь все, да так ясно... Может, если бы мы вернулись... Я подчас думаю, сэр, что все это видится лучше, чем было на

самом деле. Вы знаете, как бывает. Так вспоминаешь детство — все тогда было ярче и лучше. И годы тянулись не спеша, а не проносились, как сейчас, так что оглянуться не успеешь. А уж событий-то были полны! Ну, что-то я заболталась, пора и трогаться. Хотя и не больно-то уютное, но это было хорошее место. Пошли, Джеремайя! — закончила она оживленно и бодро.

Линда приблизилась к Нику.

— Мне от ее слов плакать хочется. Ник, я не хочу вспоминать, не могу. От этого со мной что-то такое делается, я прямо сама не своя, просто завывать готова: «Выпустите меня!» С тобой так бывает?»

— Это зависит, — отозвался он, поднимая свою поклажу, — от того, к чему тебе возвращаться. Впрочем, что толку сейчас заглядывать далеко вперед. Лучше думать о том, как отсюда выбраться.

— Ник, — перебила Линда, — что мы можем сделать... чтобы им помочь? Сможем мы их хотя бы найти?

— Вряд ли. Но эти двое, — Ник кивнул на викария, который помогал миссис Клэпп перебраться через порожек боковой ниши, — не оставят попыток. И мы не можем их бросить.

Линда прикусила губу и нахмурилась.

— Да, это верно. Они когда-нибудь признают, что это бесполезно? Как по-твоему, что произошло с остальными?

— Я знаю не больше твоего, — кратко ответил он, пытаясь обуздать воображение, рисовавшее всяческие ужасы.

Ход, которым повел их Хадлетт, оказался таким узким, что вскоре им пришлось идти гуськом. Лишь Джеремайя и Ланг не испытывали неудобств и намного обогнали людей. Линда то и дело обеспокоенно окликала песика, и каждый раз тот коротко таякал в ответ.

Очень скоро они добрались до ведущего глубоко вниз коридора. Пока шли по нему, дважды приходилось сгибаться в три погибели и пробираться в этом неудобном положении. Фонариком Ника Хадлетт освещал самые трудные места.

Послышалось журчание воды, и они наконец выкарабкались в более широкий туннель. Очевидно, за многие века его проточила подземная река, однако сейчас по широкому руслу бежал лишь сравнительно узкий ручей.

— Сюда. — Хадлетт повернул влево, чему Ник про себя порадовался.

Если только Ник не ошибался, где бы они здесь ни выбрались на поверхность, это будет далеко от верхнего входа. Хотелось бы знать, держится ли еще заслон. Когда он исчезнет, перейдет ли враг в наступление? Не встретив сопротивления, они могут войти в пещеру. С этой мыслью Ник озабоченно оглянулся через плечо, прислушался, однако за шумом ручья

и звуками их собственных шагов ничего не слышал. Жаль, что пекинес и Джеремайя убежали так далеко вперед: они слышат куда лучше людей и в случае чего могли бы поднять тревогу.

Ник у хотелось прибавить шагу, однако он знал, что викарий из-за своего возраста и миссис Клэпп на своих с трудом сгибающихся больных ногах идти быстрее никак не могут. Он вытащил кинжал, все так же прислушиваясь и пытаясь различить какие-нибудь посторонние звуки.

— Здесь... — Хадлетт посветил фонариком влево.

В стене туннеля виднелась расщелина; затем луч упал на воду. Чтобы добраться до расщелины, по ней придется пройти. «Насколько здесь глубоко?» — подумал Ник. Джеремайя уже сидел на другом берегу, но Ланг заскулил, подбежал к Линде и стал проситься на руки. Значит, пекинес считает, что глубина слишком велика, или не желает идти вброд еще по какой-то причине. Кот, очевидно, перепрыгнул. Ник принял к сведению предостережения Ланга.

— Не ходите в воду! — Он протиснулся к викарию. — Дайте фонарик.

— Ты видишь, как ведет себя Ланг, — протянул фонарик Хадлетт.

Ник присел на корточки; остальные прижались к стене туннеля. Он посветил на воду. Никаких признаков быстрого течения, и дно кажется мелким, но у него нет большого опыта, чтобы судить об этом наверняка. Ручей может быть ловушкой, которую инстинктивно чувствуют животные. Однако им его не перепрыгнуть — талантами Джеремайи они не обладают. Придется идти вброд...

— Ник! — Линда упала рядом на колени, указывая рукой выше по течению.

Что-то возмущало тихую гладь воды, но это не был подводный камень, почти достигавший поверхности: рябь явно приближалась к ним. Ник передал фонарик Линде.

— Держи! — Сам он приготовил кинжал, ибо не сомневался, что перед ним враг.

Рябь на воде исчезла, но дыхание Ника участилось. Что бы там ни было, оно не ушло — скорее нырнуло глубже, желая подобраться незаметно.

— Ник! — взвизгнула Линда.

Ее быстрая реакция их спасла. Метнувшая из-под воды рука не достигла цели. Напрасно хватали воздух перепончатые пальцы — Линда держала фонарик на безопасном расстоянии.

Ник всадил кинжал в воду, и она словно вскипела. Затем из нее поднялись голова и плечи существа, которое пыталось похитить фонарик. Ничего общего с человеком: во-первых, ростом оно не могло быть много больше Джеремайи, а во-вто-

рых, все было покрыто шерстью, как выдра или тюлень. У него были огромные круглые глаза, усатая морда и спутанная жесткая грива, доходившая до плеч. Зверь ощерился, показав желтые клыки, затем клацнул ими, закрыв пасть, и зашипел, почти как разъяренный Джеремайя.

Ник снова занес кинжал. Водяная тварь забилась, замаякала, однако отступила. Ник был уверен, что перед ним один из истинных обитателей Авалона, впрочем, не похожий на принадлежащего к Силам Тьмы. То, что он враждебен человеческому роду, было очевидно, однако зверь не казался олицетворением зла.

— Подожди-ка, дружок. — Вперед выступила миссис Клэпп. — Он, конечно, побоится железа, но есть и другой способ его прогнать.

Ник удивленно вскинул глаза, а она порывалась в сумке и извлекла оттуда какую-то веточку. Торжественно, будто совершая священный обряд в разрушенной церкви святого Михаила, она проговорила:

Русалочка-фея,
Гляди, вода мелеет,
В твоём домике беда,
Идут-бредут к нему стада,
Копытами грохочут,
Твой домик растопчут,
Вот тебе бузина, вот тебе рябина:
Считаю до трех — уходи со стремнины!

И она трижды ударила по воде своей веточкой.

Водяная тварь молча, с опаской глядела на миссис Клэпп, но с последними ее словами испустила душераздирающий вопль и нырнула. Было видно, как она молнией понеслась вверх по течению. Лагг с яростным лаем помчался следом по берегу, не слушая призывов Линды.

Миссис Клэпп засмеялась.

— Вот уж не думала, что этот заговор когда-нибудь пригодится. Старая тетушка Мэг — она была знатоком. Даже не теткой мне приходилась, а была сестрой моей прабабушки. Но прожила она очень долго. Уже за сто лет ей было, когда она легла в свою постель последний раз. Была она знахаркой и предсказывала будущее. Люди к ней ходили бородавки заговаривать, и все такое, да только потом молодые стали над этим смеяться. Тетушка Мэг зналась с домовыми, хотя не очень-то об этом рассказывала. Как-то, я еще маленькая была, она дала мне кусочек желтого пирога. Сказала, что испек домовая. А когда я его принесла домой, матушка вырвала у меня из рук, бросила на землю и растоптала. Сказала, все это глупости, но она кое-что знала о том, каково иметь дело с домовыми. А это был водяной. Тетушка говорила, они зловредные. Живут в

болотах — некоторые из них — да сбивают людей с пути. Тетушка меня и заговору научила, и что надо бузину при себе держать. Бузиной лучше всего от их проделок защищаться. Она меня этому научила, когда я ходила за молоком на ферму Барстоу, а если возвращаться коротким путем, то надо было как раз идти через болото. Я уже понимала, что к чему, и держала язык за зубами, и матушка про это не знала. Однако водяных я там ни разу не видела. И все же всегда была настороже, как учила тетушка.

— Он вернется? — Линда уже поймала Ланга и держала его на руках.

— Нет, если делать все как надо, — ответила миссис Клэпп, очевидно полностью уверенная в своем способе обращения водяных в бегство. — Сперва посмотрим, как тут глубоко. — Она смерила глубину своим прутиком. — Примерно по колено. Теперь, — уверенно продолжала она, — нужно снять башмаки; мне придется поднять юбку, а вам — закатать штаны. Лучше нам самим промокнуть, чем одежде, да и высохнем мы скорее.

— Весьма разумная предосторожность. — Викарий уже стаскивал мокасины.

— А это, — миссис Клэпп подняла веточку, — я поставлю здесь, — она воткнула ее в дно, — будет нам прикрытием.

Они пошли-таки вброд, хотя Ник не спускал с воды глаз, опасаясь, что водяной вернется.

— Захвати веточку, дружок, — крикнула миссис Клэпп, когда он последним вступил в ручей. — Кто знает, когда я найду новую бузину. Не больно-то она здесь растет.

Ник выдернул прутик и, не вытаскивая его на всякий случай из воды, дошел до остальных и вернул владелице. Миссис Клэпп стряхнула с веточки капли и деловито спрятала в свой мешок, словно ее действия при встрече с водяным были столь же обыденны, как еда или сон.

Теперь они карабкались вверх, и подъем был круче, чем перед этим спуск; он тяжело давался миссис Клэпп. Временами всем троим приходилось ее подталкивать или тащить. Она с трудом переводила дух, но ни разу не пожаловалась, а порой даже подшучивала над собственной неловкостью.

— Сейчас прямо вперед. Фонарик мне лучше выключить. — Хадлетт нажал кнопку. Они мгновенно оказались в крошечной тьме, и Ник уже было запротестовал, но викарий предложил: — Подождем, пока глаза привыкнут к темноте. Наверху ночь, но все равно должен быть какой-то свет... лунный хотя бы...

— Теперь я пойду первым. — Нику вовсе этого не хотелось, но он не собирался прятаться за спинами двух женщин и старика. Что-то мягкое скользнуло мимо его ноги, и он чуть не вскрикнул — затем понял, что это Джеремайя.

Ник довольно-таки сильно ударился о каменную стену: туннель поворачивал. Ощупывая стену одной рукой, в другой сжимая кинжал, он завернул за угол и действительно увидел впереди смутно различимое пятно выхода.

— Подождите, я схожу на разведку, — прошептал он.

— Хорошая мысль, — согласился Хадлетт.

Ник продвигался вперед очень медленно, опасаясь обо что-нибудь споткнуться и на шуметь. Те, кто осаждал главный вход в пещеру, могли выставить караул и здесь.

Пройти этот короткий путь было самым трудным, что Ник когда-либо заставлял себя делать. Но вот наконец он ощутил дыхание свежего ночного воздуха, увидел свет луны. Притаившись, он весь обратился в слух, отчаянно жалея, что не знает, какие звуки рождены естественной ночной жизнью, а какие сулят опасность.

Затем он разглядел Джеремайю. Кот сидел снаружи, и его серую шкурку с трудом можно было различить во мгле. Джеремайя передал Нику одно из своих мысленных сообщений: вокруг все спокойно — они ускользнули от Сил Тьмы — пока.

Ник пробрался назад до поворота и шепотом сообщил эту добрую весть. Несколько секунд спустя они уже стояли под куполом звездного неба, в свете серебряной луны.

— Куда мы теперь пойдем? — спросила Линда. Она не спускала Ланга с рук, и Ник подумал, что она боится, как бы песик не угодил в какую-нибудь ловушку.

— Пожалуй, вперед. — Хадлетт держал в руке компас Ника. — Нам следует взять восточнее и пройти немного, а потом уже повернуть на юг. Тогда нам, вероятно, удастся обойти стороной тех, что у пещеры.

— Если они еще там, — заметил Ник.

Захватив четырех пленников, станут ли они караулить остальных? Он полагал, что скорее они оставят у пещеры лишь небольшой отряд, а сами пойдут с пленниками своей дорогой. Если те еще пленники, а не...

Он обуздal воображение и отогнал эту мысль. Еще не время. До тех пор, пока они не получили доказательства обратного, он будет считать их живыми. Возможно, приняв предложение викария, они потеряют время, но план разумен. И чем меньше будет вероятность встретить ту нечисть, которую Ник уже повидал, тем лучше.

Рита... вернулась ли она в дающий покой и безопасность город? Она ясно дала понять, что больше им на помощь не придет. Но это вполне справедливо: они отвергли все то, что она предлагала. И вот что получили взамен — потеряли половину своих товарищей.

— Николас.

Ник повернулся к едва различимой фигуре Хадлетта, ко-

торый держал за руку миссис Клэпп, поскольку та плохо видела в темноте.

— Что такое?

— Мы больше не одни.

Этого леденящего кровь известия Ник боялся с той самой минуты, когда они выбрались из-под земли на поверхность.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Ник почувствовал чье-то присутствие — одного или многих, но это не было зло, исходящее тошнотворными эманациями от Сил Тьмы. Громко мяукнул Джеремайя.

Тут Ник снова его увидел. Рядом был Ланг, вырвавшийся, очевидно, у Линды из рук. Они стояли бок о бок, а перед ними — фантастический лесной зверь, крупнее их обоих; наклонив голову, он потянулся носом сперва к мордочке Джеремайи, затем к Лангу.

Это был один из тех зверей — или такой же, что сопровождали Зеленого Человека: Хадлетт называл его «энфильдом». От него исходило золотистое сияние, окружавшее его тонким облачком, как Герольда или Людей с Холмов. И в этом свете видна была лисья морда, тело, как у борзой, передние лапы похожи на орлиные, с большими когтями, задние — как у собаки. И волчий хвост.

О чем говорили Джеремайя с Лангом и энфильд, никто не знал. Однако энфильд поднял к небу морду и издал звук, не похожий ни на лай, ни на вой, скорее подобный пению. Из темноты ему ответили самые разнообразные крики, словно странные и незнакомые существа окружили их кольцом.

Энфильд повернулся поглядеть на них. Его глаза горели, как два желтых огонька. Несколько мгновений он изучал людей, затем подал голос во второй раз. Когда на его крик отозвались, он исчез — погас, как пламя свечи под порывом ветра.

— Что?.. — дрожащим голосом начала Линда.

Но Ник знал — знал без всяких слов.

— Нам нечего бояться с их стороны, — сказал он.

— Неприкосновенность в лесах, — прибавил Хадлетт. — Возможно, на нас не распространяется действие этого древнего закона. И все же...

— Не понимаю, о чем вы! — не выдержала Линда. — Что... что это было? Ник, судя по голосам, они же со всех сторон. Что, если...

— Нам нечего бояться, — повторил он. — Они нам не сделают ничего плохого.

Можно ли надеяться, что у них появилась охрана? Или же невидимая стая будет просто соблюдать нейтралитет? Ник

знал, что они по-прежнему здесь, хотя их и не видно. А когда исчез сияющий анфильд, не стало видно также ни Ланга, ни Джеремайн.

— Нам лучше идти дальше, — добавил Ник, промолчав о том, что ему хотелось знать, пойдут ли звери следом.

— Да, да, пойдете! — с готовностью подхватила Линда, явно желая уйти подальше от того, что скрывалось в зарослях. — Ланг, — тихонько позвала она. — Ланг, ко мне!

Пекинес тут же подошел, она подхватила его и крепко прижала к груди, словно боялась, что в любой момент его могут у нее отнять. Ник почувствовал, как что-то пушистое и мягкое ткнулось ему в ноги, наклонился и поднял Джеремайю. Кот, выгнувшись, улегся у него на плечах, подобно меховому воротнику. С таким грузом Нику было не слишком удобно, однако он знал, что с выбором Джеремайи должно согласиться.

Сверяясь с компасом, они шли на восток, обходя стороной открытые пространства. Шли они медленнее, чем раньше. Даже не оглядываясь, Ник знал, что миссис Клэпп начала отставать, да и викарый, как подозревал Ник, совсем выбился из сил. Им нужен отдых.

Когда он предложил сделать привал, никто не возразил, и все повалились на землю под спасительный кустарник. Джеремайя прыгнул с плеч Ника и тут же куда-то исчез.

Они не знали, как далеко ушли от пещеры; Ник подумал, не пора ли уже поворачивать к югу и постараться выйти на след пропавших товарищей.

При свете дня сделать это будет легче, и Ник посоветовал подождать до утра; к его удивлению, викарый согласился. Они решили втроем, по очереди сменяясь, стоять в дозоре, исключив миссис Клэпп и дав ей возможность отдохнуть все отпущенное время.

Ник вызвался дежурить первым. Лунный свет, казалось, потускнел, и Нику приходилось больше полагаться на слух, чем на зрение. Он зажал коленями лезвие кинжала, положив ладонь на рукоять, и принялся размышлять.

Едва ли, полагал он, удастся спасти остальных; но это им предстоит самим себе доказать. А потом — что делать дальше? Смогут ли они в этой, ставшей глубоко враждебной, стране вернуться к «Джипу» и там попытаться создать, как предлагает Линда, дверь обратно в свой мир? Ник считал, что можно попробовать, однако шансы на успех стремятся к нулю. И что же остается тогда? Жить в постоянном страхе, днем и ночью ожидая нападения Сил Тьмы или летающих тарелок? Пусть даже им удастся добраться до фермы — но ведь надо же и что-то есть... Да и жизнь в вечном предчувствии беды — не жизнь.

Так жили в свое время англичане: дома, под воздушными налетами и постоянной угрозой вторжения войск противника.

Ник у доводилось читать об этом, но все это было так давно и далеко. И никогда не понять этого страха, пока сам, лично, не поживешь с ним в душе. А он и Линда, хотя в их мире тоже существует насилие, прежде никогда напрямую с ним не сталкивались.

Наилучшим выходом по-прежнему оставался город. Но если викарий и миссис Клэпп все таки будут отказываться — что тогда?

Ник вскинулся, выхватив клинок. Он не услышал ни звука, ничего не видел — однако что-то здесь было. Один из фантастических зверей? Ник был совершенно убежден, что после встречи с энфильдом звери их сопровождают.

До него донеслось тихое поскуливание. С той стороны, где спала Линда, подошел Ланг. Ник положил руку ему на спину — маленькое тельце трепетало, словно песик изнывал от желания бежать кому-то навстречу. Страх Ник в пекинесе не чувствовал — только волнение.

Воздух прорезал тонкий контур света, обрисовав человеческую фигуру. Ник поднялся, не спуская с нее глаз. Свет становился ярче, фигура приобретала все более определенные формы. Ник ожидал увидеть Авалона, однако перед ним стояла Рита!

— Ты! Но... — Затем он рассердился: — Ты так драматично с нами попрощалась. Что же вернулась теперь?

Фарфоровое лицо Риты было бесстрастно.

— Для ваших целей довольно и того, что я вообще пришла. Тех, на чьи поиски вы пустились, похитили летающие охотники, а не Силы Тьмы. Если желаете их искать, ищите небесных охотников.

— Почему ты мне об этом говоришь? — спросил Ник. — По твоим словам, ты нам чужая и Авалону до нас нет дела.

— Правильно. — На лицо ее легла тень озабоченности. — Но если станете искать среди солдат Тьмы — тогда вы неизбежно погибнете. Мне бы хотелось, чтобы вы спаслись.

— А как же они?

Рита покачала головой.

— Чем вы им можете помочь? Ибо вашим силам не сравниться с силами тех, кто их пленил. Оружие их настолько же превосходит известное вам, насколько ваше оружие превосходит лук, меч и копьё. Тех, кого они захватили, не спасти — смиритесь с этим.

Непонятный гнев, который Ник сам не смог бы объяснить, не проходил. Скажи сейчас Рита, что солнце светит ярко, Ник стал бы это оспаривать. Сперва он подумал, что Рита из каких-то соображений лжет, затем уверился, что она говорит правду.

— Это звук — тоже их оружие?

— Да. Он подчиняет волю... ведет за собой...

— А почему тогда он не увел нас всех?

— Я говорила тебе — ты иной. Тебя коснулась Великая Сила. А также викарий... и Мод... и девушка — они тоже верят, хотя и отрицают это. У Мод и Адриана Хадлетта в крови их старая вера, их прошлое. Девушка — ее пес указал ей путь. Каждый из вас был немного защищен от этого оружия, а Джеремайе и Лангу оно не страшно вовсе. Они по-своему принадлежат Авалону.

В сиянии, разлившемся вокруг Риты, Ник увидел сидящих у ее ног кота и пекинеса, которые заворуженно глядели ей в лицо. Она нагнулась и по очереди коснулась их обоих кончиками пальцев.

— Большим разумом они обладают.

— Большим, чем мы?

— Спроси об этом не меня, но себя самого.

Светящийся ореол Риты стал тускнеть, туманом ступаясь вокруг нее. Ник шагнул вперед.

— погоди!

Но она, не ответив, исчезла.

— Славное представление, — проговорила подошедшая неслышно Линда. — Ты веришь хоть одному ее слову?

— Да.

— Беда в том, что хотя она мне не нравится — а сказать по правде, кажется, я ее просто ненавижу, — я ей тоже верю. И что из этого следует? Можем ли мы им хоть как-то помочь, если они в плену у летающих охотников? Я не вижу никакой возможности это сделать.

— Я тоже сейчас не вижу, — признался Ник. — Они могли их увести куда угодно.

— Все не так безнадежно, как кажется.

Они оба вздрогнули, когда из темноты раздался голос викария:

— Да, я не спал, видел нашу гостью и слышал ее слова. И я тоже ей верю. Однако вспомните, мы попали на этот материк как пленники летающих охотников. У них здесь штаб, неподалеку от того места, где мы потерпели аварию и спаслись.

— Но нам же туда никак не пробраться, — возразил Ник. — Рита сказала правду. У них действительно есть оружие, какого мы и представить себе не можем. Они парализовали тех людей, которых поймали в сеть на наших глазах. И этот звук... лучи, которыми они обстреливали Герольда... У нас нет от них защиты. Безумие полагать, что мы можем спасти наших от охотников. — Впрочем, даже говоря все это, Ник знал, что ему не удастся переубедить Хадлетта, что тот не откажется от идеи освободить остальных, будь она осуществима или нет.

— Похоже, у нас есть некоторая защита от звука, — произнес викарий, словно не слышал ни слова из того, что

сказал Ник. — Что такое говорила... Мод и я, через нашу кровь и прошлое... что она имела в виду? — Нику показалось, что Хадлетт спрашивал скорее себя, а не слушателей. — Мод из Сассекса, из очень древнего сассекского рода. До замужества она носила фамилию Бурд. И вы слышали ее рассказ о двоюродной прабабке, которая предсказывала будущее и исцеляла страждущих. А что касается меня — десять поколений моих предков жили в Минтон Парва, сквайры или священнослужители, и мне многое известно про старину... Про старину... — повторил он. — Да, с давних пор я слышал и об Авалоне, и о Людях с Холмов. Железо и церковь гнали их прочь, но все же они задержались на время. Возможно, Англия была для них местом изгнания, а может, они были там колонистами. Кое-кто относился к ним с большим уважением — они и впрямь были достойными господами, красивы, весьма учтивы, и порой помогали людям.

— У них и недостатков было полно, сэр, — подала голос разбуженная миссис Клэпп. — Они не любили, когда за ними подсматривали, и могли причинить уйму хлопот. Но их знали, по крайней мере, старики. А эти летающие тарелки — они другие, совсем на нас не похожи. Если они их поймали — леди Диану, Барри, Сэма, мисс Джин — то как же теперь мы их вызволим, сэр?

Услышав этот вопрос, викарий очнулся от размышлений.

— Надо будет как следует это обдумать, Мод.

— Обдумать мало.

Хадлетт был не из тех, с кем можно говорить в резком тоне, Ник это знал с первой встречи с викарием. Однако сейчас он ни за что не согласится с каким-нибудь никуда не годным планом — его слишком пугало грозное могущество летающих тарелок. Вероятно, он понимал их лучше, а потому и боялся больше, чем тех чудовищ, которые, как он полагал, могут являться, хоть и омерзительными, но все же иллюзиями.

— Ты прав, Николас, — ответил викарий. — Но теперь мы знаем, где нужно искать, — на севере, а не на юге.

Ник уже понял, что ему не удастся убедить англичан отказаться от поисков. А оставить их — этого он сделать не мог. Он, конечно, попытается придумать какие-нибудь веские доводы, но сейчас ни один из них не приходил ему в голову.

Пока же он досконально выпросил у викария все, что тот видел, находясь в заточении на борту летающей тарелки.

Охотники в самом деле могли парализовать свою добычу. В таком совершенно беспомощном состоянии пленников поднимали на борт, и лишь по прошествии некоторого времени те приходили в себя; тогда их запирали в отсеках, служивших тюремными камерами.

Своим спасением англичане были обязаны счастливой случайности. Видимо, отказала силовая установка, и тарелка

рухнула на землю. При ударе дверь их камеры треснула, и, выбравшись, англичане нашли двух членов экипажа мертвыми.

— У них были расколоты шлемы, — объяснил Хадлетт. — Очевидно, они могут дышать здепшим воздухом лишь через маску, которая вмонтирована в шлем. В этом наше преимущество...

Очень маленькое, решил Ник. Как это им удастся разбить в сражении шлемы, если враг может висеть в воздухе на значительной высоте и преспокойно обстреливать их своими губительными лучами? Чем больше Ник думал, тем больше укреплался в мысли, что они готовятся совершить самоубийство.

— Они все погибли? — спросил он.

— Да. Барри и Сэм вернулись на корабль — Барри надеялся, что вдруг сумеет разобраться в управлении. Но ему удалось обнаружить лишь, что корабль шел на базу с помощью какого-то прибора самонаведения. Барри так и не понял, из-за чего же корабль разбился. Но весь экипаж погиб. Они очень маленького роста — прямо карлики, — и кожа у них голубая. Барри и Сэм не успели как следует осмотреться, потому что нашли другой прибор, который что-то передавал — сигналы бедствия, решил Барри. Мы поспешили уйти прочь, что было разумно, ибо позже мы увидели вдалеке еще одну тарелку — возможно, она искала потерпевших крушение.

— Шел с помощью прибора самонаведения, — повторил Ник. — Значит, если забраться в тарелку, она, возможно, доставит в штаб.

— Тебе это что-нибудь говорит? — начал викарий и затем взволнованно произнес: — Конечно, это был бы лучший способ незаметно проникнуть во вражескую цитадель.

— Лучший способ попасть в тюрьму, — уточнил Ник, — и сполна получить все, что они там готовят своим пленникам.

— Может быть, так, а может, и нет. Эту мысль надо обдумать, Николас. Да, прекрасная мысль, которую стоит обдумать. Предположим, так, мой мальчик: если их звуковое оружие подействовало на нас не в полной мере, то, быть может, мы могли бы позволить им взять себя в плен, а потом, как говорится, просто-напросто поменяться ролями.

Вот это да! Неужели он говорит серьезно? Сумасброднейшая из идей, по сравнению с которой поход Ника в город кажется сущим пустячком.

— Мы могли бы это сделать?

Ник чуть не набросился на Линду. Он почему-то подсознательно ожидал, что она всегда будет на его стороне, но сейчас вы только ее послушайте!

— Мы могли бы использовать иллюзии в качестве приманки? — продолжала она.

Досада Ника улеглась. Он уставился на девушку, хотя едва видел ее в темноте. Иллюзия как приманка? Заманить летающую тарелку в засаду? Нет, не пойдет — ведь у них нет никакого оружия, кроме кинжалов...

— Вот, дорогая, замечательная мысль. Сэр, по-моему, мисс Линда очень хорошо придумала, это получится...

— А как мы на них нападем, когда они спустятся со своей сетью? — не отступал Ник.

Вдруг что-то острое впилось ему в ногу. Он вскрикнул. Оказывается, это Джеремайя запустил в него свои когти, желая привлечь к себе внимание.

— Джеремайя, — Ник опустился на одно колено и погладил кота, — что такое?

Смутные, словно видимые сквозь густой туман, дрожащие силуэты, которые Ник пытался рассмотреть. Даже когда он сосредоточился, картина оставалась странной, словно он смотрел на нее сквозь чужие очки... Ланг... несомненно, это неистово скачущее существо — находящийся в чрезвычайном волнении Ланг. И энфильд, и еще какие-то странные, фантастические звери. Животные Авалона. Джеремайя обещает их помощь?

Да! В мозгу прозвучал ответ на его невысказанный вопрос.

Необходимо продумать все до мелочей, и многое будет зависеть от удачи, от того, удастся ли подманить тарелку, от согласованности последующих действий.

Но может быть, всего лишь может быть, у них получится. И это лучше, чем слепо лезть на рожон, как вполне может сделать викарий, если Ник не предложит ничего другого.

— Сэр, — начал Ник, стараясь говорить как можно убедительнее. — Считаете ли вы, что нам подойдет такой вот план? — Рассказывая, он на ходу придумывал новые подробности, что-то улучшая (он надеялся, что улучшая).

Так и случилось, что несколько часов спустя, под уже горячим солнцем, они лежали в кустах на краю открытого пространства. Составив план действий, они отдохнули, а затем, ведомые зверями Авалона, дошли до этого места.

Теперь они, мужчины, женщины, собака и кот — объединили свою энергию мысли. Возможно, они опять использовали ее неверно, как предупреждала Рита, но другого выхода они не видели. Они залегли в укрытии, а по поляне медленно брели две фигуры. Поскольку силы для создания призраков были не так велики, миссис Клэпп предложила ограничиться только иллюзиями викария и ее самой. Они вдвоем и создали своих двойников, а Ник, Линда и животные подпитывали их своей энергией.

Джеремайя и Ланг шли по поляне рядом с медленно движущимися призраками. В высокой траве прятались остальные звери. Ник предположил было, что их видно сверху, и

почувствовал, как эта мысль позабавила Джеремайю. Возможно, животные Авалона имели какую-то врожденную защиту от обнаружения с тарелок.

Теперь оставалось только, чтобы какая-нибудь тарелка клюнула на их приманку. Сколько это потребует времени? Вполне вероятно, что спектакль придется повторить неоднократно, ведь они не могут долго удерживать образы. Сколько...

Совсем недолго! Как всегда, в мгновение ока, возникнув из ниоткуда, в небе появилась тарелка. Она ринулась вниз и зависла прямо над бредущими фигурами. Ну же! Ник сделал знак рукой. Двойники миссис Клэпп и викария ничком повалились на землю. Из открывшегося в брюхе тарелки люка выскользнула и стала опускаться сеть.

Ник видел, как колыхалась трава — к сети подбирались животные. Враг же заметит это подозрительное движение! Впрочем, если охотники его и заметили, то, похоже, не придали значения. Пора и Нику двигаться. Пот катил с него градом, и жара здесь была ни при чем. Теперь все зависело от того, действительно ли они защищены от оружия летающих тарелок.

Он бросился бежать зигзагами, хотя это вряд ли спасло бы его от нападения. Один из охотников, в скафандре, уже скользнул по веревке вниз, к неподвижно лежащим телам, а второй выбирался из люка, готовясь последовать за ним.

Затем Ника, словно мощным кулаком, ударило тупой волной энергии. Как и было задумано, он рухнул на землю, будто сраженный наповал — что далось ему очень легко. Они сочтут его своим пленником — возможно, так оно и есть. Однако он собрал всю силу воли, которую подчинил себе в лесу. Он *может* это сделать, он сам распоряжается своим телом. Он *может* ползти.

И он ползет!

Высокая трава вокруг почти скрывала то, что происходило у сети. Хадлетт, миссис Клэпп и Линда будут удерживать образы неподвижных тел так долго, как только смогут. До тех пор, пока Ник не доберется до сети — если их плану суждено удался. Он увидел, что один из охотников готовится опутать сетью двойника Хадлетта. Позади него зашевелилась трава. Из нее метнулась маленькая серая тень, прыгнула врагу на плечи и вцепилась когтями в шлем. На помощь бросилось какое-то сверкающее существо — конечно, энфильд. Второй охотник, наполовину спустившийся, стал поспешно карабкаться назад.

Из засады выскочил еще один зверь и с проворством, присущим его обезьяньему телу, начал подниматься по канату. Впрочем, голова у него была совиная. Он с легкостью догнал противника и повис у него на плечах, так что охотник не удержался, разжал руки и упал спиной вниз на землю.

Ник уже вполз в тень, отбрасываемую тарелкой. Чем

дольше он боролся с силой, что словно невидимыми путами связывала ему руки и ноги, тем легче становилось двигаться. Он добрался до сети. Сколько еще охотников оставалось на борту? Обезьяносова легко соскользнула на землю, рядом с безжизненно лежащим телом. На сети собрались несколько животных, прижимая ее к земле. Если повезет, они удержат тарелку на месте.

Наверх! Ник схватился за канат, но обезьяносова опередила его, взбираясь, как по лестнице. По пути облик ее изменился, она превратилась в облаченного в скафандр летающего охотника. Ник начал подниматься. Что те, кто остался в укрытии, — достигли ли они также успеха? Принял ли и он обличье карлика в шлеме? Все выше и выше — он едва смел верить, что достиг уже столь многого. Вот он уже пролез в люк, а обезьяносова в образе охотника исчезла в одной из дверей. Следом за Ником забрался Джеремайя, который тоже поднялся по канату, цепляясь когтями.

Ник поспешил за обезьяносовой и ворвался в рубку управления. Полыхнуло огнем, на фоне яркой вспышки Ник увидел силуэт обезьяносовы, уже потерявшей свой временный облик охотника. Однако пламя не причинило ей ровно никакого вреда, как и смертоносные лучи — Герольду. Ник прыгнул вперед — здесь были только два охотника, и обезьяносова уже выбила оружие из рук одного из них, бросив карлика назад, в кресло, с которого тот поднялся.

Ник с разгона столкнулся со вторым, увлекая за собой и припечатав его к стене рубки. Ударившись, тот обмяк. Секунду еще Ник не выпускал охотника из рук, чтобы убедиться, что он не опасен, и тут на фигурку в скафандре всеми четырьмя лапами вскочил Джеремайя, злобно пытаясь прокусить шлем. Глаза охотника были закрыты.

Второй слабо и тщетно сопротивлялся, когда обезьяносова тащила его прочь к выходному люку. Ник предусмотрительно обыскал корабль, но те четверо, с которыми они уже справились, составляли весь его экипаж. Ника пробрала нервная дрожь, и он никак не мог поверить, что им это удалось.

Теперь его пугала мысль, что тарелка может столь же неожиданно улететь, унося его с собой. Два охотника, как полагал Ник, оба живые, были спущены на землю. Из тех двоих, что спускались с сетью, один погиб, разбив шлем, другой был взят в плен. Ник не мог их хладнокровно убить, и оставалось только покинуть их здесь на произвол судьбы и на милость животных Авалона. И чем скорее остальные его собственные товарищи окажутся на корабле, тем лучше.

Хадлетт и Линда забрались сами, а чтобы поднять миссис Клэпп и Ланга, пришлось воспользоваться сетью. Едва она поднялась, как люк сам собой захлопнулся и летающая тарелка слегка задрожала.

Ник бросился в рубку управления, втиснулся в маленькое, не по его размеру кресло.

Никакой надежды воспользоваться каким-либо из находящихся перед ним рычагов и кнопок не было. Хочется им того или нет, но они летят. Летят неизвестно куда, запертые на борту вражеского корабля. И теперь, когда у них появилось время, Ник снова начал беспокоиться. Их поразительное везение не может продолжаться бесконечно.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

— Это наш шанс! — сказала Линда, пытаясь устроиться в узеньком соседнем кресле.

— Шанс на что? — Единственный шанс, который Ник видел, — это напороться на кучу неприятностей. Он уже дважды обшарил весь корабль и нашел кое-что, могущее быть оружием, однако не решился испробовать его внутри.

— На возвращение домой, — нетерпеливо ответила Линда. — Эти тарелки должны проникать в наш мир. Ведь люди их там видели. Нужно только разобраться как — и мы дома!

— Чтобы разобраться, — заметил Ник, — необходимо время. У нас его нет. Когда эта штука сядет...

— Мы снова сможем использовать иллюзии, — отмахнулась от несущественных, по ее мнению, деталей Линда, поглощенная своей собственной целью.

— Вернее, мы надеемся, что сможем. — Ника мутило, и ему хотелось только одного — поскорее выбраться из корабля и вновь вступить на твердую землю.

— Сможем! И вернуться сможем! — Она по-прежнему была твердо в этом уверена.

— Ты забываешь о временном факторе.

— Каком еще временном факторе?

— Англичане — они думали, что провели здесь всего несколько лет. А прошло целых тридцать. Сколько мы пробыли здесь — несколько дней, неделю — я не считал. Но сколько времени нас не было *там*?

Что произошло с тех пор в их родном мире, где пролегает Короткая Дорога? Как давно их хватились и начали искать? Как там отец и Марго? Кто искал Линду? Как и он, она ничего о себе не рассказывала. Кто о ней тоскует?

— Ник... — Ее оживление погасло, словно он дал ей пощечину. — Ты думаешь... Но этого не может быть! Мы не могли отсутствовать несколько месяцев, не могли!

Ему нечем было ее утешить. Раньше он как-то не задумывался об этом всерьез в отношении себя или Линды, а сейчас вдруг понял, что ему, в сущности, это довольно-таки безразлично. Все, что было до того, как они очутились в лесу,

казалось, происходило с совсем другим человеком, и весьма мало значило для нынешнего Ника Шоу.

— Дейв... — Линда сидела, глядя прямо перед собой. — Что Дейв будет делать? Что он подумает?

— Кто это — Дейв?

— Мой отец, Дэвид. Он работает в НАСА, там, на мысе. А я приехала к тете Пег на каникулы. Но нас на свете только двое — Дейв и я!

Линда сгорбилась в кресле, слишком для нее маленьком.

— Ник, нам надо вернуться. А охотники должны знать, как это сделать.

— До этого мы еще кое-что должны, — сказал Ник и остановился, не зная, как объяснить ей неосуществимость ее желания; и тут корабль пошел на посадку.

Каково бы ни было их место назначения, они его достигли. Полетом Ник не управлял. Теперь посмотрим, сможет ли он защититься от того, что ожидает их снаружи.

Тихо подрагивая, корабль коснулся земли и замер. Ник направился к люку. Они придумали самый лучший план, какой только смогли, и, по крайней мере, их преимущество будет неожиданностью.

Снова действовать предстояло ему. Остальные, объединив свою сконцентрированную волю, будут ему помогать. Медленно опустилась стена корпуса, образовав пологий спуск; Ник глубоко вздохнул и шагнул вперед.

Он не знал, удалось ли ему создать защитную иллюзию, покажется ли ему снаружи встретит, обыкновенным членом экипажа летающей тарелки. То, что Ник увидел впереди, не слишком его обрадовало. Рядом на высоких ножках покоилась еще одна тарелка с опущенной аппарелью¹. Справа на пятачке сбились в кучу бродяги. Ни стен, ни охранников Ник не видел, однако никто не пытался бежать.

Пройти от корабля до пленников было тяжелым испытанием. Каждую секунду Ник ожидал, что его окликнут или же просто-напросто пригвоздят к месту лучом. Он внимательно рассматривал пленников, пытаясь понять, что их удерживает на месте.

Неподалеку в небо поднималась высокая мачта, установленная на могучем основании. На вершине веерами крепились натянутые на рамы блестящие провода. Пока Ник глядел, веера эти плавно поднялись вверх и сомкнулись над верхушкой опоры. На проводах вспыхнул свет, перешедший в кроваво-красное свечение.

Воздух был насыщен энергией, похожей и одновременно не

¹ Аппарель — устройство в десантном корабле для схода личного состава и техники на берег.

похожей на излучение анка. Работает мощный ее источник, понял Ник (хоть и не знал, для чего он нужен и как действует).

Теперь он увидел тех, кто управлял генератором, — шесть копошившихся у основания мачты карликов в скафандрах. Чем они там занимались, не имело значения, главное, они были так поглощены своим делом, что это давало Нику некоторые шансы.

— Те, кого мы ищем, — здесь... — уловил он сообщение Джеремайи, который шел справа от него; Ланг был слева.

— Не пройти — впереди стена... — Впервые до Ника дошло также сообщение пекинеса.

Он осторожно двинулся дальше. Джеремайя, вышедший вперед; остановился, словно натолкнувшись носом на невидимую преграду. Силовое поле? Стоит только одному из охотников поднять глаза и увидеть, как Ник тут его изучает...

Хотя Ник вытянул руку, думая нащупать то, о чем предупреждали животные, он не почувствовал ничего материального — мощная волна энергии чуть не сбила его с ног. Да, при таких условиях у пленников никакой надежды спастись. Да и ему, в свою очередь, как до них добраться? Умей он управлять летающей тарелкой, возможно, они смогли бы поднять ее в воздух и опуститься по другую сторону силового барьера. Но Ник этого не умел.

Пленники его заметили, начали оглядываться. На ноги поднялись две растрепанные фигуры — Крокер и Джин. Они его узнали или по-прежнему держится иллюзия вражеского пилота?

Иллюзия... какая-то смутная мысль мелькнула у него в мозгу. Что такое говорил ему Хадлетт?... Что иллюзии, которые может создавать человек, — порождение его собственных мыслей и страхов, что попавшие сюда средневековые бродяги, которые захватили Ника в плен, видели демонов и бесов своего собственного времени. Демоны и бесы — каких демонов и бесов страшатся летающие охотники? Если бы только Ник знал о них больше! Он чувствовал себя связанным и беспомощным, не в силах дотянуться до лежащего рядом оружия, как в том лагере бродяг, когда он впервые воспользовался свободой мысли. Никаких зацепок, никакого способа узнать, что за демонов и бесов следует вызывать здесь.

Неожиданно вспомнилось — тарелка обрушивает луч за лучом на скачущего верхом Герольда, а тот не обращает на нее равно никакого внимания. Но Ник не Герольд, и, он был уверен, не сможет принять его образ, хотя ему и удалось на короткое время сотворить его раньше. Ник чувствовал, что Герольд играл в Авалоне слишком большую роль, чтобы человек мог таким образом им воспользоваться. К тому же если это место принадлежит Авалону, то что здесь может угрожать тем, кто не подчиняется Людям с Холмов и их

власти? Какую он может придумать угрозу, чем вызвать их страх? Подожди-ка — в тот раз, когда летающую тарелку атаковал корабль иной формы...

Сигарообразный корабль! Демоны и бесы! Но смогут ли Ник и его спутники создать этот призрак?

На окруженном силовым полем пятачке Джин, Крокер и леди Диана помогали подняться на ноги Страуду. Если Ник прав в своих предположениях, ему придется отказаться от образа летающего охотника и бросить все силы на новую иллюзию.

— «Помогай!» — обратился к Джеремайе Ник тем способом, каким не умел общаться с себе подобными. Огромный кот подобрался, кончик вытянутого хвоста задергался, словно Джеремайя подкарауливал добычу. Он даже не взглянул на Ника, но тот понял, что его просьба услышана.

Ланг стремглав понесся к опущенной аппарели тарелки. Сколько времени в их распоряжении? Ник сосредоточил взгляд над верхушкой мачты, пытаясь нарисовать в небе демона летающих охотников — корабль в форме сигары.

Он... его послание достигло цели! Джеремайя... Ланг... те, кто остался на борту корабля, его поняли. Враг, которого боялись охотники, завис в небе над их энергетической установкой. Ник не услышал ни звука, но увидел, как охотники на мгновение замерли и затем бросились к укрытым в траве траншеям. Похоже, они готовились до последнего защищать свою мачту, как если бы от нее зависело само их существование.

В руке у Ника был прихваченный с корабля стержень длиной в полруки, с двумя кнопками с одного конца — какое-то оружие. Часть стержня была полый, и Ник считал, что это нечто вроде ружья. Он понятия не имел, чем оно может выстрелить, даже не был уверен, что сумеет им воспользоваться.

Действия охотников о многом говорили. Раз эта мачта с веерами так важна — а они слали луч за лучом в висящий над ней призрак, чтобы ее защитить, — значит, если бы Ник смог ее уничтожить...

Ник бросился бежать. Из толпы пленников ему что-то кричали, но он не обращал внимания. Главное сейчас — мачта. Он остановился, поднял стержень, нацелил на верх и наудачу нажал ближайшую кнопку.

Осечка — никакого свидетельства выстрела он не заметил. Затем...

Красное свечение проводов над головой взорвалось режущей глаз белой вспышкой.

Ник прижал руку к глазам. Не ослеп ли он? И этот рев — от него и оглохнуть недолго. Земля сотрясалась и плыла под ногами. Шатаясь, ничего не видя, Ник повернулся, надеясь уйти прочь из этого ада к кораблю. Но где он, этот корабль?

Становилось трудно дышать, словно кто-то насосом откачивал воздух. Ник упал и пополз сквозь охваченный огнем мир. Так, наверное, в старину представляли себе преисподнюю...

Земля еще содрогалась, и невидимая сила прижимала к ней Ника, распиливая его, ломая кости. Кажется, он слабо вскрикнул, и затем наступила тьма, в которой погасли языки адского пламени.

В небо возносился сияющий анк. Он источал свет, волны которого разливались все дальше и дальше, и свет этот нес с собой мир и покой. Мачта же с веерами на верхушке излучала гибельное сияние, подавлявшее жизненные силы Авалона, и мир был нарушен. Зло выпололо из древних прибежищ Тьмы и снова пошло гулять по земле.

Мир отступал перед силой мачты, перед Тьмой, отступал в города, в места, где в полной мере сохранялась власть Авалона. И беспомощно металась те, кто не сделал выбора, не принадлежал ни Свету, ни Тьме, — и становились жертвой...

Слабые существа, гонимые и терзаемые личными страхами, которые проявились и получили возможность жить своей собственной отвратительной жизнью. Они были слепы ко всему, за исключением того, что сами породили себе на муки, о том не ведая.

Равновесие нарушилось. В города стекались Люди с Холмов, Рита, другие — кто принял причастие Авалона. Стоял Герольд, носивший имя этой страны, и позади него четыре помощника — Дуб и Яблоко, Боярышник и Бузина, и на камзоле у каждого был вышит символ его имени. Впереди всех стоял Герольдмейстер Логос. Могучий, он был облачен не в сверкающий камзол Герольда, но в темно-синюю мантию, по которой сбегали серебряные руны. Они изгибались, поворачивались, сплетались, слагая слова высшей мудрости, и затем разбегались, чтобы вновь сойтись. В руках Герольдмейстер держал огромный меч, вонзившийся острием в землю Авалона, из металла которой он был когда-то выкован. На лезвии также были начертаны руны, на сей раз неподвижные, выбитые в металле способом, утраченным давным-давно — даже по понятиям мира, где время очень мало значит.

Он держал меч, положив на эфес обе руки, горделиво развернув богатырские плечи. Лицо человека, в силах которого вызывать бури, подчинять своей воле ветер и воду, при этом считающего ниже своего достоинства употреблять власть для удовлетворения собственных желаний. Седые волосы отливали таким же серебром, как бегущие руны. Герольдмейстер носил очень древнее имя, известное в Авалоне и вошедшее в легенды также в другом мире...

Мерлин.

Взор Герольдмейстера Логоса был устремлен за пределы

городских стен. Он с легкостью поднял огромный тяжелый меч до уровня груди, направив острие вперед. Губы его шевелились, но слов не было слышно — они не предназначались для слуха менее значительных людей или духов. На мачте с веерами на верхушке полыхнуло багровое пламя, и за клубился черный дым, который начал опускаться на землю. Там, где землю покрывали темные пятна, появлялись Слуги Тьмы, и полчища их подступали к городам. Вражеская мощь подавляла мощь Авалона, под гнетом ее жизнь увядала и замирала.

Но...

Произошел чудовищный выброс энергии, поглотившей весь видимый мир. Все вокруг сделалось багровым, затем белым. Исчез мир, исчезло зрение. Не осталось ничего.

— Ничего... ничего... — услышал Ник. Сознание медленно возвращалось к нему.

— Ничего... ничего... — повторял его собственный голос.

Он... он — Ник Шоу, и он жив. Но он не желал открывать глаза — и вновь увидеть то жуткое ничто, в которое превратился Авалон. Как может он еще жить, когда погибли все, погиб весь мир?

— Все погибли... — произнес он.

— Нет!

Он этого не говорил. Кто здесь? Кто спасся, когда Авалон погиб?

— Кто? — спросил он.

— Ник! Ник, пожалуйста, посмотри на меня!

Кто-то... кто же?

— Кто? — повторил он. Вряд ли это важно — он устал, смертельно устал. Авалона больше нет. Страшная тоска стиснула ему сердце. Он почувствовал, как слезы наполняют глаза, просачиваются из-под век, которые он не желал поднимать. Он очень, очень давно не плакал... Мужчины не плачут, мужчины не умеют плакать. Им может быть больно, как сейчас ему, но они не должны плакать.

— Ник! Ну пожалуйста, помогите же ему. Сделайте что-нибудь...

— Лишь он сам в силах себе помочь.

Когда-то давно он слышал этот голос. В Авалоне. Но Авалона больше нет. Ник сам видел, как он погиб. Нет, хуже — Ник его погубил. Он принялся мучительно складывать вместе обрывки воспоминаний, создавая ужасную картину. Он выстрелил по мачте с веерами из странного оружия охотников, взятого в летающей тарелке. Последовал чудовищный взрыв. И еще был Герольдмейстер Логос — Мерлин — с мечом. Но с гибелью мачты, вероятно, нарушился энергетический баланс, за счет которого существовал Авалон. Авалона больше нет, и где он сам теперь находится, Ник не знал. Да и не хотел знать.

— Ник! — Чьи-то руки держали его за плечи, трясли его,

и это было больно, но еще больнее было сознавать, что он, сам того не желая, наделал.

— Открой же глаза, Ник, ну посмотри, посмотри!

Он открыл их. Как он и ожидал, вокруг ничего не было. Ничего.

— Ничего нет. Авалона больше нет, — сказал он в пустоту.

— Что он говорит? Он... он слепой? — В доносившемся из пустоты голосе слышался ужас.

— Он по-своему слеп, — снова этот второй голос из прошлого.

Герольд! Авалон! Но его страны больше нет, она превратилась в ничто. Почему же Герольд все еще существует?

— Авалон, Тара, Броселианда, Карнак... — Ник произнес эти имена, когда-то исполненные великого смысла, которые теперь, благодаря ему, всякий смысл утратили. — Дуб и Яблоко, Бузина, Боярышник и Герольдмейстер Логос — все погибли.

— Он... он сам не знает, что говорит... — Первый голос прервался, словно кто-то пытался сдержать рыдания. — Что с ним такое?

— Он верит, и то, во что он верит, для него *есть*, — ответил Авалон.

— Ты — Авалон, — медленно проговорил Ник. — Но этого не может быть — ведь Авалона больше нет. Я мертв? — Он уже не испытывал страха. Возможно, что ничто и есть смерть.

— Нет, да конечно же, нет! Ник, ну пожалуйста, очнись! Вы же можете ему помочь! Я знаю, вы можете, если захотите.

— Он должен поверить.

— Ник, послушай меня! — Кто-то так низко над ним склонился, что Ник почувствовал на щеке чужое дыхание. Дыхание означало жизнь — этот другой жив. Но как можно жить, если кругом пустота?

— Ник, мы здесь, с тобой. Ты как-то взорвал энергетический столб, или что там у них было. А потом — все это и случилось. Пленники оказались на свободе. А охотники все погибли. Барри говорит, от взрыва. И тарелки летающие взорвались... А потом... потом пришел Герольд. Ник, ты должен *видеть*!

Что-то в нем шевельнулось. Это же Линда. Он узнал ее голос. Рядом с ним Линда и Авалон. Он ощущал ее прикосновение; когда она прислонила к груди его голову, даже слышал биение ее сердца. Биение сердца тоже означало жизнь.

И если Авалон существует для Линды, то почему он исчез для него? Ник снова открыл глаза и опять увидел пустоту. Но пустоты не должно быть — должен быть Авалон!

Ник сосредоточился. Авалон — да будет Авалон!

Зрение вернулось не так, как пропало при ослепительной вспышке — медленно. Сперва в белой пустоте, куда загнал

Ника его собственный отчаянный поступок, появились смутные тени. Они обретали четкую форму, превратились в фигуры людей. Подобно тому, как Ник сосредотачивался, создавая иллюзии, сосредоточился он на том, чтобы вернуть себе окружающий мир. Может быть, он — тоже иллюзия? Нет, подобные сомнения надо гнать прочь.

Вот Линда, бережно поддерживает Ника, и лицо ее исполнено участия. Джеремайя, не мигая, глядит на Ника, а за ним — Нику пришлось приподнять голову, чтобы лучше его разглядеть — в радужном сиянии одежд стоит Герольд.

Словно разгораясь, заливаясь красками, все более отчетливый и реальный, мир возвращался. В самом ли деле Ник потерял способность видеть и потому решил, что лишился заодно и всего остального? Ник не знал. Главное, что он ошибался.

Он увидел, что лежит на краю поля боя, в котором, очевидно, сошлись не люди — это была битва энергий. Прямо перед ним, свалившись с трех тонких опор, лежала, накренившись, тарелка, и один край ее глубоко зарылся в землю. При виде ее Ник позабыл о себе и вспомнил о других. Он высвободился из рук Линды, с трудом сел и огляделся.

Линда была цела и невредима, и Джеремайя, и Ланг — пекинес так жался к хозяйке, словно боялся, что их могут разлучить. Но Хадлетт, миссис Клэпп... пленники?..

— Остальные, — требовательно обратился он к Линде. — Что с остальными?

Линда не ответила, на лице ее читалось страдание.

— Викарий... миссис Клэпп?

Какова судьба тех двоих, что были рядом с ним в этом приключении?

— Вон... Вон там. — Девушка хотела было его удержать, но Ник отстранил ее руку и кое-как поднялся.

«Вон там» оказалось у второй летающей тарелки. В ее верхней полусфере зияла дыра, аппарат был вся искорежена. Рядом Ник увидел Крокера и Джин; миссис Клэпп и леди Диана стояли на коленях подле лежащего на земле человека. Превозмогая головокружение и дурноту, Ник побрел к ним.

— Ник! — Его догнала Линда и прежде, чем он успел воспротивиться, схватила его руку и положила себе на плечи. На сей раз он не стал ее отталкивать. Если с ее помощью он скорее доберется до остальных, то эту помощь он примет.

Он доковылял до останков тарелки и остановился, опираясь на Линду, глядя сверху вниз на викария. Глаза Хадлетта были открыты, и, увидев Ника, он улыбнулся.

— Святой Георгий и святой Михаил — вот кто были воинами. Я что-то не слышал, чтобы святой Николай отправлялся на поле брани — он раздавал дары.

Ник опустил на колени.

— Сэр... — Только сейчас Ник до конца осознал, как близок ему был этот человек. Рита называла подобную привязанность «сердечными узами». Теперь он понял почему.

— Ты победил, Николас. И, — прибавил Хадлетт, чуть повернув голову, которую поддерживала миссис Клэпп, — я бы сказал, это действительно великая победа. Имею ли я на это право, сэр? — Викарий обращался к кому-то за спиной Ника; тот обернулся и увидел Герольда, который подошел вслед за ним.

— Он завоевал свободу для всего Авалона, не для одного лишь себя.

— Значит, опасность угрожала вам так же, как и нам, — проговорил Хадлетт. — Однако мы не были союзниками...

— Только отчасти. У Авалона свои законы, и они иные, нежели те, которым подчиняются люди.

Хадлетт ответил едва приметным наклоном головы.

— Это... — он примолк на мгновение, и на лице его отразилось усилие, — это истина, которой мне приходилось придерживаться. Возможно, в Авалоне царит Добро... но я... понимаю Добро... по-другому. — В уголке рта вздулся малиновый пузырек. Он лопнул и стек тонкой алой струйкой.

Ник обернулся к Герольду.

— Помогите ему! — выкрикнул он.

— Нет, Николас, — ответил ему не Авалон, а сам Хадлетт. — Каждому отпущена его собственная мера. И каждый из нас приходит к своему концу. Вы и я, — вновь обратился он к Авалону, — мы оба это знаем. Лишь немногим дано обрести покой. Я... согласен. Однажды, Николас, ты сказал, что из одного источника могут вытекать сразу несколько рек. Это так, но каждый из нас выбирает свою. И сейчас я хочу обрести уготованный мне покой, потому что настал мой черед.

Затем он начал выговаривать слова молитвы, слова своей веры, той веры, которую не мог принести в жертву Авалону. Ник не мог его слушать. Это так несправедливо: викарий уступал добровольно — и что получал взамен?

Ник отстранил Линду и отошел, оперся рукой на покрывшуюся опорой искореженной тарелки. Перед ним простиралось ровное поле, на котором окаймленный оплавленным кольцом кратер указывал место, где прежде возвышалась мачта. Не она ли открывала ворота в мир летающих охотников? Если так, то они закрыты — возможно, навсегда.

Что ждет теперь Ника и его спутников? Будет ли Тьма и впредь продвигаться вперед, как говорили Герольд и Рита? Или же его видение, или сон, или что это было, окажется верным — именно подчиненная охотникам энергия порождала и выпускала на свободу Силы Тьмы, питала их и давала возможность разливаться по стране?

— Ник?

Он не оглянулся.

— Теперь тарелки не помогут тебе вернуться домой! — бросил он.

— Я знаю, — ответила Линда, однако голос ее не звучал убито.

Ник повернул голову. В порванной и испачканной одежде, с рассыпавшимися по плечам волосами, со свежей царапиной на щеке, Линда крепко прижимала к груди Ланга, единственное оставшееся у нее сокровище. Она казалась очень одинокой и несчастной.

— Я надеюсь... надеюсь, что Дейв... — Ее голос сорвался. — Нет... — Она попятилась, когда Ник шагнул к ней. — Не надо... не уверяй меня, что... мы никогда не вернемся назад. Наверное, мы потом забудем. Прошлое станет как далекий сон. Ник, я, может быть, приму Авалон. Я должна принять! Если нет... я буду помнить, а с такой мукой я не смогу жить!

— А что они? — Ник указал на остальных.

— Викарий... он умер, Ник. — Слезы покатались у нее по щекам, а Линда и не думала их вытирать. — А остальные... Страуда убило при взрыве, как и тебя могло убить, — я сперва думала, ты погиб. — В глазах ее проступил ужас. — Другие... теперь они знают, что им делать. А ты, Ник?

— Я-то давно знал — после того, как побывал в городе. В Авалоне есть только один способ по-настоящему жить. И если мы не хотим стать такими же жалкими человекообразными животными, которых я видел в лесу, мы должны выбрать этот путь.

Он протянул ей руку, и Линда, другой рукой прижимая к себе Ланга, вложила пальцы в его ладонь. Вместе они двинулись обратно. В конце концов, подумал Ник, при таком выборе не так уж много я и отдаю. Получаю я гораздо больше.

Герольд Авалон ждал их, и разливавшееся вокруг него сияние было поистине величественным.

СОДЕРЖАНИЕ

ДЗАНТА ИЗ УНИИ ВОРОВ

6

ЗДЕСЬ ОБИТАЮТ ЧУДОВИЩА

165

По вопросам оптовых закупок и поставок книг

«КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ»

*обращаться в АО «ЭГОС» по адресу:
191028 г. Санкт-Петербург, ул. Моховая, д. 20.
т. 812—272-7138*

Андре Нортон
ДЗАНТА ИЗ УНИИ ВОРОВ

Фантастические романы

Технический редактор О. Цветков
Корректор А. Борисенкова
Редактор А. Николаев

Оригинал-макет подготовлен на IBM PC ЛСКБ ТЛУС

Сдано в набор 25.05.92. Подписано в печать 26.07.92. Формат 60×881/16. Гарнитура «Школьная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,00. Уч.-изд. л. 21,34. Тираж 50 000 экз. Заказ № 484. Цена договорная.

АО «ЭГОС». 191028, Санкт-Петербург, ул. Моховая, 20.

Отпечатано в типографии им. И. Е. Котлякова издательства «Финансы и статистика», 195273, Санкт-Петербург, Руставели, 13

